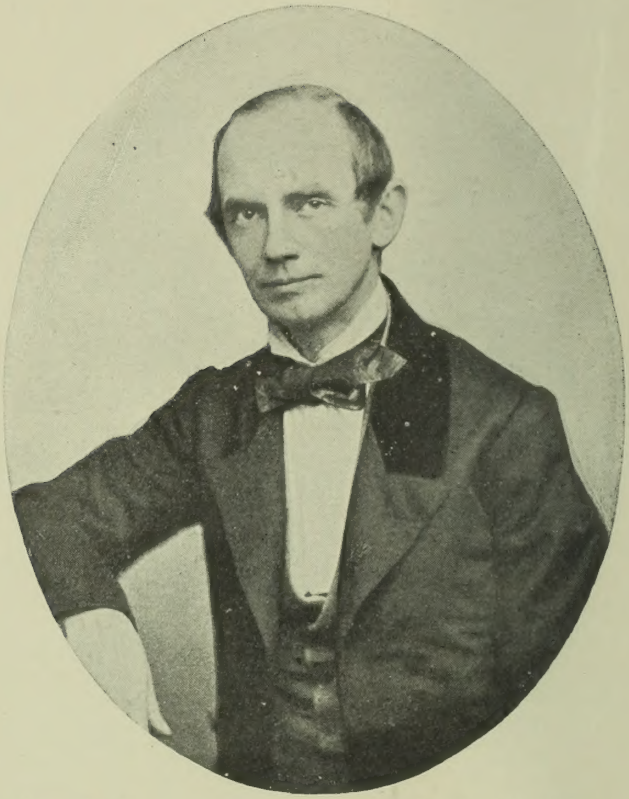
Сочиненія

А. Н. Островскаго

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



А. Е. Мартыновъ.

Артистъ Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.
(1816—† 1860.)

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Томъ седьмой.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова** и **В. В. Каллаша;**
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
Н. В. Гоголя, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева;**
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
С. Т. Аксакова, подъ редакціей **А. Г. Горнфельда;**
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ **автора;**
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ **автора;**
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ **автора;**
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ **П. В. Быкова;**
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ **автора;**
Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**
Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго;**
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ **З. А. Венгеровой;**
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ **М. А. Энгельгардта;**
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями **Ѳ. Д. Батюшкова** и **Е. В. Аничкова.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Критически провѣрен. текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-similé и проч.,

подъ редакціей

М. И. Писарева,

съ критико-біографическимъ очеркомъ

П. И. Вейнберга.

Томъ седьмой.

Допущено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Рекомендовано *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ III—VII классовъ.*

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

R91.72

Оглавленіе.

Бѣшеныя деньги 1

Не все коту масленица 147

Лѣсъ 247

Комикъ XVII-го столѣтія 409

Приложеніе: Путешествіе по Волгѣ . . . 497

Примѣчанія 529

Бѣшеныя деньги.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лица.

Савва Геннадичъ Васильковъ, провинціалъ лѣтъ 35-ти. Говоритъ слегка на „о“, употребляетъ поговорки, принадлежащія жителямъ городовъ средняго теченія Волги: когда же нѣтъ — вмѣсто да; ни, Боже мой! вмѣсто отрицанія, шабёръ, вмѣсто сосѣдъ. Провинціальность замѣтна и въ платьѣ.

Иванъ Петровичъ Телятевъ, неслужащій дворянинъ, лѣтъ 40-ка.

Григорій Борисовичъ Кучумовъ, лѣтъ 60-ти, важный баринъ, въ отставкѣ съ небольшимъ чиномъ, имѣетъ и по женѣ, и по матери много титулованной родни.

Егоръ Дмитричъ Глумовъ.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама съ важными манерами.

Лидія Юрьевна, ея дочь, 24-хъ лѣтъ.

Андрей, слуга Чебоксаровыхъ.

Григорій, слуга Телятева.

Николай, слуга Кучумова.

Василій, камердинеръ Василькова.

Горничная.

Мальчикъ изъ кофейной.

Гуляющіе.

Дѣйствіе первое.

(Вмѣсто пролога).

Въ Петровскомъ паркѣ, въ саду Сакса; направо отъ зрителей ворота въ паркъ, налѣво кофейная.

Явленіе первое.

Проходятъ гуляющіе, нѣкоторые останавливаются и читаютъ афишу на воротахъ. **Телятевъ** и **Васильковъ** выходятъ изъ кофейной.

Телятевъ (что-то жуетъ).

Ну, да, ну, да! (Въ сторону.) Когда онъ отстанетъ!

Васильковъ.

Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная дѣвица.

Телятевъ.

Вотъ новость! Какое открытіе вы сдѣлали. Кто же этого не знаетъ! (Снимаетъ шляпу и кланяется.) Совершенная правда-съ. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы еще такой безспорной истины не знаете ли?

Васильковъ.

Я хотѣлъ вамъ сказать, что она мнѣ очень понравилась.

Телятевъ.

Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что̀ тутъ для меня интереснаго,

что она вамъ нравится. Вы, должно быть, издалека пріѣхали?

Васильковъ.

Да, не близко-таки.

Телятевъ.

Вотъ бы вы меня удивили, еслибъ сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная! А что она вамъ нравится, диковины тутъ нѣтъ. Я знаю человѣкъ пятнадцать, которые въ нее влюблены безъ памяти, только изъ взрослыхъ людей, а если считать съ гимназистами, такъ и конца нѣтъ. А вы знаете что̀? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильковъ.

Да развѣ-жь это такъ трудно?

Телятевъ.

Ну, да ужь я вамъ скажу.

Васильковъ.

А что̀-жь нужно для того? Какія качества?

Телятевъ.

Такія, какихъ нѣтъ у насъ съ вами.

Васильковъ.

А позвольте, напримѣръ?

Телятевъ.

А напримѣръ: полмилліона денегъ или около того.

Васильковъ.

Это ничего ...

Телятевъ.

Какъ, ничего! Батюшка вы мой! Да что̀-жь, милліоны-то какъ грибы ростутъ? Или вы Ротшильдамъ племянникъ, тогда и разговаривать нечего.

Васильковъ.

Хотя ни то, ни другое, но нынче такое время, что съ большимъ умомъ ...

Телятевъ.

Вотъ, видите ли, съ умомъ, да еще съ большимъ. Значитъ, прежде надо умъ имѣть. А у насъ большіе умы такъ же рѣдки, какъ и милліоны. Да оставимте лучше объ умѣ говорить; а то кто-нибудь изъ знакомыхъ услышитъ, смѣяться станутъ. Умные люди сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Значитъ, умъ по боку. Ну его! Гдѣ его взять, коли Богъ не далъ!

Васильковъ.

Нѣтъ, я не такъ скоро откажусь отъ этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятевъ.

Красивый гвардейскій мундиръ, да чинъ, по крайней мѣрѣ, полковника, да врожденную свѣтскость, которой ужь научиться никакъ нельзя.

Васильковъ.

Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту дѣвушку?

Телятевъ.

Да какъ же она узнаетъ про ваши качества ума и сердца? Астрономію, что ли, вы напишете да будете читать ей?

Васильковъ.

Жалѣю, очень жалѣю, что она такъ недоступна.

Телятевъ.

Да вамъ то что же?

Васильковъ.

Вотъ, видите ли, я съ вами откровенно буду го-

ворить; у меня особаго рода дѣла и мнѣ именно нужно такую жену, блестящую и съ хорошимъ тономъ.

Телятевъ.

Ну, да мало ли что̀ кому нужно! Что̀, вы богаты очень?

Васильковъ.

Нѣтъ еще.

Телятевъ.

Значитъ, надѣетесь разбогатѣть.

Васильковъ.

Въ настоящее время ...

Телятевъ.

Да что̀ вы все съ настоящимъ временемъ?

Васильковъ.

Потому болѣе, что именно въ настоящее время разбогатѣть очень возможно.

Телятевъ.

Ну, это кому какъ Богъ дастъ. Это еще буки. А въ настоящее-то время вы имѣете что̀-нибудь вѣрное? Скажите! Я васъ не ограблю.

Васильковъ.

Я вполнѣ увѣренъ, что не ограбите. Вѣрнаго я имѣю, безъ всякаго риску, три лѣсныя дачи при моемъ имѣніи, что̀ можетъ составить тысячъ пятьдесятъ.

Телятевъ.

Это хорошо, пятьдесятъ тысячъ деньги; съ ними въ Москвѣ можно имѣть на сто тысячъ кредита; вотъ вамъ и полтораста тысячъ. Съ такими деньгами можно довольно долго жить съ пріятностями.

Васильковъ.

Но вѣдь надо же будетъ платить наконецъ.

Телятевъ.

А вамъ-то какая печаль? Что вы ужь очень заботливы? Вотъ охота лишнюю думу въ головѣ имѣть! Это дѣло предоставьте кредиторамъ, пусть думаютъ и получаютъ, какъ хотятъ. Что вамъ въ чужое дѣло мѣшаться: наше дѣло умѣть занять, ихъ дѣло умѣть получить.

Васильковъ.

Не знаю, такихъ операцій не производилъ; наши операціи имѣютъ совсѣмъ другія основанія и разсчеты.

Телятевъ.

Вы еще молоды, дойдете и до нашихъ разсчетовъ.

Васильковъ.

Не спорю. Но позвольте просить васъ познакомить меня съ Чебоксаровыми. Хотя я имѣю мало вѣроятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидаетъ человѣка. Я какъ увидалъ ее съ недѣлю тому назадъ, все о ней и мечтаю. Я узналъ, гдѣ онѣ живутъ, и въ томъ же домѣ квартиру нанялъ, чтобы видѣть ее почаще. Стыдно дѣловому человѣку увлекаться; но что дѣлать, я въ любви еще юноша. Познакомьте, прошу васъ.

Телятевъ.

Извольте, съ удовольствіемъ.

Васильковъ (крѣпко жметъ ему руку).

Если я вамъ могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ...

Телятевъ.

Бутылку шампанскаго, я другихъ взятокъ не беру. Будетъ бутылка?

Васильковъ.

Когда же нѣтъ! Во всякое время и сколько вамъ угодно. (Крѣпко жметъ руку Телятева.) Я, право, такъ вамъ благодаренъ.

Телятевъ.

Да позвольте, позвольте, руку-то! Это чортъ знаетъ что!

Васильковъ

(оглядывается, не выпуская руки Телятева)

Кажется, онѣ?

Телятевъ.

Онѣ, онѣ.

Васильковъ.

Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вамъ, можетъ-быть, смѣшно.

Телятевъ.

Да вы руку-то ...

Васильковъ.

Извините! Я надѣюсь васъ найти на этомъ мѣстѣ.

Телятевъ.

Надѣйтесь. (Васильковъ поспѣшно уходитъ. Входитъ Глумовъ.)

Явленіе второе.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что за шутъ гороховый съ тобой разговаривалъ?

Телятевъ.

Это мнѣ Богъ на шапку послалъ за мою простоту.

Глумовъ.

Что-жь тебѣ за барышъ?

Телятевъ.

Шампанскимъ поитъ.

Глумовъ.

А! Это недурно.

Телятевъ.

Я вотъ погляжу, погляжу на него, да, должно-быть, денегъ у него займу.

Глумовъ.

Это еще лучше, коли дастъ, разумѣется.

Телятевъ.

Думаю, что дастъ; я ему нуженъ.

Глумовъ.

Перестань, сдѣлай милость! Кому и для чего ты можешь быть нуженъ?

Телятевъ.

А вотъ слушай.

Глумовъ.

Слушаю.

Телятевъ.

Я увидалъ его въ первый разъ здѣсь, въ паркѣ, съ недѣлю тому назадъ. Иду я по той аллеѣ и издали вижу: стоитъ человѣкъ, разиня ротъ и вытаращивъ глаза; шляпа на затылкѣ. Меня взяло любопытство, на что̀ онъ такъ удивляется. Слона не водятъ, пѣтухи не дерутся. Гляжу и, что-жь бы ты думалъ, на кого онъ такъ уставился? Угадай!

Глумовъ.

На кого, не знаю. Какое диво въ паркѣ можетъ быть.

Телятевъ.

На Чебоксарову.

Глумовъ.

У него губа-то не дура.

Телятевъ.

Коляска Чебоксаровыхъ остановилась, кругомъ нея толпа молодежи, онѣ обѣ разговаривали съ кѣмъ-то, ужь не знаю; а онъ стойтъ поодаль, такъ и впился глазами. Коляска тронулась, онъ бросился вслѣдъ за ней, человѣкъ пять сшибъ съ ногъ, и мнѣ досталось. Сталъ извиняться, тутъ мы и познакомились.

Глумовъ.

Поздравляю.

Телятевъ.

А сегодня, представь себѣ, увидалъ, что я разговаривалъ съ Чебоксаровыми, ухватилъ меня чуть не за воротъ, втащилъ въ садъ, спросилъ бутылку шампанскаго, потомъ другую, ну, мы и выпили малымъ дѣломъ. А вотъ здѣсь открылся мнѣ, что влюбленъ въ Чебоксарову и желаетъ на ней жениться. Видишь ты, по его дѣламъ,— а какія у него дѣла, самъ чортъ не разберетъ,— ему именно такую жену нужно; ну, разумѣется, просилъ меня познакомить его съ ними.

Глумовъ.

Ахъ, онъ эѳіопъ! Вотъ потѣха-то! Пріѣхалъ откуда-то изъ Камчатки и прямо жениться на лучшей нашей невѣстѣ. Видишь ты, у него дѣла такія, что ему непремѣнно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какія дѣла! Вотъ и у меня дѣла такія, что мнѣ нужно на богатой невѣстѣ жениться, да не отдаютъ. Что онъ такое за птица? Что онъ дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ?

Телятевъ.

Это ужь одному Аллаху извѣстно.

Глумовъ.

Объясни мнѣ его слова, манеры, и я тебѣ сразу скажу, кто онъ.

Телятевъ.

Нѣтъ, пожалуй, и съ двухъ не скажешь. Онъ дворянинъ, а разговариваетъ, какъ матросъ съ волжскаго парохода.

Глумовъ.

Судохозяинъ, свои пароходы имѣетъ на Волгѣ.

Телятевъ.

Сталъ расплачиваться за вино, вынулъ бумажникъ вотъ какой (показываетъ руками), поларшина навѣрное. Чего тамъ нѣтъ! Акціи всякія, счеты на разныхъ языкахъ, засаленыя письма на сѣрой бумагѣ, писанныя мужицкимъ почеркомъ.

Глумовъ.

Да богатъ онъ?

Телятевъ.

Едва ли. Говоритъ, что есть имѣніе небольшое и тысячъ на пятьдесятъ лѣсу.

Глумовъ.

Невелико дѣло. Виноватъ, онъ не пароходчикъ.

Телятевъ.

Онъ небогатъ или скупъ; заплатилъ за вино и сейчасъ же при мнѣ записалъ въ книжку въ расходъ.

Глумовъ.

Не конторщикъ ли? А какъ характеромъ?

Телятевъ.

Простъ и наивенъ, какъ институтка.

Глумовъ.

Простъ и наивенъ ... Не шуллеръ ли?

Телятевъ.

Не могу сказать. А вотъ пьетъ шампанское, такъ

на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылкѣ, и хоть бы краска въ лицѣ прибавилась, хоть бы голосъ поднялся.

Глумовъ.

Ну, такъ сибирякъ, навѣрное сибирякъ.

Телятевъ.

Сигары куритъ дорогія, по-французски говоритъ отлично, только съ какимъ-то акцентомъ небольшимъ.

Глумовъ.

Теперь знаю, агентъ какого-нибудь торговаго дома лондонскаго, и толковать нечего.

Телятевъ.

Разбирай его, какъ знаешь! Вотъ задачу-то задалъ.

Глумовъ.

Ну, да кто бы онъ ни былъ, а комедію сыграть нужно. Мы ужь и то давно не смѣялись, всѣ пріуныли что̀-то.

Телятевъ.

Только въ твоей комедіи комическія-то роли, пожалуй, достанутся намъ.

Глумовъ.

Нѣтъ, мы будемъ играть злодѣевъ, по крайней мѣрѣ, я ... И вотъ съ чего начинается: ты познакомь этого чудака съ Чебоксаровыми, а я скажу Надеждѣ Антоновнѣ, что у него золотые пріиски, и будемъ любоваться, какъ она станетъ за нимъ ухаживать.

Телятевъ.

А ну, какъ узнаютъ, что это вздоръ, какъ окажется, что у него только и есть Чухломская деревня?

Глумовъ.

А намъ-то что̀! Мы скажемъ, что отъ него слышали, что онъ самъ хвасталъ.

Телятевъ.

Ну, зачѣмъ же!

Глумовъ.

Что̀-жь, тебѣ его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажемъ, что ошиблись, что у него не золотые пріиски, а пріиски брусники по лѣсамъ. (Подходитъ Васильковъ.)

Явленіе третье.

Телятевъ, Глумовъ и Васильковъ.

Телятевъ.

Наглядѣлись на свою красавицу?

Васильковъ.

До сытости.

Телятевъ.

Позвольте васъ познакомить! Савва Геннадичъ Васильковъ, Егоръ Дмитричъ Глумовъ.

Васильковъ

(крѣпко жметъ руку Глумова).

Очень пріятно.

Глумовъ.

А мнѣ вотъ непріятно, что вы крѣпко руку жмете.

Васильковъ.

Извините, провинціальная привычка.

Глумовъ.

Васъ зовутъ: „Савва“; вѣдь, это не то, что Савватій?

Васильковъ (очень учтиво).

Нѣтъ, то другое имя.

Глумовъ.

И не то, что Севастьянъ?

Васильковъ.

Нѣтъ, Севастіанъ по-гречески значитъ: достойный почета, а Савва слово арабское.

Глумовъ.

А Савёлъ?

Васильковъ.

Ну, ужь напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятевъ.

Вы и по-гречески знаете?

Васильковъ.

Учился немного.

Глумовъ.

А по-татарски?

Васильковъ.

Простой разговоръ понимаю,—казанское нарѣчіе, а вотъ въ Крыму былъ, такъ съ трудомъ объяснялся.

Глумовъ (въ сторону).

Ужь это чортъ знаетъ, что̀ такое!

Телятевъ.

А вы давно изъ Крыма?

Васильковъ.

Дней десять, не болѣе. Я проѣздомъ былъ изъ Англіи.

Глумовъ (въ сторону).

Какъ вретъ-то!

Телятевъ.

Какъ же вы изъ Англіи въ Крымъ попали?

Васильковъ.

А на Суэзскомъ перешейкѣ земляныя работы меня интересовали и инженерныя сооруженія.

Глумовъ (въ сторону).

А, можетъ быть, и не вретъ. (Василькову.) Вы насъ застали, когда мы про бракъ разговаривали, то есть не про тотъ бракъ, который бракуютъ, а про тотъ, который на простонародномъ языкѣ законнымъ называется.

Васильковъ.

Хорошій разговоръ.

Глумовъ.

Вотъ я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильковъ.

Судя по ея красотѣ, вѣроятно, многіе желаютъ того же.

Глумовъ.

Но эти многіе глупы; они сами не знаютъ, зачѣмъ хотятъ жениться. Красота имъ нравится и они хотятъ только сами воспользоваться этою красотой, то есть, похоронить ее, какъ мертвый капиталъ. Нѣтъ, красота не мертвый капиталъ, она должна приносить проценты. Только дуракъ можетъ жениться на Чебоксаровой безъ разсчета; на ней долженъ жениться или шулеръ, или человѣкъ, составляющій карьеру. У перваго ея красота будетъ служить приманкой для неопытныхъ юношей, у другого приманкой для начальства и средствомъ къ быстрому повышенію.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Вотъ вамъ разсчетъ вѣрный и благоразумный! Вотъ вамъ современный взглядъ на жизнь.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Всѣ эти кислые толки о добродѣтели глупы ужь тѣмъ, что непрактичны. Нынче вѣкъ практическій.

Васильковъ.

Позвольте, я буду съ вами спорить.

Глумовъ.

Спорьте, пожалуй.

Васильковъ.

Честные разсчеты и теперь современны. Въ практическій вѣкъ честнымъ быть не только лучше, но и выгоднѣе. Вы, кажется, не совсѣмъ вѣрно понимаете практическій вѣкъ и плутовство считаете выгодною спекуляціей. Напротивъ, въ вѣка фантазіи и возвышенныхъ чувствъ плутовство имѣетъ болѣе простора и легче маскируется. Обмануть неземную дѣву, заоблачнаго поэта, обыграть романтика или провести на службѣ начальника, который занятъ элегіями, гораздо легче, чѣмъ практическихъ людей. Нѣтъ, вы мнѣ повѣрьте, что въ настоящее время плутовство спекуляція плохая.

Телятевъ.

Чебоксаровы подходятъ.

Васильковъ

(быстро хватая его за руку).

Познакомьте; умоляю васъ!

Телятевъ.

Ой! (Отдергиваетъ руку.) Съ величайшимъ удовольствіемъ. (Подходятъ: Надежда Антоновна и Лидія.)

Явленіе четвертое.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ (Надеждѣ Антоновнѣ).

Хотите, съ милліонщикомъ познакомлю?

Надежда Антоновна.

Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятевъ.

Вѣдь я даромъ; процентовъ съ васъ не возьму.

Надежда Антоновна.

Познакомь! Да вѣдь ты дрянь, тебѣ вѣрить нельзя.

Телятевъ.

Ей-Богу! Ну, вотъ еще!.. Савва Геннадичъ!

Надежда Антоновна.

Погоди, погоди! Что̀ за имя!

Телятевъ.

Ничего! Не бойтесь! Милліонщиковъ всегда такъ зовутъ. (Васильковъ подходитъ.) Честь имѣю вамъ представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна.

Очень пріятно.

Васильковъ.

Искренно желалъ. Знакомства въ Москвѣ не имѣю.

Телятевъ.

Отличный человѣкъ, по-гречески говоритъ. (Отходитъ къ Лидіи.)

Надежда Антоновна.

Судя по вашему имени, вы въ Греціи родились?

Васильковъ.

Нѣтъ, я въ Россіи, недалеко отъ Волги.

Надежда Антоновна.

Вы гдѣ живете?

Васильковъ.

Въ деревнѣ, а то все въ разъѣздахъ.

Надежда Антоновна (Глумову).

Егоръ Дмитричъ, сыщите моего человѣка! (Глумовъ подходитъ.)

Васильковъ.

Да позвольте, я бѣгомъ сбѣгаю. Его какъ зовутъ?

Надежда Антоновна.

Андреемъ.

Васильковъ.

Сію минуту отыщу вамъ.

Надежда Антоновна.

Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. (Говоритъ тихо съ Глумовымъ. Васильковъ уходитъ.)

Телятевъ (Лидіи).

Я противъ сырости мѣры принялъ.

Лидія.

Жаль; вы такой добрый, васъ можно бы любить, но вы такой развратный человѣкъ.

Телятевъ.

Я развратный человѣкъ?.. Да вы добродѣтельнѣй меня не найдете. Я вамъ сейчасъ докажу.

Лидія.

Докажите!

Телятевъ.

Извольте! Я вамъ представлю моего соперника, который уничтожитъ меня въ вашемъ сердцѣ.

Лидія.

Это совсѣмъ не такъ трудно; гораздо легче, чѣмъ вы думаете. (Васильковъ съ шалью почти бѣгомъ подбѣгаетъ къ Надеждѣ Антоновнѣ; за нимъ Андрей.)

Васильковъ.

Нашелъ, вотъ онъ здѣсь-съ. (Подаетъ шаль.)

Надежда Антоновна.

Ахъ, какъ вы меня испугали. (Надѣваетъ шаль.) Благодарю васъ. Андрей, вели коляскѣ дожидаться у театра.

Андрей.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Телятевъ (Василькову).

Савва Геннадичъ!

Лидія.

Какое имя!.. Онъ иностранецъ?

Телятевъ.

Изъ Чухломы.

Лидія.

Какая это земля? Я не знаю. Ея нѣтъ въ географіи.

Телятевъ.

Недавно открыли. (Васильковъ подходитъ.) Позвольте вамъ представить моего друга Савву Геннадича Василькова. (Лидія кланяется.) Онъ бывалъ въ Лондонѣ, въ Константинополѣ, въ Тетюшахъ, въ Казани; говоритъ, что видѣлъ красавицъ, но подобныхъ вамъ никогда.

Васильковъ.

Да перестаньте-жь! Я конфужусь.

Лидія.

Вы знаете въ Казани мадамъ Чурило-Пленкову?

Васильковъ.

Когда же нѣтъ!

Лидія.

Она, говорятъ, разошлась съ мужемъ.

Васильковъ.

Ни, Боже мой!

Лидія.

Подворотникова знаете?

Васильковъ.

Онъ мой шабёръ. (Лидія взглядываетъ на Телятева. Нѣсколько времени молчанія. Васильковъ, конфузясь, отходитъ.)

Лидія.

На какомъ онъ языкѣ говоритъ?

Телятевъ.

Онъ очень долго былъ въ плѣну у ташкентцевъ. (Говорятъ тихо.)

Глумовъ (Надеждѣ Антоновнѣ).

У него пріиски, самые богатые по количеству золота, изъ каждаго пуда песку фунтъ золота намываютъ.

Надежда Антоновна

(взглядываетъ на Василькова).

Неужели?

Глумовъ.

Онъ самъ говоритъ. Оттого онъ такъ и дикъ, что все въ тайгѣ живетъ съ бурятами.

Надежда Антоновна

(ласково смотритъ на Василькова).

Скажите! По наружности никакъ нельзя догадаться.

Глумовъ.

Какъ же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надѣть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него всѣ карманы набиты чистымъ золотомъ; онъ прислугѣ на водку даетъ горстями.

Надежда Антоновна.

Какъ жаль, что онъ такъ неразумно тратитъ деньги.

Глумовъ.

А для кого же ему беречь, онъ человѣкъ одинокій. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна

(очень ласково смотритъ на Василькова).

А онъ вѣдь и собой недуренъ.

Глумовъ.

Да, между тунгусами былъ бы даже красавцемъ.

Надежда Антоновна (Лидіи).

Пройдемъ, Лидія, еще разъ. Господа, я гуляю, мнѣ докторъ велѣлъ каждый вечеръ гулять. Кто съ нами?

Васильковъ.

Если позволите.

Надежда Антоновна (пріятно улыбаясь).

Благодарю васъ, очень рада. (Уходятъ: Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ.)

Явленіе пятое.

Глумовъ и Телятевъ.

Глумовъ.

Ну, комедія начинается.

Телятевъ.

Ты-таки сказалъ?

Глумовъ.

Развѣ я пропущу такой случай!

Телятевъ.

То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумовъ.

Пусть маменька съ дочкой за нимъ ухаживаютъ, а онъ таетъ отъ любви; мы доведемъ ихъ до экстаза, да потомъ и разочаруемъ.

Телятевъ.

Не ошибись. Повѣрь мнѣ, что онъ женится на Чебоксаровой и увезетъ ее въ Чебоксары. Мнѣ страшно его, точно сила какая-то идетъ на тебя. (Подходитъ Кучумовъ.)

Явленіе шестое.

Телятевъ, Глумовъ и Кучумовъ.

Кучумовъ (издали).

Ma in Ispania, ma in Ispania ... mille e tre ...

(Подходитъ гордо, подымая голову кверху.)

Телятевъ.

Здравствуй, князинька!

Кучумовъ.

Какую я сегодня кулебяку ѣлъ, господа, просто объяденье! Mille e tre ...

Глумовъ.

Не на похоронахъ ли, не отъ кондитера ли?

Кучумовъ.

Что̀ за вздоръ! Ma in Ispania ... Купецъ одинъ зазвалъ. Я очень много для него сдѣлалъ, а теперь ему нужно какую-то привиллегію имѣть. Ну, я обѣщалъ. Что̀ для меня значитъ!

Глумовъ.

Да и обѣщать-то ничего не значитъ.

Кучумовъ.

Какой у тебя, братецъ, языкъ злой. (Грозитъ пальцемъ.) Ужь ты дождешься, выгонятъ тебя изъ Москвы. Смотри. Мнѣ только слово сказать.

Глумовъ.

Да ты давно бы сказалъ; можетъ-быть, Богъ дастъ, попаду въ общество людей поумнѣй васъ.

Кучумовъ.

Ну, ну! (Махнувъ рукой.) Съ тобой не сговоришь.

Телятевъ.

А коли не сговоришь, такъ и не начинай. Я всегда такъ дѣлаю.

Кучумовъ.

Mille e tre ... Да, да, да! Я и забылъ. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысячъ выигралъ.

Телятевъ.

Ты ли, не другой ли кто?

Глумовъ (горячо).

Гдѣ и какъ, говори скорѣй!

Кучумовъ.

Въ купеческомъ клубѣ.

Телятевъ.

И получилъ?

Кучумовъ.

Получилъ.

Телятевъ.

Разсказывай по порядку!

Глумовъ.

Удивительно, если правда.

Кучумовъ (съ сердцемъ).

Ничего нѣтъ удивительнаго! Будто ужь я и не могу выиграть! Заѣзжаю я вчера въ купеческій клубъ, прошелъ раза два по заламъ, посмотрѣлъ карточку кушанья, велѣлъ приготовить себѣ устрицъ...

Глумовъ.

Какія теперь устрицы!

Кучумовъ.

Нѣтъ, забылъ, велѣлъ приготовить перменей. Подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ ...

Телятевъ.

Незнакомый?

Кучумовъ.

Незнакомый. Говоритъ: не угодно ли вашему сіятельству въ бакару? Извольте, говорю, извольте! Денегъ со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаемъ съ рубля, и повезло мнѣ, что называется, дурацкое счастье. Ужь онъ мѣнялъ, мѣнялъ карты, видитъ, что дѣло плохо; довольно, говоритъ. Стали считаться,— двѣнадцать съ половиной тысячъ ... Вынулъ деньги ...

Глумовъ.

Ты говорилъ одиннадцать.

Кучумовъ.

Ужь не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятевъ.

Кто же это проигрываетъ по двѣнадцати тысячъ въ вечеръ? Такихъ людей нельзя не знать.

Кучумовъ.

Говорятъ, пріѣзжій.

Глумовъ.

Да я вчера былъ въ купеческомъ клубѣ, тамъ никакого разговора не было.

Кучумовъ.

Я пріѣхалъ очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили въ полчаса.

Глумовъ.

Съ тебя ужинъ сегодня.

Телятевъ.

Ужинъ у насъ есть съ Василькова, а ты насъ поди коньячкомъ попотчуй, что-то сыро становится.

Кучумовъ.

Да ты, пожалуй, цѣлую бутылку выпьешь; вѣдь это по рюмкамъ-то дорого обойдется.

Телятевъ.

Нѣтъ, я рюмку, много двѣ.

Кучумовъ.

Коли двѣ, пожалуй. А я васъ въ воскресенье обѣдомъ накормлю дома, дамъ вамъ севрюгу свѣжую, ко мнѣ изъ Нижняго привезли живую, дупелей и такого бургонскаго, что вы ...

Телятевъ (беретъ его подъ руку).

Пойдемъ, пойдемъ! У меня ужь зубы начинаютъ

стучать отъ сырости; пожалуй, лихорадку схватишь. (Уходятъ. Подходятъ: Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и человѣкъ Чебоксаровыхъ.)

Явленіе седьмое.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и Андрей.

Надежда Антоновна (Андрею).

Вели коляскѣ подъѣхать поближе!

Андрей.

Слушаю-съ! (Уходитъ и скоро возвращается

Надежда Антоновна (Василькову).

Благодарю васъ, намъ пора ѣхать. Прошу васъ бывать у насъ.

Васильковъ.

Когда прикажете?

Надежда Антоновна.

Когда угодно. Я принимаю отъ 2-хъ до 4-хъ; лучше всего вы пріѣзжайте къ намъ обѣдать запросто. По вечерамъ мы ѣздимъ гулять.

Васильковъ.

Почту за счастье быть у васъ при первой возможности. Лидія Юрьевна, я человѣкъ простой, позвольте мнѣ выразить вамъ все мое удивленіе къ вашей несравненной красотѣ.

Лидія.

Благодарю васъ. (Отходитъ и замѣтя, что мать говоритъ съ Васильковымъ, выражаетъ нетерпѣніе.)

Надежда Антоновна.

Такъ мы васъ ждемъ.

Васильковъ.

Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ. Я живу недалеко отъ васъ.

Надежда Антоновна.

Неужели?

Васильковъ.

Въ одномъ домѣ, только по другой лѣстницѣ. (Надежда Антоновна, уходя, нѣсколько разъ оглядывается. Васильковъ долго стоитъ безъ шляпы неподвижно и смотритъ имъ въ слѣдъ.)

Явленіе восьмое.

Васильковъ (одинъ).

Васильковъ.

Какъ она ласкова со мною. Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имѣетъ, или очень умна, что черезъ грубую провинціальную кору видитъ мою доброту. Но какъ еще я сердцемъ слабъ! Вотъ, что̀ значитъ очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухихъ выкладкахъ сердце скучаетъ, за-то, когда представится случай, оно отмститъ и одурачитъ математика. Такъ и мнѣ сердце отмстило; я вдругъ влюбился, какъ несовершеннолѣтній, влюбился до того, что готовъ дѣлать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая, и я, какъ бы ни увлекался, изъ бюджета не выйду. Ни Боже мой! Эта строгая подчиненность однажды опредѣленному бюджету не разъ спасала меня въ жизни. (Задумывается.) О, Лидія, Лидія! Какъ сердце мое таетъ при одномъ воспоминаніи о тебѣ! Но ежели ты безсердечна, ежели ты любишь однѣ только деньги!.. Да, такая красавица легко можетъ взять власть надъ моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой

женщины, ея покорнымъ рабомъ. Хорошо еще, что у меня довольно разсчета и я никогда не выйду изъ бюджета. (Подходятъ: Кучумовъ, Телятевъ и Глумовъ.)

Явленіе девятое.

Васильковъ, Кучумовъ, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ.

Ну, что̀, познакомились? Легче стало на душѣ? Поздравляю. (Цалуетъ Василькова.)

Васильковъ.

Я вамъ много обязанъ и, повѣрьте, не забуду.

Телятевъ.

Если забудете, я вамъ напомню. За вами бутылочка, поѣдемте ужинать, тамъ и разопьемъ. (Кучумову.) Князинька, вотъ нашъ новый пріятель, Савва Геннадичъ Васильковъ.

Кучумовъ.

А! Да! Вы пріѣзжій?

Васильковъ.

Пріѣзжій, ваше сіятельство.

Телятевъ.

Нѣтъ, онъ не сіятельство, онъ просто Гриша Кучумовъ, а это мы такъ его зовемъ оттого, что очень любимъ.

Кучумовъ.

Да! Наше общество слишкомъ взыскательно, слишкомъ высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо имѣть ...

Телятевъ.

Что онъ вздоръ-то говоритъ!

Глумовъ.

Кабы наше общество было взыскательнѣе, такъ бы намъ съ тобой туда не попасть.

Телятевъ.

А вотъ что, не выпить ли здѣсь разгонную?

Васильковъ.

Если общество желаетъ. Человѣкъ, подай бутылку шампанскаго.

Глумовъ.

И четыре большихъ стакана.

Кучумовъ.

Ну да, четыре. Я тоже сдѣлаю вамъ честь, выпью съ вами.

Глумовъ.

Отсюда прямо въ клубъ, вотъ насъ партія. (Кучумову.) Мы твои вчерашнія двѣнадцать тысячъ-то пересчитаемъ.

Кучумовъ.

Не приложи своихъ.

Телятевъ

(человѣку, который стоитъ у воротъ).

Гришка! Григорій Алексѣичъ! (Подходитъ Григорій.) Григорій Алексѣичъ, надѣньте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорій (надѣвая пальто).

Здѣсь, сударь, у воротъ!

Кучумовъ (своему лакею).

Николай. (Подходитъ Николай.) Ну, что-жь ты ротъ разинулъ! Стой здѣсь! Посадишь меня въ карету. (Мальчикъ изъ кофейной подаетъ шампанское и стаканы.)

Васильковъ.

Пожалуйте, господа, покорно прошу. (Всѣ берутъ стаканы.)

Телятевъ.

За успѣхъ! Хотя вѣроятности очень мало.

Глумовъ.

За хлопоты, а успѣха не будетъ.

Кучумовъ.

За какой успѣхъ?

Глумовъ.

Хочетъ жениться на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Да какъ это возможно! Да, наконецъ, я не позволю.

Телятевъ.

Твоего позволенія и не спросятъ.

Васильковъ.

Угодно три тысячи пари? Я одинъ держу противъ троихъ, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Я никогда не держу пари.

Глумовъ.

Я бы и держалъ, да денегъ нѣтъ.

Телятевъ.

А я боюсь проиграть.

Васильковъ.

Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили! Такъ зачѣмъ же было смѣяться! Идетъ, что ли, на чистоту? Вотъ три тысячи. (Вынимаетъ деньги, всѣ киваютъ отрицательно.) Вино развязало мнѣ языкъ. Я полюбилъ Чебоксарову и женюсь на ней непремѣнно. Что я сказалъ, то и будетъ, я даромъ слова не говорю. Поѣдемте ужинать.

Занавѣсъ падаетъ.

Дѣйствіе второе.

Богато меблированная гостиная, съ картинами, коврами, драпри. Три двери: двѣ по бокамъ и одна входная.

Явленіе первое.

Васильковъ ходитъ взадъ и впередъ, изъ дверей налѣво выходитъ **Телятевъ.**

Телятевъ.

Я думалъ, что ты давно уѣхалъ. Что же ты найдешь къ дамамъ? Не хватаетъ храбрости?

Васильковъ.

Все мое несчастіе, что я не умѣю поддерживать разговора.

Телятевъ.

Какое тутъ умѣнье! Не нужно только заводить, особенно послѣ обѣда, ученыхъ споровъ. Говори, что въ голову придетъ, лишь бы только была веселость, остроуміе, легкое злословіе, а ты толкуешь объ усѣченныхъ пирамидахъ, о кубическихъ футахъ.

Васильковъ.

Я уже теперь обдумалъ одинъ веселый анекдотъ, который хочу разсказать.

Телятевъ.

Такъ иди скорѣе, пока не забылъ.

Васильковъ.

А ты куда же торопишься?

Телятевъ.

Меня Лидія Юрьевна за букетомъ послала.

Васильковъ.

О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперникъ.

Телятевъ.

Не бойся, другъ! Кто впродолженіе двадцати лѣтъ не пропустилъ ни одного балета, тотъ въ мужья не годится. Меня не страшись и смѣло иди разсказывать свой анекдотъ. (Васильковъ уходитъ въ дверь налѣво; оттуда-же выходитъ Глумовъ.)

Явленіе второе.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Этотъ еще здѣсь? Каковъ гусь! Нѣтъ, я вижу, пора его выгнать. Довольно потѣшились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятевъ.

Я и теперь держать не стану.

Глумовъ.

Однако, онъ тогда, въ купеческомъ, ловко насъ обработалъ. Хорошъ Кучумовъ! Говорилъ, что двѣнадцать тысячъ наканунѣ выигралъ, а тутъ 600 рублей отдать не могъ. Въ первый разъ человѣка видитъ и остался долженъ ... Ты куда?

Телятевъ.

На Петровку.

Глумовъ.

Поѣдемъ вмѣстѣ. (Уходятъ. Входятъ: Кучумовъ и Надежда Антоновна.)

Явленіе третье.

Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Кучумовъ.

Muta d'aciento e de pensier ..

Надежда Антоновна.

Съ нѣкоторыхъ поръ я только такія извѣстія и получаю.

Кучумовъ.

Хм, да ... Непріятно! E de pensier.

Надежда Антоновна.

Что̀ ни день, то и жди какой-нибудь новости въ такомъ родѣ.

Кучумовъ.

Но что̀ же онъ тамъ дѣлаетъ, вашъ мужъ? Какъ-же это такъ ... допустить?.. Не понимаю. Нашъ братъ, человѣкъ со смысломъ ...

Надежда Антоновна.

А что̀-жь онъ сдѣлать можетъ? Вѣдь вы читали, что̀ онъ пишетъ: неурожай, засуха, лѣса всѣ сожжены на заводѣ, а отъ завода каждый годъ убытокъ. Онъ пишетъ, что ему теперь непремѣнно нужно тысячъ тридцать, что имѣніе ужь назначено въ продажу.

Кучумовъ.

Да что̀-жь онъ, чудакъ ... Развѣ у него мало знакомства! Да вотъ я, напримѣръ ... Вы ему такъ и напишите, чтобъ онъ ко мнѣ адресовался прямо. Muta d'aciento ...

Надежда Антоновна.

Ахъ, другъ мой! Я всегда была въ васъ увѣрена.

Кучумовъ.

Ну, да что̀ такое, что̀ за одолженіе! По старому знакомству, я радъ ... Что̀ для меня значитъ ...

Надежда Антоновна.

Григорій Борисычъ, но ... ради Бога ... Я откровенна только съ вами, а для другихъ мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорій Борисычъ!

Кучумовъ.

Конечно, конечно.

Надежда Антоновна.

Намъ надо поддерживать себя ... Пока еще есть кредитъ ... но немного. Подойдетъ зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это сто̀итъ. У меня Лидія ничего и слушать не хочетъ, ей чтобъ было. Она ни цѣны деньгамъ, ни счету въ нихъ не знаетъ. Поѣдетъ по магазинамъ, наберетъ товаровъ, не спрашивая цѣны, а потомъ я по счетамъ и расплачивайся.

Кучумовъ.

А жениховъ не предвидится?

Надежда Антоновна.

На ея вкусъ трудно угодить.

Кучумовъ.

Такую дѣвушку въ прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, еслибъ у меня не старуха ...

Надежда Антоновна.

У васъ шутки ... А каково мнѣ, матери! Столько лѣтъ счастливой жизни, и вдругъ ... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нея не жалѣла, прожили все, что̀ было отложено ей на при-

даное, и все даромъ. А нынче, вотъ ждала отъ мужа денегъ, и вдругъ такое письмо. Я ужь и не знаю, чѣмъ мы жить будемъ. Какъ я скажу Лидинькѣ? Это ее убьетъ.

Кучумовъ.

Да вы, пожалуйста, коли что̀ нужно, безъ церемоніи ... Ужь позвольте мнѣ замѣнить Лидинькѣ отца на время его отсутствія. Я знаю ее съ дѣтства и люблю, повѣрьте мнѣ, больше, чѣмъ дочь ... Люблю ... да ...

Надежда Антоновна.

Не знаю, какъ вы любите, а для меня нѣтъ жертвы, которую бы я не принесла для нея.

Кучумовъ.

И я то же самое, то же самое. Зачѣмъ у васъ этотъ Васильковъ? Надо быть разборчивѣе.

Надежда Антоновна.

Отчего-жь ему не бывать?

Кучумовъ.

Непріятенъ ... Кто онъ такой, откуда взялся, никто не знаетъ.

Надежда Антоновна.

И я не знаю. Знаю, что онъ дворянинъ, прилично держитъ себя.

Кучумовъ.

Да, ну такъ что-жь?

Надежда Антоновна.

Хорошо говоритъ по-французски.

Кучумовъ.

Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна.

Говорятъ, что у него какія-то дѣла, важныя.

Кучумовъ.

И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна.

Кажется, неглупъ.

Кучумовъ.

Ну, ужь объ этомъ позвольте мнѣ судить. Какъ же онъ къ вамъ попалъ?

Надежда Антоновна.

Не помню, право. Его представилъ кто-то; кажется, Телятевъ. У насъ всѣ бываютъ.

Кучумовъ.

Ужь не думаетъ ли онъ жениться на Лидинькѣ?

Надежда Антоновна.

Кто же знаетъ, можетъ быть, и думаетъ.

Кучумовъ.

А состояніе есть?

Надежда Антоновна.

Я, признаться сказать, такъ мало о немъ думаю, что не интересуюсь его состояніемъ.

Кучумовъ.

Толкуетъ все „нынѣшнее время, да нынѣшнее время".

Надежда Антоновна.

Теперь всѣ такъ говорятъ.

Кучумовъ.

Вѣдь этакъ можно и надоѣсть. Говори тамъ, гдѣ тебя слушать хотятъ. А что такое нынѣшнее время,

лучше-ль оно прежняго? Гдѣ дворцы княжескіе и графскіе? Чьи они? Петровыхъ да Ивановыхъ. Гдѣ роговая музыка, я васъ спрашиваю. А, бывало, на закатѣ солнца, надъ прудами, а потомъ огни, а посланники-то смотрятъ. Вѣдь это слава Россіи. Гонять такихъ господъ надо.

Надежда Антоновна.

Зачѣмъ же? Напротивъ, я хочу приласкать его. Въ нашемъ положеніи всякіе люди могутъ пригодиться.

Кучумовъ.

Ну, едва ли этотъ на что-нибудь годится. Ужь вы лучше на насъ, старичковъ, надѣйтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Охъ, охъ, охъ, охъ! Фантазіи вѣдь бываютъ у стариковъ-то; вдругъ ничего ему не жаль. Я сирота, у меня дѣтей нѣтъ,— меня, куда хочешь, поверни, и въ посаженые отцы, и въ кумовья. Старику ласка дороже всего, мнѣ свои сотни тысячъ въ могилу съ собой не брать. Прощайте, мнѣ въ клубъ пора.

Надежда Антоновна.

(Провожая до двери).

Можно надѣяться васъ скоро видѣть?

Кучумовъ.

Да, разумѣется. Я еще вашей дочери конфекты проигралъ. Вотъ я какой старикъ-то, во мнѣ все еще молодая кровь говоритъ. (Уходитъ.)

Надежда Антоновна.

Эхъ, не конфекты намъ нужны. (Стоитъ задумавшись. Выходитъ Васильковъ и беретъ шляпу.)

Явленіе четвертое.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Куда вы торопитесь?

Васильковъ.

Честь имѣю кланяться.

Надежда Антоновна.

Погодите! (Садится на диванъ.)

Васильковъ.

Что̀ прикажете?

Надежда Антоновна.

Садитесь! (Васильковъ садится.) Я хочу съ вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю васъ; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старухъ?

Васильковъ.

Нисколько. Но что̀ же вамъ, сударыня, угодно знать обо мнѣ?

Надежда Антоновна.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, нужно знать васъ настолько, чтобъ умѣть отвѣчать, когда про васъ спрашиваютъ; у насъ бываетъ много народу, никто васъ не знаетъ.

Васильковъ.

Оттого меня и не знаютъ, что я жилъ въ провинціи.

Надежда Антоновна.

Вы гдѣ воспитывались?

Васильковъ.

Въ высшемъ учебномъ заведеніи, но болѣе самъ занимался своею спеціальностью.

Надежда Антоновна.

Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильковъ.

Только мать жива, но и она безвыѣздно въ деревнѣ.

Надежда Антоновна.

Значитъ, вы почти одинокій человѣкъ. Вы служите?

Васильковъ.

Нѣтъ, занимаюсь частными предпріятіями, имѣю дѣло больше съ простымъ народомъ: съ подрядчиками, съ десятскими.

Надежда Антоновна.

(Снисходительно кивая головой).

Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацію ...

Васильковъ.

Нѣтъ, у насъ только одни десятники.

Надежда Антоновна.

Ахъ, это очень хорошо ... Да, да, да, я вспомнила. Это теперь въ моду вошло ... И нѣкоторые даже изъ богатыхъ людей ... для сближенія съ народомъ ... Ну, разумѣется, вы въ красной шелковой ... въ бархатномъ кафтанѣ. Я видѣла зимой въ вагонѣ милліоніцика, и въ простомъ бараньемъ ... Какъ это называется?

Васильковъ.

Полушубкѣ.

Надежда Антоновна.

Да, въ полушубкѣ и въ бобровой шапкѣ.

Васильковъ.

Нѣтъ, я своей одёжи не мѣняю.

Надежда Антоновна.

Но вѣдь, чтобъ такъ проводить время, нужно имѣть состояніе.

Васильковъ.

Во-первыхъ, это самое дѣло ужь очень доходно.

Надежда Антоновна.

То есть весело, вы хотите сказать. Поютъ пѣсни, водятъ хороводы,—вѣроятно, у васъ свои гребцы на лодкахъ.

Васильковъ.

У меня ничего подобнаго нѣтъ; впрочемъ, вы правы: нашего дѣла безъ состоянія начинать нельзя.

Надежда Антоновна.

Ну, еще бы, конечно, я такъ и думала. Съ перваго разу видно, что вы человѣкъ съ состояніемъ. Вы что-то не въ духѣ сегодня. (Молчаніе.) Зачѣмъ вы спорите съ Лидіей? Это ее раздражаетъ, она дѣвушка съ характеромъ.

Васильковъ.

Что она съ характеромъ, это очень хорошо; въ женщинѣ характеръ—большое достоинство. А вотъ что жаль, Лидія Юрьевна имѣетъ мало понятія о такихъ вещахъ, которыя теперь уже всѣмъ извѣстны.

Надежда Антоновна.

Да зачѣмъ ей, скажите, мой другъ, зачѣмъ ей имѣть понятіе о вещахъ, которыя всѣмъ извѣстны? Она имѣетъ высшее образованіе. У насъ богатая французская библіотека. Спросите ее что-нибудь изъ миѳологіи, ну, спросите! Повѣрьте, она такъ хорошо знакома съ французской литературой, и знаетъ то, о чемъ другимъ дѣвицамъ и не грезилось. Съ ней самый ловкій свѣтскій говорунъ не сговоритъ и не удивитъ ее ничѣмъ.

Васильковъ.

Такое оборонительное образованіе хорошо при другомъ. Разумѣется, я не имѣю права никого учить, если меня не просятъ. Я бы не сталъ и убѣждать Лидію Юрьевну, если бы ...

Надежда Антоновна.

Что „если бы"?

Васильковъ.

Еслибы не надѣялся принести пользу. Съ перемѣной убѣжденій, въ ней измѣнился бы взглядъ на людей; она бы стала болѣе обращать вниманія на внутреннія достоинства.

Надежда Антоновна.

Да, на внутреннія достоинства ... Это очень хорошо вы говорите.

Васильковъ.

Тогда могъ бы и я надѣяться заслужить ея расположеніе. А теперь быть пріятнымъ я не могу, а быть смѣшнымъ не хочу.

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ, что вы! Она еще такъ молода, она еще десять разъ перемѣнится. А я, признаюсь, всегда съ удовольствіемъ васъ слушала, и безъ васъ часто говорила ваши слова дочери.

Васильковъ.

Благодарю васъ. Я хотѣлъ уже ретироваться, чтобъ не играть здѣсь жалкой роли.

Надежда Антоновна.

Ай, ай, стыдно!

Васильковъ.

Мнѣ вѣдь особенно унижаться не изъ чего: не я ищу, меня ищутъ.

Надежда Антоновна.

Молодой человѣкъ, вы найдете во мнѣ союзницу, готовую помогать вамъ во всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ. (Таинственно.) Слышите, во всѣхъ; потому что я нахожу ихъ честными и вполнѣ благородными. (Входитъ Лидія и останавливается у двери.)

Васильковъ

(встаетъ и цалуетъ руку Надежды Антоновны).

До свиданія, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

До свиданья, мой добрый другъ! (Васильковъ кланяется Лидіи и уходитъ.)

Явленіе пятое.

Надежда Антоновна и Лидія.

Лидія.

Что вы съ нимъ говорили? О чемъ? Онъ ужасенъ, онъ сумасшедшій.

Надежда Антоновна.

Ужь повѣрь мнѣ, я знаю, что дѣлаю. Наше положеніе не позволяетъ намъ быть очень разборчивыми.

Лидія.

Какое положеніе! Его нельзя терпѣть ни въ какомъ положеніи. Онъ не знаетъ нашей жизни, нашихъ потребностей, онъ чужой.

Надежда Антоновна.

Ахъ, онъ часто говоритъ правду.

Лидія.

Да кто же ему далъ право проповѣдывать? Что онъ за пророкъ! Согласитесь, maman, что гостиная

не аудиторія, не технологическій институтъ, не инженерный корпусъ.

Надежда Антоновна.

Лидія, ты ужь очень безжалостна съ нимъ.

Лидія.

Ахъ, maman, да какое же есть терпѣніе его слушать! Какіе-то онъ экономическіе законы выдумалъ! Кому они нужны? Для насъ съ вами, надѣюсь, одни только законы и есть, — законы свѣта и приличій. Если всѣ носятъ такое платье, такъ я, хоть умри, а надѣвай. Тутъ нѣкогда думать о законахъ, а надо ѣхать въ магазинъ и взять. Нѣтъ, онъ сумасшедшій!

Надежда Антоновна.

А мнѣ кажется, онъ просто оригинальничаетъ. Такъ многіе дѣлаютъ. Онъ не очень образованъ, а, можетъ быть, и не уменъ, остроуміемъ не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтобъ быть замѣтнымъ: вотъ онъ и хочетъ показаться оригиналомъ. А, вѣроятно, и думаетъ, и поступаетъ, какъ и всѣ порядочные люди.

Лидія.

Можетъ быть, и такъ; но онъ надоѣлъ до невозможности.

Надежда Антоновна.

Онъ человѣкъ съ состояніемъ, къ такимъ людямъ надо быть снисходительнѣе. Вѣдь прощаемъ же мы прочихъ; половина тѣхъ господъ, которые къ намъ ѣздятъ, хвастуны, и лгутъ ужасно.

Лидія.

Мнѣ что за дѣло, что они лгутъ, по крайней мѣрѣ, съ ними весело, а онъ скученъ. Вотъ чего простить нельзя.

Надежда Антоновна.

Есть, мой другъ, и еще причина быть къ нему снисходительнѣе, и я тебѣ совѣтую ...

Лидія.

Что̀ за причина? Говорите!

Надежда Антоновна.

Ты бла̀горазумна ... Я надѣюсь, что у тебя достанетъ присутствія духа выслушать меня хладнокровно.

Лидія (съ испугомъ).

Что̀ такое, что̀ такое?

Надежда Антоновна.

Я получила письмо отъ отца изъ деревни.

Лидія.

Онъ боленъ, умираетъ?

Надежда Антоновна.

Нѣтъ.

Лидія.

Что̀ же такое? Говорите!

Надежда Антоновна.

Наши надежды на нынѣшній сезонъ должны рушиться.

Лидія.

Какимъ образомъ? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна.

Я писала къ мужу въ деревню, чтобъ онъ намъ выслалъ денегъ. Мы много должны, да на зиму намъ нужна очень значительная сумма ... Сегодня я получила отвѣтъ ...

Лидія.

Что̀ же онъ пишетъ?

Надежда Антоновна (нюхая спиртъ).

Онъ пишетъ, что денегъ у него нѣтъ, что ему самому нужно тысячъ тридцать, а то продадутъ имѣніе; а имѣніе это послѣднее.

Лидія.

Очень жаль! Но согласитесь, maman, что вѣдь я могла этого и не знать, что вы могли пожалѣть меня и не разсказывать мнѣ о вашемъ разореніи.

Надежда Антоновна.

Но, все равно, вѣдь послѣ ты узнала бы.

Лидія.

Да зачѣмъ же мнѣ и послѣ узнавать? (Почти со слезами.) Вѣдь вы найдете средства выдти изъ этого положенія, вѣдь непремѣнно найдете, такъ оставаться нельзя. Вѣдь не покинемъ же мы Москву, не уѣдемъ въ деревню; а въ Москвѣ мы не можемъ жить, какъ нищіе! Такъ или иначе, вы должны устроить, чтобъ въ нашей жизни ничего не измѣнилось. Я этой зимой должна выдти замужъ, составить хорошую партію. Вѣдь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если ужь не придумали, какъ прожить одну зиму, не уронивъ своего достоинства? Вамъ думать, вамъ! Зачѣмъ же вы мнѣ-то разсказываете о томъ, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствія, вы лишаете меня беззаботности, которая составляетъ лучшее украшеніе дѣвушки. Думали бы вы, maman, однѣ и плакали бы однѣ, если нужно будетъ плакать. Развѣ вамъ легче будетъ, если я буду плакать вмѣстѣ съ вами? Ну, скажите, maman, развѣ легче?

Надежда Антоновна.

Разумѣется, не легче.

Лидія.

Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же мнѣ-то плакать? За-

чѣмъ вы навязываете мнѣ заботу? Забота старитъ, отъ нея морщины на лицѣ. Я чувствую, что постарѣла на десять лѣтъ. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: бѣлья, шелковыхъ матерій, ковровъ, мѣховъ, мёбели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, ѣдутъ туда, берутъ вещь, отдаютъ деньги, а если нѣтъ денегъ, велятъ commis пріѣхать на домъ. Но откуда берутъ деньги, сколько ихъ нужно имѣть въ годъ, въ зиму, я никогда не знала, и не считала нужнымъ знать. Я никогда не знала, что̀ значитъ дорого, что̀ дешево, я всегда считала все это жалкимъ, мѣщанскимъ, копеечнымъ разсчетомъ. Я съ дрожью омерзенія отстраняла отъ себя такія мысли. Я помню одинъ разъ, когда я ѣхала изъ магазина, мнѣ пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье? Мнѣ такъ стало стыдно за себя, что я вся покраснѣла и не знала, куда спрятать лицо; а между тѣмъ я была одна въ каретѣ. Я вспомнила, что видѣла одну купчиху въ магазинѣ, которая торговала кусокъ матеріи; ей жаль и много денегъ-то отдать, и кусокъ-то изъ рукъ выпустить. Она подержитъ его, да опять положитъ, потомъ опять возьметъ, пошепчется съ какими-то двумя старухами, потомъ опять положитъ, а commis смѣются. Ахъ, maman, за что̀ вы меня мучите?

Надежда Антоновна.

Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть отъ тебя наше разстройство; но нѣтъ возможности. Если остаться въ Москвѣ, мы принуждены будемъ сократить свой расходъ, надо будетъ продать серебро, нѣкоторыя картины, брильянты.

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнаетъ, что мы разорены; къ намъ будутъ являться съ кислыми лицами, съ притворнымъ участіемъ, съ глупыми совѣтами. Бу-

дутъ качать головами, ахать, и все это такъ искусственно, форменно, такъ оскорбительно! Повѣрьте, что никто не дастъ себѣ труда даже притвориться хорошенько. (Закрываетъ лицо руками.) Нѣтъ! Нѣтъ!

Надежда Антоновна.

Но что же намъ дѣлать?

Лидія.

Что дѣлать? Не терять своего достоинства. Отдѣлывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новыя ливреи людямъ, берите новую мёбель, и чѣмъ дороже, тѣмъ лучше.

Надежда Антоновна.

Гдѣ же деньги?

Лидія.

Онъ за все заплатитъ.

Надежда Антоновна.

Кто онъ?

Лидія.

Мужъ мой.

Надежда Антоновна.

Кто твой мужъ, гдѣ онъ?

Лидія.

Кто бы онъ ни былъ.

Надежда Антоновна.

Не дѣлалъ ли кто тебѣ предложенія?

Лидія.

Никто не дѣлалъ, никто не смѣлъ дѣлать; мои женихи отъ меня, кромѣ презрѣнія, ничего не видали. Я сама искала красавца съ состояніемъ,— теперь мнѣ нужно только богатаго человѣка, а ихъ много.

Надежда Антоновна.

Не ошибись въ своихъ разсчетахъ.

Лидія.

Неужели красота потеряла свою цѣну? Нѣтъ, maman, не безпокойтесь! Красавицъ мало, а богатыхъ дураковъ много. (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Вотъ вамъ первый.

Надежда Антоновна (Андрею).

Проси! (Андрей уходитъ.)

Лидія.

Оставьте насъ, не мѣшайте. Вотъ кто заплатитъ за все.

Надежда Антоновна.

А если?..

Лидія.

А если?.. Ну, что-жь? Вы говорите, что у Василькова большое состояніе, тогда пошлите за нимъ. У него золотые пріиски, онъ глупъ,—золото наше.

Надежда Антоновна (уходя).

Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. (Уходитъ. Входитъ Телятевъ съ букетомъ.)

Явленіе шестое.

Телятевъ и Лидія.

Лидія.

Какъ вы проворны, какъ вы меня балуете! Говорите, зачѣмъ вы это дѣлаете?

Телятевъ.

Развѣ это новость для васъ? Когда же я не исполнялъ вашихъ приказаній?

Лидія.

Зачѣмъ же вы всегда меня балуете?

Телятевъ.

Я ужь такъ устроенъ для услугъ,—это мое призваніе. Что мнѣ дѣлать, больше у меня и дѣла никакого нѣтъ.

Лидія.

Значитъ, развлеченіе, отъ скуки. Однако, вы своими угожденіями кружите мнѣ голову.

Телятевъ.

Я же виноватъ!

Лидія.

Это или совсѣмъ не вина, или вина большая, смотря по тому, искренны ваши поступки, или нѣтъ.

Телятевъ.

Конечно, искренны.

Лидія.

Но вѣдь постоянныя угожденія, постоянная лесть—это все своего рода удочки, на которыя вы насъ ловите. Вы заставляете предполагать въ васъ такую преданность, къ которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше; не все же намъ однимъ быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидія.

Да, хорошо вамъ говорить, когда у васъ всякое чувство давно уже сдѣлалось только фразой. У васъ въ жизни было столько практики по этой части,

что вы умѣете владѣть собой во всякомъ положеніи. А вы представьте неопытную дѣвушку, у которой чувство проснется въ первый разъ,— ея положеніе очень трудно и опасно.

Телятевъ.

Очень можетъ быть. Я своего мнѣнія сказать не могу; ни разу дѣвушкой не былъ.

Лидія.

Если разъ обнаружить свое чувство, то или сдѣлаешься игрушкой мужчины, или будешь смѣшна; и то, и другое нехорошо. Вѣдь нехорошо?

Телятевъ.

Нехорошо.

Лидія.

Такъ не кружите мнѣ голову напрасно, будьте искреннѣе, я васъ прошу объ этомъ! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вамъ не нравлюсь!

Телятевъ.

Кто вамъ сказалъ? Помилуйте! Я всегда говорю то, что̀ чувствую.

Лидія.

Неужели?

Телятевъ.

Даже меньше говорю, чѣмъ чувствую.

Лидія.

Зачѣмъ же?

Телятевъ.

Не смѣю ... Развѣ позволите?

Лидія.

Я прошу васъ.

Телятевъ.

Я перестаю вѣрить ушамъ своимъ. Не во снѣ ли я? Что̀ за счастливый день! Которое нынче число?

Лидія.

Отчего счастливый день?

Телятевъ.

Да могъ ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю съ вашей неприступной высоты. Вы были Діаной, презирающею мужской родъ, съ луной въ прическѣ, съ колчаномъ за плечами; а теперь вы преобразились въ простую, сердечную, даже наивную пейзанку, изъ тѣхъ, которыя въ балетахъ пляшутъ, перебирая свой передникъ. Вотъ такъ. (Дѣлаетъ обыкновенные пейзанскіе жесты.)

Лидія.

Развѣ это для васъ счастье?

Телятевъ.

Вѣдь я не „Мѣдный Всадникъ“, не „Каменный Гость“.

Лидія.

Какъ легко васъ осчастливить! Что̀-жь, я очень рада, что могу осчастливить васъ.

Телятевъ.

Меня осчастливить? Лидія Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидія.

Что̀ васъ удивляетъ? Развѣ вы не сто̀ите счастья?

Телятевъ.

Не знаю, сто̀ю ли; но вѣдь я съ ума сойду.

Лидія.

Сойдите!

Телятевъ.

Я надѣлаю глупостей.

Лидія.

Надѣлайте.

Телятевъ.

Или вы зло шутите, или вы . .

Лидія.

Договаривайте!

Телятевъ.

Или вы меня любите!

Лидія.

Къ несчастію, послѣднее справедливѣе.

Телятевъ.

Да какое же это несчастіе? Это счастіе, блаженство! Лучше придумать нельзя. (Слегка обнимаетъ Лидію.)

Лидія.

Jean, ты мой?

Телятевъ.

Рабъ, рабъ, негръ, абиссинецъ ...

Лидія (поднимая на него глаза).

На долго ли?

Телятевъ.

На вѣкъ, на всю жизнь, даже болѣе, если это можно.

Лидія.

Ахъ, какъ я счастлива!

Телятевъ.

Нѣтъ, какъ я-то счастливъ! (Цалуетъ ее.)

Лидія.

Ахъ, Боже мой, какое блаженство! Maman!

Телятевъ.

Какъ, maman? Зачѣмъ тутъ maman? Намъ третьяго не нужно.

Лидія.

Я знаю, Jean, что не нужно; но я такъ счастлива.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Лидія.

Моя душа такъ полна, мнѣ хочется подѣлиться съ ней моею радостью.

Телятевъ.

Не надо ничѣмъ дѣлиться! Намъ больше останется.

Лидія.

Да, да, твоя правда, радостью не надо дѣлиться, ея и такъ немного на землѣ. Но все равно, должны же мы будемъ ей сказать.

Телятевъ.

Вотъ ужь не понимаю. Что̀ ей сказать?

Лидія.

А то, Jean, что мы любимъ другъ друга и желаемъ быть неразлучны на всю жизнь.

Телятевъ.

Да, вотъ что̀! Значитъ, по формѣ, какъ слѣдуетъ, законнымъ бракомъ. Ну, извините, я этого не ожидалъ.

Лидія.

Что̀ я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите?

Телятевъ.

Быть вашимъ слугой, рабомъ, чѣмъ угодно. А что касается брака — это ужь не мое дѣло.

Лидія.

Какъ же вы осмѣлились?

Телятевъ.

Я ни на что̀ не осмѣливался. Я только не запрещалъ вамъ любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидія.

Да развѣ вы сто̀ите моей любви?

Телятевъ.

Совершенная правда, что не сто̀ю; но развѣ любятъ только тѣхъ, которые сто̀ятъ? Что-жь бы я былъ за дуракъ, если бы сталъ отказываться отъ вашей любви и читать вамъ мораль? Извините, учить васъ морали я никакъ не возьмусь, это мнѣ и не по способностямъ, и совсѣмъ не въ моихъ правилахъ. По-моему, чѣмъ въ женщинѣ меньше нравственности, тѣмъ лучше.

Лидія.

Вы чудовище! Вы гадкій!

Телятевъ.

Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на васъ. (Лидія уходитъ.) Вотъ-было попался-то! Хорошо еще, что цѣлъ. Нѣтъ, эти игрушки надо бросить; такъ заиграешься, что и не увидишь, какъ въ мужья попадешь. Долго-ль до грѣха, человѣкъ слабъ. (Идетъ къ дверямъ. Входитъ Васильковъ.) Честь и мѣсто. (Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна.)

Явленіе седьмое.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Здравствуйте! Очень рада! Вотъ видите, мнѣ ваше общество сдѣлалось необходимымъ. Сядьте ко мнѣ поближе.

Васильковъ.

Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна.

Извините, что побезпокоила. Мнѣ нужно совѣта, я — существо совершенно безпомощное, только одного серьезнаго человѣка и знаю, это — васъ.

Васильковъ.

Благодарю васъ! Чѣмъ могу служить?

Надежда Антоновна.

Я говорила съ дочерью, мы хотимъ измѣнить свой образъ жизни; намъ надоѣло шумное общество; мы не станемъ никого принимать, кромѣ васъ. Хотя у насъ средства очень большія, но вѣдь это не обязываетъ бѣситься съ утра до ночи.

Васильковъ.

Я полагаю.

Надежда Антоновна.

Лидія хочетъ докончить свое образованіе; въ этомъ дѣлѣ безъ руководителя нельзя; мы и рѣшились обратиться къ вамъ.

Васильковъ.

Всей душой радъ служить вамъ; но чему же я могу учить Лидію Юрьевну? Сферической тригонометріи?

Надежда Антоновна.

Ахъ, да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителемъ молодой дѣвушки довольно пріятно.

Васильковъ.

Конечно; но для чего Лидіи Юрьевнѣ сферическая тригонометрія?

Надежда Антоновна.

Она вообще съ большими странностями, но до-

брая, очень добрая дѣвушка. (Таинственно.) Она вѣдь не любитъ этихъ шаркуновъ.

Васильковъ.

Удивляюсь.

Надежда Антоновна.

Что касается до меня, я давно ихъ не жалую. Вотъ вамъ каждая мать, безъ опасенія, можетъ довѣрить свою дочь. Простите меня, мой другъ, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидіи понравились.

Васильковъ.

Благодарю васъ.

Надежда Антоновна.

Кажется, еслибъ можно, я рѣшилась бы употребить даже власть, чтобъ только видѣть ее счастливой!

Васильковъ.

Развѣ другого средства уже нѣтъ?

Надежда Антоновна.

Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вамъ въ глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только вѣдь вы очень робки; хотите, я ей скажу за васъ? А то заспорите и поссоритесь — сохрани Богъ.

Васильковъ.

Позвольте мнѣ самому! Мнѣ еще нужно подготовиться къ моему объясненію, подумать.

Надежда Антоновна.

О чемъ думать, что̀ готовить? (Входитъ Лидія.)

Явленіе восьмое.

Васильковъ, Надежда Антоновна и Лидія.

Надежда Антоновна.

Вотъ, Лидія, Савва Геннадичъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе чрезъ меня: онъ проситъ твоей руки. Хотя съ своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стѣсняю.

Лидія.

Въ такомъ дѣлѣ, разумѣется, я должна имѣть свою волю, и еслибъ мнѣ кто-нибудь понравился, повѣрьте, maman, я скорѣе бы послушалась своего сердца, чѣмъ вашего совѣта. Но ко всѣмъ моимъ поклонникамъ я равнодушна одинаково: вы знаете, сколькимъ женихамъ я ужь отказала; а выдти замужъ надо, пора ужь, потому я и предоставляю себя въ полное ваше распоряженіе.

Васильковъ.

Значитъ, вы меня не любите?

Лидія.

Нѣтъ, не люблю. Зачѣмъ я буду васъ обманывать? Но мы съ вами послѣ объяснимся. Maman, вы беретесь устроивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвѣчать за мое счастье.

Надежда Антоновна (Василькову).

Слышите, мой другъ?

Васильковъ.

Я очень жалѣю.

Лидія.

Очень? Что я васъ не люблю?

Васильковъ.

Нѣтъ, что я поторопился.

Лидія.

Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и съ вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы такъ легко отъ меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я съ вами откровенна; притвориться ничего не стоитъ, но я не хочу этого. Всѣ невѣсты говорятъ, что влюблены въ своихъ жениховъ, но вы не вѣрьте имъ, — любовь приходитъ послѣ. Отбросьте въ сторону самолюбіе и согласитесь! За что̀ мнѣ было полюбить васъ? И лицо ваше не изъ красивыхъ, и имя неслыханное, и фамилія какая-то мѣщанская. Все это мелочи, къ этому можно привыкнуть, но не вдругъ. За что̀ вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю васъ. Заслужите мою любовь, и мы будемъ счастливы.

Надежда Антоновна.

Главное, вы помните, что ни я, ни отецъ для нея ничего не жалѣли, рѣшительно ничего. Все-таки, она приноситъ для васъ жертву.

Васильковъ.

Я не хочу жертвы.

Лидія.

Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

Васильковъ.

Нѣтъ, я знаю, чего хочу. Можно жениться безъ любви, любовь сама придетъ современемъ, вы правы. Но я желаю, чтобъ вы меня уважали, безъ этого ужь бракъ невозможенъ.

Лидія.

Все это разумѣется само-собой, иначе бы я не пошла за васъ.

Васильковъ.

Откровенность за откровенность. Вы мнѣ сказали, что не любите меня, а я вамъ скажу, что я полюбилъ васъ, можетъ быть, прежде, чѣмъ вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою отъ васъ, она очень легко можетъ перейти въ ненависть.

Лидія.

Вотъ какъ!

Васильковъ.

Откажитесь отъ меня, еще есть время.

Лидія.

Зачѣмъ отказываться? Ха, ха, ха. Будемте играть комедію, заслуживать любовь другъ друга.

Васильковъ.

Я не комедіи желаю, а свѣтлой жизни и счастія.

Лидія.

Нѣтъ, вы именно комедіи желаете. Вы дѣлаете мнѣ предложеніе,— я изъявляю согласіе; чего же вамъ еще? Вы меня любите, вы только должны быть безконечно счастливы, а не разсуждать объ обязанностяхъ. Свои обязанности всякій долженъ знать про себя. О томъ, какъ жить, разсуждаютъ только люди бѣдные, которымъ жить нечѣмъ.

Надежда Антоновна.

Я вижу, вижу, что вы другъ друга любите; и всѣ споры ваши только, такъ сказать, литературные.

Васильковъ.

Позвольте, въ качествѣ жениха, поднести вамъ. Я сегодня нечаянно купилъ эти вещи, а вотъ онѣ и пригодились. (Подаетъ коробку, въ которой серьги и брошка.)

Надежда Антоновна.

О! Да эти вещи стоютъ нѣсколько тысячъ.

Васильковъ.

Всего три.

Лидія.

Мнѣ кажется, есть возможность полюбить васъ.

(Протягиваетъ Василькову руку, онъ почтительно цалуетъ.)

Занавѣсъ падаетъ.

Дѣйствіе третье.

Та же гостиная, что во 2-мъ дѣйствіи, но богаче меблированная. Направо отъ зрителей дверь въ кабинетъ Василькова, налѣво въ комнаты Лидіи, по срединѣ выходная.

Явленіе первое.

Изъ кабинета выходитъ **Васильковъ**, съ портфелемъ и съ газетами, быстро пробѣгаетъ ихъ глазами, потомъ звонитъ. Входитъ **Василій.**

Васильковъ.

Казанское имѣніе Чебоксаровыхъ съ заводомъ и лѣсомъ на дняхъ продается. Жалко! И заводъ можетъ приносить большой доходъ, и лѣсу много. Василій Иванычъ, сходи къ Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ на биржу и подождалъ меня тамъ. Мнѣ нужно совершить на его имя довѣренность. Скажи ему также, чтобы онъ былъ готовъ на всякій случай, я его пошлю въ Казань.

Василій.

Слушаю, сударь.

Васильковъ.

Ты, Василій Иванычъ, одѣлся бы какъ поскладнѣе.

Василій.

Никакъ невозможно-съ. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжакъ и бархатный картузъ, я выхожу на подобіе, какъ англичанинъ при машинѣ; такая ужь честь, и всякій понимаетъ.

Васильковъ.

Твое дѣло, Василій Иванычъ. Ступай! (Василій уходитъ. Васильковъ вынимаетъ счетъ и разсматриваетъ. Изъ комнатъ Лидіи выходитъ Надежда Антоновна.)

Явленіе второе.

Васильковъ и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Медвѣдь! Недавно женился и все за дѣломъ.

Васильковъ.

Одно другому не мѣшаетъ, маменька.

Надежда Антоновна.

Что за маменька!

Васильковъ.

Слово хорошее, ласкательное и вѣрно выражаетъ предметъ.

Надежда Антоновна.

Ну, хорошо, хорошо. (Подходитъ къ нему.) Но счастливъ ли ты? Скажи, счастливъ ли, сынокъ? (Беретъ его за ухо.)

Васильковъ (цалуя ея руку).

Да, я счастливъ, совершенно счастливъ. Я могу теперь сказать, что въ моей жизни было нѣсколько дней блаженства. Ахъ, маменька ...

Надежда Антоновна.

Опять маменька!

Васильковъ.

Извините!

Надежда Антоновна.

Я ничего другого и ожидать не могла, кромѣ счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильковъ.

Я былъ бы еще счастливѣе, еслибъ ... еслибъ ...

Надежда Антоновна (садится).

Что̀, еслибъ? Чего вамъ ѐще мало, неблагодарный!

Васильковъ.

Еслибъ всю жизнь можно было разъѣзжать по Москвѣ то съ визитами, то по вечерамъ и концертамъ ... ничего не дѣлая; еслибъ не стыдно было такъ жить и были бы на то средства.

Надежда Антоновна.

Если всѣ порядочные люди такъ живутъ, значитъ не стыдно, а средства нужны небольшія.

Васильковъ.

Однако! По моимъ соображеніямъ, я прожилъ много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидія; я въ ея разсчеты не мѣшаюсь.

Надежда Антоновна.

И прекрасно дѣлаете.

Васильковъ.

У нея свое, у меня свое. Но я разсчитываю, много ли мнѣ придется такимъ образомъ прожить въ годъ.

Надежда Антоновна.

Ахъ, какіе пустяки! Да живите, какъ живется; вѣдь васъ такіе расходы стѣснить не могутъ.

Васильковъ.

Какъ не могутъ!? Вѣдь такъ въ полгода проживешь тысячъ 25.

Надежда Антоновна.

Ну, много ли это! Неужели вамъ жаль? Я васъ не узнаю.

Васильковъ.

Совсѣмъ не въ томъ вопросъ, жаль или нѣтъ; а въ томъ, гдѣ взять ихъ.

Надежда Антоновна.

Ну, ужь это я не знаю. Вамъ это должно быть лучше извѣстно.

Васильковъ.

Чтобъ такъ жить, надо имѣть милліонъ.

Надежда Антоновна.

Мы не запрещаемъ вамъ имѣть ихъ и два.

Васильковъ.

Ни двухъ, ни одного нѣтъ у меня; мое состояніе обыкновенное.

Надежда Антоновна.

Надѣюсь, все-таки за полмилліона. И это хорошо.

Васильковъ.

У меня есть имѣніе, есть деньги небольшія, есть дѣла; но все-таки я болѣе семи, осьми тысячъ въ годъ проживать не могу.

Надежда Антоновна.

А пріиски?

Васильковъ.

Какіе пріиски, что̀ вы!

Надежда Антоновна.

Золотые.

Васильковъ.

Не только золотыхъ, и мѣдныхъ нѣтъ.

Надежда Антоновна (встаетъ).

Зачѣмъ же вы насъ обманули такъ жестоко?

Васильковъ.

Чѣмъ я васъ обманулъ?

Надежда Антоновна.

Вы сказали, что у васъ есть состояніе.

Васильковъ.

И дѣйствительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна.

Подите вы! Вы не понимаете, что̀ говорите. Вы не знаете самыхъ простыхъ вещей, которыя маленькимъ дѣтямъ извѣстны.

Васильковъ.

Да позвольте! Чѣмъ же это не состояніе. Что̀-жь это такое?

Надежда Антоновна.

Что̀? Нищета, бѣдность, вотъ что̀. Того, что̀ вы называете состояніемъ, дѣйствительно, довольно для холостого человѣка; этого состоянія ему достанетъ на перчатки. Что̀ же вы сдѣлаете съ моей бѣдной дочерью?

Васильковъ.

Я хотѣлъ сдѣлать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна.

Безъ состоянія? Смѣшно.

Васильковъ.

Я имѣю достаточно и стараюсь пріобрѣтать.

Надежда Антоновна.

Что̀, достаточно? Ей нужно состояніе, а состоянія вамъ пріобрѣсть нельзя: откуповъ нѣтъ, концессіи на желѣзную дорогу вамъ не дадутъ. Состояніе можно только получить по наслѣдству, да еще при большомъ счастьѣ выиграть въ карты.

Васильковъ.

Нѣтъ, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мнѣ посовѣтуете?

Надежда Антоновна.

Вы думаете? Какъ хорошо вы меня знаете. Нѣтъ, я вижу, мнѣ нужно принимать свои мѣры и поправлять нашу ошибку.

Васильковъ.

Что поправлять? Какая ошибка? Прошу васъ, не мѣшайтесь въ чужія дѣла. (Беретъ шляпу.)

Надежда Антоновна.

Вы уходите?

Васильковъ.

Мнѣ пора. До свиданья. (Уходитъ.)

Надежда Антоновна.

Вотъ еще хлопоты съ этимъ зятемъ. Впрочемъ, кто же бы взялъ Лидію, еслибъ узнали, что у нея ничего нѣтъ. Надо будетъ для него постараться, ужь нечего дѣлать. (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Надежда Антоновна.

Вотъ кстати. (Андрею.) Проси. (Андрей уходитъ.) Я сейчасъ за него и примусь. (Входитъ Кучумовъ.)

Явленіе третье.

Надежда Антоновна и Кучумовъ.

Кучумовъ.

Pace e joia son con voi!

Надежда Антоновна.

Очень рада. Садитесь!

Кучумовъ (садясь).

Pace e joia ... А гдѣ-жь наша нимфа?

Надежда Антоновна.

Полетѣла съ визитами, она сейчасъ будетъ.

Кучумовъ.

А сатиръ, который у насъ ее похитилъ?

Надежда Антоновна.

Побѣжалъ по своимъ дѣламъ У него все какія-то дѣла.

Кучумовъ.

Черствый человѣкъ! Впрочемъ, что-жь ему! Онъ мужъ, а вотъ мы таемъ да облизываемся, какъ лисица на виноградъ.

Надежда Антоновна.

Старичекъ, старичекъ, что вы!

Кучумовъ.

Сердцемъ молодъ, Надежда Антоновна, волканическая натура.

Надежда Антоновна.

Ахъ, да. Вы получили отъ мужа письмо?

Кучумовъ.

Получилъ. Не безпокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте изъ головы!

Надежда Антоновна.

У меня еще до васъ просьба.

Кучумовъ.

Что такое, что такое? Радъ, душевно радъ.

Надежда Антоновна.

Не можете ли вы доставить одному моему зна-

комому мѣсто повыгоднѣе, да еще опеку, большую, или управленіе богатымъ имѣніемъ?

Кучумовъ.

Надо знать, кому.

Надежда Антоновна

(пожимая плечами).

Зятю.

Кучумовъ.

Что, видно, плохо дѣло! Я такъ и ожидалъ.

Надежда Антоновна.

Да, мой истинный другъ, мы немножко ошиблись.

Кучумовъ.

Какое-жь онъ право имѣлъ на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотомъ осыплетъ? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, онъ, должно быть, хапуга по природѣ. Въ немъ, вѣроятно, подьяческой крови много! Онъ для чего мѣсто ищетъ? Чтобъ взятки брать. Какъ же мнѣ его рекомендовать? Онъ, пожалуй, осрамитъ меня, каналья.

Надежда Антоновна.

Вы меня-то пожалѣйте, онъ мнѣ зять.

Кучумовъ.

Да вѣдь вы сами говорили, что въ немъ ошиблись. То-то мнѣ рожа-то его ...

Надежда Антоновна.

Ахъ, перестаньте! Неужели вамъ непріятно быть покровителемъ человѣка, у котораго жена такая хорошенькая?

Кучумовъ.

Какъ, непріятно? Кто вамъ сказалъ? Очень пріятно.

Надежда Антоновна.

Я Лидію знаю, она не захочетъ остаться неблагодарной.

Кучумовъ.

Да я всѣ средства ... всѣхъ знакомыхъ на ноги...

Надежда Антоновна.

Вы думаете, женщины не умѣютъ быть благодарными. Нѣтъ, если онѣ захотятъ ...

Кучумовъ.

Да я лечу, сейчасъ лечу ... Какъ, что, куда? Приказывайте. (Входитъ Лидія.)

Явленіе четвертое.

Надежда Антоновна, Кучумовъ и Лидія.

Кучумовъ.

Ахъ, ахъ, нѣмѣю.

Лидія.

Очень жаль будетъ, если онѣмѣете, вы такъ хорошо говорите. Измучилась. (Садится на кресло.) Всю Москву объѣздила.

Надежда Антоновна.

Да, Лидія, Григорій Борисычъ нетолько хорошо говоритъ, но хорошо и дѣла дѣлаетъ; онъ завтра посылаетъ отцу твоему деньги на выкупъ имѣнія, да и намъ оказываетъ услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. (Взглядываетъ на дочь. Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Надежда Антоновна.

Проси его ко мнѣ, я его у себя приму. (Уходитъ; за ней Андрей.)

Явленіе пятое.

Кучумовъ и Лидія.

Лидія.

Скажите, пожалуйста, что̀ вы за благодѣтель такой? Вѣдь помогать другимъ — отнимать у себя. Что̀ васъ побуждаетъ?

Кучумовъ.

И вы, вы меня спрашиваете?

Лидія.

Отчего-жь мнѣ не спрашивать?

Кучумовъ.

Да я нетолько состояніемъ, я для васъ готовъ жизнью ...

Лидія.

Всего вѣроятнѣе, что такая жертва мнѣ будетъ не нужна. Но вы дѣйствительно посылаете отцу денегъ?

Кучумовъ.

Завтра же.

Лидія.

Это благородно. Нельзя не цѣнить такой дружбы.

Кучумовъ.

Больше, чѣмъ дружба, Лидія Юрьевна, гораздо больше. Знаете что̀? Я лучше куплю это имѣніе у вашего отца и подарю его вамъ.

Лидія.

Ну, что̀-жь, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумовъ.

Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имѣніе и пошлю ему въ задатокъ 380 тысячъ. Что мнѣ деньги! Мнѣ ваше расположеніе, только ваше расположеніе.

Лидія.

Какъ же можетъ выразиться мое расположеніе? Вы у насъ и такъ, какъ родной.

Кучумовъ (подвигаясь).

Какъ родной, какъ родной ...

Лидія.

Однако же, вы можете быть мнѣ родня! Для брата вы ужь стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумовъ

(опускаясь на колѣна и цалуя ея руку).

Папашей, папашей.

Лидія (отнимая руку).

Шалишь, папашка!

Кучумовъ.

Шалю, шалю! (Опять цалуетъ руку. Глумовъ показывается на порогѣ и быстро уходитъ).

Лидія (встаетъ).

Тебѣ стыдно шалить, ты не маленькій. (Кучумовъ встаетъ съ колѣнъ. Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Проси. (Андрей уходитъ.)

Кучумовъ.

Addio, mia carina! Лечу по вашимъ дѣламъ.

Лидія.

По какимъ?

Кучумовъ.

Послѣ узнаете. (Уходитъ. Входитъ Телятевъ.)

Явленіе шестое.

Лидія и Телятевъ.

Телятевъ.

Казните, да только поскорѣе. Если вы хотите дуться на меня такъ я убѣгу куда-нибудь въ лѣсъ. Вы лучше прибейте меня, только потомъ смилуйтесь надо мной. Я не могу жить безъ васъ, на меня нападаетъ сплинъ и я застрѣлюсь, какъ англичанинъ.

Лидія.

За что̀ мнѣ сердиться на васъ?

Телятевъ.

Ну, вотъ какія слова! Вѣдь это кинжалы.

Лидія.

Чѣмъ вы хуже другихъ? Есть и хуже васъ.

Телятевъ.

Ну, вотъ опять. Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидія.

Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человѣка, котораго не люблю.

Телятевъ.

Не любите? Это очень хорошо.

Лидія.

Да, кажется, и онъ меня не любитъ.

Телятевъ.

Не любитъ! Безподобно!

Лидія.

Что же тутъ хорошаго?

Телятевъ.

Не знаю, какъ для васъ, а для нашего брата, безпутнаго холостяка, это находка. Мы вѣдь сироты, всю жизнь такихъ случаевъ ищемъ.

Лидія.

Вы безнравственный до мозга костей.

Телятевъ.

Ну, еще какъ-нибудь побраните!

Лидія.

Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь развѣ можно бранить? За то, что вы не женились на мнѣ, любя меня? Такъ вѣдь это прошло. Этой бѣды вамъ поправить нельзя.

Телятевъ.

Жениться нельзя. Это вѣрно. Любить можно.

Лидія.

Развѣ я могу запретить? Это льститъ женскому самолюбію. Чѣмъ больше поклонниковъ, тѣмъ лучше.

Телятевъ.

Ну, на что вамъ много? Возьмите пока одного.

Лидія.

Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчасъ разговоры пойдутъ, а какъ много-то, такъ и подозрѣнія нѣтъ. Какъ узнаешь, который настоящій?

Телятевъ.

Такъ вы возьмите меня настоящаго, да еще человѣка четыре сверхштатныхъ.

Лидія (смѣясь).

Вы такой шутъ, что на васъ рѣшительно сердиться нельзя.

Телятевъ.

Гнѣвъ прошелъ. Можно теперь любезныя слова говорить?

Лидія.

Говорите, я люблю васъ слушать. Вѣдь вы милый! А?

Телятевъ.

Ей-Богу, милый. Какъ вы похорошѣли! Знаете, какая перемѣна въ васъ? Такая перемѣна всегда . . .

Лидія.

Нѣтъ, вы, пожалуйста, пожалѣйте меня! Я еще недавно дама, не успѣла привыкнуть къ вашимъ разговорамъ! Я знаю, какія вы вещи дамамъ разсказываете.

Телятевъ.

Какъ жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорѣй, а то скучно. Обратимся къ старому. Скоро вы заведете cavalier servente?

Лидія.

Да развѣ у насъ это принято?

Телятевъ.

Надо завести этотъ прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидія.

А мужья что̀ скажутъ?

Телятевъ.

Привыкнутъ понемножку. Ну, конечно, сначала многихъ изъ насъ, кавалеровъ, побьютъ довольно чувствительно, особенно купцы; многихъ сведутъ къ

мировымъ; а тамъ дѣло и пойдетъ своимъ порядкомъ. Первые должны пожертвовать собой, за то другимъ будетъ хорошо. Безъ жертвъ никакое полезное нововведеніе не обходится.

Лидія.

Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Телятевъ.

Уже начинаемъ, ужь нѣсколько жертвъ принесено: одного въ синюю кубовую краску окрасили, съ другимъ еще хуже было.

Лидія.

Ну, вотъ, когда этотъ похвальный обычай укоренится ...

Телятевъ.

Тогда вы возьмете меня.

Лидія.

Если будете стоить. Вы очень вѣтрены.

Телятевъ.

Отчего я вѣтренъ, знаете ли?

Лидія.

Оттого, что душа мелка.

Телятевъ.

Нѣтъ! Оттого, что мнѣ постояннымъ быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннѣе телеграфнаго столба.

Лидія.

Испытаемъ.

Телятевъ.

Испытаете? Да я за одно это сейчасъ буду у ногъ вашихъ.

Лидія.

Нѣтъ, ужь отъ этой церемоніи вы меня увольте! Можно и безъ нея обойтись.

Телятевъ.

Какъ угодно. Однако, я все-таки чувствую потребность оказать вамъ какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидія (подаетъ ему руку).

Цалуйте! (Входитъ Глумовъ и остается въ глубинѣ.)

Явленіе седьмое.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ (не замѣчая Глумова).

Въ перчаткѣ? Что̀ это за поцалуй! Электричество, которымъ такъ переполнено мое сердце и которое я желаю передать вамъ, не дойдетъ до вашего сердца черезъ перчатку. Лайка дурной проводникъ. (Цалуетъ руку нѣсколько выше перчатки.)

Лидія.

Ну, довольно! Вамъ нельзя ничего позволить! Вы всегда дѣлаете больше того, что̀ вамъ дозволяютъ.

Телятевъ.

Да много ли больше-то? Всего на полвершка; сто̀итъ ли объ этомъ разговаривать!

Лидія.

Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этакъ ... (Увидавъ Глумова.) А! Егоръ Дмитричъ! Мы васъ и не видимъ.

Глумовъ.

Ничего, продолжайте, продолжайте, я вамъ не мѣшаю.

Лидія.

Что̀ такое: продолжайте? Что̀ за тонъ? Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцаловать мою руку? Я съ охотой позволю и вамъ то же сдѣлать. (Протягиваетъ ему руку.)

Глумовъ.

Покорно благодарю! Я рукъ не цалую ни у кого. Я позволяю себѣ цаловать руки только у матери или у любовницы.

Лидія.

Ну, такъ вамъ моей руки не цаловать никогда.

Глумовъ.

Какъ знать! Жизнь велика; гора съ горой не сходится ...

Лидія.

Пойдемте, Иванъ Петровичъ. (Подаетъ руку Телятеву.) Онъ грубый человѣкъ. (Глумову.) Вы мужа дожидаетесь? Подождите, онъ скоро придетъ.

Глумовъ.

Да-съ, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интереснаго передать ему.

Лидія.

Сдѣлайте милость, разсмѣшите его чѣмъ-нибудь! Онъ такой задумчивый. Забавлять лучше васъ никто не умѣетъ, вы очень забавны. (Уходятъ: Телятевъ и Лидія.)

Явленіе восьмое.

Глумовъ одинъ, потомъ Василій.

Глумовъ.

Да, я васъ позабавлю! Ай, Лидія Юрьевна, браво! Я еще только задумалъ подъѣхать къ ней съ лю-

безностями, а ужь тутъ двое. Теперь остается только ихъ стравить, всѣхъ втроемъ, и съ мужемъ. Василій! (Входитъ Василій.)

Василій.

Что̀, сударь, прикажете?

Глумовъ.

Когда у васъ Кучумовъ бываетъ, въ какое время?

Василій.

Завсегда, сударь, во второмъ часу. Баринъ въ это время дома не бываетъ.

Глумовъ.

Гдѣ же онъ бываетъ?

Василій.

Въ своемъ засѣданіи, съѣзжаются тоже все люди богатые, разговоръ промежъ нихъ идетъ о дѣлахъ.

Глумовъ.

О какихъ дѣлахъ?

Василій.

Какъ все чтобъ лучше, чтобъ имъ денегъ больше.

Глумовъ.

А твой баринъ богатъ?

Василій.

Само-собою.

Глумовъ.

Вѣдь по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тотъ и богатъ.

Василій.

Можетъ, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумовъ.

Невелики деньги.

Василій.

Поищемъ, такъ и найдемъ. Да что̀ говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякій понимать можетъ. Тоже и наука, а не то, что лежа на боку. Мы, можетъ, ночи не спали, страху навидѣлись. Какъ вы обо мнѣ понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верстъ не доѣзжалъ, назадъ вернули при машинахъ. Стало-быть, намъ много разговаривать нельзя. (Уходитъ.)

Глумовъ.

Что̀ онъ тутъ нагородилъ! Кучумовъ бываетъ во второмъ часу, это важное дѣло, такъ мы и запишемъ. (Входятъ: Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.)

Явленіе девятое.

Глумовъ, Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Глумовъ (Василькову).

Здравствуй!

Васильковъ.

Здравствуй!

Глумовъ.

Что̀ ты такъ озабоченъ?

Васильковъ.

Да вѣдь у меня дѣла-то не то, что у васъ по улицамъ собакъ гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте съ дамами; а мнѣ некогда, у меня дѣлъ много, я пойду заниматься.

Телятевъ и Глумовъ.

Ступай! ступай!

Васильковъ.

Къ обѣду освобожусь. Коли хотите обѣдать,

такъ оставайтесь безъ церемоніи! Милости просимъ! А не хотите, такъ убирайтесь. (Уходитъ въ кабинетъ.)

Надежда Антоновна.

Учтиво, нечего сказать.

Телятевъ.

Мы на него не сердимся, онъ добрый малый. А не убираться ли намъ въ самомъ дѣлѣ?

Глумовъ.

Поѣдемъ. Я домашнихъ обѣдовъ, за-просто, не люблю. Въ нихъ всегда есть что-то фамиліарное: либо квасъ по серединѣ стола въ большомъ графинѣ, либо домашнія наливки, либо миска съ отбитой ручкой, либо пирожки свѣчнымъ саломъ пахнутъ. У васъ, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обѣдать въ гостиницѣ или клубѣ.

Телятевъ.

Поѣдемъ въ Англійскій, нынче тамъ обѣдъ.

Глумовъ.

Поѣдемъ. (Раскланиваются и уходятъ.)

Явленіе десятое.

Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Лидія, мужъ твой или скупъ, или не имѣетъ состоянія.

Лидія (съ испугомъ).

Что вы говорите?

Надежда Антоновна.

Онъ давеча сказалъ мнѣ, что такъ жить ему не позволяютъ средства и что надо сократить расходы.

Что-жь будетъ, если онъ узнаетъ, сколько мы сдѣлали долговъ до свадьбы и что все придется платить ему? Твоихъ долговъ онъ и знать не хочетъ.

Лидія.

А гдѣ-жь пріиски?

Надежда Антоновна.

Выдумка Глумова.

Лидія.

Я погибла. Я, какъ бабочка, безъ золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна.

Мнѣ кажется, у него есть деньги, только онъ скупъ. Еслибъ ты оказала ему побольше ласки ... Переломи себя.

Лидія (задумавшись).

Ласки? Ласки? О, если только нужно, онъ увидитъ такую ласку, что задохнется отъ счастья. Это мнѣ будетъ практикой. Мнѣ нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка и что она стоитъ на вѣсъ золота. Мнѣ это годится впередъ, мнѣ безъ золота жить нельзя.

Надежда Антоновна.

Страшныя слова говоришь ты, Лидія.

Лидія.

Страшнѣй бѣдности ничего нѣтъ.

Надежда Антоновна.

Есть, Лидія: порокъ.

Лидія.

Порокъ! Что такое порокъ? Бояться порока, когда всѣ порочны, и глупо, и неразсчетливо. Самый большой порокъ есть бѣдность. Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ первый мой женскій подвигъ. Я доселѣ

была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись безъ стыда.

Надежда Антоновна.

Ахъ, перестань, Лидія! Ужасно, ужасно!

Лидія.

Вы старуха, вамъ бѣдность не страшна; я молодая, и хочу жить. Для меня жизнь тамъ, гдѣ блескъ, раболѣпство мужчинъ и безумная роскошь.

Надежда Антоновна.

Я не слушаю.

Лидія.

Кто богаче, Кучумовъ или Телятевъ? Мнѣ это нужно знать, они оба въ моихъ рукахъ.

Надежда Антоновна.

Оба они богаты и мотаютъ, но Кучумовъ богаче и добрѣе.

Лидія.

Только мнѣ и нужно. Гдѣ у васъ счеты изъ магазиновъ и лавокъ? Давайте сюда!

Надежда Антоновна.

(Достаетъ изъ кармана.)

Вотъ всѣ. (Уходитъ. Лидія беретъ ихъ и рѣшительнымъ шагомъ идетъ въ кабинетъ мужа. Навстрѣчу ей выходитъ Васильковъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Лидія и Васильковъ.

Лидія.

Я шла къ тебѣ.

Васильковъ.

А я къ тебѣ.

Лидія.

Вотъ и прекрасно. Мы сошлись на полдорогѣ; куда же намъ идти, къ тебѣ, или ко мнѣ? Туда. (Указываетъ на свои комнаты.) Туда, что-ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильковъ.

Остановимся пока на полдорогѣ. Поболтаемъ полчасика до обѣда. Ты меня, Лидія, прости, я тебя такъ часто оставляю одну.

Лидія.

Чѣмъ рѣже я тебя вижу, тѣмъ дороже ты для меня. (Обнимаетъ его.)

Васильковъ.

Что съ тобою, Лидія? Такая перемѣна меня удивляетъ.

Лидія.

Да развѣ я не живой человѣкъ, развѣ я не женщина! Зачѣмъ же я выходила замужъ? Мнѣ нечего стыдиться моей любви къ тебѣ! Я не дѣвочка, мнѣ 24 года. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня мужъ все,— понимаешь, все. Я и такъ долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильковъ.

Совершенно напрасно.

Лидія.

Теперь ужь, когда мнѣ придетъ въ голову задушить тебя въ своихъ объятіяхъ, такъ я задушу. Ты мнѣ позволь.

Васильковъ.

Да какъ не позволить.

Лидія.

Я не знаю, что со мной сдѣлалось. Я не лю-

била тебя прежде и вдругъ привязалась такъ страстно. Слышишь, какъ бьется мое сердце? Другъ мой, блаженство мое! (Плачетъ.)

Васильковъ.

Но объ чемъ же ты плачешь?

Лидія.

Отъ счастія.

Васильковъ.

Я долженъ плакать. Я искалъ въ тебѣ только изящную внѣшность и нашелъ доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидія.

Я тебя и такъ люблю, мой дикарь.

Васильковъ.

Да, я дикарь; но у меня мягкія чувства и образованный вкусъ. Дай мнѣ твою прелестную руку. (Беретъ руку Лидіи.) Какъ хороша твоя рука! Жаль, что я не художникъ.

Лидія.

Моя рука! У меня нѣтъ ничего моего, все твое, все твое. (Прилегаетъ къ нему на грудь).

Васильковъ (цалуя руку Лидіи).

Дай мнѣ обѣ! (Лидія прячетъ счеты въ карманъ.) Что ты тамъ прячешь?

Лидія.

Ахъ, пожалуйста, не спрашивай меня! Другъ мой, прошу тебя, не спрашивай!

Васильковъ.

Зачѣмъ ты такъ просишь? Если есть у тебя тайна, такъ береги ее про себя, я до чужихъ тайнъ не охотникъ.

Лидія.

Развѣ у меня могутъ быть тайны? Развѣ мы не

одна душа? Вотъ мой секретъ: въ этомъ карманѣ у меня счеты изъ магазиновъ, по которымъ maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь въ затрудненіи, отецъ денегъ не высылаетъ, у него какое-то большое предпріятіе. Я хотѣла заплатить за нее изъ своихъ денегъ, да не знаю, достанетъ-ли у меня въ настоящую минуту. Видишь какой вздоръ.

Васильковъ.

Покажи мнѣ эти счеты!

Лидія (отдаетъ счеты).

Нá! Зачѣмъ они тебѣ, не понимаю.

Васильковъ.

А вотъ зачѣмъ: за то блаженство, которое ты мнѣ нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, вѣдь я могъ жениться на бѣдной, пришлось бы дѣлать приданое на свой счетъ. А еще неизвѣстно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Лидія.

Нѣтъ, нѣтъ! Я тоже должна чѣмъ-нибудь заплатить матери за ея заботы обо мнѣ.

Васильковъ.

Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василій! (Входитъ Василій.) Подай со стола изъ кабинета счеты. (Василій приноситъ счеты и уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна. Васильковъ садится къ столу и начинаетъ разбирать счеты.)

Явленіе двѣнадцатое.

Васильковъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Лидія (тихо Надеждѣ Антоновнѣ).

Онъ все заплатитъ. (Ложится на диванъ и беретъ книгу въ руки. Громко.) Maman, не будемте мѣшать ему, онъ занятъ. (Надеждѣ Антоновнѣ, которая садится въ головахъ Лидіи — тихо.) Онъ у меня въ рукахъ.

Васильковъ (считая на счетахъ).

Лидія, тутъ счетъ за обои и за драпировки, которыя никакъ не могутъ идти въ приданое.

Лидія.

Ахъ, мой другъ, все это надо было поновить къ нашей свадьбѣ, къ намъ такъ много народу стало съѣзжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не рѣшились на такую трату.

Надежда Антоновна.

Простояло бы еще зиму.

Васильковъ.

Ну, хорошо, хорошо (считаетъ).

Лидія (Надеждѣ Антоновнѣ тихо).

Я вамъ говорю, что онъ заплатитъ за все, рѣшительно за все. (Входитъ горничная, очень модно одѣтая, и подаетъ Лидіи счетъ; та показываетъ ей рукой на мужа. Горничная подаетъ счетъ Василькову; тотъ, пробѣжавъ его, киваетъ головой на жену, и продолжаетъ стучать на счетахъ. Горничная опять подаетъ счетъ Лидіи, та беретъ его и небрежно бросаетъ на столъ. Горничная уходитъ. Входитъ Андрей съ двумя счетами — повторяется точно та же исторія. Андрей уходитъ. Входитъ Василій съ десяткомъ счетовъ и подаетъ ихъ Василькову.)

Василій.

Вотъ ихъ сколько, сударь! Что французовъ тамъ дожидается!

Васильковъ.

Подай барынѣ! (Василій подаетъ, Лидія бросаетъ ихъ на полъ.)

Василій (подбирая счеты).

Зачѣмъ же бросать! Счетъ—вѣдь это документъ, по ёмъ надо деньги платить.

Лидія.

Вонъ отсюда! Я не могу видѣть тебя! (Василій разглаживаетъ каждый счетъ, кладетъ ихъ аккуратно на столъ и уходитъ.)

Васильковъ.

(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ.)

Я кончилъ. Тутъ 32,547 рублей 98 копеекъ. Эта сумма для меня слишкомъ значительна, но я заранѣе далъ тебѣ слово и потому заплатить долженъ. Я займу сегодня, сколько будетъ нужно; но, чтобъ сохранить равновѣсіе въ бюджетѣ, мы должны будемъ надолго значительно сократить наши расходы. Черезъ улицу, напротивъ, есть одно-этажный домикъ въ три окна на улицу; я его смотрѣлъ, онъ для насъ будетъ очень достаточенъ. Надо распустить прислугу: я себѣ оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле, — повара отпустимъ и наймемъ кухарку. Лошадей держать не будемъ.

Лидія (смѣется).

Какъ же мы безъ лошадей останемся? Вѣдь лошади для того и созданы, чтобъ ѣздить. Неужели вы этого не знаете? На чемъ мы выѣзжать будемъ? Въ аэростатѣ вѣдь никто еще не ѣздилъ. Ха, ха, ха!

Васильковъ.

Когда сухо — пѣшкомъ, а грязно — на извощикѣ.

Лидія.

Вотъ любовь-то ваша!

Васильковъ.

Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Лидія.

Подите скорѣй! Commis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Имъ надо заплатить.

Васильковъ.

Платите вы, у васъ есть свои деньги.

Лидія.

Я не заплачу.

Васильковъ.

Васъ заставятъ судомъ.

Лидія.

Но мнѣ нечѣмъ заплатить! Боже мой! (Закрываетъ лицо руками.)

Надежда Антоновна (горячо).

За что̀ вы терзаете насъ? Мы заслуживаемъ лучшей участи. Мы ошиблись — вы бѣдны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувствъ, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вамъ въ примѣръ моего мужа. Онъ имѣлъ видное и очень отвѣтственное мѣсто; чрезъ его руки проходило много денегъ, и знаете ли, онъ такъ любилъ меня и дочь, что когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержанія достоинства нашей фамиліи, или просто даже для нашихъ прихотей, онъ ... онъ не зналъ различія между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, онъ пожертвовалъ собою для святого чувства семейной любви. Онъ былъ преданъ суду и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы.

Васильковъ.

И подѣломъ.

Надежда Антоновна.

Вы не умѣете цѣнить его, оцѣните хоть насъ! Вы бѣдны, мы васъ не оставимъ въ бѣдности; мы имѣемъ связи. Мы ищемъ и непремѣнно найдемъ вамъ хорошее мѣсто и богатую опеку. Вамъ останется только подражать моему мужу, примѣрному семьянину. (Подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ шепотомъ.) Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? (Показываетъ на карманъ.) Ужь это мое дѣло, чтобъ на васъ глядѣли сквозь пальцы. Пользуйтесь вездѣ, гдѣ только можно.

Васильковъ.

Да подите жь прочь съ вашими совѣтами. Никакая нужда, никакая красавица меня воромъ не сдѣлаютъ. Если вы мнѣ еще о воровствѣ заикнетесь, я съ вами церемониться не буду. Лидія, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но въ послѣдній разъ и съ такимъ условіемъ: завтра же переѣхать въ этотъ домикъ съ тремя окнами,—тамъ и для маменьки есть комната,—и вести жизнь скромную. Мы не будемъ никого принимать. (Разсматриваетъ счеты.)

Лидія.

(Прилегая на плечо къ матери.)

Надо съ нимъ согласиться. (Тихо.) У насъ будутъ деньги и мы съ вами будемъ жить богато. (Громко мужу.) Мой другъ, я согласна. Не противиться тебѣ, а благодарить тебя я должна. (Тихо матери.) Какъ я проведу его. (Громко мужу.) Мы не будемъ никого принимать.

Васильковъ (считая).

Я знаю, что ты у меня умница.

Лидія.

Но старикъ Кучумовъ, онъ благодѣтель всего нашего семейства, почти родственникъ.

Васильковъ (считая).

Ну, Кучумова можно. (Лидія судорожно сжимаетъ матери руку.)

Надежда Антоновна (тихо).

Ты что-то затѣваешь?

Лидія (тихо).

Затѣваю. Никто такъ меня не унижалъ, какъ онъ. Я теперь не женщина, я змѣя! И я его больно ужалю.

Васильковъ.

Однако, ты порядочная мотовка!

Лидія (кидается ему на шею).

Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мнѣ такіе уроки нужны, не жалѣй меня!

Васильковъ.

Значитъ, миръ?

Лидія.

Миръ, миръ, надолго, навсегда.

Васильковъ.

Ну, вотъ и прекрасно, моя милая! По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ другъ друга. Ты знаешь, чт я разсчетливъ, я знаю, что ты избалована, но за то любишь меня и доставишь мнѣ счастье, на которое грубому труженику нельзя было надѣяться и которое мнѣ дорого, очень дорого, моя Лидія, мой ангелъ! (Обнимаетъ жену.)

Занавѣсъ падаетъ.

Дѣйствіе четвертое.

Весьма скромная зала, она же и кабинетъ; по сторонамъ окна, на задней стѣнѣ направо отъ зрителей дверь въ переднюю, налѣво во внутреннія комнаты; между дверей изразцовая печь; меблировка бѣдная: письменный столъ, старое фортепьяно.

Явленіе первое.

Васильковъ (сидитъ у стола и собираетъ бумаги), **Василій** (стоитъ за стуломъ).

Васильковъ.

Ну, что̀, Василій Иванычъ, барыня, кажется, начинаетъ привыкать и къ новой квартирѣ, и къ тебѣ?

Василій.

Насчетъ квартиры не знаю, сударь, что̀ сказать. Все смѣются съ маменькой по-французски. А про меня ужь что̀! Какъ еще только я живъ!

Васильковъ.

Что̀ ты, Богъ съ тобою!

Василій.

Да помилуйте, Савва Геннадичъ, сударь! Имъ нужно, чтобъ въ штиблетахъ, а я не могу. Какой же я камардинъ, коли я при васъ служащій, все одно какъ помощникъ. Помилуйте, Савва Геннадичъ, мы, можетъ быть, съ вами нужду видали вмѣстѣ, можетъ быть, тонули вмѣстѣ въ рѣкѣ по нашему дѣлу.

Васильковъ.

Ну, да, да, конечно. (Встаетъ со стула.)

Василій.

Ну, и за фрукты тоже съѣла-было совсѣмъ.

Васильковъ.

За какіе фрукты?

Василій.

Конечно, по нашему званію ... и всего-то вотъ сколько было. (Показываетъ на пальцѣ.)

Васильковъ.

Чего?

Василій.

Рѣдечки... всего-то вотъ столько было. Сидѣлъ въ передней, доѣдалъ.

Васильковъ.

Ужь ты, Василій Иванычъ ...

Василій.

Да невозможно, сударь, Савва Геннадичъ! Мы народъ рабочій, на томъ воспитаны. Да мнѣ дороже она Богъ знаетъ чего.

Васильковъ.

Такъ слушай, Василій Иванычъ! Безъ меня, кромѣ Кучумова, никого не принимай!

Василій.

Ужь будьте покойны! (Уходятъ. Входитъ Лидія.)

Явленіе второе.

Лидія (одна).

Лидія.

Что такъ долго не ѣдетъ этотъ противный старичишка! Вотъ ужь три дня я томлюсь въ этой ко-

нурѣ, мнѣ страшно подойти къ окну. Теперь, чай, нарочно ѣздятъ мимо, чтобъ увидать меня въ окнѣ. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичокъ, Кучуминька, миленькій! Выручи меня изъ заключенія! Переѣхали бы мы съ maman на старую квартиру и зажили лучше прежняго. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имѣютъ много утѣшенія. Что ни говори, а Страусъ и Гунгль лучшіе знатоки женскаго сердца. (Пробуетъ фортепіано.) Экая дрянь! Это онъ нарочно завелъ, чтобъ меня унизить. Погоди же, мой другъ, я тебя утѣшу. (Прислушивается, слышитъ стукъ экипажа). Посмотрѣла бы, да стыдно свѣтской дамѣ подойти къ косящату окну! Не Кучумовъ ли? Онъ всегда въ два часа бываетъ. Онъ, онъ! Идетъ на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будетъ? (За сценой голосъ Кучумова: „Дома барыня?“ Голосъ Василія: „Пожалуйте! У себя-съ!“ Кучумовъ входитъ.)

Явленіе третье.

Лидія и Кучумовъ.

Лидія.

Наконецъ-то, а еще папаша.

Кучумовъ.

(Цалуя руку Лидіи, грозно оглядываетъ комнату.)

Что̀ такое? Что̀ такое? Куда это вы попали? Что̀ за обстановка! Это постоялый дворъ какой-то. Но, я васъ спрашиваю, что̀ все это значитъ? Мой ангелъ, не сердитесь на меня, что я такъ грубо васъ спрашиваю! Въ такихъ комнатахъ иначе нельзя говорить, какъ грубо. Какъ это случилось? Чѣмъ вы себя довели до такого униженія? Вы срамите фамилію Чебоксаровыхъ!

Лидія.

Вы меня не упрекайте, а лучше пожалѣйте!

Кучумовъ.

Нельзя васъ жалѣть, милостивая государыня. Вы позорите свой родъ. Что̀ бы сказалъ вашъ бѣдный отецъ, если бы узналъ ваше униженіе!

Лидія.

Что̀ же мнѣ дѣлать?

Кучумовъ.

Бѣжать, сударыня, бѣжать безъ оглядки.

Лидія.

Куда? У maman ничего нѣтъ. Онъ за насъ всѣ долги заплатилъ.

Кучумовъ.

Его прямая обязанность. За обладаніе такимъ сокровищемъ, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, онъ обязанъ исполнять всѣ ваши желанія.

Лидія.

Видно, онъ не считаетъ за большое счастіе обладать мною.

Кучумовъ.

А не считаетъ, тѣмъ лучше. Вы должны знать цѣну себѣ. Переѣзжайте съ maman на старую квартиру, въ этомъ нѣтъ ничего дурного; а жить въ курятникѣ позорно.

Лидія.

Но, папаша, чѣмъ же намъ жить? У maman нѣтъ ничего, у меня тоже. На кредитъ нельзя разсчитывать.

Кучумовъ.

Кредитъ! Да на что̀ вамъ кредитъ? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мнѣ. Вамъ стыдно было попросить у меня денегъ, а не стыдно феѣ жить въ такомъ шалашѣ! Вы, фея наша легко-

крылая, вы забыли свое могущество. Вамъ стоитъ сдѣлать только одинъ жестъ, и этотъ шалашъ превратится во дворецъ.

Лидія.

Какой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Вы и какъ фея, и какъ женщина, должны это знать лучше, чѣмъ мы, мужчины. У фей и женщинъ въ запасѣ много жестовъ.

Лидія (бросаясь ему на шею).

Такой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Такъ, такъ, такъ ... (Зажмуривъ глаза, опускается на стулъ.) Съ тебя будетъ пока сорока тысячъ на первый разъ?

Лидія.

Я не знаю, папаша.

Кучумовъ.

Теперь вамъ много не нужно, вы переѣдете на старую квартиру, она отдѣлана превосходно и еще не занята. Гардеробъ у тебя восхитительный! На первое время вамъ сорока тысячъ слишкомъ довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу ихъ изъ кареты, нарочно проиграю въ клубѣ. Во всякомъ случаѣ, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидія.

Ну, такъ давай, папаша!

Кучумовъ (берется за карманъ)

Ахъ, Боже мой! Это только со мной съ однимъ случается. Нарочно положилъ на столѣ бумажникъ и позабылъ. Дитя, прости меня! (Цалуетъ у нея руку.)

Я тебѣ привезу ихъ завтра на новоселье. Я надѣюсь, что вы нынче же переѣдете. Закажу у Эйнемъ пирогъ, куплю у Сазикова золотую солонку фунтовъ въ пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотомъ для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки, полуимперіаловъ съ сотню наберу у себя.

Лидія.

Mercі, mercі, папаша. (Гладитъ его по головѣ.)

Кучумовъ.

Блаженство! Блаженство! Что такое деньги? Имѣй я хоть милліоны, но если не вижу такихъ глазъ, такихъ ласкъ, я нищій. (Входитъ Надежда Антоновна.)

Явленіе четвертое.

Лидія, Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, Григорій Борисычъ совѣтуетъ намъ переѣзжать на старую квартиру.

Кучумовъ.

Разумѣется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Григорій Борисычъ, не говорите! Что я терплю! Какъ я страдаю! Вы знаете мою жизнь въ молодости; теперь, при одномъ воспоминаніи, у меня дѣлаются припадки. Я-бы уѣхала съ Лидіей къ мужу, но онъ пишетъ, чтобъ мы не ѣздили. О вашихъ деньгахъ ничего не упоминаетъ.

Кучумовъ.

Не дошли. (Считаетъ по пальцамъ.) Вторникъ, среда,

четвергъ, пятница ... Онъ ихъ получилъ вчера вечеромъ или сегодня утромъ.

Лидія.

Maman, намъ бы переѣхать сейчасъ же.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Лидія, нужно подумать.. Мнѣ все кажется, что твой мужъ притворяется, а что онъ очень богатъ.

Лидія.

Богатъ онъ, бѣденъ ли, но онъ насъ унизилъ, и между нами все кончено. Григорій Борисычъ сдѣлалъ для насъ много и не желаетъ, чтобъ я жила съ мужемъ. Наша жизнь будетъ вполнѣ обезпечена, папашка мнѣ обѣщалъ.

Надежда Антоновна.

Папашка! Гдѣ ты научилась? Ахъ, Лидія, какъ ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидія.

Скажите! Стыдно? Я теперь рѣшилась называть стыдомъ только бѣдность, все остальное для меня не стыдно. Maman, мы съ вами женщины, у насъ нѣтъ средствъ жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, какъ же вы можете требовать отъ меня стыда! Нѣтъ, ужь вамъ поневолѣ придется смотрѣть кой-на-что сквозь пальцы. Такова участь всѣхъ матерей, которыя воспитываютъ дѣтей въ роскоши и оставляютъ ихъ безъ денегъ.

Кучумовъ.

Benissimo! Я никакъ не могъ ожидать, чтобы въ такой молодой женщинѣ было столько житейской мудрости.

Лидія.

Маmап, папашка обѣщаетъ намъ на новоселье сорокъ тысячъ.

Надежда Антоновна (съ радостью).

Неужели? (Кучумову.) Вы очень, очень добрый человѣкъ. Однакожь, все-таки подумать надо.

Лидія.

О чемъ думать? Здѣсь униженіе, тамъ — счастье.

Надежда Антоновна.

Пойдемте въ мою комнату, обсудимте вопросъ со всѣхъ сторонъ. Главное, чтобъ приличіе было сохранено.

Лидія (матери).

Въ этомъ положитесь на меня.

Кучумовъ.

Я ужь не мальчишка, умѣю пользоваться счастьемъ втихомолку, много не болтаю. (За сценой голосъ Василія: „Не приказано принимать“ Голосъ Глумова: „Что̀ ты врешь!“. Кучумовъ, Лидія, Надежда Антоновна уходятъ. Шляпа Кучумова остается на столѣ. Входятъ: Глумовъ и Василій.)

Явленіе пятое.

Глумовъ и Василій.

Глумовъ.

Что̀ ты, болванъ, выдумываешь? Меня не велѣно принимать! Невозможно!

Василій.

Совсѣмъ я не болванъ; на болванахъ чепчики шьютъ. А что не велѣно пущать, опять же не моя вина.

Глумовъ.

Кто-жь не велѣлъ пущать, баринъ или барыня?

Василій.

Да нешто для васъ не все равно! Кто бы ни приказалъ, а, значитъ, пущать не буду. А коли хотите знать, такъ вотъ вамъ разъ: и баринъ не велѣлъ, и барыня, и ни за что къ вамъ не выдутъ.

Глумовъ.

Ты глупъ безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему меня не велѣно принимать. Не знаешь ли? Не слыхалъ ли ты, любезный другъ, хоть краемъ своего ослинаго уха? Такъ повѣдай, рубль серебромъ деньга не малая.

Василій.

Покорно благодарю. Пожалуйте. (Беретъ рубль и прячетъ въ карманъ.) А что я вамъ проповѣдаю? Извѣстно, дѣла, обстоятельства. Вы придете, другой, третій; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все разсчетъ. А дѣла наши, баринъ говоритъ, повидимости, подходятъ тонкія. А вы разсудите сами! Пожалуй, корми дармоѣдовъ-то, пользы отъ нихъ никакой, а все изъ кармана. Вотъ кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у насъ знакомство! ...

Глумовъ.

Ну, довольно! Дай клочокъ бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василій.

Да вотъ бумага-то на столѣ! Только вы отъ хорошей, зря, не рвите! А я, что-жь, я уйду. (Уходитъ.)

Глумовъ (беретъ бумагу и перо).

Что бы такое ему написать? (Замѣчаетъ шляпу.) Чья эта шляпа? (Беретъ ее въ руки.) Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значитъ, князинька здѣсь. Вотъ и пре-

красно. Васильковъ теперь ужь получилъ письмо Телятевъ тоже; съѣдутся всѣ вмѣстѣ. Вотъ будетъ сцена. Напишу, для отклоненія подозрѣнія, что-нибудь. (Пишетъ и читаетъ.) „Любезнѣйшій другъ, я заходилъ къ тебѣ посовѣтоваться по одному дѣлу. Жаль, что не засталъ. Завтра зайду пораньше. Твой Глумовъ". Написано крупно, положу посреди стола, чтобъ онъ увидалъ сразу. (Голосъ Телятева: „Ну, а я, все-таки, войду". Входятъ: Телятевъ и Василій.)

Явленіе шестое.

Глумовъ, Телятевъ и Василій.

Телятевъ (Глумову).

Ты былъ у Лидіи Юрьевны?

Глумовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ она? Я заходилъ къ Саввѣ, да не засталъ, записку ему оставилъ. Прощай! Если ты хочешь Василькова видѣть, такъ ступай на биржу, онъ тамъ цѣлый день проводитъ.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Глумовъ.

Онъ, кажется, новою отраслью промышленности занялся, шелкомъ маклеруетъ.

Телятевъ.

Отличное занятіе.

Глумовъ.

Въ хорошій день рублей пять выторгуетъ.

Василій.

Вотъ ужь это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумовъ.

Помнишь, сколько къ намъ провинціаловъ наѣзжало! Подумаешь, у него горы золотыя, — такъ развернется. А глядишь, покутитъ недѣль шесть, либо въ солдаты продается, либо его домой по этапу вышлютъ, а то пріѣдетъ отецъ, да какъ въ трактирѣ за волосы ухватитъ, такъ и везетъ его до самаго дому верстъ четыреста. (Глядитъ на часы.) Однако, мнѣ пора. Какъ я заболтался. (Быстро уходитъ.)

Телятевъ.

(Садится къ столу, держа свою шляпу въ лѣвой рукѣ.)

Ну, какъ же, Василій Иванычъ, принимать не велѣли?

Василій.

Да такъ же, сударь.

Телятевъ.

Да вы это, Василій Иванычъ, по глупости, можетъ быть?

Василій.

Нѣтъ, истинно, истинно. Что вы? Смѣю ли я!

Телятевъ.

И вамъ, Василій Иванычъ, меня не жаль?

Василій.

Какъ не жаль, сударь. Извѣстно, вы не какъ другіе.

Телятевъ.

Лучше?

Василій.

Не въ примѣръ.

Телятевъ.

Садитесь, Василій Иванычъ! (Василій Иванычъ садится и опирается руками въ колѣна.) Давайте съ вами разговаривать.

Василій.

Вы думаете, не могу?

Телятевъ.

Ничего я не думаю. Вы, я слышалъ, были въ Лондонѣ, а въ Марокко не были?

Василій.

Этакихъ странъ я, сударь, и не слыхивалъ. Морокъ, такъ онъ Морокомъ и останется, а намъ не для чего. У насъ, по нашимъ грѣхамъ, тоже этого достаточно, обморочатъ какъ разъ. А знаютъ-ли они тамъ холодъ и голодъ, вотъ что?

Телятевъ.

Про голодъ не слыхалъ, а холоду не бываетъ оттого, что тамъ очень жарко.

Василій.

Ну, и пущай они дохнутъ съ голоду ли, съ жару ли, а намъ пуще всего уповать нужно.

Телятевъ.

На что же уповать, Василій Иванычъ?

Василій.

Чтобъ какъ все къ лучшему. По нашему теперь тоже дѣлу босоты и наготы навидались. Конечно, порядокъ такой искони бѣ; а Богъ невидимо посылаетъ.

Телятевъ.

Василій Иванычъ, въ философіи далеко уходить не годится.

Василій.

Я и про что другое могу.

Телятевъ.

Прощайте, Василій Иванычъ. (Въ разсѣяніи беретъ со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочетъ надѣть обѣ.) Это какъ же, Василій Иванычъ?

Василій.

Грѣхъ, сударь, бываетъ со всякимъ.

Телятевъ.

Какой же тутъ грѣхъ-то, Василій Иванычъ?

Василій.

Бываетъ, что и уносятъ.

Телятевъ.

Вы, Василій Иванычъ, заврались!

Василій.

А вотъ что̀, сударь: помѣряйте обѣ, которая впору, та и ваша.

Телятевъ.

Вотъ, Василій Иванычъ, умныя рѣчи пріятно и слушать. (Примѣриваетъ сначала свою.) Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значитъ, онъ здѣсь?

Василій (таинственно).

Здѣсь-съ.

Телятевъ.

Гдѣ же онъ? (Василій молча и величественно указываетъ на дверь во внутреннія комнаты.) Отчего же его принимаютъ, а меня нельзя?

Василій.

Потому, сродственникъ.

Телятевъ.

Такой же сродственникъ, какъ и вы, Василій Иванычъ. Ужь вы меня извините, я останусь, а вы подите въ переднюю.

Василій.

Оно точно, что въ это время баринъ никогда дома не бываетъ, а если въ другой разъ ...

Телятевъ.

Ну, довольно, Василій Иванычъ! Учтивость за учтивость; а то я скажу вамъ: „пошелъ вонъ!“

Василій.

Можно, для васъ все, сударь, можно. (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Телятевъ одинъ.

Телятевъ.

(Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ.)

Не будь, Телятевъ, легковѣренъ,
Бываютъ въ мірѣ чудеса;
Князекъ надуть тебя намѣренъ
У Васильковой въ два часа.

И все такъ точно, и надулъ. Онъ сродственникъ, а меня и принимать не приказано. Что же мнѣ дѣлать? Уступить даромъ какъ-то неловко, что-то за сердце скребетъ. Подожду ихъ, посмотрю, какъ она его будетъ провожать. Вотъ удивятся, вотъ рты-то разинутъ, какъ я встану передъ ними, какъ statua gentilissima. А статуя Командора, — мнѣ одинъ нѣмецъ божился до того, что заплакалъ, — представляетъ совѣсть. Ужасно будетъ ихъ положеніе. А не лучше ли явиться къ нимъ самому, оно, конечно, не совсѣмъ учтиво ... Гдѣ они скрываются? (Подходитъ къ двери и прислушивается.) Никого нѣтъ. Проникну далѣе. (Отворяетъ осторожно дверь, уходитъ и такъ же осторожно затворяетъ. Входятъ: Васильковъ и Василій.)

Явленіе восьмое.

Васильковъ и Василій.

Васильковъ (быстро).

Былъ безъ меня кто-нибудь?

Василій.

Господинъ Глумовъ. Вотъ и записку оставили.

Васильковъ (строго).

А еще кто?

Василій.

Господинъ Кучумовъ ... а ...

Васильковъ.

Ну, хорошо, ступай! (Василій уходитъ.) Кучумовъ такъ старъ, что и подозрѣвать нельзя; моя жена женщина со вкусомъ. (Останавливается передъ столомъ въ задумчивости и видитъ записку Глумова. Вынимаетъ изъ кармана письмо и сличаетъ съ запиской Глумова.) Ничего не похоже, а я думалъ, что онъ. (Читаетъ письмо):

Изъ дома мужъ уходитъ смѣло
Съ утра на биржу дѣлать дѣло,
И вѣритъ, что жена отъ скуки
Сидитъ и ждетъ, сложивши руки.
Несчастный мужъ!
Для мужа другъ велико дѣло,
Когда жена сидитъ безъ дѣла.
Мужъ занятъ, а жена отъ скуки,
Глядишь и бьетъ на обѣ руки.
Несчастный мужъ!

„Будь дома въ два часа непремѣнно, и ты поймешь смыслъ этихъ словъ". (Короткое молчаніе.) Что это, шутка или несчастіе? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить надъ человѣкомъ, не зная его сердца. Если это несчастіе, то зачѣмъ же оно приходитъ такъ рано и неожиданно. Еслибъ я зналъ свою жену, я бы не колебался. Какъ любитъ, какъ чувствуетъ простая дѣвушка или женщина, я знаю; а какъ чувствуетъ свѣтская дама — я не знаю. Я души ея не вижу; я ей чужой, и она мнѣ чужая. Ей не нужно сердца, а нужны рѣчи. А у меня рѣчей нѣтъ. О, проклятыя рѣчи! Какъ легко мы перенимаемъ чужія рѣчи, и какъ туго перенимаемъ чу-

жой умъ. Теперь говорятъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, а думаютъ все еще, какъ при Аскольдѣ. А дѣлаютъ ... Да что здѣсь дѣлаютъ? Ничего не дѣлаютъ. Но что же, однако, значитъ это письмо? Пойду, покажу его Лидіи. Но если, если! ... Боже! Что мнѣ дѣлать тогда, что мнѣ дѣлать? Какъ повести себя? Нѣтъ, нѣтъ, стыдно въ такомъ дѣлѣ готовиться, стыдно роль играть! Что подскажетъ мнѣ глупое провинціальное сердце, то и сдѣлаю. (Открываетъ ящикъ съ пистолетами, осматриваетъ ихъ, опять кладетъ на мѣсто; ящикъ остается открытымъ. Идетъ къ двери; на встрѣчу ему тихо, пятясь задомъ, показывается Телятевъ.)

Явленіе девятое.

Васильковъ и Телятевъ.

Васильковъ.

Телятевъ, такъ друзья не дѣлаютъ.

Телятевъ.

А, здравствуй. (Тихо.) Постой, погоди, они сейчасъ выдутъ.

Васильковъ.

Отвѣчай мнѣ на мои вопросы, или я тебя убью на мѣстѣ.

Телятевъ.

Потише ты, я говорю тебѣ! (Прислушивается.) Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильковъ.

Ты къ моей женѣ пріѣхалъ?

Телятевъ.

Да.

Васильковъ.

Зачѣмъ?

Телятевъ.

Пріятно провести время, полюбезничать. Какіе ты странные вопросы дѣлаешь!

Васильковъ.

Отчего же ты къ моей женѣ ѣдешь, а не къ другимъ?

Телятевъ.

Оттого, что у меня вкусъ хорошъ.

Васильковъ

Мы будемъ стрѣляться.

Телятевъ.

Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильковъ.

Чьи бы голоса ни были, они мнѣ не помѣшаютъ.

Телятевъ.

Ты съ ума сошелъ, Савва. Опомнись, выпей холодной воды.

Васильковъ.

Нѣтъ, Телятевъ. Я человѣкъ смирный, добрый; но бываютъ въ жизни минуты ... Ахъ, я разсказать тебѣ не могу, что̀ дѣлается въ моей груди ... Видишь, я плачу ... Вотъ пистолеты! Выбирай любой.

Телятевъ.

Коли ты подарить хочешь, такъ давай оба, къ чему ихъ рознить; а коли стрѣляться, такъ куда торопиться, чудакъ! У меня сегодня обѣдъ хорошій. Послѣ сытнаго обѣда мнѣ всегда тяжело жить на свѣтѣ; тогда, пожалуй, давай стрѣляться.

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей.

Телятевъ.

Ну, ужь вѣдь я тоже съ характеромъ, я здѣсь не буду, говорю тебѣ наотрѣзъ. Что̀ за мѣсто? Всякое дѣло, Савва, нужно дѣлать порядкомъ. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мнѣ, зачѣмъ ты переѣхалъ въ такую гнусную квартиру?

Васильковъ.

Средствъ нѣтъ жить лучше.

Телятевъ.

Такъ возьми у меня. (Вынимаетъ бумажникъ.) Сколько тебѣ нужно? Да, пожалуй, бери всѣ, я въ Москвѣ и безъ денегъ проживу.

Васильковъ.

Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? (Беретъ пистолетъ.)

Телятевъ.

Послушай, любезный другъ! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чѣмъ ты думаешь и чѣмъ ты стòишь.

Васильковъ.

Извини! Я человѣкъ помѣшанный.

Телятевъ.

Я просто предлагаю тебѣ деньги, по добротѣ сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встрѣчному, когда нѣтъ — занимай у перваго встрѣчнаго.

Васильковъ.

Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тутъ?

Телятевъ.

Сочтешь послѣ. Тысячъ около пяти.

Васильковъ.

Надо счесть теперь и дать тебѣ росписку.

Телятевъ.

Ужь отъ этого, сдѣлай милость, уволь. Съ меня берутъ росписки, а я ни съ кого; хоть бы я и взялъ, я ее непремѣнно потеряю.

Васильковъ.

Спасибо. Я тебѣ заплачу хорошіе проценты.

Телятевъ.

Шампанскимъ, другихъ процентовъ не беру.

Васильковъ.

А, все-таки, за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы съ тобой стрѣляться будемъ.

Телятевъ.

Не стòитъ, повѣрь мнѣ, не стòитъ. Если она честная женщина, изъ моего ухаживанія ничего не выдетъ, а мнѣ, все-таки, развлеченіе; если она дурная женщина, не стòитъ за нее стрѣляться.

Васильковъ.

Чтò же мнѣ тогда дѣлать, въ этомъ послѣднемъ случаѣ? (Съ отчаяніемъ.) Чтò мнѣ дѣлать?

Телятевъ.

Бросить ее, и все тутъ.

Васильковъ.

Я былъ такъ счастливъ, она такъ притворялась, что любитъ меня! Ты только подумай! Для меня, для провинціала, для несчастнаго тюленя, ласки такой красавицы — вѣдь, рай! И вдругъ она измѣняетъ. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мнѣ жизнь не мила; она меня обманываетъ.

Телятевъ.

Такъ ты ее убей, а меня-то за чтò же?

Васильковъ.

За то, что вы ее развратили. Она отъ природы созданіе доброе; въ вашемъ омутѣ женщина можетъ потерять все, — и честь, и совѣсть, и всякій стыдъ. А ты развратнѣй всѣхъ. Нѣтъ, нѣтъ, бери пистолетъ, а то я тебя убью стуломъ.

Телятевъ.

Ну, чортъ съ тобой! Ты мнѣ надоѣлъ. Давай стрѣляться! (Проходитъ къ пистолетамъ и прислушивается у двери.) Вотъ что: передъ смертью попробуемъ спрятаться за печку!

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, стрѣляться!

Телятевъ (беретъ его за плечо.)

Тише ты, тише, ради Бога! (Насильно уводитъ его за печку къ выходной двери. Входятъ: Кучумовъ и Лидія.)

Явленіе десятое.

Васильковъ, Телятевъ, Кучумовъ и Лидія.

Кучумовъ (поетъ.)

„In mia mano al fin tu sei".

Лидія.

Прощай, папашка!

Кучумовъ (поетъ).

Лобзай меня! Твои лобзанья ... Addio, mia carina! ...

Лидія.

Изволь, папашка! (Цалуетъ его. Телятевъ и Васильковъ выходятъ изъ-за печки.) Ай! (Отходитъ въ сторону.)

Кучумовъ (грозя пальцемъ).

Но, но, но, господа! Я по правамъ старой дружбы. Honni soit, qui mal y pense!

Васильковъ (указываетъ двери).

Вонъ! Завтра я пришлю къ вамъ секунданта.

Кучумовъ.

Ни, ни, ни, молодой человѣкъ! Я съ вами драться не стану; моя жизнь слишкомъ дорога для Москвы, чтобъ поставить ее противъ вашей, можетъ-быть, совсѣмъ безполезной.

Васильковъ.

Такъ я убью васъ. (Идетъ къ столу.)

Кучумовъ.

Но! Молодой человѣкъ, но! Такъ не шутятъ, молодой человѣкъ, не шутятъ! (Быстро уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна.)

Явленіе одиннадцатое.

Васильковъ, Телятевъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Что̀ за шумъ у васъ?

Васильковъ.

Возьмите отъ меня вашу дочь! Мы съ вами въ разсчетѣ. Я возвращаю ее вамъ такую же безнравственную, какъ и взялъ отъ васъ; она жаловалась, что перемѣнила свою громкую фамилію на мою почти мѣщанскую, — за то я теперь въ правѣ жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любитъ меня; я, проживя съ ней только недѣлю, презираю ее. Она шла за меня ни съ чѣмъ, — я заплатилъ за ея приданое и за ея наряды; это пусть она зачтетъ за то, что я недѣлю пользовался ея ласками, хотя и не одинъ.

Лидія.

Ха, ха, ха! Какая трагедія!

Надежда Антоновна.

Что̀ вы! Что̀ вы! У васъ какое-то недоразумѣніе. Бываютъ случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильковъ (Телятеву).

Другъ мой, не оставляй меня; мнѣ нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Вотъ твои деньги, возьми ихъ! Я хотѣлъ за твою доброту заработать тебѣ огромные проценты. Возьми ихъ! (Отдаетъ деньги Телятеву, тотъ кладетъ ихъ небрежно въ карманъ. Лидія пристально смотритъ на деньги.) Нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, написать къ матушкѣ ... Я застрѣлюсь. (Опускаетъ голову на грудь.)

Телятевъ.

Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомаго двѣ жены бѣжали. Что̀-жь, ему два раза надо было застрѣлиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человѣкъ благоразумный, я тебѣ много могу дать хорошихъ совѣтовъ. Во-первыхъ, ты не вздумай стрѣляться въ комнатѣ,—это не принято: стрѣляются въ Петровскомъ паркѣ; во-вторыхъ, мы съ тобой сначала пообѣдаемъ хорошенько, а тамъ видно будетъ.

Васильковъ (Надеждѣ Антоновнѣ).

Берите скорѣе вашу дочь отъ меня. Берите ее скорѣй!

Лидія.

Скорѣе, чѣмъ вы думаете. Мы сами сегодня хотѣли переѣхать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся изъ ея зеркальныхъ оконъ даже не глядѣть на эту жалкую лачугу съ жалкимъ обитателемъ ея. Вы играли комедію, и мы играли комедію. У насъ больше денегъ, чѣмъ у васъ; но мы женщины, а женщины платить не любятъ. Я притворялась, что люблю васъ, притворялась съ отвра-

щеніемъ; но мнѣ нужно было, чтобъ вы заплатили наши долги. Я въ этомъ успѣла, съ меня довольно. Оцѣнили ли вы мою способность притворяться? Съ такой способностью женщина не погибнетъ. Застрѣлитесь, пожалуйста, поскорѣй! Телятевъ, не отговаривайте его. Вы мнѣ развяжете руки, и ужь въ другой разъ я не ошибусь въ выборѣ или мужа, или ... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желаніе не видѣть васъ болѣе никогда. (Матери.) Вы послали за экипажемъ?

Надежда Антоновна.

Посылала, онъ готовъ. (Уходитъ, за ней Лидія.)

Васильковъ.

Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятевъ.

Ну, гдѣ же кончено? Мало ли еще осталось въ жизни?

Васильковъ.

Нѣтъ, уже все. Если бы я самъ былъ злой человѣкъ, какъ она, я бы теперь грызъ себѣ руки, колотился головой объ стѣну; еслибъ я самъ ее обманывалъ, я бы ее простилъ. Но я человѣкъ добрый, я ей вѣрилъ, а она такъ коварно насмѣялась надъ моей добротой. Надъ чѣмъ хочешь смѣйся: надъ лицомъ моимъ, надъ моей фамиліей, но надъ добротой! ... Надъ тѣмъ, что я любилъ ее, что послѣ каждой ласки ея я по часу сидѣлъ въ кабинетѣ и плакалъ отъ счастья! Другъ, во мнѣ оскорблено не самолюбіе, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тѣло. (Плачетъ.)

Телятевъ.

Послушай! Ты лучше замолчи! А то я самъ расплачусь; хороша будетъ у меня физіономія! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю

хоть на нѣсколько часовъ! Мы съ тобой пообѣдаемъ; чѣмъ я тебя буду кормить, поить, — это мое дѣло.

Васильковъ

(беретъ пистолетъ и кладетъ въ карманъ).

Другъ мой, что̀ это? (Подбѣгаетъ къ окну.) Карета! Онѣ уѣзжаютъ! (Совершенно убитый.) Вези мой трупъ, куда хочешь, пока онъ не ляжетъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ за заставой. (Уходитъ).

(Занавѣсъ падаетъ.)

Дѣйствіе пятое.

Будуаръ въ прежней квартирѣ Чебоксаровыхъ, направо отъ зрителей дверь въ залу, прямо — входная, налѣво зеркальное окно.

Явленіе первое.

Лидія въ утреннемъ костюмѣ лежитъ на кушеткѣ, **Чебоксарова** входитъ.

Надежда Антоновна.

Что̀, не былъ?

Лидія.

Нѣтъ еще.

Надежда Антоновна.

Я совершенно потеряла голову. Что̀ намъ дѣлать? Кучумовъ, недѣлю тому назадъ, вмѣсто того, что̀ обѣщалъ привезти на новоселье, далъ мнѣ только 613 рублей, и то съ такими гримасами, съ такими ужимками, какъ будто онъ дѣлаетъ Богъ знаетъ какое одолженіе. У насъ опять накопилась пропасть долговъ. Не забудь, вся мебель новая, та продана твоимъ злодѣемъ.

Лидія.

Онъ обѣщалъ непремѣнно привезти сегодня. Ему не вѣрить стыдно, когда онъ сдѣлалъ такое одолженіе отцу.

Надежда Антоновна.

Да сдѣлалъ ли, я что-то сомнѣваюсь. Вотъ я сегодня получила письмо отъ мужа; онъ пишетъ, что никакихъ денегъ не получалъ, что имѣніе его продано, а самъ онъ теперь живетъ у своего пріятеля. Онъ мнѣ пишетъ, что послѣ продажи, за удовлетвореніемъ долга, ему остается очень незначительная сумма и что на нее онъ хочетъ съ какимъ-то татариномъ или башкиромъ завести кумысъ.

Лидія.

Теперь я понимаю. Знаете, кто купилъ имѣніе?

Надежда Антоновна.

Кто?

Лидія.

Кучумовъ. Онъ обѣщалъ купить и подарить его мнѣ.

Надежда Антоновна.

Едва ли. Твой отецъ пишетъ, что на торгахъ далъ самую большую сумму какой-то Ермолаевъ, повѣренный Василькова. Ужь не онъ ли? (Показываетъ на окно.)

Лидія.

Смѣшно! Гдѣ ему! Вы сами видѣли, что онъ занималъ деньги у Телятева и обѣщалъ большіе проценты; а большіе проценты даютъ только въ нуждѣ. Да онъ и слишкомъ глупъ для такого дѣла. Не упоминать о немъ будетъ гораздо покойнѣе.

Надежда Антоновна.

Ужь, конечно.

Лидія.

Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мнѣ надо, чтобъ всякая память о немъ изгладилась изъ моего воображенія. Я бросила бы ему всѣ его

подарки, еслибъ они не были такъ драгоцѣнны. Я ихъ велѣла всѣ передѣлать, чтобъ они не имѣли прежней формы.

Надежда Антоновна.

Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять въ долгъ у одного каретника и гербы велѣла сдѣлать. Лошадей будемъ брать извощичьихъ, а своей коляски не имѣть нельзя. Извощичій экипажъ всегда замѣтенъ. (Уходитъ).

Лидія.

Да, опытность великое дѣло. Я все еще очень довѣрчива. А съ довѣрчивостью можно сдѣлать ошибку неисправимую. (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Проси! (Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ.)

Явленіе второе.

Лидія и Кучумовъ.

Кучумовъ.

(Становясь на колѣна и цалуя руку Лидіи)

Il segretto per esser felice ...

Лидія.

Что за шалости! Садитесь, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Кучумовъ.

Какая холодность! Что за тонъ, дитя мое?

Лидія.

Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы

меня заставили переѣхать отъ мужа; мы должаемъ: мнѣ стыдно напоминать вамъ о деньгахъ, точно я у васъ на содержаніи, вы сами навязались съ деньгами.

Кучумовъ (садится).

Вамъ меня надо или убивать, или прощать за мою разсѣянность. Сейчасъ отсчитывалъ деньги въ бумажникъ, чтобы взять съ собой, вошла вдругъ жена, я его кинулъ въ столъ и заперъ. Заболтался съ ней, такъ и позабылъ. Я вамъ привезу деньги черезъ полчаса.

Лидія.

А кто купилъ имѣніе отца?

Кучумовъ.

Разумѣется, я.

Лидія.

Отецъ пишетъ, что купилъ повѣренный Василькова.

Кучумовъ.

Иначе и быть не можетъ, я далъ довѣренность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестилъ. Онъ законовъ не знаетъ и передовѣрилъ отъ себя другому. Какое онъ мнѣ уморительное письмо прислалъ! Я вамъ привезу его черезъ десять минутъ. (Встаетъ и оглядываетъ комнату. Поетъ.) Jo son rico, tu sei bella. Вотъ это мило и это недурно. Какой у васъ вкусъ! Тутъ надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропическихъ растеній. Здѣсь подъ пальмой будетъ мѣсто нашихъ интимныхъ разговоровъ. Я это сегодня же пришлю. (Садится подлѣ Лидіи.)

Лидія (отодвигаясь).

Ну, вотъ, когда вы привезете намъ деньги, я васъ опять буду звать папашей и, можетъ быть, полюблю.

Кучумовъ (поетъ).

Jo son rico! tu sei bella! Такъ какъ въ моей честности сомнѣнія быть не можетъ, то любви своей вамъ откладывать нечего, мое блаженство.

Лидія.

Вы думаете? Я сегодня въ дурномъ расположеніи духа, мнѣ не до любви. Я ужь сколько времени только и слышу о богатствѣ: у мужа золотые пріиски, у васъ золотыя горы, Телятевъ чуть не милліонщикъ и Глумовъ, говорятъ, вдругъ богатъ сталъ. Всѣ мои поклонники прославляютъ мою красоту, всѣ сулятъ меня золотомъ осыпать, а ни мужъ мой, ни мои обожатели не хотятъ ссудить меня на время ничтожною суммой на булавки. Мнѣ не въ чемъ выѣхать; я ѣзжу въ извощичьей коляскѣ на клячахъ.

Кучумовъ.

Это ужасно! Но вѣдь черезъ полчаса все будетъ поправлено. Я виноватъ, я признаюсь, я одинъ виноватъ.

Лидія.

Я живу безъ мужа, вы ко мнѣ ѣздите каждый день въ извѣстный часъ; что подумаютъ, что будутъ говорить?

Кучумовъ.

Пища для разговора дана, слѣдовательно, разговоръ будетъ, какъ вы строго себя ни ведите. По-моему, ужь если переносить осужденія, такъ лучше не даромъ; терпѣть напраслину дѣло ужасное, idol mio. Вѣдь я вамъ говорю, черезъ полчаса ... ну ... могутъ тамъ встрѣтиться обстоятельства: необходимые взносы; въ конторѣ вдругъ столько денегъ нѣтъ; ну, черезъ день, два ... въ крайнемъ случаѣ, черезъ недѣлю вы будете имѣть все, больше чего желать невозможно.

Лидія (встаетъ).

Черезъ недѣлю? Черезъ десять минутъ чтобы все было! Слышите, что̀ я говорю! Иначе я васъ пускать не велю.

Кучумовъ.

Десять минутъ? Я не Меркурій, чтобы такъ быстро летать. Меня могутъ задержать дѣла.

Лидія.

Никто васъ не можетъ задержать: деньги у васъ въ ящикѣ, письмо, вѣроятно, въ другомъ. До свиданья.

Кучумовъ.

Я себя оправдаю въ вашихъ глазахъ; но я вамъ долго-долго (грозитъ пальцемъ) не прощу такого обращенія со мной. (Уходитъ.)

Лидія.

Вотъ когда моя самоувѣренность колебаться начинаетъ. Какой-то холодъ пробѣгаетъ по мнѣ. Кучумовъ обманываетъ меня, или нѣтъ? (Рѣшительно.) Обманываетъ. Онъ еще не исполнилъ ни одного своего обѣщанія. Затѣмъ что̀ же у меня? Отчаяніе и самоубійство, или ... тоже самоубійство, только медленное и мучительное ... (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія (задумчиво).

Проси. (Андрей уходитъ. Входитъ Телятевъ.)

Явленіе третье.

Лидія и Телятевъ.

Лидія.

Что̀ васъ давно не видать? Гдѣ вы пропадаете?

Телятевъ.

У человѣка, которому дѣлать нечего, всегда дѣлъ много. Что̀ вы такъ серьёзны? Ай, ай, ай! (Смотритъ на нее пристально.)

Лидія.

Что̀ вы? Что̀ съ вами?

Телятевъ.

Мо̀рщинка, вотъ тутъ, на лбу; маленькая, маленькая, но морщинка.

Лидія (съ испугомъ).

Не можетъ быть.

Телятевъ.

Посмотрите въ зеркало! Ай, ай, ай! Въ ваши-то лѣта. Стыдно!

Лидія (передъ зеркаломъ).

Не говорите лучше! Надоѣли.

Телятевъ.

Думать не надобно, Лидія Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже васъ сохрани! У насъ женщины тѣмъ и сохраняютъ красоту, что никогда ничего не думаютъ.

Лидія.

Ахъ, Иванъ Петровичъ, на моемъ мѣстѣ посѣдѣть легко. Какъ мнѣ не думать! Кто-жь за меня думать будетъ?

Телятевъ.

Да чего же вамъ лучше? Ваше положеніе солидное: вы живете однѣ, въ великолѣпной квартирѣ, совершенно свободны, вы богаты, что̀ я самъ отъ васъ слышалъ, поклонниковъ у васъ много, мужъ для васъ не существуетъ.

Лидія (съ радостію).

Онъ застрѣлился?

Телятевъ.

Нѣтъ, раздумалъ.

Лидія.

Жаль. Можно вамъ повѣрить тайну?

Телятевъ.

Очень можно.

Лидія.

Вы умѣете ихъ беречь?

Телятевъ.

Нѣтъ, не умѣю. За то я умѣю ихъ терять сейчасъ же, это лучше. Скажите мнѣ въ одно ухо, у меня въ ту же минуту вылетитъ въ другое; а черезъ часъ, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидія.

Наши дѣла очень плохи, намъ просто жить нечѣмъ.

Телятевъ.

Въ рѣдкомъ семействѣ не найдется такой тайны.

Лидія.

Слушайте! Вы несносны. Я переѣхала отъ мужа потому ... нѣтъ, мнѣ стыдно.

Телятевъ.

Ахъ, что̀ вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я ужь такой особенный человѣкъ, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Лидія.

Ну, такъ и мнѣ васъ не стыдно. Я переѣхала отъ мужа въ надеждѣ на Кучумова; онъ мнѣ обѣщалъ дать взаймы сорокъ тысячъ.

Телятевъ.

Ахъ, онъ чудакъ! Да отчего-жь не восемьдесятъ?

Лидія.

А онъ можетъ и восемьдесятъ?

Телятевъ.

Еще бы! Онъ и двѣсти можетъ, то-есть, обѣщать, а заплатить гдѣ же! У него рѣдко и десять рублей найти въ карманѣ можно.

Лидія.

Вы лжете на него. Онъ выкупилъ отцово имѣніе, оно стоитъ большихъ денегъ; я сама видѣла, какъ онъ далъ моей maman шестьсотъ рублей.

Телятевъ.

Насчетъ имѣнія я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсотъ рублей, я знаю. Онъ пять дней бѣгалъ по Москвѣ, искалъ ихъ, насилу ему дали на мѣсяцъ и взяли вексель въ двѣ тысячи рублей. Я думалъ, что онъ ищетъ денегъ для вашего мужа, которому онъ уже давно проигралъ въ клубѣ эту сумму и не заплатилъ.

Лидія (въ отчаяніи).

Вы меня убиваете!

Телятевъ.

Чѣмъ? Онъ человѣкъ очень хорошій. Вы не безпокойтесь. Мы всѣ его любимъ; только онъ забывчивъ очень. У него, точно, было большое состояніе, но онъ часто забываетъ, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обѣды, и балы, и ужины, и великолѣпные экипажи, только все это женино и все еще при жизни отдано племянницамъ. А ему собственно выдается деньгами не болѣе десяти рублей на клубъ. Въ именины и въ праздники даютъ ему пятьдесятъ, а иногда сто рублей. Ну, вотъ тогда и посмотрите на него! Пріѣдетъ въ клубъ, садится въ концѣ стола, тутъ у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а какъ

разборчивъ! Прислугу всю съ ногъ собьетъ, человѣкъ пять такъ и бѣгаютъ около него. А ужь что достается бѣднымъ поварамъ!

Лидія (блѣднѣя).

Что мнѣ дѣлать? Я столько задолжала.

Телятевъ.

Есть отчего въ отчаянье придти! Кто нынче не долженъ?

Лидія.

Телятевъ! У васъ огромное состояніе, пожалѣйте меня! Не дайте мнѣ погибнуть! (Телятевъ опускаетъ голову.) Телятевъ, поддержите честь нашей фамиліи! Я могу полюбить васъ! Вы добрый, милый. (Телятевъ еще ниже опускаетъ голову.) Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мнѣ поможете въ этой бѣдѣ, я ваша. (Кладетъ ему обѣ руки на плечи и склоняется головой.)

Телятевъ.

Все это очень мило съ вашей стороны, и я былъ бы совершенно счастливъ; но, Лидія Юрьевна, я самъ-то теперь не свой.

Лидія (смотритъ на него во всѣ глаза).

Какъ? Вы женитесь или женаты?

Телятевъ.

Не женюсь и не женатъ, а, должно быть, завтра свезутъ меня къ Воскресенскимъ воротамъ [1].

Лидія.

Какъ къ Воскресенскимъ воротамъ?

Телятевъ.

Такъ, привезутъ съ квартальнымъ и опустятъ.

---

[1] Долговое тюремное отдѣленіе (такъ называем. *яма*) помѣщалось въ Москвѣ у Воскресенскихъ воротъ.

Лидія.

Не можетъ быть. Гдѣ же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятевъ.

Ну, что-жь изъ этого! Развѣ мнѣ чужихъ-то жалко?

Лидія.

А своихъ у васъ нѣтъ?

Телятевъ.

Я ужь и не помню, когдѣ онѣ были. Я вчера узналъ, что я долженъ тысячъ до трехсотъ. Все, что вы у меня видѣли когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денегъ не плачено, за все это писали счеты на меня, потомъ векселя, потомъ подали ко взысканію, потомъ получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиковъ видимо- невидимо. Всѣ кредиторы завтра явятся ко мнѣ; картина будетъ поразительная. Мёбель, ковры, зеркала, картины взяты на прокатъ, и нынче же обобраны. Коляска и лошади отъ Ваханскаго; платье портной возьметъ завтра чѣмъ свѣтъ! Я увѣренъ, что кредиторы насмѣются досыта. Я ихъ приму, разумѣется, въ халатѣ, это единственная моя собственность; предложу имъ по сигарѣ, у меня еще съ десятокъ осталось. Посмотрятъ они на меня да на пустыя стѣны, и скажутъ: „гуляй, Иванъ Петровичъ, по бѣлому свѣту!“ Одинъ за жену сердитъ; этотъ, пожалуй, продержитъ мѣсяца два въ ямѣ, пока не надоѣстъ кормовыя платить. Ну, а тамъ и выпустятъ, и опять я свободенъ, и опять кредитъ будетъ, потому что я добрый малый и у меня еще живы одиннадцать тетокъ и бабушекъ и всѣмъ имъ я наслѣдникъ. Что я гербовой бумаги извелъ на векселя, вы не повѣрите. Если ее съ пуда продавать, такъ больше возьмешь, чѣмъ съ меня.

Лидія.

И вы такъ покойны?

Телятевъ.

Что-жь мнѣ безпокоиться-то? Совѣсть моя такъ-же чиста, какъ и карманы. Кредиторы мои давно получили съ меня втрое, а взыскиваютъ, только чтобъ форму соблюсти.

Лидія.

Гдѣ-жь мнѣ денегъ взять, то есть большихъ денегъ, много денегъ? Неужели нѣтъ ни у кого?

Телятевъ.

Есть, какъ не быть!

Лидія.

У кого же онѣ?

Телятевъ.

У дѣловыхъ людей, которые ихъ даромъ не бросаютъ.

Лидія.

Не бросаютъ? Жаль!

Телятевъ.

Еще какъ жаль-то! Теперь и деньги-то умнѣй стали, все къ дѣловымъ людямъ идутъ, а не къ намъ. А прежде деньги глупѣй были. Вотъ именно такія деньги вамъ и нужны.

Лидія.

Какія?

Телятевъ.

Бѣшеныя. Вотъ и мнѣ доставались все бѣшеныя, никакъ ихъ въ карманѣ не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у насъ съ вами бѣшеныя деньги? Оттого, что не мы сами ихъ наживали. Деньги, нажитыя трудомъ — деньги умныя. Онѣ

лежатъ смирно. Мы ихъ манимъ къ себѣ, а онѣ нейдутъ; говорятъ: мы знаемъ, какія вамъ деньги нужны, мы къ вамъ не пойдемъ. И ужь какъ ихъ ни проси, не пойдутъ. Что̀ обидно-то, знакомства съ нами не хотятъ имѣть.

Лидія.

Я въ актрисы пойду.

Телятевъ.

Талантъ нуженъ, Лидія Юрьевна.

Лидія.

Я въ провинцію.

Телятевъ.

Что̀ за разсчетъ? Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова, или ужь много-много средней руки помѣщика. Что̀ за карьера?

Лидія.

Телятевъ, помогите, мнѣ нужны деньги!

Телятевъ.

А вотъ, пожалуйте сюда! (Подводитъ ее къ окну.) Видите?

У воротъ стоитъ
Домикъ крошечка;
Онъ на всѣхъ глядитъ
Въ три окошечка.

Вотъ гдѣ деньги.

Лидія.

У мужа?

Телятевъ.

Да, у него. Онъ не только богаче всѣхъ насъ, но такъ богатъ, что подумаешь, такъ голова закружится. Нынче не тотъ богатъ, у кого денегъ много, а тотъ, кто ихъ добывать умѣетъ. Если у вашего мужа теперь наличныхъ тысячъ триста, такъ можно

поручиться, что черезъ годъ будетъ милліонъ, а черезъ пять — пять.

Лидія.

Не можетъ быть. Я не вѣрю вамъ. Подите прочь. Это онъ васъ подослалъ ко мнѣ.

Телятевъ.

А вотъ послушайте. Когда вы его оставили, поѣхали мы обѣдать въ Троицкій. Сидитъ, на свѣтъ не глядитъ, ни ухи не ѣстъ, ни вина не пьетъ. Подходили къ нему какія-то странныя личности, шептались что-то, онъ какъ-будто сталъ поживѣе. Потомъ вдругъ несутъ ему телеграмму, прочелъ ее и глаза засіяли. „Нѣтъ, говоритъ, глупо стрѣляться. Покутимъ, говоритъ, нынѣшній день, поздравь меня". Ну, я его поздравилъ, поцаловались, и поѣхали, и поѣхали. Познакомилъ я его кое съ кѣмъ изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, то есть не изъ старыхъ, а изъ прежнихъ, а онѣ еще молоденькія.

Лидія (глядя въ окно).

Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятевъ.

Нѣтъ, вы ошиблись. Это коляска, которую онъ подарилъ моей знакомой и съ лошадями, и кучера нанялъ такого, что въ Зоологическомъ саду показывать можно. Вотъ она ѣдетъ отъ него, блондиночка, а глаза васильки.

Лидія.

Ай! Я упаду въ обморокъ. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться отъ счастья сидѣть въ этой колескѣ. Что со мною? Я его ненавижу и какъ-будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Носъ у нея и такъ невеликъ, а она его еще вздергиваетъ.

Телятевъ.

Это не ревность, а зависть.

Лидія.

Онъ ее любитъ?

Телятевъ.

Что? Коляску?

Лидія.

Нѣтъ, блондинку.

Телятевъ.

Зачѣмъ же? И любить, да и деньги давать, ужь слишкомъ много расходу будетъ. Хотите слушать, что вашъ мужъ мнѣ разсказалъ про себя?

Лидія.

Говорите!

Телятевъ.

Учился онъ много, чему—ужь не помню. Разныя есть науки, Лидія Юрьевна, про которыя мы съ вами и не слыхали.

Лидія.

Говорите, говорите!

Телятевъ.

Поѣхалъ за границу, посмотрѣлъ, какъ ведутъ желѣзныя дороги, вернулся въ Россію и снялъ у подрядчика небольшой участокъ. Самъ съ рабочими и жилъ въ баракахъ, да Василій Иванычъ съ нимъ. Знаете Василія Иваныча? Золото, а не человѣкъ.

Лидія.

Ахъ, подите вы!

Телятевъ.

Первый подрядъ удался, онъ взялъ побольше, потомъ еще побольше. Теперь получилъ какую-то телеграмму. „Ну, говоритъ, Вася, ближе мильйона

не помирюсь". А я говорю: „и не мирись". Что-жь, мнѣ вѣдь все равно, убытку не будетъ.

Лидія.

Я умираю.

Телятевъ.

Что съ вами?

Лидія (ложится на диванъ).

Позовите maman! Позовите, скорѣй!

Телятевъ (въ дверь).

Надежда Антоновна! (Входитъ Надежда Антоновна.)

Явленіе четвертое.

Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, ради Бога!

Надежда Антоновна.

Что съ тобой, Лидія? Что съ тобой, дитя мое?

Лидія.

Ради Бога, maman, подите къ моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятевъ.

Берите моихъ лошадей, Надежда Антоновна, и поѣзжайте скорѣе!

Надежда Антоновна

(Всматривается въ дочь.)

Да, да, я вижу, ты въ самомъ дѣлѣ нехороша. Я сейчасъ ѣду. (Уходитъ. Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Лидія (привставъ).

Принимать его, или нѣтъ? Еще мужъ придетъ или нѣтъ, неизвѣстно. Утопающій хватается за соломенку. (Андрею.) Проси! (Андрей уходитъ. Входитъ Глумовъ.)

Явленіе пятое.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что̀ съ вами?

Лидія.

Немного нездорова. А съ вами что̀? Я слышала, что вы разбогатѣли.

Глумовъ.

Еще нѣтъ, а надѣюсь. Очень выгодную должность занялъ.

Телятевъ.

И совершенно по способностямъ.

Глумовъ.

Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтобъ управляющаго, а какъ бы это назвать ...

Лидія

Un secrètaire intime?

Глумовъ.

Oui, madame! Ей нужно было честнаго человѣка, которому бы она могла довѣрить ...

Телятевъ.

И себя, и свое состояніе?

Глумовъ.

Почти такъ. У ней дома, имѣнія, куча дѣлъ:

гдѣ же ей управляться! Съ наслѣдниками она въ ссорѣ. Я стараюсь все обратить въ капиталъ, на что имѣю полную довѣренность, и пользуюсь значительными процентами за комиссію.

Телятевъ.

Благородная, довѣрчивая женщина. Признайся, Глумовъ, вѣдь немного найдешь такихъ?

Глумовъ.

Да, должно быть, одна только осталась; я наперечетъ всѣхъ знаю.

Телятевъ.

Мы сейчасъ только говорили о бѣшеныхъ деньгахъ, что онѣ перевелись, а ты счастливѣй насъ: ты ихъ нашелъ.

Глумовъ.

За то какъ долго и прилежно я искалъ ихъ.

Лидія.

Значитъ, у васъ теперь денегъ много?

Глумовъ.

„Много“ — вѣдь это понятіе относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидія.

Дайте мнѣ взаймы тысячъ двадцать.

Глумовъ.

Молоденькимъ, хорошенькимъ женщинамъ взаймы денегъ не даютъ, потому что неделикатно имъ напоминать, когда онѣ забудутъ о долгѣ, а взыскивать еще неделикатнѣе. Имъ или учтиво отказываютъ, или дарятъ.

Лидія.

Ну, какъ хотите, только дайте.

Глумовъ.

Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мнѣ никогда вашей руки не цаловать? Я злопамятенъ.

Лидія.

Цалуйте.

Глумовъ.

Теперь ужь поздно, или, лучше сказать, рано. Подождите меня годъ, я пріѣду цаловать ваши ручки. Я завтра отправляюсь съ своей довѣрительницей въ Парижъ; она не знаетъ счета ни на рубли, ни на франки, я буду ея кассиромъ. Она страдаетъ одышкой и общимъ ожирѣніемъ; ей и здѣсь-то доктора больше года жизни не даютъ, а въ Парижѣ съ переѣздами на воды и съ помощію усовершенствованной медицины, она умретъ скорѣе. Вы видите, что мнѣ некогда, годъ я долженъ сердобольно ухаживать за больной, а потомъ могу пожинать плоды трудовъ своихъ, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашемъ содѣйствіи, если вамъ будетъ угодно.

Лидія.

Вы злой, злой человѣкъ!

Глумовъ.

Прежде вамъ эта черта во мнѣ нравилась; мы съ этой стороны похожи другъ на друга.

Лидія.

Да, пока вы не переходили границъ, а теперь, прощайте.

Глумовъ.

Прощайте! Я уѣзжаю съ сладкою надеждой, что въ годъ вы обо мнѣ соскучитесь, что вы меня оцѣните, и мы, вѣроятно, встрѣтимся, какъ родные.

Лидія.

Довольно, довольно!

Глумовъ.

До свиданья

Телятевъ.

Прощай, Глумовъ. Счастливаго пути! Вспомни обо мнѣ въ Парижѣ: тамъ на каждомъ перекресткѣ еще блуждаетъ моя тѣнь.

Глумовъ.

Прощай, Телятевъ. (Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна съ стклянками, за ней горничная съ подушками, кладетъ ихъ на диванъ и уходитъ.)

Явленіе шестое.

Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Тебѣ надо лечь, Лидія, непремѣнно. Напрасно ты себя, мой другъ, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я такъ и мужу сказала. Онъ сейчасъ придетъ. Вотъ твой спиртъ и капли, которыя тебѣ всегда помогали.

Лидія (ложится на подушки).

Какъ онъ васъ принялъ?

Надежда Антоновна.

Очень вѣжливо, хотя довольно холодно. Онъ спро́силъ, серьёзно ли ты больна; я отвѣчала, что очень. Что̀ вы, Иванъ Петровичъ, смѣетесь?

Телятевъ.

Мнѣ равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смѣяться.

Надежда Антоновна.

Вы не знаете ни натуры, ни сложенія Лидіи; она такая нервная, такая нервная ... Это у нея съ дѣтства.

Телятевъ.

Извините, я дѣйствительно не знаю сложенія Лидіи Юрьевны, это для меня тайна.

Лидія.

Иванъ Петровичъ, вы такой болтунъ, вы меня разсмѣшите.

Надежда Антоновна.

Да вы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ разсмѣшите, а онъ войдетъ.

Телятевъ.

Скрыться прикажете?

Лидія (томно).

Нѣтъ, останьтесь! Мнѣ такъ пріятно видѣть васъ, вы мнѣ даете силу.

Телятевъ.

Если вамъ пріятно, то я не только не уйду, а, какъ привинченный, буду стоять противъ васъ. Смотрите на меня, сколько вамъ угодно. Только позвольте мнѣ въ этой комедіи быть лицомъ безъ рѣчей. (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Господинъ Васильковъ.

Лидія (слабымъ голосомъ).

Проси! (Андрей уходитъ, Надежда Антоновна оправляетъ подушки, Телятевъ подноситъ платокъ къ глазамъ своимъ. Входитъ Васильковъ).

Явленіе седьмое.

Лидія, Телятевъ, Надежда Антоновна и Васильковъ.

Васильковъ (сдѣлавъ общій поклонъ).

Вы меня звали?

Лидія.

Я умираю.

Васильковъ.

Въ такомъ случаѣ нуженъ или докторъ, или священникъ; я ни то, ни другое.

Лидія.

Вы насъ покинули.

Васильковъ.

Не я, а вы меня, и не простившись даже, какъ слѣдуетъ.

Лидія.

Такъ надо проститься?

Васильковъ.

Если вамъ угодно.

Лидія.

По-русски, простить ся значитъ попросить прощенья.

Васильковъ.

Просите.

Лидія.

Я виновата только въ томъ, что оставила васъ, не сообразя своихъ средствъ; въ остальномъ вы виноваты.

Васильковъ.

Мы поквитались: я былъ виноватъ, вы меня оставили. О чемъ же больше говорить! Прощайте!

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, постойте!

Васильковъ.

Что̀ вамъ угодно?

Лидія.

Вы за свою вину ничѣмъ не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругомъ въ долгу, меня посадятъ, вмѣстѣ съ мѣщанками, въ Московскую яму.

Васильковъ.

А! Вы вотъ чего боитесь? Вотъ какое безчестье вамъ страшно? Не бойтесь! Въ яму попадаютъ и честные люди, изъ ямы есть выходъ. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратомъ, въ которой гибнетъ и имя, и честь, и благообразіе женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, изъ которой ужь нѣтъ возврата на честную дорогу!

Лидія.

Кто вамъ позволилъ говорить здѣсь такія слова?

Васильковъ.

А кто позволяетъ зрячему вывести на дорогу слѣпого, кто позволяетъ умному остеречь неразумнаго, кто позволяетъ ученому учить неученаго?

Лидія.

Вы не имѣете права учить меня.

Васильковъ.

Нѣтъ, имѣю. Это право—состраданіе.

Лидія.

Вамъ ли говорить о состраданіи! Вы видите жену въ такомъ положеніи и не хотите заплатить за нее ничтожнаго долга.

Васильковъ.

Я даромъ денегъ не бросаю. Ни Боже мой!

Надежда Антоновна.

Я не понимаю вашей философіи. Все это для меня какая-то новость, принесенная съ луны. Развѣ платить за жену значитъ бросать даромъ?

Васильковъ.

Какая-жь она мнѣ жена? Да она-жь сама сказала, что у нея денегъ больше, чѣмъ у меня.

Надежда Антоновна.

„Сказала". Мало ли что̀ можетъ сказать женщина въ раздраженіи! Какъ бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалѣть жену больше, чѣмъ мужа. Мы такъ слабы, такъ нервны, намъ всякая ссора такъ дорого обходится. Горячая женщина скоро сдѣлаетъ глупость, скоро и одумается.

Васильковъ.

Да она же не говоритъ, что одумалась.

Лидія.

Я одумалась и раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ.

Васильковъ.

Не поздно ли?

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ! Она можетъ увлечься, но до паденія себя не допуститъ.

Васильковъ.

Я знаю, что не допустила; ваша прислуга гораздо больше получала отъ меня, чѣмъ отъ васъ. Но я не знаю, что̀ спасло ее отъ паденія — честь, или недостатокъ денегъ у Кучумова. (Лидіи.) Чего же вамъ угодно?

Лидія.

Я бы хотѣла жить опять вмѣстѣ съ вами.

Васильковъ.

Невозможно. Вы такъ быстро мѣняете свои рѣшенія, что, пожалуй, завтра же захотите уѣхать отъ меня. Для меня одного позора довольно, я двухъ не хочу.

Лидія.

Но вы должны меня спасти.

Васильковъ.

Какъ я васъ спасу? Есть только одно средство: я вамъ предложу честную работу и за нее вознагражденіе.

Лидія.

Какую работу и какое вознагражденіе?

Васильковъ.

Подите ко мнѣ въ экономки, я вамъ дамъ тысячу рублей въ годъ.

Лидія (встаетъ съ дивана).

Ступайте вонъ! (Васильковъ уходитъ.)

Телятевъ (отнимая платокъ отъ глазъ).

Теперь вы выздоровѣли, я могу перестать плакать.

Лидія.

Ахъ, теперь не до шутокъ! Бѣгите, догоните, воротите его, во что̀ бы то ни стало. (Телятевъ убѣгаетъ.)

Надежда Антоновна.

Ахъ, какой онъ упрямый! Какой несносный! Человѣкъ изъ порядочнаго общества такъ поступать не можетъ, онъ скорѣе убьетъ жену, а такого предложенія не сдѣлаетъ. (Возвращаются: Васильковъ и Телятевъ.)

Лидія.

Вы меня извините, я не поняла васъ. Объясните мнѣ, что̀ значитъ слово „экономка“ и какія ея обязанности?

Васильковъ.

Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложенія, я больше не вернусь къ вамъ. Экономка значитъ женщина, которая занимается хозяйствомъ. Это ни для кого не унизительно. А вотъ обязанности: у меня въ деревнѣ маменька старушка, хозяйка отличная, вы поступите къ ней подъ начальство — она васъ выучитъ: грибы солить, наливки дѣлать, варенья варить, передастъ вамъ ключи отъ кладовой, отъ подвала, а сама будетъ только наблюдать за вами. Мнѣ такая женщина нужна, я постоянно бываю въ отъѣздѣ.

Лидія.

Ужасно, ужасно!

Васильковъ.

Прикажете кончить?

Лидія.

Продолжайте!

Васильковъ.

Когда вы изучите въ совершенствѣ хозяйство, я васъ возьму въ свой губернскій городъ, гдѣ вы должны ослѣпить губернскихъ дамъ своимъ туалетомъ и манерами. Я на это денегъ не пожалѣю, но изъ бюджета не выйду. Мнѣ тоже, по моимъ обширнымъ дѣламъ, нужно такую жену. Потомъ, если вы будете со мной любезны, я свезу васъ въ Петербургъ, Патти послушаемъ, тысячу рублей за ложу не пожалѣю. У меня въ Петербургѣ, по моимъ дѣламъ, есть связи съ очень большими людьми; самъ я мѣшковатъ и неуклюжъ; мнѣ нужно такую жену, чтобъ можно было завести салонъ, въ которомъ даже и министра принять не стыдно. У васъ все есть для этого, только вамъ надо будетъ отучиться отъ нѣкоторыхъ манеръ, которыя вы переняли отъ Телятева и прочихъ.

Телятевъ.

Но развѣ я зналъ, что Лидіи Юрьевнѣ предстоитъ такая блестящая перспектива отъ деревенскаго подвала до петербургскаго салона.

Васильковъ (глядя на часы).

Согласны вы на мое предложеніе, или нѣтъ? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой, и довольно долго.

Лидія.

Пожалѣйте меня, пожалѣйте мою гордость! Я дама, дама съ головы до ногъ. Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь уступку!

Васильковъ.

Никакой! Мнѣ ли жалѣть вашу гордость, когда вы не жалѣли моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вамъ званіе экономки, любя васъ.

Лидія.

Ну, хоть слово измѣните, оно жестко для моего нѣжнаго уха.

Васильковъ.

Нѣтъ, это слово хорошее.

Лидія.

Я должна подумать.

Васильковъ.

Думайте.

Телятевъ.

Ахъ, кабы меня кто взялъ въ экономки! (Входитъ Андрей.)

Андрей.

Слѣдственный приставъ желаетъ описать имущество.

Лидія и Надежда Антоновна.

Ахъ, ахъ! Ай, ай! (Лидія прячется въ подушки.)

Телятевъ.

Что вы испугались? Утѣшьтесь! Вчера описали мебель у двухъ моихъ знакомыхъ, сегодня у васъ, завтра у меня, послѣ-завтра у вашего Кучумова. Это нынче такое повѣтріе.

Лидія (мужу).

Спасите меня отъ стыда! Я на все согласна! Что дѣлать? Я хотѣла блистать неугасающей звѣздой, а вы хотите сдѣлать меня метеоромъ, который блеститъ на минуту и погаснетъ въ болотѣ. Но я согласна, согласна. Умоляю васъ, спасите меня. (Васильковъ уходитъ съ Андреемъ. Андрей возвращается.)

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Я думаю принять его.

Телятевъ.

Примите!

Лидія (Андрею).

Проси! (Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ, потомъ Васильковъ.)

Явленіе восьмое.

Лидія, Надежда Антоновна, Телятевъ, Кучумовъ, потомъ Васильковъ.

Кучумовъ (напѣвая).

Jo son rico ... Что съ вами?

Лидія.

У меня описываютъ имущество, привезли вы сорокъ тысячъ?

Кучумовъ.

Jo son rico ... Нѣтъ, вы представьте себѣ, какое со мной несчастіе. (Входитъ Васильковъ и останавливается у двери.) Мой человѣкъ, котораго я любилъ, какъ сына, обокралъ меня совершенно и убѣжалъ, должно-быть, въ Америку.

Телятевъ.

Очень жаль мнѣ твоего человѣка! Съ тѣмъ, что̀ у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доѣдешь.

Кучумовъ.

Не шути, я не люблю. Я разослалъ телеграммы по всѣмъ трактамъ; вѣроятно, его скоро схватятъ, отберутъ деньги, и тогда я вамъ, дитя мое, доставлю ихъ.

Телятевъ.

Не всѣ же онъ укралъ, вѣдь осталось же что̀-нибудь.

Кучумовъ.

Какъ не остаться! Я безъ тысячи рублей изъ дому не выѣзжаю.

Васильковъ.

Такъ отдайте мнѣ шестьсотъ рублей, которые должны по картамъ.

Кучумовъ

А! Вы здѣсь? И очень хорошо. Я давно хотѣлъ съ вами расчесться. Карточный долгъ для меня первое дѣло. (Вынимаетъ бумажникъ.) Что̀ за вздоръ такой? Вѣроятно, я какъ-нибудь обложился, положилъ въ лѣвый карманъ. Ахъ, да я не тотъ сюртукъ надѣлъ. Впрочемъ, вы можете получить эти деньги съ Надежды Антоновны.

Васильковъ.

Хорошо, я получу. Лидія Юрьевна, я вашъ долгъ заплатилъ. Вамъ нужно ѣхать въ деревню.

Лидія.

Когда хотите.

Васильковъ.

Я ѣду завтра, будьте готовы!

Лидія (подаетъ мужу руку).

Благодарю васъ, что на цѣлый день вы даете волю моимъ слезамъ. Мнѣ нужно о многомъ поплакать! О погибшихъ мечтахъ всей моей жизни, о моей ошибкѣ, о моемъ униженіи. Мнѣ надо поплакать о томъ, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботнаго счастія валится съ своего пьедестала, на ея мѣсто становится грубый идолъ труда и промышленности, которому имя бюджетъ. Ахъ, какъ мнѣ жаль бѣдныхъ, нѣжныхъ созданій, этихъ милыхъ, веселенькихъ дѣвушекъ! Имъ не видать больше изящныхъ, неразсчетливыхъ мужей! Эѳирныя существа, бросьте мечты о несбыточномъ счастьѣ, бросьте думать о тѣхъ, которые изящно проматываютъ, и выходите за тѣхъ, которые грубо наживаютъ и называютъ себя дѣловыми людьми.

Телятевъ.

Каково это слушать намъ, бездѣльникамъ.

Кучумовъ (поетъ).

Jo son rico [1] ...

Телятевъ.

Неправда. Noi siamo poveri. [2]

Лидія.

Вотъ другая жертва, которую я приношу вамъ.

---

[1] Я богатъ ...
[2] Мы бѣдны.

Васильковъ.

Жертвъ не надо.

Лидія.

Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложеніе, потому что нахожу его выгоднымъ.

Васильковъ.

Но знайте, что я изъ бюджета не выйду.

Лидія.

Охъ, ужь мнѣ этотъ бюджетъ!

Васильковъ.

Только бѣшеныя деньги не знаютъ бюджета.

Телятевъ.

Ты говоришь святую истину; скажу болѣе, ты повторяешь мои слова.

Васильковъ (Телятеву).

Прощай, другъ, мнѣ тебя отъ души жаль. Ты завтра будешь безъ крова и безъ пищи.

Телятевъ.

Ты не хочешь ли мнѣ денегъ дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадутъ, ей-Богу пропадутъ. Москва, Савва, такой городъ, что мы, Телятевы да Кучумовы, въ ней не погибнемъ. Мы и безъ копейки будемъ имѣть и почетъ, и кредитъ. Долго еще каждый купчикъ будетъ за счастье считать, что мы ужинаемъ и пьемъ шампанское на его счетъ. Вотъ портные—отъ тѣхъ уваженія мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить съ такимъ достоинствомъ что издали даютъ тебѣ дорогу. Прощай, другъ Савва. Не жалѣй насъ. И въ рубищѣ почтенна добродѣтель. (Обнимается съ Кучумовымъ. Лидія робко подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и склоняется головой. Картина.)

Не все коту масляница.

Сцены изъ московской жизни.

Лица:

Дарья Ѳедосевна Круглова, вдова купца, 40 лѣтъ.
Агнія, ея дочь, 20 лѣтъ.
Ермилъ Зотычъ Аховъ, богатый купецъ, лѣтъ 60.
Ипполитъ, его приказчикъ, лѣтъ 27.
Маланья, кухарка Кругловой.
Ѳеона, ключница Ахова и дальняя родственница.

Сцена первая.

Бѣдная, но чистенькая комната. Въ глубинѣ дверь въ переднюю; слѣва отъ зрителей дверь во внутреннія комнаты; съ той же стороны, ближе къ зрителямъ, диванъ; передъ нимъ столъ, покрытый цвѣтною скатертью; два кресла. На правой сторонѣ два окна съ чистыми, бѣлым занавѣсками; на окнахъ цвѣты; между оконъ зеркало; ближе къ зрителямъ пяльцы.

Явленіе первое.

Круглова (на диван); **Агнія** (у окна грызетъ кедровые орѣхи).

Агнія.

Погода то! Даже удивительно! А мы сидимъ. Хоть бы погулять куда, что̀ ли!

Круглова.

А вотъ, погоди, дай срокъ, сосну полчасика, пожалуй, погуляемъ.

Агнія.

Кавалеровъ-то у насъ одинъ, другой — обчелся, гулять-то не съ кѣмъ.

Круглова.

А кто виноватъ? Не мнѣ же ловить для тебя кавалеровъ! Сѣти по улицамъ-то не разставить ли?

Агнія.

Развѣ вотъ Ипполитъ зайдетъ.

Круглова.

И то, гляди, зайдетъ; день сегодня праздничный, что̀ ему дома-то дѣлать! Вотъ тебѣ и кавалеръ; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его какъ это подцѣпила?

Агнія.

Очень просто. Шла я какъ-то изъ городу, онъ меня догналъ и проводилъ до дому. Я его поблагодарила.

Круглова.

И позвала?

Агнія.

Съ какой стати!

Круглова.

Какъ же онъ у насъ объявился?

Агнія.

Позвала я его, да послѣ. Сталъ онъ мимо оконъ ходить разъ по десяти въ день; ну, что̀ хорошаго, лучше ужь въ домъ пустить. Только сла̀ва.

Круглова.

Само собой.

Агнія.

Все говорить?

Круглова.

Да говори ужь заодно.

Агнія (равнодушно и грызя орѣхи).

Потомъ онъ мнѣ письмо написалъ съ разными чувствами, только нескладно очень ...

Круглова.

Ну? А ты ему отвѣтила?

Агнія.

Отвѣтила, только на словахъ. Зачѣмъ вы, говорю, письма пишете, коли не умѣете? Коли что̀ вамъ нужно мнѣ сказать, такъ говорите лучше прямо, чѣмъ бумагу-то марать.

Круглова.

Только и всего?

Агнія.

Только и всего. А то что̀ же еще?

Круглова.

Много очень воли ты забрала.

Агнія.

Заприте.

Круглова.

Болтай еще. (Входитъ Маланья.)

Явленіе второе.

Круглова, Агнія, Маланья.

Маланья (говоритъ медленно).

Шла я тутъ-то, по вулицѣ ...

Круглова.

Такъ что̀-жь?

Маланья.

Такъ онъ ... Какъ его?

Круглова.

Кто, онъ-то?

Маланья.

Какъ, бишь, его? ... Въ сусѣдяхъ-то

Круглова.

Что̀ же?

Маланья.

Да нешто ихъ тутъ, всѣхъ ... Много ихъ. Такой черноватый ...

Круглова.

Сѣдой, что̀ ли?

Маланья.

Да, сѣдой. Что̀ я! ... А я черноватый ...

Круглова.

Аховъ, что̀ ли?

Маланья.

Надо, что онъ ... Аховъ его ... что̀ ли. Большой такой ...

Круглова.

Средняго росту?

Маланья.

Да пожалуй, что и такъ.

Круглова.

Ну, что̀ же онъ? Проснись ты, сдѣлай милость!

Маланья.

Что̀ проснись! ... Не походя я сплю, а когда время ... такъ что̀ кому? Кланяйся, говоритъ.

Круглова.

Немного-жь ты сказала.

Маланья.

Что̀-жь мнѣ еще говорить? (Уходитъ и сейчасъ же возвращается.) Да, забыла ... Зайду, говоритъ.

Круглова.

Когда?

Маланья.

Кто-жь его ... Мнѣ почемъ знать? (Уходитъ и

возвращается.) Да! Изъ головы вонъ ... Нынче, говоритъ, зайду. Аховъ онъ, что ли, прозывается? Черноватый такой ...

Круглова.

Сѣдой весь?

Маланья.

Да и то сѣдой. Эка память! Господи! (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Круглова и Агнія.

Круглова.

Нашу слугу Личарду только посломъ посылать. Растолкуетъ дѣло, какъ по писанному. Какъ начнетъ толковать, такъ точно у ней въ головѣ-то жернова поворачиваются.

Агнія.

Этотъ вашъ Аховъ дядя Ипполиту?

Круглова.

Да, дядя.

Агнія.

Вотъ придетъ, помѣшаетъ намъ гулять идти. Зачѣмъ это онъ?

Круглова.

Кто-жь его знаетъ! Вотъ что значитъ богатый-то человѣкъ! Распостылый онъ мнѣ, распостылый, а все-таки гость. Никакого мнѣ отъ него барыша нѣтъ, и не ожидаю; а какъ ты ему скажешь, милліонщику: поди вонъ! Вотъ какое дѣло! И какая это подлость въ людяхъ, что завели такой обычай— деньгамъ кланяться! Вотъ поди-жь ты. Отыми у него деньги, вся цѣна ему грошъ; а вездѣ ему

почетъ, и не то, что изъ корысти, а такъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ путный. Отчего это не скажутъ такимъ людямъ, что не надо, молъ, намъ тебя и со всѣми твоими деньгами, потому какъ ты скотъ безчувственный. Да вотъ не скажутъ въ глаза. Женщины на это скорѣй; кабы только намъ разуму побольше. И что̀ это онъ къ намъ повадился?

Агнія.

Должно быть, влюбленъ.

Круглова.

Въ кого?

Агнія.

Да я такъ думаю, въ васъ.

Круглова.

Не въ тебя ли?

Агнія.

Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, въ самый разъ. Что̀-жь, богатой купчихой будете. Чего еще пріятнѣе?

Круглова.

Да и кажется ... Господи-то меня сохрани! Видѣла я, дочка, видѣла эту пріятность-то. И теперь еще, какъ вспомню, такъ по ночамъ вздрагиваю. А какъ приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отецъ, такъ меня сколько разъ въ истерику ударяло. Вѣришь ты, какъ я зла на нихъ, на этихъ самодуровъ проклятыхъ! И отецъ-то у меня былъ такой, и мужъ-то у меня былъ еще хуже, и пріятели-то его всѣ такіе же; всю жизнь-то они изъ меня вымотали. Да, кажется, приведись только мнѣ, такъ я-бъ одному за всѣхъ выместила.

Агнія.

Ужь будто бы?

Круглова.

Ужь потѣшила бы свою душеньку; да не приходится. А и то сказать: что хвастать-то! Душа-то у насъ коротка, передъ деньгами-то, пожалуй, и растаешь. Проклятыя вѣдь онѣ.

Агнія.

Особенно, коли ихъ нѣтъ.

Круглова.

Ну, я спать пошла.

Агнія.

Съ Богомъ. (Круглова уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Агнія, потомъ Ипполитъ.

Агнія (взглянувъ въ окно).

Опять мимо ходитъ. Что̀ это у нихъ за манера? (Открываетъ окно и кланяется.) Что̀, вы потеряли что̀-нибудь? (Ипполитъ за окномъ: „Окромя сердца, ничего-съ“.) Что̀ же вы ходите взадъ и впередъ? Отчего вы прямо не войдете? (Ипполитъ за окномъ: „Не смѣю-съ“.) Кого же вы боитесь? (Ипполитъ за окномъ: „Маменьки вашей“.) Чего же ее бояться? Она спитъ. (Ипполитъ за окномъ: „Въ такомъ случаѣ, сейчасъ-съ“.) Такой видный, красивый молодой человѣкъ, а какой робкій. (Ипполитъ входитъ. Онъ одѣтъ чисто и современно; съ маленькою бородкой, довольно красивъ.) Еще здравствуйте!

Ипполитъ.

Наше почтеніе-съ.

Агнія.

А мы васъ ждали: хотимъ вмѣстѣ гулять идти. Вы пойдете?

Ипполитъ.

Даже съ великимъ моимъ удовольствіемъ-съ. (Оглядывается по сторонамъ.)

Агнія.

Да не бойтесь, не бойтесь; я вамъ говорю, что спитъ.

Ипполитъ.

Не то, чтобъ я боялся, а какъ собственно, что безъ ихъ приглашенія.

Агнія.

Все равно, я васъ пригласила.

Ипполитъ.

Все равно, да не одно-съ. А вдругъ выдетъ сама да скажетъ: „непрошеные гости вонъ!“ Со мной такіе-то разы бывали. Однако, оно довольно конфузно-съ.

Агнія.

Да развѣ можно? Что вы!

Ипполитъ.

Оченно можно-съ; особливо если хозяинъ или хозяйка съ характеромъ. И пойдешь, какъ не солоно хлебалъ; да еще оглядываешься, въ затылокъ не провожаютъ ли.

Агнія (смѣется).

А васъ провожали?

Ипполитъ.

Кабы не провожали, такъ я бы про эту самую деликатность и не зналъ.

Агнія.

Да не можетъ быть?

Ипполитъ.

Отъ образованныхъ людей, конечно, ожидать

нельзя, а по нашей сторонѣ всего дождешься. Кругомъ насъ какое невѣжество-то свирѣпствуетъ, страсть! Каждый хозяинъ въ своемъ домѣ, какъ султанъ Махнутъ-Турецкій; только-что головъ не рубитъ.

Агнія.

Вы, должно быть, трусъ.

Ипполитъ.

За что же такая критика?

Агнія.

Всего вы боитесь.

Ипполитъ.

Совсѣмъ напротивъ-съ; я такъ себя чувствую, что во мнѣ даже отчаянности достаточно.

Агнія.

Противъ кого?

Ипполитъ.

Противъ всѣхъ-съ.

Агнія.

И противъ хозяина?

Ипполитъ.

И хозяинъ тоже, если что не дѣло, такъ немного у меня возьметъ. Тоже осажу въ лучшемъ видѣ.

Агнія.

Да правда ли?

Ипполитъ.

Съ тѣмъ возьмите.

Агнія.

Ну, смотрите же! Я трусовъ не люблю, я вамъ впередъ говорю.

Ипполитъ.

Зачѣмъ же-съ? Конечно, я не въ томъ званіи родился, насъ съ малолѣтства геройству не обучаютъ, а ежели взять на себя смѣлость ...

Агнія.

Такъ берите ее почаще.

Ипполитъ.

Такой вашъ совѣтъ-съ?

Агнія.

Да́, мой совѣтъ. И не бойтесь моей маменьки.

Ипполитъ.

Такъ точно все и будетъ въ аккуратѣ исполнено-съ.

Агнія.

Ну, и прекрасно. И во всемъ меня такъ слушайтесь.

Ипполитъ.

Да оно теперь и самое время вамъ учить меня.

Агнія.

Почему же?

Ипполитъ.

Я чувствую, что я совсѣмъ потерянный, и даже въ мысляхъ разбивка пошла, врозь.

Агнія.

Что́ же съ вами сдѣлалось?

Ипполитъ.

Отъ чувствъ.

Агнія.

Скажите, пожалуйста, какой вы чувствительный!

Ипполитъ.

Я-то? Самъ себѣ не радъ, вотъ какъ-съ! Только-что складу въ словахъ не знаю, вотъ одно.

Агнія.
А то что̀ жъ бы было?‘

Ипполитъ.
Сейчасъ бы все стихами.

Агнія.
Ну, можно и безъ нихъ обойтись.

Ипполитъ
(беретъ съ пяльцевъ вышитую ленточку для закладки книги).
Это вы для кого же сувениръ-съ?

Агнія.
Вамъ что̀ за дѣло!

Ипполитъ.
Значитъ, мы сейчасъ конфискуемъ.

Агнія.
Кто вамъ позволитъ еще?

Ипполитъ.
А ежели безъ позволенія-съ?

Агнія.
Какъ, безъ позволенія? За это къ мировому.

Ипполитъ.
А я мировому скажу, что на знакъ памяти.

Агнія.
Въ знакъ памяти просятъ, а не сами берутъ.

Ипполитъ.
А ежели, въ случаѣ, отъ васъ не дождешься-съ?

Агнія.
Значитъ, вы не сто̀ите. Положите опять на мѣсто.

Ипполитъ.
Хоша на одинъ день позвольте попользоваться.

Агнія.

Ни на одинъ часъ.

Ипполитъ.

Жестокости пошли.

Агнія.

А вотъ за эти слова, сейчасъ положите на мѣсто и не смѣйте трогать. Для васъ и вышивала, а теперь не отдамъ.

Ипполитъ.

А коль скоро для меня, имѣю полное мое право.

Агнія.

Никакого права не имѣете. Подайте! (Хочетъ отнять ленточку.)

Ипполитъ (поднимая руку).

Не достанете.

Агнія.

Вы думаете, у меня силы нѣтъ? (Хочетъ нагнуть его уку. Ипполитъ ее цалуетъ.) Это что еще? Какъ вы смѣете?

Ипполитъ.

Какъ есть, кругомъ виноватъ-съ.

Агнія.

Стыдно вамъ! (Садится къ пяльцамъ и опускаетъ голову.)

Ипполитъ.

Оно точно, что стыдно; конечно, что невѣжество съ моей стороны, а только ежели утерпѣть нѣтъ никакой возможности ... Хоша я человѣкъ теперича не вполнѣ, потому какъ живу въ людяхъ и во всемъ зависимъ, но при всемъ томъ, ежели я вамъ сколько-нибудь не противенъ, я вашей маменькѣ во всемъ могу открыться какъ должно. (Агнія молчитъ.) Современемъ тоже и я могу человѣкомъ быть, и по своему дѣлу даже очень много противу другихъ понятія

имѣю. (Агнія молчитъ.) Мнѣ теперича ежели что̀ страшно, такъ это собственно, какое отъ васъ мнѣ рѣшеніе выйдетъ. (Агнія молчитъ и еще болѣе опускаетъ голову.) Хоть одно слово. (Агнія молчитъ.) Ужли-же такъ, безъ вниманія меня оставите? Имѣйте сколько-нибудь снисхожденія! Можетъ, не вѣрите моимъ чувствамъ? Всею душою завѣрить васъ могу. Кабы ежели я не чувствовалъ, развѣ-бъ я смѣлъ ...

Агнія (потупившись).

Ну, хорошо, я вамъ вѣрю. А долго дожидаться, когда вы вполнѣ человѣкомъ будете?

Ипполитъ.

Когда хозяинъ настоящее жалованье положитъ.

Агнія.

Ну, вотъ тогда и скажете маменькѣ; я и сама тоже поговорю. (Весело.) А ленточку, все-таки, подайте!

Ипполитъ.

Нѣтъ ужь, теперь собственность.

Агнія.

Ну, какъ не собственность! Отыму вѣдь. Только вы смотрите, ежели опять ...

Ипполитъ.

Какъ можно-съ! (Агнія отнимаетъ ленточку, Ипполитъ ее цѣлуетъ. Входитъ Круглова.)

Явленіе пятое.

Круглова, Агнія, Ипполитъ.

Круглова.

Что̀ это за возня? Покою нѣтъ. Вотъ славно!

Агнія (тихо вскрикиваетъ).

Ахъ! (Садится на стулъ за пяльцами. Ипполитъ отходитъ въ глубину комнаты и робко стоитъ у притолки.)

Круглова.

Что-жь это такое?

Агнія.

Что? Ничего.

Круглова.

Какъ ничего? Я своими глазами видѣла, какъ онъ тебя цаловалъ.

Агнія.

Эка важность, поцаловалъ!

Круглова.

По-твоему, это не важность?

Агнія.

Да конечно. Вотъ, кабы укусилъ, это нехорошо.

Круглова.

Ты въ своемъ разумѣ, или рехнувшись? А срамъ, стало быть, ничего?

Агнія.

Какой срамъ! Срамъ-то бываетъ у богатыхъ; а мы, какъ ни живи, никому до того дѣла нѣтъ. И хорошо, и худо — все для себя, а не для людей. Хорошо живи — люди не похвалятъ, и дурно живи — никого не удивишь.

Круглова.

Извольте подумать, чѣмъ она занимается!

Агнія.

А вы думали, я все еще въ куклы играю?

Круглова.

Потихоньку-то отъ матери ...

Агнія.

Да я и при васъ, пожалуй.

Круглова.

Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агнія.

На что̀ его нужно, на то онъ есть.

Круглова.

А все-таки нехорошо, что мать-то не знаетъ.

Агнія.

Знать-то вамъ нечего; еще ничего вѣрнаго-то нѣтъ. Придетъ время, не безпокойтесь, скажемъ; мы этотъ порядокъ знаемъ.

Круглова.

Съ тобой говорить-то что̀ больше, то хуже Лучше бросить; а то еще, пожалуй, у тебя сама виновата останешься. А что̀ правда, то правда: не во̀время вы христосоваться начали.

Агнія.

Впередъ зачтите. Конечно, удержать себя можно да для чего? Молодость-то наша и такъ не красна чѣмъ ее вспомнить будетъ?

Круглова (Ипполиту).

Ну, а ты? Развѣ я тебя за тѣмъ въ домъ-то пускаю? Хорошъ, хорошъ!

Ипполитъ.

Отъ меня оправданіевъ не услышите.

Круглова.

Такіе вы люди, чтобъ вамъ вѣрить, какъ же! Пусти козла въ огородъ!

Ипполитъ.

Я теперича безъ словъ, все одно, какъ убитый. На все ваша воля.

Круглова.

Притворяйся сиротой-то. Вотъ я погляжу, что будетъ отъ тебя, а то и турну, братъ.

Агнія.

Да будетъ вамъ!

Круглова.

Не любите слушать-то?

Агнія.

Гулять пойдемте.

Круглова.

Гулянье на умѣ-то?

Агнія.

Да ужь довольно, маменька. Свое дѣло исправили, побранили, ну, и будетъ.

Круглова.

Ну, шутъ васъ возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти. (Входитъ Аховъ.)

Явленіе шестое.

Круглова, Агнія, Ипполитъ, Аховъ.

Аховъ.

Вотъ и я къ тебѣ забрелъ, въ твою хижину убогую.

Круглова.

Милости просимъ! Благодаримъ, что не гнушаетесь.

Аховъ.

Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Ѳедосевна; цѣни это! Ждали-ль такого гостя-то? (Поглядываетъ косо на Ипполита.)

Круглова.

И ждали, и нѣтъ.

Аховъ.

Какъ же? Вѣдь я съ своей дурой-то приказывалъ вамъ, чтобъ ждали.

Круглова.

Да вѣдь слуга-то у насъ антикъ; не дождешься ее, пока у ней языкъ-то поворотится.

Аховъ (Агніи).

Весело-ль прыгаешь?

Агнія.

Понемножку.

Аховъ.

Что-жь такъ? А ты живи веселѣй! Коли мать обижать будетъ, такъ ты мнѣ на нее жалуйся.

Круглова.

Просимъ покорно садиться.

Аховъ (косясь на Ипполита).

Сяду, сяду, не проси. (Садится на диванъ.)

Круглова.

Чѣмъ потчивать прикажете, Ермилъ Зотычъ?

Аховъ.

Погоди еще потчивать-то, дай гостямъ усѣсться хорошенько.

Круглова.

Усаживайтесь.

Аховъ.

Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругомъ-то! Усѣлся я, да порядку у тебя въ домѣ нѣтъ; вотъ что!

Круглова.

Не знаю, батюшка, что ты говоришь.

Аховъ (Ипполиту).

Ну!

Ипполитъ.

Что̀, дяденька, прикажете?

Аховъ.

Не знаешь?

Ипполитъ.

Что̀ же вамъ будетъ угодно-съ?

Аховъ.

Да ты приди въ себя! Гдѣ ты?

Ипполитъ.

У Дарьи Ѳедосевны-съ.

Аховъ (передразнивая его).

У Дарьи Ѳедосевны! Знаю, что у Дарьи Ѳедосевны. Значитъ, по-твоему, тебѣ здѣсь и надо быть?

Ипполитъ.

Я въ гости пришелъ-съ.

Аховъ.

А я зачѣмъ?

Ипполитъ.

Такъ полагаю, дяденька, что вы тоже-съ.

Аховъ.

Ну, такъ ты мнѣ компанія, или нѣтъ? Догадался теперь?

Ипполитъ.

Чего же я долженъ догадаться-съ?

Аховъ.

Что гдѣ хозяинъ, тамъ тебѣ не мѣсто. Понялъ?

Ипполитъ.

Понимаю-съ.

Аховъ.

Ну, и, значитъ, поди вонъ!

Круглова.

За что̀-жь ты его гонишь?

Агнія.

Для насъ гости всѣ равны.

Аховъ.

Много вы знаете! Не ваше это дѣло! (Ипполиту.) Ты какъ завидѣлъ хозяина, такъ бѣжать долженъ; шапку не успѣлъ захватить, такъ безъ шапки бѣги. Былъ, да и слѣдъ простылъ, словно тебя вѣтромъ сдунуло съ лица земли. Что̀-жь, кому я говорю?

Ипполитъ.

Но позвольте-съ ...

Аховъ.

За волосы, что̀-ль, тебя вытащить отсюда?

Ипполитъ.

Какъ же это можно-съ? При дамахъ даже-съ ...

Аховъ.

При дамахъ! Очень мнѣ нужно. Вытащу, да и все тутъ.

Ипполитъ.

За что̀ же такая обида-съ? Я здѣсь на благородномъ счету-съ.

Аховъ (привстаетъ).

Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ.

Ипполитъ (беретъ шляпу).

Ежели вы непремѣнно того желаете ...

Агнія (Ипполиту).

Струсили?

Аховъ (топая ногами).

Вонъ безъ разговору, вонъ! (Ипполитъ уходитъ.)

Агнія (вслѣдъ ему).

Стыдно, стыдно трусить!

Явленіе седьмое.

Аховъ, Круглова, Агнія.

Аховъ.

У меня струсишь; у меня и не такой, какъ онъ, струситъ.

Агнія.

Что же вы, страшны, что ли, очень?

Аховъ.

Не страшенъ я; страшенъ-то чортъ, да еще пугало страшное на огородѣ ставятъ, воронъ пугать. Говорить-то ты не умѣешь! Не страшенъ я, а грозенъ. (Кругловой.) А ты еще усаживаешь да потчуешь при мальчишкѣ-то!

Круглова.

Чѣмъ онъ тебѣ помѣшалъ, не понимаю.

Аховъ.

Пора понимать; не за мужикомъ замужемъ-то была. Порядокъ-то тоже въ домѣ былъ заведенъ; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что за невѣжество?

Круглова.

Никакого тутъ невѣжества нѣтъ. Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, учить меня сталъ? Поздно ужь, да и не нуждаюсь я.

Аховъ.

Да мнѣ что? Живи, какъ хочешь; тебѣ же хуже.

Круглова.

Прожила вѣкъ-то какъ-нибудь, теперь ужь немного доживать осталось.

Аховъ.

Да ты только разсуди, какъ ему съ хозяиномъ въ одной комнатѣ? Можетъ, я и разговорюсь у васъ; можетъ, пошутить съ вами захочу; а онъ, ротъ разиня, слушать станетъ? Онъ въ жизни отъ меня, кромѣ приказу да брани, ничего не слыхивалъ. Какой же у него страхъ будетъ послѣ этого? Онъ скажетъ, нашъ хозяинъ-то такія же глупости говоритъ, какъ и всѣ прочіе люди. А онъ знать этого не долженъ.

Круглова.

Ну, ужь гдѣ намъ эту вашу политику понимать!

Аховъ.

Мы иногда сберемся, хозяева-то, такъ безобразничаемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Такъ намъ и пустить къ себѣ въ компанію приказчиковъ, чтобъ они любовались на насъ?

Круглова.

Это ужь твое дѣло.

Аховъ.

То-то я и говорю. Вотъ ты, какъ только меня увидала, прежде чѣмъ сажать-то меня да потчивать, вытолкнула-бы его за дверь; и ему на пользу, да и мнѣ пріятнѣе.

Круглова.

Чаемъ просить прикажете?

Аховъ.

Не хочу, обидѣли. Я къ вамъ, было, всей душой, а вы меня уважить не хотѣли.

Круглова.

Трудно угодить-то на тебя.

Аховъ.

Нѣтъ, ты постой. Уважать насъ оченно надобно. Особенное намъ должно идти уваженіе супротивъ другихъ людей. А почему такъ? Я тебѣ скажу, если не знаешь.

Круглова.

Скажи, послушаемъ.

Аховъ.

Ты богатаго человѣка, коли онъ до тебя милостивъ, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь; нужда, али что, къ кому тебѣ кинуться? А второе: развѣ ты знаешь, развѣ тебѣ чужая душа открыта, за что богатый человѣкъ къ тебѣ милостивъ? Можетъ, онъ такъ только себѣ отвагу даетъ, а, можетъ, сурьезъ!! Потому что для нашего брата, ежели что захотѣлось, дорогого нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ; все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль. Поняла?

Круглова.

Ну, не вдругъ-то.

Аховъ.

А вотъ сейчасъ тебѣ... (Агніи.) Можешь ты меня поцаловать теперь, при матери?

Агнія.

Могу, коли захочу.

Аховъ.

Ну, такъ захоти, въ накладѣ не будешь.

Агнія.

Да и барыша мнѣ не надо; а чтобъ только изъ пустяковъ лишняго разговору не заводить, извольте. (Цалуетъ его.)

Аховъ (Кругловой).

Видѣла?

Круглова.

Что́ видѣть то? Я и не то видала. Чмокнуть-то губами невелико дѣло! Хошь бы тебя она теперь! Это что̀! Все равно, что горшокъ объ горшокъ; сколько ни бей, а масла не будетъ. А то есть дѣло, которое совсѣмъ другого рода; тогда ужь, мать, смотри только.

Аховъ.

Нѣтъ, ты слушай! Вѣдь богатство-то чѣмъ лестно? Вотъ чѣмъ: что̀ захотѣлъ, что̀ задумалъ только, — все твое.

Агнія.

Ну, еслибъ я знала, что вы такъ будете мое снисхожденіе понимать, ни за что̀-бъ васъ не поцаловала.

Аховъ.

Ты молчи, ты молчи! Худого ты не сдѣлала. Нѣтъ, я говорю, коли вся жизнь-то... можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ ка̀къ намъ собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется... А что̀ ужь про тѣхъ, кому и вовсе-то ѣсть нечего! Ой, за̀-дешево людей покупали, ой, за̀-дешево! Повѣришь ли, иногда даже жалко самому станетъ.

Круглова.

Что̀ капитало́мъ-то гордиться!

Аховъ.

А то чѣмъ же? (Со вздохомъ.) Сила, Ѳедосевна, сила!

Круглова.

Ну, да что̀ говорить!

Аховъ.

Ну, такъ вотъ ты и обсуди, да подумай одна на досугѣ, съ подушкой: авось дѣло-то ладнѣй пойдетъ. (Встаетъ.) Ну, прощайте покудова. А вы ничего, я не сержусь.

Круглова.

Ну, и ладно, коли не сердишься. Что̀ хорошаго сердиться!

Аховъ.

Разумѣется, какъ давно ты въ бѣдности, такъ отъ настоящихъ порядковъ отвыкла; а дай тебѣ деньги-то, такъ ты опять.

Круглова.

Еще бы.

Аховъ.

Такъ ты вникни, Дарья Ѳедосевна! (Значительно.) Совѣтую. Помни одно: никто, какъ Богъ! (Агніи.) Прощай, стрекоза!

Агнія.

Прощайте, Ермилъ Зотычъ.

Аховъ.

Я вѣдь, пожалуй, и опять скоро. Меня къ вамъ ровно что̀ тянетъ ... Конечно, что и съ вашей стороны нужно ... Ну, да будетъ. Завтра приходить, что-ль?

Круглова.

Что̀ за спросъ? Да когда только тебѣ угодно!

Аховъ.

Ладно, ладно. (Тихо Кругловой.) Завтра приду.

Круглова.

Да что̀ за секретъ?

Аховъ (толкаетъ ее локтемъ).

Толкуй съ тобой. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Круглова и Агнія.

Агнія.

Маменька, когда Ипполитъ придетъ, гоните его безъ милосердія.

Круглова.

Не Ермила ли гнать-то?

Агнія.

За что̀ его? Онъ чѣмъ виноватъ? Какъ же ему не возноситься, когда ему всѣ покоряются.

Круглова.

Ты что̀ ни говори, а мнѣ Ипполита жалко.

Агнія.

Что̀ его жалѣть-то; онъ не маленькій. Кабы у него совѣсть, такъ онъ самъ бы стыдился, что его жалѣютъ. Какого маленькаго обидѣли! Видѣть его не могу.

Круглова.

Что̀ такъ грозно?

Агнія.

Ну, будь онъ женатъ, да съ женой здѣсь, каковобы ей бѣдной?

Круглова.

Попробуй-ко съ Ермиломъ-то сговорить.

Агнія.

Не канатомъ онъ съ Ермиломъ-то связанъ, бросилъ да и пошелъ. А я-было чуть не полюбила его, плаксу.

Круглова.

У тебя, видно, сколько дней на недѣлѣ, столько

и пятницъ. Не успѣла полюбить, да ужь и разлюбила.

Агнія.

Да-таки и разлюбила.

Круглова.

А и такъ больше полюбила.

Агнія.

Ну, и поздравляю.

Круглова.

И тебѣ совѣтую.

Агнія.

Ну, ужь напрасно.

Круглова.

Потому что онъ добрый.

Агнія.

Противный, распротивный.

Круглова.

Аховъ лучше?

Агнія.

И сравненія нѣтъ.

Круглова.

Ужь куда какъ хорошъ! Ну, и цалуйся съ своимъ Аховымъ.

Агнія.

Да, разумѣется, лучше, чѣмъ съ Ипполитомъ.

Круглова.

Тебѣ бы объ этомъ прежде догадаться.

Агнія.

Не попрекайте, не попрекайте, я ужь и то себя проклинаю.

Круглова.

Я тебя не попрекаю; а ужь, по-моему, коли понравился человѣкъ, такъ и держись одного.

Агнія.

Какъ же не такъ: стòитъ онъ! Я еще вотъ чтò сдѣлаю, я напишу ему, чтобъ онъ не смѣлъ къ намъ и показываться. (Идетъ въ другую комнату.)

Круглова.

Чтò писать-то напрасно; только даромъ руки марать!

Агнія.

Совсѣмъ не напрасно. (Уходитъ.)

Круглова.

Какъ не напрасно; вѣдь вотъ, погодя немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорѣе.

Агнія (изъ другой комнаты).

Да ни за чтò, ни за чтò на свѣтѣ.

Круглова.

Повѣрю я, какъ же.

Агнія.

И не говорите лучше! Конецъ знакомству — вотъ и все.

Круглова.

Посмотримъ, сказалъ слѣпой. (Уходитъ.)

Сцена вторая.

Декорація первой сцены.

Явленіе первое.

Круглова (на диванѣ), **Ѳеона** (на креслѣ) пьютъ чай. На столѣ самоваръ. У двери стоитъ **Маланья** (подперши рукой щеку).

Круглова.

Ты, Ѳіонушка, отъ обѣдни?

Ѳеона.

Отъ обѣдни, матушка.

Круглова.

Гдѣ стояла?

Ѳеона.

Въ Хамовникахъ.

Круглова.

А далеко, вѣдь?

Ѳеона.

Конечно, что не моимъ бы ногамъ, только что усердіе, такъ ужь ... (Ставитъ чашку.)

Круглова (наливая).

Пей еще!

Ѳеона.

Выпью, не обезсудьте.

Маланья.

А вотъ ... въ лѣни живущимъ все тяжело, которые ежели себя опущаютъ. Другой разъ поутруто ... такъ тебя нѣжитъ-томитъ ... ровно тебя опоили, плоть-то эта самая точно въ ростъ идетъ, по суставамъ-то ровно гудетъ легоничко ... Не токма, чтобы какое дѣло великое, что по христіанству тебѣ слѣдуетъ; а самоваръ, и тотъ лѣнь поставить ... все бы лежала.

Ѳеона.

А ты, дѣвушка, блажь-то съ себя стряхивай, — старайся! Въ струнѣ себя норови... а то, долго-ль, и совсѣмъ одубѣешь. У насъ такъ-то было съ одной, — вся какъ свинцомъ налитая сдѣлалась. Ни понятія, говоритъ, ни жалости во мнѣ ни къ чему не стало.

Маланья.

Само-собой, что грѣхи ... наши; а то я ... про что же!

Ѳеона.

Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Онъ еще до заутрени чаю-то напился.

Маланья.

Ишь ты, какъ его ...

Круглова.

Что-жь у него за дѣло — спѣшное?

Ѳеона.

Да какое дѣло, окромя, что ворчать ходить да чтобъ не спали? Ненавистникъ! Ужь очень онъ за свою хлѣбъ-соль обидчикъ! Его кускомъ-то подавишься; онъ имъ тебя разъ десять въ день-то попрекнетъ. Кричитъ: „Я васъ кормлю да жалованье плачу“, а чужой работы не считаетъ. Ему, кажись, кабы можно изъ рабочаго дня-то два сдѣ-

лать, такъ онъ былъ бы радъ-радостью. Вотъ и бродитъ спозаранку, и по двору бродитъ, и по саду бродитъ, по сараямъ, по конюшнямъ бродитъ. Потомъ на фабрику поѣдетъ, тамъ тоже только людямъ мѣшаетъ: человѣкъ за дѣломъ бѣжитъ, а онъ его остановитъ, ругать примется ни за что; говоритъ: для переду годится. А съ фабрики пріѣдетъ, съ дѣтьми стражается, — вотъ и всѣ наши дѣла.

Круглова.

Ты мнѣ не говори; свой такой же чадо былъ. Одинъ, видно, ихъ портной кроитъ. Одна разница: мой-то насъ мучилъ, мучилъ, да чуть не съ сумой оставилъ, а вашъ-то зарылся по горло въ деньгахъ, и счетъ потерялъ, такъ и завязъ тамъ.

Ѳеона.

Да что и деньги-то! Только грѣхъ одинъ. Хорошо, какъ въ руки попадутъ, а то, кто его знаетъ, что у него на умѣ. Одинъ сынъ бѣжалъ изъ дому, Николай Ермилычъ-то.

Круглова.

Давно ли?

Ѳеона.

Бѣжалъ, матушка; бѣжалъ къ тещѣ. Еще на той недѣлѣ съѣхалъ. И кроткій человѣкъ, а не стерпѣлъ. Вѣришь ты, исхудалъ весь, ходитъ, да такъ всѣмъ тѣломъ и вздрагиваетъ. Да и жена его, женщина молодая, измѣнилась совсѣмъ; въ слезахъ встаетъ, въ слезахъ и ложится. Все старикъ ихъ наслѣдствомъ попрекаетъ: „ Смерти моей, говоритъ, желаете, денегъ дожидаетесь, воли вамъ мало? Подождите, говоритъ, подождите; я съ своими копленными не скоро разстанусь; прежде я васъ жить поучу, за свое добро надъ вами покуражусь такъ, что вы и деньгамъ не обрадуетесь. “

Маланья.

А и аспидъ же онъ у васъ.

Ѳеона.

Аспидъ, какъ есть аспидъ. (Ставитъ чашку на столъ.) Благодарю покорно!

Круглова.

А еще?

Ѳеона.

Нѣтъ ужь, въ волю напилась, сколько хотѣнья было. Еще дома, приду, пить буду. Что́-жь дѣлать отъ скуки-то? А сама что̀-жь не пьешь?

Круглова.

Ужь мы съ Агничкой напились. Это я такъ, съ тобой балую. Маланья, убирай чай! (Маланья принимаетъ самоваръ, подносъ съ чашками и уходитъ.)

Ѳеона.

А вотъ Гриша у насъ, другой-то, матушка ...

Круглова.

Знаю, знаю.

Ѳеона.

Не таковъ, озарноватъ; видно, въ батюшку удался.

Круглова.

Его-то хоть любитъ ли?

Ѳеона.

Никакъ нельзя его, матушка, любить-то; очень ужь нескладенъ, да и безтолковъ такъ, что не накажи, Господи! Одно только и знаетъ, что отцу въ ноги кланяться, а ужъ пить да буянить — другого не найдешь. Отъ этого отъ самаго-то зрѣніе у него притупилось. Какъ пріѣдетъ откуда пьяный, или привезутъ его, глаза вытаращитъ, какъ баранъ, уста-

вится въ одну сторону, и давай передъ отцомъ лбомъ въ полъ стучать. Тотъ его проститъ, а онъ опять закатится. Что̀ жалобъ на него было, что̀ за него денегъ плачено! Вотъ недавно задурилъ; привезли его, изъ какихъ теплыхъ мѣстовъ, ужь не знаю, только связаннаго. И двое побитыхъ съ нимъ, да одного, говорятъ, въ Москвѣ-рѣкѣ топилъ. Ну, нѣчего дѣлать, заплатилъ отецъ побитымъ за изъянъ, а тонущаго и которые его изъ воды тащили еще и виномъ напоили, окромя денегъ. И сослалъ его отецъ на фабрику, чтобъ держали тамъ взаперти до усмиренія.

Круглова.

Эки дѣла? Какъ богатые-то купцы живутъ. Не позавидуешь и богатству-то ихъ.

Ѳеона.

Что̀, матушка, въ немъ завистнаго! Въ этомъ богатствѣ-то чужихъ слезъ больно много, вотъ онѣ и отзываются — до седьмого колѣна, говорятъ.

Круглова.

Значитъ, стѣарикъ-то теперь одинъ; то-то онъ и повадился ко мнѣ ходить.

Ѳеона.

Почитай, что одинъ. Домъ-то у насъ старый княжескій, комнатъ сорокъ, — пусто таково; скажешь слово, такъ даже гулъ идетъ; вотъ онъ и бродитъ одинъ по комнатамъ-то. Вчера пошелъ въ сумерки, да и заблудился въ своемъ-то дому; кричитъ караулъ не благимъ матомъ. Насилу я его нашла, да ужь вывела. Это онъ со скуки къ тебѣ бродитъ. Гришу-то опять съ фабрики привезли, матушка, только больного. Докторъ ѣздитъ, да еще старичокъ-раскольникъ ходитъ, живыхъ линѣй ему къ подошвамъ прикладываетъ. На фабрикѣ-то у насъ елехторъ нѣмецъ, Вандеръ, и такой-то злой

пить, что, кажется, какъ только утроба человѣческая помѣщаетъ; и что̀ ни пьетъ, все ему ничего, только-что еще лучше, все онъ цвѣтнѣй да глазастѣй становится. Ну, а нашъ-то еще молодъ, и не перенесъ, и нашло на него ума помраченіе. Сталъ выбѣгать на балконъ да въ мужиковъ изъ ружья стрѣлять. Само-собой, что не своей волей онъ это творилъ. Можетъ, *они* еще къ нему въ Москвѣ приступили, да намъ-то невдомекъ было. Стали, говоритъ, *они* кругомъ его сначала какъ шмели летать, а потомъ ужь въ своемъ видѣ показались, какъ имъ быть слѣдуетъ. И все-то онъ теперь отъ нихъ прячется. Охъ, пойти! А то самъ-то, пожалуй, заругается.

Круглова.

Посиди. Кто-жь у васъ дѣломъ-то правитъ?

Ѳеона.

Племянникъ, матушка.

Круглова.

Ипполитъ?

Ѳеона.

Онъ, матушка, онъ, Аполитъ. И по конторѣ, и по фабрикѣ—все онъ.

Круглова.

Каковъ онъ, парень-то, я давно у тебя хотѣла спросить.

Ѳеона.

Мученикъ, матушка, одно слово. Страстотерпецъ. Одинъ за всѣхъ дѣло дѣлаетъ, покою не знаетъ; а кромѣ брани, себѣ ничего не видитъ.

Круглова.

Не пьетъ онъ?

Ѳеона.

И, что ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьетъ, я такъ полагаю, надо-быть, въ скорости.

Круглова.

Отчего такъ?

Ѳеона.

Не стерпитъ, невозможно. У насъ все одно: что честно себя содержи, что пьянствуй, — все одна цѣна-то; отъ хозяина добраго слова не дождешься; такъ что за напасть, изъ чего себя сокращать-то? Прежде Аполитъ, все-таки, повеселѣе ходилъ, а теперь такой пасмурный, изъ всего видно, что запить сбирается. Ну, и деньгами бьется, бѣдный; положенія ему нѣтъ, а что дастъ хозяинъ изъ милости.

Круглова.

Эко, бѣдный, а!

Ѳеона.

Да ты что про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова.

А хоть бы и сватаю; развѣ дурное дѣло?

Ѳеона.

Кто-жь говоритъ. Ужь ты не свою ли?

Круглова.

Что-жь, и моя невѣста.

Ѳеона.

Ну, вотъ дуру нашла; повѣрю я, какъ же! Что тебѣ за охота за подначальнаго человѣка?

Круглова.

Я и за хозяиномъ была, да горе-то видѣла. Разумѣется, попадется состоятельный человѣкъ, мы брезгать не станемъ.

Ѳеона.

Зачѣмъ брезгать! Давно и по всему видно, что твоей птичкѣ въ золотой клѣткѣ быть.

Круглова.

Ахъ, Ѳіонушка, клѣтка — все клѣтка, какъ ты ее ни золоти.

Ѳеона.

Что-то нашъ старикъ ужь очень сталъ твою дочку похваливать.

Круглова.

Пущай его хвалитъ, намъ убытку нѣтъ.

Ѳеона.

Что̀-жь не похвалить? И всякій похвалитъ. Да блажной вѣдь онъ, старичишко-то; говоритъ такое, что̀ ему не слѣдуетъ. Вѣдь ему давно за шестьдесятъ, она ему во внучки годится. А онъ на-ко поди, ровно молоденькій.

Круглова.

Что̀ ты говоришь?

Ѳеона.

Будто ты его не знаешь? Отъ него все станется.

Круглова.

Ну, гдѣ же!

Ѳеона.

Да ужь вѣрно, коли я говорю. Не въ первый разъ ему Москву-то страмить. Онъ, было, и за богатенькихъ брался, ума-то у него хватило, да мѣстахъ въ трехъ карету подали; вотъ теперь ужь другое грезитъ. „Изберу я себѣ изъ бѣдныхъ, говоритъ, повиднѣе. Ей моего благодѣянія всю жизнь не забыть, да и я отъ ея родныхъ что̀ по-

клоновъ земныхъ увижу! Дѣвка-то дѣвкой, да и поломаюсь до сыта".

Круглова.

А вѣдь эти старики богатые только сами много мечтаютъ о себѣ, а ума въ нихъ нѣтъ.

Ѳеона.

Нѣтъ, матушка, нѣтъ, одинъ форсъ. А собьютъ съ него форсъ-то этотъ самый, такъ онъ что̀ твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засидѣлась я.

Круглова.

Прощай, Ѳіонушка! (За сценой голосъ Агніи: „Ты не плачь, не тоскуй, душа-дѣвица".)

Ѳеона.

Это дочка, чай?

Круглова.

Агничка.

Ѳеона.

Веселенькая какая, Богъ съ ней. (Выходитъ Агнія.)

Явленіе второе.

Круглова, Ѳеона, Агнія.

Агнія.

Здравствуй, бабушка.

Ѳеона.

Здравствуй, родная! Что̀-жь замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь-ли, что̀ въ тебѣ поетъ-то?

Агнія.

Что̀?

Ѳеона.

Воля. А вотъ, придетъ время, бросишь пѣсенки-то.

Агнія.

Да я въ неволю не пойду.

Ѳеона.

И рада-бъ не пошла, да коли такъ предуставлено. Счастливо оставаться! Что̀ вы меня не гоните? Прощайте! (Уходитъ. Агнія садится къ пядьцамъ и задумывается.)

Круглова.

Посовѣтуйся съ матерью-то! Что̀ ты все одна вздыхаешь? Я вѣдь тебѣ другъ, а не врагъ.

Агнія.

Нѣтъ, маменька, боюсь расплачусь; а плакать что̀ хорошаго. (Работаетъ.)

Круглова.

Сказать тебѣ новость?

Агнія.

Скажите!

Круглова.

Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

Агнія.

Ахъ! Убили!

Круглова (улыбается).

Мое дѣло сказать тебѣ; а тамъ ужь, какъ хочешь.

Агнія.

Ну, да ужь, конечно.

Круглова.

Воли я съ тебя не снимаю.

Агнія (работая.)
Покорнѣйше васъ благодарю.

Круглова.
Деньги никому еще на свѣтѣ не надоѣли.

Агнія.
Еще бы!

Круглова.
А какъ ихъ нѣтъ, такъ и подавно.

Агнія.
Что̀ и говорить!

Круглова.
Ну, и почетъ тоже что̀-нибудь да значитъ.

Агнія.
Само-собой.

Круглова.
Завидный женихъ.

Агнія.
И спорить нѣчего.

Круглова.
Старъ только.

Агнія.
Ничего.

Круглова.
Да нравомъ лютъ.

Агнія.
Это у него, Богъ милостивъ, пройдетъ.

Круглова.
Да что̀ ты, вздурилась, что́ ли?

Агнія.
А что̀?

Круглова.

Я такихъ рѣчей отъ тебя прежде не слыхивала.

Агнія.

И я отъ васъ не слыхивала. Коли вы шутите, ну, и я шучу; коли вы серьёзно, и я серьёзно.

Круглова.

Я пошутила, да ужь и не рада стала. Кто тебя знаетъ, ты мудреная какая-то!

Агнія.

А вы не шутите въ другой разъ.

Круглова.

А ну, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ присватается?

Агнія.

Ужь будто вы и словъ не найдете?

Круглова.

Словъ-то какъ не найти!

Агнія.

Такъ чего же вамъ еще?

Круглова.

А если онъ тебя спроситъ, ты что̀ скажешь?

Агнія.

Я дѣвушка-ангелъ, я скажу: „какъ маменькѣ угодно!“

Круглова.

Ну, и ладно. (Входитъ Ипполитъ.)

Явленіе третье.

Круглова, Агнія, Ипполитъ.

Ипполитъ.

Наше вамъ почтеніе съ.

Круглова.

Здравствуй, голубчикъ. (Агнія, молча, слегка кланяется.) Садись, что̀ стоишь?

Ипполитъ (садясь).

Собственно мнѣ нѣкогда-съ; въ моментъ надо при дѣлѣ быть. За полученіемъ ѣду.

Круглова.

Подождутъ.

Ипполитъ.

Съ векселями ждутъ-то, а не съ деньгами-съ. Полчаса промѣшкалъ, и лови его въ Красноярскѣ.

Круглова.

По-моему, ужь лучше не заходить, коли нѣкогда. Что̀ за порядокъ: повернулся да и ушелъ. Терпѣть не могу.

Ипполитъ.

По направленію пути долженъ былъ мимо васъ ѣхать, такъ счелъ за невѣжество не зайти.

Круглова.

Ну, спасибо и за то. Что̀ новенькаго?

Ипполитъ.

Старое по старому, а вновь ничего-съ.

Круглова.

Жалованья просить скоро будешь?

Ипполитъ.

Какъ его просить, коли и заикаться не велѣли. Вотъ, что̀ дальше будетъ, посмотрю.

Круглова.

И дальше то же будетъ, коли зѣвать будешь. Приставай къ горлу, — вотъ и все тутъ.

Ипполитъ.

Не на такихъ я правилахъ основанъ-съ.

Круглова.

Какъ хочешь! Я тебѣ добра желаю.

Ипполитъ.

А при всемъ томъ, я объ вашемъ разговорѣ подумаю-съ.

Круглова.

Думай! Не все тебѣ малолѣтнимъ быть! Что̀ у тебя впереди-то?

Ипполитъ.

Сулитъ большое вознагражденіе. Только, если на него надѣяться, надо будетъ при своей мечтѣ въ большихъ дуракахъ остаться.

Круглова.

Въ дуракахъ-то бы ничего, какъ бы хуже не было!

Ипполитъ.

Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы-возможности; а другой, на моемъ мѣстѣ, давно-бы въ слабость ударился и сейчасъ въ число людей, не стоющихъ вниманія, попалъ. Въ младенчествѣ на брань и на волосяную расправу терпимость есть, все это, какъ-будто, приличное къ этому возрасту. А ежели задумываешь объ своей солидности и хочешь себя въ кругу людей держать на

виду, и вдругъ тебя назадъ осаживаютъ, почитай что въ самую физіономію! Обидно!

Круглова.

Разумѣется, обидно.

Ипполитъ.

Ты, по своимъ трудамъ, хочешь быть въ уваженіи и по всѣмъ правамъ полнымъ гражданиномъ, и вдругъ тебя опять же на мальчишеское положеніе поворачиваютъ, тогда въ душѣ большіе перевороты бываютъ къ дурному.

Круглова.

А кто тебя держитъ? Ты вѣдь не крѣпостной у него.

Ипполитъ.

А куда же я пойду-съ? На триста рублей въ годъ въ лавку? И долженъ я лѣтъ пять биться въ самомъ ничтожномъ положеніи. Когда-же я человѣкомъ буду во всей формѣ? Теперь, все-таки, одно лестно, что я при большомъ дѣлѣ, при богатомъ дядѣ въ племянникахъ. Все-таки мнѣ почетъ.

Круглова.

Гдѣ? Въ трактирѣ?

Ипполитъ.

Хоша и въ трактирѣ.

Круглова.

Ну, такъ самъ виноватъ, нечего тебя и жалѣть!

Ипполитъ.

Можетъ, онъ когда и войдетъ въ чувство.

Круглова.

Дожидайся отъ него чувства-то!

Ипполитъ.

Я такъ понимаю, что мнѣ съ него тысячъ пятнадцать по всѣмъ правамъ слѣдуетъ.

Круглова.

Понимай, что̀ хочешь, а слушать тебя скучно. Пойти, работу взять. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Агнія и Ипполитъ.

Агнія.

Зачѣмъ же вы мнѣ лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполитъ.

Да ужь очень обидно признаться-то-съ. Ну, и говоришь про себя, какъ лучше, чтобъ тебя за человѣка считали.

Агнія.

Вы трусъ, да и лгунъ еще. По вашему характеру, денегъ вы отъ хозяина не дождетесь, а вѣрнѣе всего, что онъ самъ васъ прогонитъ.

Ипполитъ.

Помилуйте, за что̀ же? Въ такомъ случаѣ, противъ его невѣжества можно и самому невѣжливымъ быть.

Агнія.

Давно бы вамъ догадаться.

Ипполитъ.

Нешто вооружиться?

Агнія.

Вооружайтесь!

Ипполитъ.

Коли вы одобряете, такъ и будетъ-съ. Коль скоро человѣкъ своего должнаго не понимаетъ и словъ не чувствуетъ, надо ему на дѣлѣ доказать, чтобъ онъ отъ своего необразованія сколько-нибудь очувствовался.

Агнія.

Чѣмъ же вы ему докажете?

Ипполитъ.

Даже очень немногимъ-съ. Вотъ и сейчасъ онъ въ моихъ рукахъ. (Показываетъ векселя.) Всему только дѣлу остановка, что у меня совѣсти довольно достаточно.

Агнія.

И хорошо, что ея достаточно. Человѣка безсовѣстнаго любить нельзя.

Ипполитъ.

Хорошо, что вы мнѣ это заранѣе сказали-съ.

Агнія.

А вы не знали?

Ипполитъ.

Почемъ же я могу вашъ характеръ знать-съ? Обыкновенно у женщинъ больше такое понятіе-съ, что хоть на разбой ходи, только для нея и для дому будь добычникъ.

Агнія.

Я воровъ не люблю, а другія, какъ хотятъ, — не мое дѣло.

Ипполитъ.

Значитъ, только изъ одного того, чтобъ любовь вашу заслужить?

Агнія.

Не говорите мнѣ о любви, пожалуйста!

Ипполитъ.

Почему же такъ-съ?

Агнія.

Я не хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполитъ.

По вашимъ словамъ, я самый ничтожный человѣкъ-съ ...

Агнія.

Это ваше дѣло.

Ипполитъ.

Ото всѣхъ въ презрѣніи.

Агнія.

Кто-жь виноватъ?

Ипполитъ.

Замѣсто того, чтобъ мнѣ отъ васъ утѣшеніе ...

Агнія.

Васъ станутъ бить, какъ мальчишку, а я должна васъ утѣшать! Да съ чего вы выдумали?

Ипполитъ.

Кто же меня пожалѣетъ-съ?

Агнія.

Мнѣ-то что̀ за дѣло! Смѣяться надъ вами, а не жалѣть.

Ипполитъ.

Послѣ этого ужь только помирать остается на моемъ мѣстѣ.

Агнія.

Конечно, лучше.

Ипполитъ.

Стало быть, вы обо мнѣ очень низкаго понятія?

Агнія.

Очень.

Ипполитъ.

Однако, такой ударъ отъ васъ! Я даже, какъ его перенести, не знаю.

Агнія.

Очень рада.

Ипполитъ.

И никакого, значитъ, къ человѣчеству снисхожденія?

Агнія.

И не ждите.

Ипполитъ.

Однако же, влетѣлъ я ловко! Вотъ такъ обманъ для моихъ чувствъ! Ошибался я въ своей жизни ...

Агнія (отирая слезы).

Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорятъ вамъ. Стыдно мнѣ, взрослой дѣвушкѣ, не умѣть людей разбирать. Меня никто не тянулъ къ вамъ.

Ипполитъ.

Но позвольте мнѣ въ свое оправданіе ...

Агнія.

Подите, подите!

Ипполитъ.

Но, однако, хоть малость пожалѣйте!

Агнія.

Послушайте! Нынче же выпросите себѣ у хозяина хорошее жалованье, или отходите отъ него и ищите другое мѣсто! Если вы этого не сдѣлаете, лучше и не знайте меня совсѣмъ, и не кажитесь мнѣ на глаза!

Ипполитъ.

Это ужь отъ васъ послѣднее слово-съ?

Агнія.

Послѣднее.

Ипполитъ.

Ну, такъ я знаю, что̀ мнѣ дѣлать-съ. Я эту штуку давно въ умѣ держу.

Агнія.

Дѣлайте, что̀ хотите, только честно.

Ипполитъ.

Это я не знаю, тамъ сами разсудите. Опосля хоть голову съ меня снимите, только я отъ своего не отступлюсь.

Агнія.

Ваше дѣло.

Ипполитъ.

Такъ прощайте-съ!

Агнія (кланяясь).

Прощайте.

Ипполитъ.

Стало быть, прощанье сухое будетъ?

Агнія.

Это что̀ еще?

Ипполитъ.

Хоша ручку-съ.

Агнія.

Ни одного пальчика. (Входитъ Круглова).

Явленіе пятое.

Круглова, Агнія, Ипполитъ, потомъ **Маланья.**

Ипполитъ (Кругловой).

Поддержите-съ!

Круглова.

Въ чемъ?

Ипполитъ.

Хочу съ хозяиномъ войну начинать.

Агнія.

Не заплачьте передъ хозяиномъ, вмѣсто войны-то!

Ипполитъ.

Что̀ за насмѣшки-съ! Нѣтъ ужь, теперича душа моя горитъ.

Круглова.

Да я-то тутъ при чемъ? Не понимаю, голубчикъ.

Ипполитъ.

Черезъ полчаса я вамъ объясню въ точности. (Входитъ Маланья и молча вздыхаетъ.)

Агнія.

Какихъ чудесъ не бываетъ!

Ипполитъ.

Да ужь докажу себя передъ вами.

Маланья.

Дѣдинька идетъ.

Круглова.

Какой дѣдинька?

Маланья (вздыхая).

Сѣденькій.

Ипполитъ.

Ужь не хозяинъ ли?

Маланья.

Должно, что хозяинъ. Да онъ и есть; что̀ я говорю-то. (Уходитъ.)

Ипполитъ.

Вотъ-было попался.

Круглова.

Пройдите чрезъ мою комнату и не встрѣтитесь. (Ипполитъ уходитъ въ комнату Кругловой, Круглова встрѣчаетъ въ передней Ахова и входитъ вмѣстѣ съ нимъ.)

Явленіе шестое.

Круглова, Агнія, Аховъ.

Круглова.

Пожалуйте, Ермилъ Зотычъ! Милости просимъ! (Агнія кланяется.)

Аховъ.

Да! Милости просимъ! Милости просимъ! За что̀ насъ вездѣ любятъ? Вездѣ: „милости просимъ!“

Круглова.

Ты думаешь, за богатство за твое?

Аховъ.

Притворяйся еще! Что̀ ни толкуй, Ѳедосевна, а противъ другихъ отличка есть.

Круглова.

Ну, само-собой.

Аховъ.

Бѣдный человѣкъ пришелъ, хочешь — ты имъ за-

нимаешься, хочешь — прогонишь, а богатый хоша бы и невѣжество сдѣлалъ, ты его почитаешь. (Указывая на Агнію.) Работаетъ?

Круглова.

Работаетъ.

Аховъ.

Да! Это хорошо.

Круглова.

Для скуки.

Аховъ.

А много-ль ей годовъ? Все я не спрошу у тебя.

Круглова.

Двадцать лѣтъ.

Аховъ.

Еще не стара. (Тихо.) Объ женихахъ думаетъ?

Круглова.

Ну, какіе женихи безъ приданаго?

Аховъ.

Такимъ Богъ невидимо посылаетъ.

Круглова.

Что-то не слыхать.

Аховъ.

Нѣтъ, ты не говори, бываетъ ... за добродѣтель. Особенно, которыя кроткія, покорныя, вдругъ откуда ни возьмется человѣкъ, чего и на умѣ не было, объ чемъ и думать-то не смѣли.

Круглова.

Бываетъ-то, бываетъ, да очень рѣдко.

Аховъ.

Молиться нужно хорошенько, — вотъ и будетъ.

Круглова.

Да и то молимся.

Аховъ.

Къ пятницѣ Парасковеѣ ходила?

Круглова.

Ходила.

Аховъ.

Ну, и жди. Только ты ужь съ покорностью; посватается человѣкъ, особенно съ достаткомъ, сейчасъ и отдавай. Значитъ, такое опредѣленіе. А за бѣднаго не отдавай!

Круглова.

Что̀ за крайность!

Аховъ.

Мало ли дуръ-то! Выдать недолго, да что̀ толку! Есть и такія, которыя совсѣмъ своего счастья не понимаютъ черезъ гордость черезъ свою.

Круглова.

Мы не горды.

Аховъ.

Да чѣмъ вамъ гордиться-то? Богатый человѣкъ, ну, гордись, превозносись собой; а твое дѣло, Ѳедосевна, только кланяйся. Всѣмъ кланяйся, и за все кланяйся, что̀-нибудь и выкланяешь, да и глядѣть-то на тебя всякому пріятнѣе.

Круглова.

Спасибо за совѣтъ! Дай Богъ тебѣ здоровья.

Аховъ.

Вѣрно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто васъ призритъ, ну, и благодѣтель, и отецъ родной, ну, и кланяйся тому въ ноги. А не то,

чтобы, какъ другія, отъ глупости чрезмѣрной, носъ въ сторону отъ благодѣтелевъ.

Круглова.

Да ужь не учи, знаю.

Аховъ.

Ты-то знаешь, тебѣ пора знать; тоже школу-то видѣла при покойномъ. Страхъ всякому человѣку на пользу; оттого ты и умна. А вотъ молодые-то нынче отъ рукъ отбиваются. Ты свою дочь-то въ страхѣ воспитывала?

Круглова.

Въ страхѣ, Ермилъ Зотычъ, въ страхѣ. Да вотъ поговори съ ней, а я пойду за Маланьей, посмотрю, что̀ она тамъ дѣлаетъ. (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Агнія и Аховъ.

Аховъ.

Ну, объ чемъ же мы съ тобой говорить будемъ?

Агнія.

Объ чемъ хотите.

Аховъ.

Ты законъ знаешь?

Агнія.

Какой законъ?

Аховъ.

Обыкновенно, какой, какъ родителевъ почитать, какъ старшихъ?

Агнія.

Знаю.

Аховъ.

Да мало его знать-то, надобно исполнять.

Агнія.

Я исполняю: я все дѣлаю, что̀ маменькѣ угодно, изъ воли ея не выхожу.

Аховъ.

Вотъ такъ, такъ. Что̀ мать только тебѣ скажетъ, отъ самаго малаго и до самаго большого ...

Агнія.

Да̀, отъ самаго малаго и до самаго большого ...

Аховъ.

Вотъ за это люблю.

Агнія.

Покорно васъ благодарю.

Аховъ.

Да еще какъ люблю-то! Ты не гляди, что я старъ! Я ухъ какой! Ты меня въ скромности видишь, можетъ, такъ обо мнѣ и думаешь; въ насъ и другое есть. Какъ мнѣ вздумается, такъ себя и поверну; я все могу, могущественный я человѣкъ.

Агнія.

Пріятно слышать.

Аховъ.

Ты слыхала-ль, что есть такіе старики-прокураты, что на молоденькихъ женятся?

Агнія.

Какъ не слыхать! Я слышала, что есть такія и дѣвушки, которыя за стариковъ выходятъ.

Аховъ.

Ну, да это все одно.

Агнія.

Нѣтъ, не все одно. Старику пріятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что̀ за охота?

Аховъ.

Ты этого не понимаешь?

Агнія.

Не понимаю.

Аховъ.

Ну, я тебѣ растолкую.

Агнія.

Растолкуйте!

Аховъ.

Вотъ ты, напримѣръ, бѣдная, а пожить тебѣ хочется; ну, тамъ, какъ у васъ, по-женски? Салопъ, что̀ ли, какой, али шляпку, на лошадяхъ на хорошихъ проѣхать, въ коляскѣ въ какой модной.

Агнія.

Да, да. Ахъ, какъ хорошо!

Аховъ.

Ну, вотъ то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что̀ на умѣ-то у тебя, все знаю. Вотъ и думаешь: „выйду я за бѣднаго, всю жизнь буду въ забвеніи жить; молодой да богатый меня не возьметъ: дай-ко, я послушаю умныхъ людей, да выйду за старичка съ деньгами“. Такъ вѣдь ты разсуждаешь?

Агнія

Такъ, такъ.

Аховъ.

„Старикъ-то мнѣ, молъ, за любовь мою и того, и сего“. (Очень серьёзно.) Какіе подарки дѣлаютъ! Страсть!

Агнія.

Неужели?

Аховъ.

Тысячные, я тебѣ говорю, тысячные! Еще покуда женихами, такъ каждый вечеръ и возятъ, и возятъ!

Агнія.

Вотъ жизнь-то!

Аховъ.

Да это еще что! А какъ женится-то, вотъ тутъ-то женѣ житье, тутъ-то веселье!

Агнія.

Да, да.

Аховъ.

Что? Лестно?

Агнія.

Какъ же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Аховъ.

Весело, небось?

Агнія.

Очень весело. Да и то еще пріятно думать, что вотъ черезъ годъ, черезъ два, мужъ умретъ, не два же вѣка ему жить; останешься ты молодой вдовой съ деньгами, на полной свободѣ, чего душа хочетъ.

Аховъ.

Ну, это ты врешь; сама, можетъ, прежде умрешь.

Агнія.

Ахъ, извините!

Аховъ.

Ты все хорошо говорила, а вотъ послѣднимъ-то

и изгадила. Ты этого никогда не думай и на умѣ не держи. Это грѣхъ, великій грѣхъ! Слышишь?

Агнія.

Я и не буду никогда думать; это такъ, съ языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умираютъ.

Аховъ.

Да, ну, вотъ такъ-то лучше.

Агнія.

Вы, пожалуйста, этого маменькѣ не говорите.

Аховъ.

Что̀, боишься?

Агнія.

Боюсь.

Аховъ.

Это хорошо. Страхъ имѣть — это для человѣка всего лучше.

Агнія.

А вы имѣете?

Аховъ.

Да мнѣ предъ кѣмъ? Да и не надо, я и такъ уменъ. Мужчинѣ страхъ на пользу, коли онъ подначальный; а бабѣ — всякой и всегда. Ты и матери бойся, и мужа бойся, вотъ и будетъ тебѣ отъ умныхъ людей похвала.

Агнія.

Чего лучше. (Входитъ Круглова.)

Явленіе восьмое.

Агнія, Аховъ, Круглова.

Аховъ.

Ну, теперь я васъ понялъ обѣихъ, что̀ вы за люди.

Круглова.

И слава Богу, Ермилъ Зотычъ.

Аховъ (встаетъ).

Я теперь у васъ за̀-просто; а ужо къ вечеру ждите меня гостемъ, великимъ гостемъ.

Круглова.

Будемъ ждать.

Аховъ.

Ты не траться очень-то! Зачѣмъ?

Круглова.

Это ужь мое дѣло.

Аховъ.

Думала ли ты, гадала ли, что я тебя такъ полюблю?

Круглова.

И во снѣ не снилось.

Аховъ.

Ну, прощайте! Покуда что̀ разговаривать! Будетъ время. (Агніи.) Прощай, милая!

Агнія.

Прощайте, Ермилъ Зотычъ! (Аховъ и Круглова подходятъ къ двери.)

Аховъ.

А дочь у тебя умная.

Круглова.

И я ее хвалю.

Аховъ.

А вѣдь другія есть ... наказанье! Мать свое, она — свое. Никому смотрѣть не мило. (Агніи.) Слушай ты меня! Коли что̀ тебѣ мать приказываетъ, ужь тутъ перстъ видимый!

Агнія.

Конечно.

Аховъ.

Ну, прощайте! (Уходитъ и возвращается.) Ты какимъ это угодникамъ молилась, что тебѣ такое счастье привалило.

Круглова.

За простоту мою. (Аховъ уходитъ.)

Явленіе девятое.

Круглова и Агнія.

Круглова.

Была-ль я жива, ужь не знаю.

Агнія.

Кабы вы послушали, онъ мнѣ тутъ горы золотыя сулилъ.

Круглова.

Про горы-то золотыя онъ мастеръ разсказывать, а про слезы ничего не говоритъ, сколько его жена покойная плакала.

Агнія.

Нѣтъ, промолчалъ.

Круглова.

А есть что̀ послушать. Дома-то плакать не

смѣла, такъ въ люди плакать ѣздила. Сберется, будто, въ гости, а сама заѣдетъ то къ тому, то къ другому, поплакать на свободѣ. Бывало, пріѣдетъ ко мнѣ, въ постель бросится, да и заливается часа три, такъ я ее и не вижу; съ тѣмъ и уѣдетъ, только здравствуй да прощай. Будто за дѣломъ пріѣзжала. Да будетъ тебѣ работать-то!

Агнія.

И то кончила. (Покрываетъ работу и уходитъ. Входитъ Ипполитъ.)

Явленіе десятое.

Круглова, Ипполитъ, потомъ Маланья.

Ипполитъ.

Скоро я слеталъ-съ? А еще въ Московскій забѣжалъ, два полуторныхъ коньяку протащилъ.

Круглова.

Это зачѣмъ же?

Ипполитъ.

Для куражу-съ. Какъ на вашъ взглядъ-съ, ничего незамѣтно?

Круглова.

Ничего.

Ипполитъ.

Ну, и ладно. А куражъ великъ! Выпилъ на полтину серебра, а смѣлости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова.

Купленная-то смѣлость ненадежна.

Ипполитъ.

Коли своей мало, такъ за неволю прикупать приходится. Позвольте-ко, я въ зеркало погляжусь.

(Оправляется передъ зеркаломъ.) Ничего, все въ аккуратѣ. Прощайте-съ! Можетъ, со мной что̀ неладно будетъ, такъ не поминайте лихомъ!

Круглова.

Ты въ самомъ дѣлѣ глупостей-то не затѣвай!

Ипполитъ.

Никакихъ глупостей! Однакожь, и такъ жить нельзя. Давешнія слова вашей дочки у меня вотъ гдѣ! (Ударяетъ себя въ грудь.) Да, вотъ что̀! Поберегите это покудова! (Подаетъ толстый пакетъ.)

Круглова.

Что̀ это? Деньги?

Ипполитъ.

Деньги-съ.

Круглова.

Не возьму, не возьму, что̀ ты! Можетъ, это хозяйскія?

Ипполитъ.

Не ваше это дѣло-съ! Мои собственныя.

Круглова.

Еще съ тобой въ бѣду попадешь.

Ипполитъ.

Да помилуйте, нѣшто у меня духу достанетъ вамъ непріятное сдѣлать! Я на себя не надѣюсь, человѣкъ пьяный, отдамъ вамъ подъ сохраненіе на одинъ часъ времени. А тамъ мои ли, хозяйскія ли— вамъ все одно.

Круглова.

Не возьму.

Ипполитъ.

Ахъ! Не понимаете вы меня. Я сейчасъ оставлю

у васъ деньги, явлюсь къ хозяину: такъ и такъ, потерялъ пьяный. Что онъ со мной сдѣлаетъ?

Круглова.

Ишь, что придумалъ! Нѣтъ, ужь ты меня не путай!

Ипполитъ.

Такъ не возьмете?

Круглова.

Ни за что на свѣтѣ.

Ипполитъ.

А коли такъ-съ ... (Громко.) Маланья, ножикъ!

Круглова.

Что ты? Что ты? (Маланья подаетъ ножъ и уходитъ.)

Ипполитъ (беретъ ножъ).

Ничего, не бойтесь! (Кладетъ ножъ въ боковой карманъ.) Только и всего-съ.

Круглова.

Что отъ тебя будетъ, смотрю я.

Ипполитъ.

А вотъ что-съ! У васъ рука легка?

Круглова.

Легка.

Ипполитъ.

Пожалуйте на счастье! (Беретъ руку Кругловой.) Только всего-съ. Прощенья просимъ. (Уходитъ.)

Круглова.

Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы мѣры не знаютъ: либо онъ молчитъ, хошь ты его бей, либо того натворитъ, что съ нимъ наплачешься. Пословица-то эта про нихъ говорится: заставь дурака Богу молиться, такъ онъ себѣ лобъ разобьетъ. (Уходитъ.)

Сцена третья.

Небольшая комната въ домѣ Ахова, въ родѣ кабинета; мебель дорогая и прочная.

Явленіе первое.

Ѳеона и Ипполитъ.

Ѳеона.

Войди, Аполитъ, войди!

Ипполитъ.

И то войду. Что̀ хозяинъ дѣлаетъ?

Ѳеона.

Спитъ покуда. Да хошь бы и не спалъ, не съѣстъ онъ тебя.

Ипполитъ.

Знаю, что не съѣстъ. Толкуй еще!

Ѳеона (вглядываясь).

Что это ты словно ...

Ипполитъ.

А что̀?

Ѳеона.

Да не въ своемъ разумѣ.

Ипполитъ.

Мудренаго нѣтъ; потому какъ я запилъ.

Ѳеона.

Слава Богу! Есть чѣмъ хвастаться.

Ипполитъ.

Ты еще погоди, то ли отъ меня будетъ.

Ѳеона.

Не удивишь, братъ, никого. Давно ужь отъ тебя этого ожидать надо было.

Ипполитъ.

По какимъ такимъ примѣтамъ?

Ѳеона.

Потому задумываться ты сталъ не въ мѣру.

Ипполитъ.

Это я отъ любви, отъ чрезвычайной.

Ѳеона.

А отъ любви развѣ не запиваютъ, особенно, коли неудача, братъ?

Ипполитъ.

Мнѣ-то неудача? Не надѣюсь; потому я по этимъ дѣламъ ...

Ѳеона.

Ну, да вѣдь ужь какъ же! Держи карманъ-то шире! И не такихъ, какъ ты, молодцовъ за носъ-то водятъ.

Ипполитъ.

Я даже вниманія не возьму говорить-то съ тобой объ этомъ.

Ѳеона.

Какъ тебѣ можно со мной разговаривать! Больно высокъ сталъ. Какимъ чиномъ пожаловали, не слыхать ли?

Ипполитъ.

При чинѣ я все при томъ же, а про любовь свою

никому не объясню; это пущай въ тайнѣ сердца моего останется. Ежели кто можетъ понимать, статья высокая.

Ѳеона.

Ну, да. Прынцеса какая-нибудь, гляди. Ужь никакъ не меньше. А я такъ полагаю: богатыя по богатымъ разойдутся, умныя по умнымъ; а вашему брату валёжникъ останется подбирать.

Ипполитъ.

Ни богатыя, ни умныя отъ насъ не уйдутъ.

Ѳеона.

Гдѣ уйти! Всѣ твои будутъ, ты всѣхъ такъ и заполонишь. Одна твоя бѣда, умомъ ты у насъ не вышелъ.

Ипполитъ.

Это я-то?

Ѳеона.

Ты-то.

Ипполитъ.

Я такъ полагаю, что я никого на свѣтѣ не глупѣе.

Ѳеона.

Ну, какой въ тебѣ умъ? Дѣломъ тебѣ надо заниматься, а ты про любовь въ головѣ держишь. И вся эта мечта твоя ни къ чему хорошему не ведетъ, окромя къ пьянству. Сколько еще въ тебѣ, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учатъ тебя, учатъ, а все еще она изъ тебя не выходитъ.

Ипполитъ.

Ну, всѣ теперь твои наставленія къ жизни я слышалъ, или еще что̀ у тебя осталось?

Ѳеона.

Да вѣдь что̀ стѣнѣ горохъ, что̀ вамъ слова — все одно; такъ что̀ и языкъ-то трепать напрасно.

Ипполитъ.

И какъ это довольно глупо, что̀ ты говоришь. Ты что̀ видѣла на свѣтѣ? Кругомъ себя на аршинъ. А я весь кругъ дѣла знаю. Какія въ тебѣ понятія къ жизни или къ любви? Никакихъ. Развѣ есть въ тебѣ образованіе, или эти самыя чувства? Что̀ въ тебѣ есть? Одна закоренѣлость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я въ полномъ совершенствѣ теперь и лѣтъ, и всего.

Ѳеона.

Твое при тебѣ и останется.

Ипполитъ.

Значитъ, всей этой матеріи конецъ; давай новую начинать! Сердитъ дяденька?

Ѳеона.

Нѣтъ, кто его знаетъ, что-то веселъ, братъ. Все ходитъ да смѣется.

Ипполитъ.

Что̀ за чудеса!

Ѳеона.

Да и то чудеса. Нагналъ это сегодня изъ города небельщиковъ, обойщиковъ; весь домъ хочетъ заново передѣлывать. Бороду подстригъ, сюртукъ короткій надѣлъ.

Ипполитъ.

Что̀-жь, онъ рехнулся, что̀ ли? Подъ старость-то, говорятъ, бѣсятся.

Ѳеона.

Есть что̀-то у него на умѣ; только кто его пойметъ! Темный онъ человѣкъ-то.

Ипполитъ.

Да кому нужно понимать-то его? Пусть творитъ, что̀ чуднѣе. У человѣка умнаго можно понять вся-

кое дѣло, потому у него ко всему есть резонъ; а если у человѣка все основано на одномъ только необразованіи, значитъ, онъ какъ во снѣ, кто же его пойметъ? Да мнѣ ужь теперь все одно, какъ онъ ни чуди.

Ѳеона.

Отчего-жь такъ?

Ипполитъ.

Всему конецъ, прощай на вѣкъ!

Ѳеона.

Неужто оставить насъ хочешь?

Ипполитъ.

И даже — такъ, что глаза закроются на вѣкъ и сердце биться перестанетъ.

Ѳеона.

Что̀ ты говоришь только! Нескладный!

Ипполитъ (печально качая головой).

Черный во̀ронъ, что̀ ты вьешься надъ моею головой!

Ѳеона.

Да батюшки! Въ умѣ ли ты?

Ипполитъ.

Всему конецъ, прости на вѣкъ.

Ѳеона.

Ахъ, Аполитка, Аполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ это только ты такъ ломаешься? Къ чему ты не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь?

Ипполитъ.

Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснѣлые; а другіе желаютъ въ своихъ понятіяхъ и чувствахъ быть выше.

Ѳеона.

Вотъ отъ глупыхъ-то ты отсталъ, а къ умнымъ-то не пристalъ, такъ и мотаешься.

Ипполитъ.

Ну, да ладно. Когда дяденька проснется, скажи мнѣ. Всему конецъ, прости на вѣкъ! (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Ѳеона, потомъ Аховъ.

Ѳеона.

Гриша совсѣмъ рехнулся, вотъ и этотъ на линіи, да и старикъ бѣсится. Самъ рядится, домъ отдѣлываетъ, не нынче, такъ завтра, того и гляди, пѣтухомъ запоетъ либо собакой залаетъ. Эка семейка пріятная! Разсадить ихъ на цѣпь по разнымъ комнатамъ, да и любоваться на нихъ ходить. По крайности, дома свой звѣринецъ будетъ; за деньги можно показывать. (Голосъ Ахова: „Ѳеона!“) Проснулся чадо-то. (Голосъ Ахова: „Ѳеона, ты здѣсь?“) Ну, заблудился никакъ опять! Здѣсь. (Аховъ выходитъ.)

Аховъ.

Что ты здѣсь дѣлаешь?

Ѳеона.

Одно у меня дѣло-то: сидѣть да въ пустой уголъ глядѣть.

Аховъ.

Ну, такъ я тебѣ другое найду.

Ѳеона.

Найди, сдѣлай милость, одурѣешь такъ-то.

Аховъ.

И чтобъ это сейчасъ, одна нога здѣсь, а другая

тамъ. Ты вотъ снеси къ Дарьѣ Ѳедосевнѣ этотъ самый презентъ и скажи: молъ, Ермилъ Зотычъ приказали вамъ отдать въ знакъ вашей ласки! Слышишь? Ты такъ и скажи: въ знакъ вашей ласки! Ну, какъ ты скажешь, старая?

Ѳеона.

Молодой! Авось, не проповѣдь какая! Умѣю сказать-то!

Аховъ.

Да, можетъ, онѣ безъ вниманія возьмутъ, такъ ты заставь ихъ разсмотрѣть хорошенько.

Ѳеона.

Да ужь разсмотримъ, разсмотримъ, только давай!

Аховъ (отдаетъ коробочку).

Ты ихъ тычь носомъ-то хорошенько, чтобъ чувствовали, что это, молъ, денегъ стоитъ.

Ѳеона.

Ну, еще бы!

Аховъ.

Тысячи стоитъ. Сами-то вы того, молъ, не стоите, что вамъ дарятъ.

Ѳеона.

Ну, да ужь какъ же!

Аховъ.

Кажется, молъ, можно чувствовать! Можетъ, не почувствуютъ, такъ ты имъ объясни: что вотъ купилъ я, деньги бросилъ большія, такъ чтобъ знали онѣ ... Что можно имъ дрянь какую подарить, и то онѣ очень довольны будутъ, а что я вотъ что ... Такъ чтобъ ужь ... ну, въ ноги не въ ноги, а чтобъ было въ нихъ это чувство: что вотъ, молъ, какъ насъ ... чего мы и не стоимъ! Ты пойми! Чтобъ я не даромъ бросилъ деньги-то, чтобъ видѣлъ я отъ

нихъ, изъ лица изъ ихъ, что я вотъ ихъ въ родѣ какъ жалую свыше всякой мѣры. А то, вѣдь, жалко денегъ-то, ежели такъ, безо вниманія. Можетъ, онѣ въ душѣ-то и почувствуютъ, да ежели не выкажутъ, такъ все одно, что ничего. А чтобъ видѣлъ я въ нихъ это самосознаніе, что нестоющіе онѣ люди, и что я вотъ кому хочу, тому и даю, не взирая.

Θеона.

Да ужь поймемъ, поймемъ.

Аховъ.

А ежели начнутъ у тебя про меня спрашивать, вывѣдывать что̀, такъ ты все къ лучшему, и такъ меня рекомендуй, что я очень добрый. А ежели что̀ про семью знаютъ, такъ говори, что все отъ дѣтей, что разбойники, молъ, уродились; характеромъ, молъ, не въ отца, а въ мать, покойницу.

Θеона.

Ну, ужь не въ мать.

Аховъ.

Ты чей хлѣбъ ѣшь? Какое ты свое разсужденіе имѣть смѣешь? Коли я тебѣ даю приказъ, должна ты его исполнять?

Θеона.

Да ужь хорошо.

Аховъ.

Ну, и все, и ступай!

Θеона.

Аполитъ у насъ повредился.

Аховъ.

А кому печаль? Пущай его. Что̀ ты мнѣ объ немъ разсказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Можетъ, я не хочу его и въ мысляхъ держать? Онъ

теперича мнѣ и вовсе не нуженъ. Я всѣ дѣла кончаю, фабрику сдаю канпаньону, такъ, значитъ, на что-жь мнѣ Ипполитъ? Прогоню его, вотъ и конецъ. Нешто я долго съ нимъ разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполитъ! Оченно мнѣ нужда до него! Ты свое дѣло дѣлай, что тебѣ приказано, а съ хозяиномъ разговаривать не лѣзь, чего тебя не спрашиваютъ. Оченно мнѣ интересно! Тебя съ разговорами-то и по затылку можно! Пошла!

Ѳеона.

Иду.

Аховъ.

Стой! Слышишь ты! Коли спросятъ, рекомендуй меня такъ, что я самый добрый человѣкъ.

Ѳеона.

Слушаю. (Уходитъ.)

Аховъ.

Ипполита я сейчасъ же со двора долой. Потому мнѣ теперь въ домѣ такихъ скакуновъ держать не приходится. Больно они, подлецы, съ бабами ласковы. И говоритъ-то съ молодой бабой или дѣвкой не такъ, какъ съ прочими людьми. Языкъ-то свой точно петлей сдѣлаетъ — такъ и опутываетъ, такъ и захлестываетъ, мошенникъ. А бабамъ-то любо; и скалятъ, и скалятъ зубы-то на ихъ розсказни. Я Ипполитку и ко двору-то близко не подпущу. Они вѣдь, оглашенные, благодѣтелей съ не разбираютъ, имъ все одно. А тутъ это родство дальнее, десятая вода на киселѣ, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, онъ бы въ другой разъ и подойти не смѣлъ; а тутъ „тетинька“, да „тетинька“. Да этакъ, глядя на нихъ, въ чахотку придешь. Нѣтъ, шабашъ! Съ двора его долой! (Входитъ Ипполитъ.)

Явленіе третье.

Аховъ и Ипполитъ.

Аховъ.

Ты зачѣмъ?

Ипполитъ.

Къ вамъ, дяденька-съ.

Аховъ.

Какъ же ты смѣешь, коли я тебя не звалъ.

Ипполитъ.

Стало быть, мнѣ нужно.

Аховъ (строго).

А мнѣ не нужно, такъ поди вонъ!

Ипполитъ.

Но, однако, я желаю ...

Аховъ.

Поди вонъ, говорятъ тебѣ!

Ипполитъ.

Но позвольте-съ! Коль скоро я пришелъ ...

Аховъ.

Коль скоро ты пришелъ, толь скоро и уйдешь.

Ипполитъ.

Я не съ тѣмъ, чтобъ ... а какъ собственно ...

Аховъ.

Долго ты будешь разговаривать? Знай свое мѣсто, контору! Какъ ты смѣешь лѣзть къ хозяину? Развѣ у меня только дѣловъ-то, что ты? Видѣлъ я твою образину сегодня, и будетъ съ меня! Значитъ, поди вонъ безъ разговору!

Ипполитъ.

Нѣтъ, ужь это надо оставить. Коль скоро я пришелъ, такъ ужь вонъ не пойду.

Аховъ.

А вотъ я тебя за вихоръ.

Ипполитъ.

Не то что̀ за вихоръ, пальцемъ тронуть не позволю.

Аховъ.

Какъ! Ты бунтовать?

Ипполитъ.

Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это законъ теперь есть и права.

Аховъ.

Какой для тебя законъ писанъ, дуракъ? Кому нужно для васъ, для дряни, законы писать? Какія такія у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цѣна тебѣ грошъ? Ужь очень много вы о себѣ думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про васъ. Мелко плаваете, чтобы для васъ законы писать. Вотъ покажутъ тебѣ законы! Для васъ законъ — одна воля хозяйская, а особенно, когда ты сродственникъ. Ты поговорить пришелъ, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потомъ, коли солоно придется. Что̀ тебѣ надо?

Ипполитъ.

Я насчетъ жалованья.

Аховъ.

Какого жалованья? Ты по какому уговору жилъ?

Ипполитъ.

Кто-жь теперь себѣ врагъ, чтобъ сталъ даромъ служить?

Аховъ.

Такъ не служи, кто тебя держитъ. Оно и пристойнѣй тебѣ будетъ самому убраться, пока тебя въ три шеи не прогнали.

Ипполитъ.

А это, что̀ я жилъ, значитъ втунѣ?

Аховъ.

Да развѣ ты за деньги жилъ? Ты жилъ по родственному.

Ипполитъ.

А работалъ?

Аховъ.

Еще бы тебѣ не работать! На печи, что̀-ль, лежать? Ты по родственному служилъ, я по родственному помогалъ тебѣ, сколько моей къ тебѣ милости было. Чего-жь еще тебѣ?

Ипполитъ.

Но напредки я на такомъ положеніи жить не согласенъ.

Аховъ.

Да напредки мнѣ тебя и не нужно. Отдай завтра отчетъ и убирайся.

Ипполитъ.

За всю мою службу я долженъ слышать отъ васъ одно, что убирайся.

Аховъ.

Не хочешь убираться, такъ жди, пока метлами не прогонятъ. Это твоя воля.

Ипполитъ.

А награжденіе-съ?

Аховъ.

Ну, это я еще подумавши. За что̀ это награ-

жденіе? За грубости-то? Васъ дяденька вонъ приглашаютъ, а вы нейдете. И за это вамъ награжденіе?

Ипполитъ.

Однако, обѣщали.

Аховъ.

Обѣщалъ посулить, да теперь раздумалъ. Аль ты мало наворовалъ, что награжденія просишь?

Ипполитъ.

Этому я не подверженъ и марали брать на себя не хочу.

Аховъ.

Связался я съ тобой говорить; а говорить мнѣ тошно. Либо ты глупъ, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй да концы хорони? Не знаешь? Повѣрю я тебѣ, какъ же! А коли, въ самомъ дѣлѣ, ты, живя у меня, ничего не нажилъ, такъ кто-жь виноватъ? Цѣна вамъ, братъ, всѣмъ одна, Лазаремъ ты мнѣ не прикидывайся! На честность твою я, братъ, не разчувствуюсь, потому ничѣмъ ты меня въ ней не увѣришь. Отчего вамъ хозяева мало жалованья даютъ? Оттого, что сколько тебѣ ни дай, ты все воровать будешь; такъ хоть на жалованьѣ хозяину-то выгоду соблюсти. А награжденьемъ васъ, дураковъ, манятъ, чтобъ вы хоть немножко совѣсть помнили, поменьше грабили.

Ипполитъ.

Значитъ, вы, дяденька, и сами обманываете, и желаете, чтобъ васъ обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я былъ совсѣмъ на другихъ правилахъ, и потому самому считаю за вами, по крайности, тысячъ пятнадцать.

Аховъ.

Считай больше, считай больше, ужь все одно.

Двухъ грошей мѣдныхъ я тебѣ, милый, не дамъ. Что я за дуракъ!

Ипполитъ.

За всю мою службу мнѣ отъ васъ такой результатъ?

Аховъ.

Это что еще за слово дурацкое? Ты меня словами не удивишь!

Ипполитъ.

Я не словами, я вамъ дѣломъ докажу, сколь много я противъ васъ благороднѣе. (Подаетъ Ахову деньги.)

Аховъ.

Ты это по векселямъ получилъ?

Ипполитъ.

По векселямъ-съ.

Аховъ.

Какое же тутъ твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполитъ.

Ваша обязанность мнѣ за службу заплатить, а вы не платите, все одно и я на тѣхъ же правахъ. Деньги подъ сокрытіе, а вамъ доложить, что потерялъ ихъ, пьяный ...

Аховъ.

Объ двухъ ты головахъ, что ли?

Ипполитъ.

Дѣло обмозговано, страшнаго нѣтъ-съ. Даже, можетъ, съ адвокатами совѣтъ былъ. Дѣйствуй, говорятъ, оправимъ. Но не безпокойтесь, я сейчасъ разсудилъ, что не ко времени мнѣ деньги. Потому все тлѣнъ. Мнѣ ужь теперь отъ васъ ничего не нужно; будете силой навязывать, такъ не возьму. Во мнѣ теперь одна отчаянность дѣйствуетъ. Былъ

человѣкъ, и вдругъ стала земля ... значитъ, на что-же деньги? Ихъ съ собой туда не возьмешь.

Аховъ.

Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, такъ я полагаю, что дѣло будетъ вѣрнѣе.

Ипполитъ.

Теперича ужь поздно меня вязать.

Аховъ.

Нѣтъ, я думаю, самое время.

Ипполитъ.

Ошибетесь.

Аховъ.

Неужели? А что же ты сдѣлаешь?

Ипполитъ.

(Вынимаетъ изъ кармана ножъ.)

А вотъ сейчасъ — разъ! (Показываетъ на свою шею.) Чикъ — и земля.

Аховъ (въ испугѣ).

Что ты дѣлаешь, мошенникъ? Что ты, что ты? (Топаетъ на одномъ мѣстѣ ногами.)

Ипполитъ.

Глаза закроются на вѣкъ и сердце биться перестанетъ.

Аховъ.

Вотъ я тебя! Вотъ я тебя! (Топаетъ.)

Ипполитъ.

Чѣмъ вы меня, дяденька, испугать можете, коли я самъ своей жизни не радъ. Умерла моя надежда и скончалася любовь, — значитъ, всему конецъ. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиранъ для своихъ родныхъ.

Аховъ.

А вотъ я людей кликну да за полиціей пошлю.

Ипполитъ.

Невозможно. Потому, ежели вы съ мѣста тронетесь или хоть одно слово, я сейчасъ — чикъ, и конецъ.

Аховъ.

Что же ты со мной дѣлаешь, разбойникъ? Ипполитъ, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя вѣтромъ обдуетъ. (Про себя.) Съ двора-то его сбыть, а тамъ рѣжься сколько душѣ угодно!

Ипполитъ.

Нѣтъ, дяденька, эти шутки надо вамъ оставить у насъ съ вами въ сурьёзъ пошло.

Аховъ.

Въ сурьёзъ?

Ипполитъ.

Въ сурьёзъ.

Аховъ.

Ну, а коли въ сурьёзъ, такъ давай и говорить сурьёзно. А я думалъ, ты шутишь.

Ипполитъ.

Стало быть, мнѣ не до шутокъ, когда булатъ дрожитъ въ моей рукѣ.

Аховъ.

Что-жь тебѣ отъ меня нужно?

Ипполитъ.

Разочтите, какъ слѣдуетъ.

Аховъ.

Какъ слѣдуетъ? Мало ли что тебѣ слѣдуетъ? Ты говори толкомъ.

Ипполитъ.

Вотъ и весь будетъ толкъ! (Вынимаетъ изъ кармана бумагу.) Подпишите!

Аховъ.

Что-жь это за бумага? Къ чему это?

Ипполитъ.

Аттестатъ.

Аховъ.

Какой такой аттестатъ?

Ипполитъ.

А вотъ: что, живши я у васъ въ приказчикахъ, дѣло зналъ въ точности, велъ себя честно и благородно, даже сверхъ границъ.

Аховъ.

Все это тутъ и прописано?

Ипполитъ.

Все и прописано. Жалованья получалъ двѣ тысячи въ годъ.

Аховъ.

Это когда же?

Ипполитъ.

Такъ только, для видимости. Ежели я къ другому мѣсту ...

Аховъ.

Да? Людей обманывать? Ну, пущай. Ничего,— можно.

Ипполитъ.

И по окончаніи, за свое усердіе выше мѣры, награжденіе получилъ пятнадцать тысячъ ...

Аховъ.

Тоже для видимости?

Ипполитъ.

Нѣтъ, ужь это въ подлинности.

Аховъ.

Да что̀ въ подлинности-то? Рублевъ пятьсотъ, чай, за глаза?

Ипполитъ.

Всѣ полнымъ числомъ-съ.

Аховъ.

Нѣтъ, ужь это, братъ, шалишь!

Ипполитъ.

Ежели вы опять за свою политику, такъ, вѣдь, вотъ онъ! (Показываетъ ножъ.) Сейчасъ — чикъ, и конецъ!

Аховъ.

Да что̀ ты все — чикъ да чикъ! Наладилъ!

Ипполитъ.

Отчаянность!

Аховъ.

Тысячу рублей — и шабашъ! Давай подпишу.

Ипполитъ.

Ежели мнѣ моя жизнь не мила, такъ развѣ отъ тысячи рублей она мнѣ пріятнѣй станетъ? Мнѣ жить тошно, я вамъ докладывалъ; мнѣ теперь, чтобъ опять въ настоящія чувства придти, меньше пятнадцати тысячъ взять никакъ невозможно; потому мнѣ надо будетъ себя всяческими манерами веселить.

Аховъ.

Ну, грѣхъ пополамъ! Давай руку!

Ипполитъ.

Давайте пятнадцать тысячъ, безъ гривенника, и то не возьму.

Аховъ.

Этакую силу денегъ? За что?

Ипполитъ.

За десять лѣтъ. Чужому бы больше заплатили.

Аховъ.

Само-собой, что больше, да не вдругъ. А вдругъ-то жалко. Пойми! Пойми!

Ипполитъ.

Извините, дяденька! Я теперь не въ себѣ, понимать ничего не могу.

Аховъ.

Ну, возьми половину, а остальныя завтра. Жаль мнѣ вдругъ-то. Понялъ?

Ипполитъ.

Я вамъ говорю, что понимать ничего я не въ состояніи, значитъ, пожалуйте всѣ сейчасъ!

Аховъ.

Ну, что съ тобой дѣлать? Давай бумагу! (Ипполитъ подаетъ бумагу, Аховъ подписываетъ.) Бери деньги! Да только ты чувствуй это! (Отсчитываетъ изъ денегъ, принесенныхъ Ипполитомъ.)

Ипполитъ (беретъ деньги и бумагу).

Покорно васъ благодарю.

Аховъ.

Благодари хорошенько!

Ипполитъ.

Чувствительнѣйше вамъ благодаренъ.

Аховъ.

Поклонись въ ноги, братецъ!

Ипполитъ.

Это ужь зачѣмъ же-съ?

Аховъ.

Сдѣлай милость, поклонись, потѣшь старика! Вѣдь ты мнѣ какую обиду, какую болѣзнь-то сдѣлалъ! А поклонишься, все мнѣ легче будетъ.

Ипполитъ.

За свое кланяться, гдѣ же это видано?

Аховъ.

Ну, я тебя прошу, сдѣлай ты мнѣ это почтеніе! Авось, у тебя спина-то не переломится?

Ипполитъ.

Нѣтъ, право, дяденька, что-то сталъ чувствовать; къ погодѣ, что̀ ли, ломъ стоитъ, никакъ не согнешься.

Аховъ.

Разбойникъ ты, разбо̀йникъ! Врешь вѣдь ты! Тебѣ-жь хуже; не кланяйся роднымъ-то, такъ и счастья не будетъ ни въ чемъ.

Ипполитъ.

Ну, ужь мой грѣхъ, на себя и плакаться буду.

Аховъ.

Будешь, будешь. Мнѣ твоя эта непокорность тяжелѣй, чѣмъ эти самыя пятнадцать тысячъ.

Ипполитъ.

Что̀-жь дѣлать, дяденька, я и самъ не радъ, да не могу-съ, потому къ погодѣ, что̀ ли ...

Аховъ.

Ну, скажи ты мнѣ теперь, на что̀ тебѣ эти деньги? Вѣдь прахомъ пойдутъ, промотаешь.

Ипполитъ.

Оченно много ошиблись, я жениться хочу.

Аховъ.

Дѣло недурное; только вѣдь хорошую за тебя

не отдадутъ. Развѣ по мнѣ? Что дядя у тебя знаменитъ вездѣ ...

Ипполитъ.

Надо думать, что по васъ.

Аховъ.

Гдѣ же ты присвататься думаешь?

Ипполитъ.

Чтобъ далеко не ходить, тутъ, по сосѣдству-съ.

Аховъ.

Да тутъ, по сосѣдству, нѣтъ.

Ипполитъ.

Ежели поискать хорошенько, такъ найдется. Вотъ Круглова Агничка ... Но сколь мила дѣвушка!

Аховъ.

Ахъ, ты обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполитъ.

Что̀ мнѣ спрашивать, коли я самъ по себѣ.

Аховъ.

Да она-то не сама по себѣ. Ахъ, ты обезьяна!

(Входитъ Ѳеона.)

Явленіе четвертое.

Аховъ, Ипполитъ, Ѳеона.

Аховъ.

Ну, что̀?

Ѳеона.

Приняли, благодарить приказали.

Аховъ.

Рады, небось?

Ѳеона.

Еще бы! Вѣдь денегъ стоитъ. Придешь, такъ, гляди-ко, какъ благодарить станутъ. Агничка такъ и скачетъ, какъ коза.

Ипполитъ (Ѳеонѣ).

Зачѣмъ же это онѣ такой моціонъ дѣлаютъ-съ?

Ѳеона.

Запрыгаешь, какъ Ермилъ Зотычъ подарокъ ей тысячъ въ пять отвалилъ.

Ипполитъ.

Ежели только онѣ пошли на деньги, нѣтъ словъ, я убитъ.

Аховъ (Ѳеонѣ).

Подай шляпу!

Ѳеона (подавая шляпу).

Ты не убитъ, а поврежденный въ умѣ.

Аховъ (Ипполиту).

Бери шапку, пойдемъ! Я тебѣ всю твою глупость, какова она есть, какъ на ладонѣ покажу.

Ипполитъ.

Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Аховъ.

Къ Кругловой.

Ипполитъ.

Это значитъ, на лютую казню. Лучше разкажните меня здѣсь; но не страмите.

Аховъ (беретъ его за руку).

Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ! (Всѣ уходятъ).

Сцена четвертая.

Декорація первой сцены.

Явленіе первое.

Круглова, Агнія (выходятъ изъ другой комнаты).

Круглова.

Однако, дѣло-то до большого дошло. Вотъ онъ какими кушами бросаетъ; тутъ ужь не шуткой пахнетъ.

Агнія.

Думать долго нѐкогда, надо рѣшать сейчасъ.

Круглова.

Легко сказать: рѣшать! Вѣдь это на всю жизнь. А ну, мы этотъ случай пропустимъ, а впередъ тебѣ счастья не выйдетъ; вѣдь мнѣ тогда терзаться-то, мнѣ отъ людей покоры-то слышать. Говорятъ, не въ деньгахъ счастье. Охъ, да правда ли? Что̀-то и безъ денегъ-то мало счастливыхъ видно. А и то подумаешь: ка̀къ мнѣ тебя на муку-то отдать? Другая-бы, можетъ, еще и поусумнилась: „можетъ, дескать, ей за нимъ и хорошо будетъ, — можетъ, онъ съ молодой женой и перемѣнится.“ А у меня ужь такого сумнѣнія нѣтъ, ужь я напередъ буду знать, что на вѣрную тебя му̀ку отдаю. Какъ же намъ быть-то, Агничка?

Агнія.

Почемъ я знаю! Что̀ я на свѣтѣ видѣла?

Круглова.

Да вѣдь твое дѣло-то. Что̀ тебѣ сердчишко-то говоритъ?

Агнія.

Что̀ наше сердчишко-то! На что̀ оно годится? На шалости. А тутъ дѣло вѣковое: тутъ либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, какъ передъ бѣдой передъ какой, я не знаю, куда сердце-то и спряталось, гдѣ его и искать-то теперь. Нѣтъ, маменька! Видно, тутъ, кромѣ сердчишка-то, умъ нуженъ; а мнѣ гдѣ его взять?

Круглова.

Охъ, и у меня-то его немного.

Агнія.

А вотъ что̀, маменька! Я никогда къ вамъ не ласкалась, никогда своей любви къ вамъ не выказывала; такъ я вамъ ее теперь на дѣлѣ докажу. Ка̀къ вы сдѣлаете, та̀къ и хорошо.

Круглова.

Что̀ ты, дочка! Такъ ужь ничего мнѣ и не скажешь?

Агнія.

Что̀ мнѣ говорить-то? Только путать васъ! Вы больше жили, больше знаете.

Круглова.

А бранить мать послѣ не будешь?

Агнія.

Слова не услышите.

Круглова.

Ахъ ты, золотая моя! Ну, такъ вотъ что̀ я тебѣ

скажу: какъ идти мнѣ сюда, я у себя въ спальнѣ помолилась, на всякій случай; вотъ помолившись-то и подумаю.

Агнія.

Подумайте, подумайте; а я ожидать буду себѣ ...

Круглова.

Что тебѣ долго ждать-то, мучиться?..

Агнія.

Погодите, погодите, я зажмурю глаза. (Зажмуриваетъ глаза.)

Круглова.

Хоть весь свѣтъ суди меня, а я вотъ что думаю: мало будетъ убить меня, если я отдамъ тебя за него.

Агнія.

Охъ, отлегло отъ сердца.

Круглова.

Потому какъ ни мало я сама страдала, и опять, ежели взять стараго или молодого, какая разница!.. Одно дѣло ...

Агнія.

Ну, довольно, довольно! Ужь я знаю, что вы скажете. (Цалуетъ мать.)

Круглова.

А все-таки я рада, что онъ ... Хоть посмѣюсь вволю. (Входитъ Маланья.)

Явленіе второе.

Круглова, Агнія, Маланья.

Маланья.

Дѣдинька-сѣдинькій и съ нимъ этотъ ... какъ его, бишь ... бѣловатый?

Агнія.

Не черный ли?

Маланья.

И то: никакъ черный.

Круглова.

Кто же это? Неужели Ипполитъ?

Маланья.

Да онъ и есть ... самый ... Мнѣ вдругъ-то ... затмило ...

Круглова.

Вотъ чудо-то! Вмѣстѣ?

Агнія.

А вотъ увидимъ. (Маланья уходитъ. Входятъ: Аховъ и Ипполитъ.)

Явленіе третье.

Круглова, Агнія, Аховъ, Ипполитъ.

Аховъ (чинно раскланиваясь).

Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова.

Пожалуйте, пожалуйте!

Аховъ.

Получили?

Круглова.

Покорно благодаримъ, Ермилъ Зотычъ. (Агнія молча кланяется). Покорнѣйше благодаримъ! Ужь больно ты расщедрился! По насъ-то ужь это и дорого, кажись. (Кланяется.) Напрасно безпокоились.

Аховъ (очень довольный).

Хе, хе, хе! Какъ такъ напрасно?

Круглова.

Да вѣдь, чай, дорого заплатилъ?

Аховъ.

Что̀ ты мнѣ поешь? Кому дорого, а мнѣ нѣтъ. Не разорилъ я себя, не домъ каменный вамъ подарилъ! Дрянь какую-то прислалъ, а ты ужь и разохалась, что дорого.

Круглова.

А коли для тебя дрянь, такъ намъ же лучше; не такъ совѣстно принять отъ тебя.

Аховъ.

Совѣсть еще какую-то нашла! Чудно̀ мнѣ на васъ! (Указывая на Ипполита). Вотъ не жалуйтесь, что я его давеча прогналъ, я его самъ привелъ.

Круглова.

Благодаримъ покорно! Прошу садиться!

Аховъ.

Онъ теперь важный человѣкъ сталъ; свои капиталы имѣетъ.

Круглова.

Да вѣдь и пора ужь.

Аховъ.

А вы какъ объ немъ думали? Вы, вѣдь, поди, чай, то же, что̀ и всѣ добрые люди, думали, что онъ мальчишко, никакого вниманія не стоющій? Нѣтъ, ужь теперь подымай выше!

Круглова.

Да будетъ тебѣ его!.. Что̀ въ самомъ дѣлѣ!

Аховъ.

А для чего-жь я его съ собой и взялъ-то? Безъ дураковъ вѣдь скучно. Въ старину хоть шуты были,

да вывелись. Ну, и пущай онъ насъ, замѣсто шута, тѣшитъ. А коль не хочетъ въ этой должности быть, зачѣмъ шелъ? Кто его здѣсь держитъ?

Ипполитъ.

Мнѣ идти некуда-съ. Отъ васъ обида мнѣ не въ диковину. А ужь я подожду, когда здѣшнія хозяйки меня полнымъ дуракомъ поставятъ, чтобъ ужь вдосталь душа намучилась.

Аховъ.

Ну, вотъ слышишь? Да коли вы хотите смѣяться, такъ я васъ не такъ разсмѣшу. Онъ жениться хочетъ. Нѣтъ ли у тебя невѣсты, Дарья Ѳедосевна?

Круглова.

Одна у меня невѣста, другой нѣтъ.

Аховъ.

Не посадить ли намъ ихъ рядомъ?

Круглова.

Отчего-жь не посадить.

Ипполитъ.

Помилуйте, за что же такія насмѣшки-съ?

Агнія (тихо).

Садитесь, нужды нѣтъ. (Садятся рядомъ.)

Аховъ.

Чѣмъ не пара?

Круглова.

Да и то.

Аховъ (Ипполиту).

Посидѣлъ съ невѣстой? Ну, и будетъ, пора честь знать.

Ипполитъ.

Отчего же такъ-съ?

Аховъ.

Оттого, что эта невѣста слишкомъ хороша для тебя, жирно будетъ.

Ипполитъ.

Ничего, не жирно-съ; по моимъ чувствамъ, въ самый разъ.

Аховъ.

А ты у ней прежде спроси: нѣтъ ли у нея жениха получше тебя? (Агнію.) Говори, не стыдись!

Агнія.

Это какъ маменькѣ угодно.

Аховъ.

Что̀ тутъ маменька! У ней, у старой, чай, отъ радости ушки на макушкѣ.

Круглова.

Не знаю, батюшко, Ермилъ Зотычъ, объ чемъ ты говоришь.

Аховъ.

Какъ, не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми! (Указывая на Ипполита.) Ты его, что̀-ль, совѣстишься? Такъ онъ свой человѣкъ; да и есть онъ тутъ, или нѣтъ его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя вѣдь ужь давно забираетъ охота мнѣ въ ноги кланяться, а ты все ни съ мѣста.

Круглова.

Отчего не кланяться! Да за что̀? За какія твои милости?

Аховъ (сердито).

Не во время, да и не къ мѣсту твои шутки. Аль ты отъ радости разумъ потеряла? Старъ ужь я шутить-то надо мной.

Круглова.

Да мы не шутимъ.

Аховъ.

Отъ меня поклону ждешь, такъ не дождешься. Что̀ ты какъ статуй стоишь. Головы у васъ въ домѣ нѣтъ, некому васъ прибодрить-то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроворнѣй. Кабы мужъ твой былъ живъ, такъ вы бы давно ужь шатались по дому-то, какъ кошки угорѣлыя. Что̀ вы переминаетесь? Стыдно тебѣ кланяться, такъ не кланяйся; а все-жь-таки благослови насъ, какъ слѣдуетъ. Будешь икону въ рукахъ держать, такъ и я тебѣ поклонюсь, дождешься этой чести.

Круглова.

Благословить-то недолго; только ты спроси, подымутся-ль руки-то у меня! Я вотъ какъ разсудила, Ермилъ Зотычъ: если дашь ты мнѣ подписку, что умрешь черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и то еще я подумаю отдать дочь за тебя.

Аховъ.

Что̀ вы! Нищіе, нищіе, одумайтесь! Вѣдь мнѣ только разсердиться сто̀итъ да уйти отъ васъ, такъ вы послѣ слезы-то кулакомъ станете утирать. Не вводите меня въ гнѣвъ!

Круглова.

Сердись ты или не сердись — твоя воля.

Аховъ.

Что̀ съ тобой? Тутъ чуда нѣтъ ли какого? Не упалъ ли тебѣ милліонъ съ неба? Нѣтъ ли у тебя жениха богаче меня? Только вѣдь одно.

Круглова.

Нѣтъ, не одно. Жениховъ у насъ нѣтъ. Есть одинъ парень на примѣтѣ; только подняться ему, бѣдному, нечѣмъ. Кабы было у него дѣло вѣрное, такъ отдала бы, не задумалась.

Ипполитъ (отдаетъ Кругловой деньги).

А вотъ позвольте вамъ предоставить для сохранности. Я нынче за всю службу гуртомъ получилъ-съ. Теперь своимъ дѣломъ могу основаться-съ.

Круглова.

Ну, и чего-жь еще лучше! Да тутъ много что̀-то.

Ипполитъ.

Копейка въ копейку пятнадцать тысячъ.

Агнія.

Теперь можно и помириться съ вами.

Аховъ.

Такъ вотъ на какія деньги вы пировать-то собираетесь! Вотъ на какія деньги польстились! Эти деньги чуть не краденыя. Онъ у меня ихъ сегодня выплакалъ да выкланялъ.

Ипполитъ.

Не выкланялъ, а вытребовалъ, что̀ должное за службу свою.

Аховъ.

Да тебѣ бы и въ живыхъ-то не быть. Отъ напрасной смерти я тебя спасъ. Вижу, человѣкъ рѣзаться хочетъ ...

Ипполитъ.

Помилуйте, дяденька, что̀ вы! Какъ можно рѣзаться?

Аховъ.

Такъ бы и зарѣзался. Ты какъ чумово̀й сталъ, перепугалъ меня до смерти.

Ипполитъ.

Что̀ вы, дяденька! Какой мнѣ разсчетъ рѣзаться въ моихъ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ?

Аховъ.

А зачѣмъ у тебя ножикъ былъ? Зачѣмъ ты его къ горлу приставлялъ?

Ипполитъ.

Игра ума.

Аховъ.

Разбойникъ! (Хочетъ взять его за воротъ.)

Ипполитъ (отстраняя его).

Позвольте-съ! Чѣмъ я разбойникъ? Я чужого ни копейки. А нешто я виноватъ, что отъ васъ добромъ не выпросишь?

Аховъ.

Не будетъ тебѣ счастья, не будетъ.

Ипполитъ.

Что-жь дѣлать! Какъ-нибудь и безъ счастья однимъ умѣньемъ проживемъ, дяденька.

Аховъ.

Не проживешь! Не проживешь! У тебя нѣту ни отца, ни матери, я тебѣ старшій; я тебя прокляну; на внукахъ и правнукахъ отзовется.

Круглова.

Полно! Что ты Бога-то гнѣвишь!

Аховъ (Агніи).

Брось ты его! Что въ немъ хорошаго? Мать у тебя глупа, растолковать тебѣ не можетъ. Я лучше его; я добрый, ласковый. Денегъ-то у меня что? Тебѣ на наряды. Домъ-то у меня какой! Большой, каменный, крѣпкій.

Агнія.

И крѣпка тюрьма, да кто ей радъ!

Аховъ.

Ты тоже, видно, въ мать уродилась! Ума-то у

тебя столько же, что и у ней. (Кругловой сквозь слезы.) Ѳедосевна, пожалѣй ты меня! Вѣдь я сирота, въ этакомъ-то домѣ одинъ я путаюсь, даже страхъ находитъ.

Круглова.

Что тебя жалѣть! Ты съ деньгами себѣ всегда компанію найдешь, коли захочешь.

Аховъ.

Найдешь компанію! Спасибо, что надоумила! Знаю, что найду. Не ей чета, и красивѣе ея найду. Ты думаешь, я въ самомъ дѣлѣ, что-ль, влюбленъ? Тьфу. Одно мнѣ больно, одно обидно: непокорность ваша. Вѣдь я почетный, первостатейный, вѣдь мнѣ всѣ въ поясъ кланяются; а въ этакой лачугѣ мнѣ почету нѣтъ! Мнѣ!! Отъ васъ!! Непокорность!! Курамъ на смѣхъ! Видано-ль, слыхано-ль? Хорошо ты сдѣлала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Вѣдь это ты отъ глупости, а не отъ ума. Вы все одно, что въ лѣсу живете, свѣту не видите. Въ такую лачугу, коли зашелъ нашъ братъ, именитый человѣкъ, такъ онъ тамъ, какъ дома; а то ему и ходить не зачѣмъ; а хозяинъ-то, какъ слуга: „что угодно да какъ прикажете?“ Вотъ какъ отъ начала міра заведено, вотъ какъ водится у всѣхъ на свѣтѣ добрыхъ людей! Это все одно, что законъ. А вы, дураки непросвѣщенные, одичали тутъ живши-то. (Кругловой.) И сердиться-то на тебя нельзя, и взыскать-то съ тебя нѣчего; потому ты никакихъ настоящихъ порядковъ не знаешь. Какъ ты живешь? День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что богатый, что бѣдный, что мануфактуръ, что шатунъ! Невѣжество! У тебя для всѣхъ одинъ резонъ, одинъ разговоръ! А ты возьми, что значитъ образованіе-то: вчера ко мнѣ благородная просить на бѣдность приходила: такъ она языкомъ-то, какъ на гусляхъ играла. Превосходительствомъ меня называла, въ

слезы ввела. А ты что? Дубъ. Съ тебя взыску нѣтъ. Самъ виноватъ. Кабы ты знала, что такое уваженіе, что такое честь ...

Круглова.

Какъ чести не знать.

Аховъ.

Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у васъ честь, да отошла. Дѣлалъ я вамъ честь, бывалъ у васъ; такъ у васъ и въ комнатахъ-то было свѣтлѣй оттого только, что я тутъ. Была бы вамъ честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вотъ это честь! Я брошу васъ, и опять въ потемкахъ жить будете. А то честь! Да вамъ всю жизнь не узнать, въ чемъ она и ходитъ-то.

Круглова.

Ну, довольно ты пѣлъ. Теперь меня послушай. Хочешь ты у насъ гостемъ быть, такъ садись; а то такъ намъ не мѣшай. Не порти ты нашу бѣдную, чистую радость своимъ богатымъ умомъ.

Аховъ.

Да ты, никакъ, забылась? Гостемъ! Что ты мнѣ за компанія? Я такихъ-то, какъ ты, къ себѣ дальше воротъ и пускать не велю. А то еще гостемъ! Не умѣли съ хорошими людьми жить, такъ на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь! (Уходитъ въ переднюю и сейчасъ возвращается.) Да нѣтъ, постой! Ты меня съ толку сбила. Какъ мнѣ теперь людямъ глаза показать? Что обо мнѣ добрые люди скажутъ?..

Круглова.

Не плакать же намъ объ этомъ, батюшка, Ермилъ Зотычъ.

Аховъ.

Нѣтъ; ты виновата, ты и поправляй.

Круглова.

Палецъ объ палецъ для тебя не ударю, батюшка, Ермилъ Зотычъ. Вотъ какъ ты мнѣ сладокъ.

Аховъ.

Да не даромъ — за деньги, за большія деньги. Угоришь.

Круглова.

Что-жь такое за дѣло у тебя? Что за ворожба будетъ?

Аховъ.

Съ ними я говорить не хочу. Я ихъ презрилъ. Ниже каблука своего считаю, вотъ гдѣ. А съ тобой разговоръ заведемъ. Вѣдь, чай, тебѣ нужно и приданое? Не такъ отдашь, въ чемъ она есть? Нужно приданое?

Круглова.

Какъ не нужно, конечно, нужно.

Аховъ.

Такъ вотъ слушай! Чтобы этотъ разговоръ нарушить, что мнѣ вы, ничтожные люди, носъ утерли, мы будемъ ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова.

Что-жь, это пожалуй.

Аховъ.

Обѣдъ у меня послѣ свадьбы, какой не слыхано. И Ѳомина, и всѣхъ цвѣтами ограблю, по всѣмъ комнатамъ постановка будетъ. Двѣ музыки: одна въ комнатахъ, другая на балконѣ для зрителевъ.. Офиціанты въ штиблетахъ. Ефектъ?

Круглова.

Ефектъ.

Аховъ.

Опосля всего Ипполиткѣ награжденіе свыше мѣры. Не вѣришь, такъ за руки отдамъ ... И впередъ тебѣ на приданое ...

Круглова.

Да что̀ дальше-то?

Аховъ.

А вотъ какой уговоръ! Женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ — стой! А въ вороты чтобы не въѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ; и чтобы вымели они до крыльца ... Ты не бойся, чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они только чтобы примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня промежду всѣми гостями все равно, что равные.

Круглова.

Да осыпь ты меня золотомъ съ ногъ до головы такъ я все-таки дочь свою на позорище не отдамъ

Аховъ.

Не отдашь?

Круглова.

Не отдамъ.

Аховъ.

Ну, такъ грязь грязью и останется, и будьте вы прокляты отнынѣ и до вѣка! Какъ жить? Какъ жить? Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ! Дядя говоритъ: поклонись по родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищій, хоть за деньги! Не хочу. Умереть ужь лучше поскорѣй, за́годя[1]. Все равно вѣдь; развѣ свѣтъ-то на

[1] Т. е. заранѣе, не дожидаясь.

такихъ порядкахъ долго простоитъ? А какъ отцы-то жили! Куда они дѣлись, тѣ порядки, старые, крѣпкіе? Развратъ, что ли, въ мірѣ пошелъ? Такъ его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бѣсъ, что ли, какой промежду людьми ходитъ да смущаетъ ихъ? Отчего вы не лежите теперь въ ногахъ у меня по старому; а я же стою передъ вами весь обруганный, безъ всякой моей вины?

Круглова.

Оттого, Ермилъ Зотычъ, говоритъ русская пословица, что не все коту масляница, бываетъ и великій постъ. (Обнимаетъ Ипполита и Агнію.)

Лѣсъ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лица:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лѣтъ 50-ти съ небольшимъ, очень богатая помѣщица, одѣвается скромно, почти въ траурѣ; постоянно съ рабочимъ ящикомъ на рукѣ.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ея дальняя родственница, бѣдная дѣвушка, лѣтъ 20-ти, одѣта чисто, но бѣдно, немного лучше горничной.

Евгеній Аполлонычъ Милоновъ, лѣтъ 45-ти, гладко причесанъ, одѣтъ изысканно, въ розовомъ галстухѣ.

Уаръ Кирилычъ Бодаевъ, лѣтъ 60-ти, отставной кавалеристъ, сѣдой, гладко стриженый, съ большими усами и бакенбардами, въ черномъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ, съ крестами и медалями по-солдатски, съ костылемъ въ рукѣ, немного глухъ.

} Богатые сосѣди Гурмыжской.

Иванъ Петровъ Восмибратовъ, купецъ, торгующій лѣсомъ.

Петръ, его сынъ.

Алексѣй Сергѣевичъ Булановъ, молодой человѣкъ, недоучившійся въ гимназіи.

Терёнька, мальчикъ Восмибратова.

Геннадій Несчастливцевъ,
Аркадій Счастливцевъ,
} пѣшіе путешественники.

Карпъ, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Дѣйствіе первое.

Усадьба Гурмыжской, верстахъ въ 5-ти отъ уѣзднаго города. Большая зала. Прямо двѣ двери: одна выходная, другая въ столовую; направо отъ зрителей окно и дверь въ садъ; налѣво двѣ двери: одна во внутреннія комнаты, другая въ корридоръ. Богатая старинная мебель, трельяжи, цвѣты, у окна рабочій столикъ, налѣво круглый столъ и нѣсколько креселъ.

Явленіе первое.

Карпъ стойтъ у двери въ садъ, входитъ **Аксюша.**

Аксюша.

Раиса Павловна звали меня?

Карпъ.

Такъ точно-съ; только теперь гости пріѣхали, такъ они въ саду.

Аксюша.

(Вынувъ изъ кармана письмо.)

Послушай, Карпъ Савельичъ, не можешь ли ты?..

Карпъ.

Что̀ вамъ угодно-съ?

Аксюша.

... Передать. Ты ужь знаешь, кому.

Карпъ.

Да какъ же, барышня? Теперь вѣдь ужь словно

какъ неловко. Правда-ль, нѣтъ ли, у тетеньки такое есть желаніе, чтобъ вамъ за бàрченкомъ быть.

Аксюша.

Ну, не надо; какъ хочешь. (Отворачивается къ окну.)

Карпъ.

Да ужь пожалуйте. Для васъ отчего же ... (Беретъ письмо.)

Аксюша (глядя въ окно).

Продала Раиса Павловна лѣсъ?

Карпъ.

Продали Ивану Петрову. Все продаемъ-съ, а чего ради?

Аксюша.

Не хочетъ, чтобъ наслѣдникамъ осталось; а деньги можно и чужимъ отдать.

Карпъ.

Надо полагать-съ. Мудрено сотворено.

Аксюша.

Говорятъ, она эти деньги хочетъ за мной въ приданое дать.

Карпъ.

Дай то Богъ!

Аксюша (очень серьёзно).

Не дай Богъ, Карпъ Савельичъ!

Карпъ.

Ну, какъ угодно-съ. Я къ тому, что все же лучше, пусть въ приданое пойдутъ, чѣмъ туда же, куда и прочія.

Аксюша.

Куда прочія ... а куда же прочія?

Карпъ.

Ну, это вамъ, барышня, и понимать-то невозможно, да и языкъ-то не поворотится сказать вамъ. Алексѣй Сергѣичъ идутъ. (Отходитъ къ двери, Аксюша смотритъ въ окно. Булановъ входитъ.)

Явленіе второе.

Аксюша, Булановъ, Карпъ, потомъ Улита.

Булановъ (Карпу).

Что-жь, ты набилъ мнѣ папиросы?

Карпъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Булановъ.

Отчего же нѣтъ? Вѣдь я тебѣ велѣлъ.

Карпъ.

Мало что велѣли! А когда мнѣ?

Булановъ.

Нѣтъ, ужь вы здѣсь зазнались очень. Вотъ что. Я вотъ Раисѣ Павловнѣ скажу.

Карпъ.

Не скажете; вы при нихъ и курить-то боитесь.

Булановъ.

Боитесь ... Чтобъ были набиты! Не десять разъ тебѣ говорить! (Увидавъ Аксюшу, подходитъ къ ней и очень развязно кладетъ ей на плечо руку.)

Аксюша (быстро обернувшись).

Что вы! Съ ума сошли?

Булановъ (обидясь).

Ахъ!! ... Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша (почти сквозь слезы).

За что̀ вы меня обижаете? Я вамъ ничего не сдѣлала. Что̀ я здѣсь за игрушка для всѣхъ? Я такой же человѣкъ, какъ и вы.

Булановъ (равнодушно).

Нѣтъ, послушайте; вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ нравитесь.

Аксюша.

Ахъ, да мнѣ-то что̀ до этого за дѣло! Какое вы имѣете право трогать меня?

Булановъ.

Что̀ вы все сердитесь, неизвѣстно за что̀? Эка важность! Ужь и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто-жь мнѣ запретитъ?

Аксюша (строго).

А если не ваше, если чужое? Тогда что̀?

Булановъ.

Что̀ за капризы! Надоѣло. Этакъ вы все дѣло испортите.

Аксюша.

Какое дѣло?

Булановъ.

Какое ... Будто не знаете? Вотъ какое: Раисѣ Павловнѣ угодно, чтобъ я женился на васъ. А что̀ Раисѣ Павловнѣ угодно ...

Аксюша.

Тому и быть?

Булановъ.

Разумѣется. Мы съ вами люди бѣдные ... Дожидаться, покуда прогонятъ? Нѣтъ, ужь покорно благодарю. Куда мнѣ? Опять къ маменькѣ? Бить сорòкъ-ворòнъ за чужимъ дворомъ?

Карпъ.

Потише, сударь! Улита идетъ. (Входитъ Улита и чего-то ищетъ.) Вамъ чего здѣсь?

Улита.

Я, кажется, забыла ...

Карпъ.

Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У васъ есть свой департаментъ, мы къ вамъ не ходимъ. (Улита уходитъ.) Вотъ такъ-то лучше! ... Самая проклятая женщина!

Булановъ.

Разсчетъ прямой; кажется, можно понять.

Аксюша.

Да, я понимаю.

Булановъ.

Такъ и упрямиться нѐчего. Передъ кѣмъ здѣсь неприступность-то разыгрывать? Вѣдь Раиса Павловна обѣщаетъ много денегъ дать; чего-жь еще? Креститься надо обѣими руками.

Аксюша.

Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Булановъ (презрительно улыбаясь).

Философія! (Серьёзно.) Вы толку въ деньгахъ не знаете, оттого такъ и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тутъ впереди жизнь пріятная ... За деньги-то люди чорту душу закладываютъ, а не то, чтобъ отказываться. (Показывается Улита.)

Карпъ.

Что̀ вы шмыгаете взадъ и впередъ? Не видали васъ тутъ? Здѣсь комнаты чистыя.

Улита.

Ужь и войти нельзя!

Карпъ.

Какъ это вы себѣ покою не найдете? Мечетесь вы, какъ угорѣлая кошка. Позовутъ васъ, тогда другое дѣло. (Улита уходитъ.)

Аксюша.

Насильно милъ не будешь, Алексѣй Сергѣичъ.

Булановъ.

Ну, да ужь я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Вѣдь вамъ лучше меня здѣсь не найти.

Аксюша (тихо).

Ошибаетесь. Захочу поискать, такъ найду; а, можетъ, ужь и нашла. (Карпу.) Если Раиса Павловна спроситъ, я буду въ своей комнатѣ. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Булановъ и Карпъ.

Карпъ (подходя).

Ахъ, баринъ, баринъ!

Булановъ.

А что, Карпъ?

Карпъ.

Молоды вы очень.

Булановъ.

Знаю, что молодъ.

Карпъ.

А это нехорошо.

Булановъ.

Что-жь мнѣ дѣлать-то?

Карпъ.

Это не къ пользѣ вашей ... А вы старайтесь ...

Булановъ.

Ужь какъ ни старайся, а вдругъ лѣтъ не прибавится: я только изъ гимназіи.

Карпъ.

Да что̀ гимназія! Другіе и въ гимназіи не были, да какіе ловкіе.

Булановъ.

Да на что̀ ловкіе-то?

Карпъ.

Да на все, а ужь особливо, что̀ мимо рукъ-то плыветъ. (Улита показывается изъ корридора.) Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

Улита (скрываясь).

Обидчикъ!

Булановъ (задумчиво).

Да? ... Ну, что̀-жь?

Карпъ.

То-то: „да“. Вы что̀ барышню-то тревожите? Какой тутъ авантажъ?

Булановъ.

Все-таки ...

Карпъ.

Осторожнѣе надо, сударь; недаромъ Улита тутъ ползаетъ, перенесетъ сейчасъ. А понравится ли барынѣ? Еще неизвѣстно, куда васъ Раиса Павловна опредѣлятъ. Онѣ хоть и барыня, а вѣдь ихъ дѣло женское: никакъ даже невозможно этого знать, что̀ у нихъ на умѣ. Вдругъ одно, и сейчасъ другое; у

нихъ въ мысляхъ не то, что̀ на недѣлѣ, на дню до семи перемѣнъ бываетъ. Вотъ вы говорите: жениться; а, можетъ, что̀ другое заставятъ дѣлать! Вы своей воли не имѣете; привезли васъ на пропитаніе, такъ какъ маменька у васъ въ бѣдности ... А вы хотите ... Ужь вы и смотрѝте все въ глаза.

Булановъ.

Въ глаза?

Карпъ.

Безпремѣнно. Такъ все ходите и смотрѝте, потому отъ нихъ зависимы ... А тамъ, по времени, изъ разговора, или изъ чего и можете понять ... Барыня идутъ. (Уходитъ. Булановъ поправляетъ волосы и покручиваетъ усики. Входятъ: Гурмыжская, Милоновъ и Бодаевъ.)

Явленіе четвертое.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Булановъ.

Гурмыжская.

Я вамъ говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимаетъ, рѣшительно никто̀. Понимаетъ меня только нашъ губернаторъ да отецъ Григорій ...

Милоновъ.

И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская.

Можетъ быть.

Милоновъ.

Раиса Павловна, повѣрьте мнѣ, все высокое и все прекрасное ...

Гурмыжская.

Вѣрю, охотно вѣрю. Садитесь, господа!

Бодаевъ (откашливаясь).

Надоѣли.

Гурмыжская.

Что̀ вы?

Бодаевъ (грубо).

Ничего. (Садится поодаль.)

Гурмыжская (замѣтивъ Буланова).

Алексисъ, Алексисъ! Вы мечтаете? Господа, представляю вамъ молодого дворянина, Алексѣя Сергѣича Буланова. (Булановъ раскланивается.) Судьба его очень интересна, я вамъ сейчасъ разскажу. Алексисъ, погуляйте въ саду, мой другъ. (Булановъ уходитъ. Гурмыжская и Милоновъ садятся у стола.)

Милоновъ.

Вашъ родственникъ, вѣроятно?

Гурмыжская.

Нѣтъ, не родственникъ. Но развѣ одни родственники имѣютъ право на наше состраданіе? Всѣ люди намъ ближніе. Господа, развѣ я для себя живу? Все, что̀ я имѣю, всѣ мои деньги принадлежатъ бѣднымъ (Бодаевъ прислушивается); я только конторщица у своихъ денегъ, а хозяинъ имъ всякій бѣдный, всякій несчастный.

Бодаевъ.

Я не заплачу ни одной копейки, пока живъ; пускай описываютъ имѣніе.

Гурмыжская.

Кому не заплатите?

Бодаевъ.

На земство, я говорю.

Милоновъ.

Ахъ, Уаръ Кирилычъ, не о земствѣ рѣчь.

Бодаевъ.

Никакой пользы, одинъ грабежъ.

Гурмыжская (громко).

Подвиньтесь поближе, вы насъ не слышите.

Бодаевъ.

Да́, не слышу. (Садится къ столу.)

Гурмыжская.

Этотъ молодой человѣкъ, господа, сынъ одной моей пріятельницы. Я встрѣтилась съ ней, въ прошломъ году, въ Петербургѣ. Прежде, давно ужь, мы жили съ ней совершенно какъ сестры; но потомъ разошлись: я овдовѣла, а она вышла замужъ. Я ей не совѣтовала; испытавши сама, я получила отвращеніе къ супружеству.

Бодаевъ.

Къ супружеству, но не къ мужчинамъ?

Гурмыжская.

Уаръ Кирилычъ!

Бодаевъ.

Да я почемъ же знаю; я только спрашиваю. Вѣдь разные бываютъ характеры.

Гурмыжская (шутя).

И къ мужчинамъ, особенно такимъ, какъ вы.

Бодаевъ.

(Привстаетъ, опираясь на костыль, и кланяется.)

Премного вамъ за это благодаренъ.

Милоновъ.

Раиса Павловна строгостью своей жизни украшаетъ всю нашу губернію; наша нравственная атмосфера, если можно такъ сказать, благоухаетъ ея добродѣтелями.

Бодаевъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, когда слухъ прошелъ, что вы пріѣдете жить въ усадьбу, всѣ мы здѣсь перепугались вашей добродѣтели: жены стали мириться съ мужьями, дѣти съ родителями; во многихъ домахъ даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская.

Шутите, шутите. А вы думаете, мнѣ безъ борьбы досталось это уваженіе? Но мы удаляемся отъ нашего разговора. Когда мы встрѣтились въ Петербургѣ, моя подруга ужь давно овдовѣла и, разумѣется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моихъ совѣтовъ. Она со слезами представила мнѣ своего единственнаго сына. Мальчикъ, какъ вы видите, на возрастѣ.

Бодаевъ.

Въ солдаты годится.

Гурмыжская.

Вы не судите по наружности. Онъ, бѣдный, слабъ здоровьемъ, и, представьте себѣ, какое несчастіе! Онъ поэтому отсталъ отъ своихъ товарищей, такъ что все еще былъ въ гимназіи и, кажется, даже еще въ среднихъ классахъ. У него ужь и усики, и мысли совсѣмъ другія, и дамы стали имъ интересоваться; а онъ долженъ съ мальчиками, шалунами, ходить въ школу. Это унижало его, онъ скучалъ, удалялся отъ людей, бродилъ одинъ по глухимъ улицамъ.

Бодаевъ.

Не по Невскому ли?

Гурмыжская.

Онъ страдалъ, страдала и мать; но средствъ помочь горю у ней не было. Имѣніе совершенно разорено, сынъ долженъ учиться, чтобъ кормить мать;

а учиться прошло и время, и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, какъ хотите. Я рѣшилась сдѣлать три добрыхъ дѣла разомъ.

Бодаевъ.

Три? Любопытно.

Гурмыжская.

Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаевъ.

Дѣйствительно, три.

Гурмыжская.

Я выписала сюда на лѣто молодого человѣка; пусть они познакомятся; потомъ женю ихъ и дамъ за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намѣренія. Хоть я и выше подозрѣній, но, еслибъ нашлись злые языки, вы можете объяснить, въ чемъ дѣло.

Милоновъ.

Все высокое и все прекрасное найдетъ себѣ оцѣнку, Раиса Павловна. Кто же смѣетъ ...

Бодаевъ.

Ну, отчего же не смѣть? Никому не закажешь; на это цензуры нѣтъ.

Гурмыжская.

Впрочемъ, я мало забочусь объ общественномъ мнѣніи; я дѣлаю добро и буду дѣлать, а тамъ пусть говорятъ, что̀ хотятъ. Въ послѣднее время, господа, меня томитъ какое-то страшное предчувствіе, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидаетъ меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милоновъ.

Что̀ вы! Что̀ вы! Живите! Живите!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите.

Милоновъ.

Вѣдь это будутъ слезы, горькія слезы.

Гурмыжская.

Нѣтъ, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всякомъ случаѣ, скоро. Я должна исполнить долгъ свой относительно наслѣдниковъ. Господа, помогите мнѣ совѣтомъ.

Милоновъ.

Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская.

У меня близкихъ родныхъ только племянникъ моего мужа. Племянницу я надѣюсь пристроить еще при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лѣтъ и не имѣю о немъ никакихъ извѣстій; но онъ живъ, я знаю. Я надѣюсь, что ничто не препятствуетъ мнѣ назначить его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Милоновъ.

Полагаю.

Бодаевъ.

Да о чемъ и толковать?

Гурмыжская.

Благодарю васъ. Я такъ и сама думала. Онъ меня не забываетъ, каждый годъ присылаетъ мнѣ подарки, но писемъ не пишетъ. Гдѣ онъ — неизвѣстно, и я не могу писать къ нему; а я еще ему должна. Одинъ должникъ его отца принесъ мнѣ старый долгъ; сумма хотя небольшая, но она тяготитъ меня. Онъ точно скрывается отъ меня; всѣ подарки я получила изъ разныхъ концовъ Россіи: то изъ Архангельска, то изъ Астрахани, то изъ Кишинева, то изъ Иркутска.

Милоновъ.

Какое же его занятіе?

Гурмыжская.

Не знаю. Я его готовила въ военную службу. Послѣ смерти отца, онъ остался мальчикомъ пятнадцати лѣтъ, почти безъ всякаго состоянія. Хотя я сама была молода, но имѣла твердыя понятія о жизни и воспитывала его по своей методѣ. Я предпочитаю воспитаніе суровое, простое, что̀ называется, на мѣдныя деньги; не по скупости,—нѣтъ, а по принципу. Я увѣрена, что простые люди, неученые, живутъ счастливѣе.

Бодаевъ.

Напрасно! На мѣдныя деньги ничего хорошаго не купишь, а тѣмъ болѣе счастія.

Гурмыжская.

Но вѣдь онъ не жалуется на свое воспитаніе, онъ даже благодаритъ меня. Я, господа, не противъ образованія, но и не за него. Развращеніе нравовъ на двухъ концахъ: въ невѣжествѣ и въ излишествѣ образованія; добрые нравы по серединѣ.

Милоновъ.

Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская.

Я хотѣла, чтобъ этотъ мальчикъ самъ прошелъ суровую школу жизни; я приготовила его въ юнкера и предоставила его собственнымъ средствамъ.

Бодаевъ.

Оно покойнѣе.

Гурмыжская.

Я иногда посылала ему денегъ, но, признаюсь вамъ, мало, очень мало.

Бодаевъ.

И онъ сталъ воровать, разумѣется.

Гурмыжская.

Ошибаетесь. Вотъ посмотрите, что̀ онъ писалъ мнѣ. Я это письмо всегда ношу съ собою. (Вынимаетъ письмо изъ коробки и подаетъ Милонову.) Прочитайте, Евгеній Аполлонычъ!

Милоновъ (читаетъ).

„Тетинька моя и благодѣтельница, Раиса Павловна! Сіе излагаемое мною примѣнительно къ обстоятельствамъ моимъ, жизни, письмо пишу вамъ съ огорченіемъ при недостаткахъ, но не съ отчаяніемъ. О, судьба, судьба! Подъ гнетомъ собственнаго своего необразованія, пристыжаемый противъ товарищей, я предвижу неуспѣхъ въ своей карьерѣ къ достиженію".

Бодаевъ.

До сихъ поръ лестнаго немного для васъ и для него.

Гурмыжская.

Слушайте дальше.

Милоновъ.

„Но не устрашусь! Передо мною слава, слава Хотя скудное подаяніе ваше подвергало меня не разъ на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. Отъ юныхъ лѣтъ несовершеннолѣтія до совершеннаго возраста я былъ въ неизвѣстности моихъ предначертаній; но теперь все передо мной открыто".

Бодаевъ.

И вамъ не стыдно, что вашъ племянникъ, дворянинъ, пишетъ, какъ кантонистъ?

Гурмыжская.

Не въ словахъ дѣло. По-моему, это прекрасно

написано, тутъ я вижу чувство неиспорченное. (Входитъ Карпъ).

Карпъ.

Иванъ Петровъ Восмибратовъ пришелъ съ сыномъ-съ.

Гурмыжская.

Извините, господа, что я при васъ приму мужика.

Бодаевъ.

Только вы съ нимъ поосторожнѣе, онъ плутъ большой руки.

Гурмыжская.

Знаете, онъ такой хорошій семьянинъ; это — великое дѣло.

Бодаевъ.

Семьянинъ-то — семьянинъ, а чище всякаго обманетъ

Гурмыжская.

Не вѣрю, не вѣрю, не можетъ быть.

Милоновъ.

Мы съ вами точно сговорились; я самъ горячій защитникъ семейныхъ людей и семейныхъ отношеній. Уаръ Кирилычъ, когда были счастливы люди? Подъ кущами. Какъ жаль, что мы удалились отъ первобытной простоты, что наши отеческія отношенія и отеческія мѣры въ примѣненіи къ нашимъ меньшимъ братьямъ прекратились! Строгость въ обращеніи и любовь въ душѣ — какъ это гармонически изящно! Теперь между нами явился законъ, явилась и холодность; прежде, говорятъ, былъ произволъ, но за то была теплота. Зачѣмъ много законовъ? Зачѣмъ опредѣлять отношенія? Пусть сердце ихъ опредѣляетъ. Пусть каждый сознаетъ свой долгъ! Законъ написанъ въ душѣ людей.

Бодаевъ.

Оно такъ, кабы только поменьше мошенниковъ, а то больно много.

Гурмыжская (Карпу).

Зови, поди, Ивана Петрова! (Карпъ уходитъ. Входятъ: Восмибратовъ и Петръ.)

Явленіе пятое.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Восмибратовъ, Петръ.

Гурмыжская.

Садись, Иванъ Петровичъ!

Восмибратовъ (раскланивается и садится).

Петръ, садись! (Петръ садится у самой двери на край стула.)

Милоновъ.

Прикажете дочитать?

Гурмыжская.

Читайте, онъ не помѣшаетъ.

Милоновъ (читаетъ).

„Нужда, ты непостижима! Благодарю васъ, благодарю. Скоро мое имя покроется безсмертіемъ, а съ нимъ и ваше никогда не умретъ для потомства, дѣтей и внуковъ. Еще разъ благодарю за все, за все. Вашъ покорный къ услугамъ племянникъ, дитя природы, взлелѣянное несчастіемъ, Гурмыжскій".

Гурмыжская (принимая письмо).

Благодарю васъ, Евгеній Аполлонычъ! Вотъ спросимъ у простого человѣка; онъ правду скажетъ. Иванъ Петровичъ, хорошо это письмо написано?

Восмибратовъ.

Первый сортъ-съ! Вотъ ежели бы кому прошеніе, ужь на что̀ лучше.

Милоновъ.

Но вѣдь этому письму двѣнадцать лѣтъ; что же теперь съ вашимъ племянникомъ, съ его громкой славой?

Гурмыжская.

Я вамъ говорю, не знаю.

Бодаевъ.

Вдругъ удивитъ.

Гурмыжская.

Какъ бы то ни было, я горжусь этимъ письмомъ и очень довольна, что нашла въ людяхъ благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я васъ прошу, господа, пожаловать ко мнѣ послѣ-завтра откушать! Вы, вѣроятно, не откажетесь подписаться подъ завѣщаніемъ? Оно будетъ готово, я думаю; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, милости просимъ.

Бодаевъ.

Пріѣду.

Милоновъ.

Повѣрьте, все высокое и все прекрасное ...

Гурмыжская.

Конечно, если судить строго, я немного виновата передъ наслѣдникомъ; я ужь кой-что продала изъ имѣнія.

Восмибратовъ.

Да-таки, сударыня, довольно; особенно какъ изволили проживать въ столицахъ.

Гурмыжская.

Я очень щедро помогаю. Для ближняго мнѣ не жаль.

Восмибратовъ.

Такъ-съ. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякій человѣкъ живая тварь.

Гурмыжская.

А теперь, вотъ ужь лѣтъ семь, я живу совсѣмъ иначе.

Восмибратовъ.

Это точно-съ; слуховъ никакихъ на счетъ, чтобы чего ... постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская.

Ахъ, да я и прежде ... да не объ томъ рѣчь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаевъ.

Извините! Не объ васъ рѣчь! Вы не разсердитесь, пожалуйста! Но дѣйствительно у насъ много дворянскихъ имѣній въ конецъ разорено бабами. Если мужчина мотаетъ, все-таки въ его мотовствѣ какой-нибудь смыслъ есть; а бабьей глупости мѣры не положено. Нужно любовнику халатъ подарить, она хлѣбъ продаетъ не во-время за безцѣнокъ; нужно любовнику ермолку съ кисточкой — она лѣсъ продаетъ, строевой, береженый, первому плуту.

Восмибратовъ.

Это вы, ваше высокородіе, дѣйствительно. Коли имъ, женскому сословію, въ чемъ воля, такъ добра мало.

Бодаевъ.

Ты думаешь?

Милоновъ (Восмибратову).

Ахъ, Ваня, Ваня, какъ ты грубъ!

Восмибратовъ.

Вопче говорится, сударь.

Милоновъ.

Все-таки, Ваня, надо быть осторожнѣе, мой другъ... А вотъ ты и ошибаешься; не отъ дамъ разорены имѣнія, а отъ того, что свободы много.

Бодаевъ.

Какой свободы? Гдѣ это?

Милоновъ.

Ахъ, Ураръ Кирилычъ, я самъ за свободу; я самъ противъ стѣснительныхъ мѣръ ... Ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолѣтнихъ необходимо ... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдемъ! Купцы банкротятся, дворяне проживаются ... Согласитесь, что, наконецъ, необходимо будетъ ограничить закономъ расходы каждаго, опредѣлить норму по сословіямъ, по классамъ, по должностямъ.

Бодаевъ.

Ну, что̀-жь, представляйте проектъ! Теперь время проектовъ, всѣ представляютъ. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупѣй вашего есть. (Встаетъ, Милоновъ тоже. Раскланиваются. Восмибратовъ и Петръ встаютъ.)

Гурмыжская (провожая ихъ).

Господа, я васъ жду послѣ-завтра. (Милоновъ и Бодаевъ уходятъ.)

Явленіе шестое.

Гурмыжская, Восмибратовъ, Петръ.

Гурмыжская.

Садись, Иванъ Петровичъ!

Восмибратовъ (садясь).

Петръ, садись! (Петръ садится.) Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская.

Да́, мнѣ очень нужно тебя видѣть. Принесъ ты деньги?

Восмибратовъ.

Нѣтъ, сударыня, признаться сказать, не захватилъ. Коли нужно, такъ прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская.

Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратовъ.

Увольте! Намъ безъ благовременія ... тоже ... вѣдь, люди, все одно.

Гурмыжская.

Ты ужь всѣ принеси, какъ у насъ уговоръ былъ.

Восмибратовъ.

Слушаю-съ.

Гурмыжская.

Я не помню, кажется ...

Восмибратовъ.

Да ужь не извольте безпокоиться.

Гурмыжская.

Кажется, полторы тысячи. (Роясь въ ящикѣ.) Гдѣ записка? Неужели я ее выронила? Не найду никакъ.

Восмибратовъ.

Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская.

Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ этихъ денегъ мало. Не купишь ли у меня еще участокъ лѣсу?

Восмибратовъ.

Да чтобъ ужь вамъ весь его продать. Куда вамъ его беречь-то?.. Вѣдь съ лѣсомъ, сударыня, повѣрите ли, только грѣхъ одинъ; крестьянишки воруютъ— судись съ ними. Лѣсъ подлѣ города, всякій бѣглый, всякій бродяга пристанище имѣетъ, ну, и для прислуги тоже, для женскаго пола ... Потому какъ у нихъ грибной интересъ и насчетъ ягоды, а выходитъ совсѣмъ напротивъ.

Гурмыжская.

Нѣтъ, я весь теперь не продамъ; что̀ за имѣніе безъ лѣса! Некрасиво. Можетъ быть, современемъ... а ты купи этотъ участокъ, что̀ ближе къ городу.

Восмибратовъ.

Хошь я теперь и не при деньгахъ, а отчего-жь не купить, коли сходно продавать будете. А я, было, признаться, къ вамъ насчетъ другого товару.

Гурмыжская.

Не понимаю.

Восмибратовъ.

Сродственницу имѣете, дѣвицу, небогатую ...

Гурмыжская.

Такъ что̀ же?

Восмибратовъ.

Видѣлъ ее, что̀ ли, гдѣ, или здѣсь какъ встрѣтилъ мой парнишко. (Петръ встаетъ.)

Гурмыжская.

Онъ?

Восмибратовъ.

Петръ-съ. Парень овца, я вамъ скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-съ. Ну, конечно, мы съ нимъ дорогого не стòимъ, а еслибъ Богъ далъ доброму дѣлу быть, дали бы вы тысячки на четыре лѣсу на разживу ему, съ насъ бы и довольно. Онъ бы и пооперился съ вашей легкой руки и жить пошелъ.

Гурмыжская.

Я очень благодарна вамъ; но, друзья мои, извините! У нея уже есть женихъ, у меня въ домѣ живетъ. Можетъ быть, въ городѣ говорятъ вздоръ какой-нибудь, такъ вы знайте, что это женихъ.

Восмибратовъ (Петру).

Слышишь ты? А ты лѣзешь! Только отца въ дураки ставишь. Погоди-жь ты у меня!

Гурмыжская.

Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нея твой сынъ партія даже завидная. Если у ней теперь женихъ дворянинъ, такъ это по особенной милости, а она совсѣмъ его не стóитъ.

Восмибратовъ

Понимаемъ-съ.

Гурмыжская.

Это дѣло рѣшоное, и кончимъ разговоръ о немъ. Поговоримъ о лѣсѣ. Купи, Иванъ Петровичъ!

Восмибратовъ.

Не при деньгахъ, не при деньгахъ-съ

Гурмыжская.

Быть не можетъ.

Восмибратовъ.

Обижать цѣной не будете, такъ можно-съ.

Гурмыжская.

А сколько бы ты далъ за него.

Восмибратовъ (подумавъ).

Рубликовъ пятьсотъ-съ вамъ довольно будетъ?

Гурмыжская.

Что̀ ты, что̀ ты? За тотъ полторы, а за этотъ пятьсотъ; вѣдь этотъ больше и лучше.

Восмибратовъ.

Точно-съ. Извините! Это я такъ маханально, не подумавши; да и не охота съ этимъ дѣломъ вязаться теперь. А какъ ваша цѣна?

Гурмыжская.

Да, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи. Мнѣ эту цѣну давали.

Восмибратовъ.

Мой совѣтъ: отдавайте.

Гурмыжская.

Да я не хотѣла тебя обидѣть!

Восмибратовъ.

На этомъ оченно вами благодарны; только я вамъ вотъ что̀ скажу: хлопотъ не сто̀итъ.

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, стыдно! Я сирота. Мое дѣло темное. Сироту обидѣть грѣшно. Ты не забывай Бога-то!

Восмибратовъ.

Намъ ежели Бога забыть, Творца нашего милосерднаго, намъ въ тѣ поры, сударыня, податься некуда. Потому самому намъ безъ Бога нельзя; какъ одно, значитъ, у насъ прибѣжище.

Гурмыжская.

Ну, то-то же. Ты самъ подумай, вѣдь мнѣ деньги-то на доброе дѣло. Дѣвушка на возрастѣ, ума большого не имѣетъ, хочется за́-живо пристроить. Ну, что̀ хорошаго, безъ присмотру останется безъ меня; нынче народъ знаешь какой? Ты самъ отецъ, такъ разсудить можешь, у тебя тоже дочь, пріятноли тебѣ будетъ ...

Восмибратовъ.

Да ежели она, шельма ...

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, что̀ за слова! Ты знаешь, я

не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсотъ рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратовъ.

Барыша ничего не будетъ.

Гурмыжская.

Ну, ужь и говорить не хочу. А тебѣ стыдно, стыдно.

Восмибратовъ.

Дорогонько, да ужь извольте-съ. (Махнувъ рукой.) Такъ ужь, что прежде отъ васъ пользовался.

Гурмыжская.

Только мнѣ деньги завтра же нужны.

Восмибратовъ.

Еще почивать будете, принесемъ. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вамъ не безпокоиться, что за проданный на срубъ лѣсъ въ такихъ-то пустошахъ деньги сполна получили.

Гурмыжская.

Значитъ, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратовъ.

Что̀ слѣдуетъ, то и принесемъ-съ. На прежнія деньги у васъ записочка есть; а на эти, ваша воля, а по мнѣ хоть и отказаться. Слову нашему вы не вѣрите, на всякую малость записки, да росписки отбираете; такъ что̀-жь вамъ сумнѣваться? Я человѣкъ неграмотный, другой разъ и самъ не знаю, что̀ въ запискѣ-то написано. Парнишку-то замучилъ, все за собой вожу руки прикладывать. Прощенья просимъ.

Гурмыжская.

Прощайте! (Восмибратовъ и Петръ уходятъ. Входитъ Карпъ.)

Явленіе седьмое.

Гурмыжская, Карпъ, потомъ Аксюша и Улита.

Карпъ.

Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, такъ онѣ дожидаются.

Гурмыжская.

Позови! (Карпъ уходитъ.) Хитрая и дерзкая дѣвчонка! Никогда въ ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мнѣ съ ней. (Входитъ Аксюша.)

Аксюша (потупя глаза, тихо).

Что вамъ угодно?

Гурмыжская.

Ты, я думаю, знаешь, зачѣмъ я выписала сюда Алексѣя Сергѣича.

Аксюша.

Знаю.

Гурмыжская.

Ты, пожалуйста, не возмечтай слишкомъ много о себѣ! Это еще только предположеніе. Ты можешь расчувствоваться и потомъ ошибиться (со смѣхомъ), мнѣ тебя будетъ жаль.

Аксюша.

Отчего же мнѣ расчувствоваться?

Гурмыжская.

Ахъ, Боже мой! Для тебя ли это не партія? Она еще спрашиваетъ! Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоить. Я и сама всѣмъ говорю, что онъ твой женихъ, и другіе пусть говорятъ; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю. (Входитъ Улита.)

Аксюша.

Надо будетъ и меня спросить.

Гурмыжская.

Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтобъ всѣ считали его твоимъ женихомъ, мнѣ такъ нужно. Но сохрани тебя Богъ кокетничать съ нимъ или позволить себѣ какую-нибудь вольность!

Аксюша.

Какую вольность? Что̀ вы!

Гурмыжская.

Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я въ правѣ думать о тебѣ все, что̀ хочу. Ты дѣвочка съ улицы, ты съ мальчишками на салазкахъ каталась.

Аксюша.

Не все я на салазкахъ каталась, я съ шести лѣтъ ужь помогала матери день и ночь работать; а по праздникамъ, точно, каталась съ мальчишками на салазкахъ. Что̀-жь, у меня игрушекъ и куколъ не было. Но вѣдь я ужь съ десяти лѣтъ живу у васъ въ домѣ и постоянно имѣю передъ глазами примѣръ ...

Гурмыжская.

Дурныя наклонности укореняются съ дѣтства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будетъ самый строгій надзоръ. (Со смѣхомъ.) Онъ хоть твой и женихъ, да зеленъ виноградъ.

Аксюша.

Женихъ! Кому нуженъ такой женихъ?

Гурмыжская.

Ну, это выше твоего понятія.

Аксюша.

И не хорошъ, и не уменъ.

Гурмыжская.

Вздоръ! Ты глупа, а онъ уменъ, хорошъ, образованъ. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слѣпая. Тебѣ только хочется меня раздразнить.

Аксюша.

Да вамъ-то что̀ же?

Гурмыжская.

Какъ что̀? Это мой выборъ, мой вкусъ. Не тебѣ чета, свѣтскія дамы имъ увлекались.

Аксюша.

Чести имъ не дѣлаетъ.

Гурмыжская.

Ахъ, ахъ! Она разсуждаетъ! И почемъ ты знаешь, что̀ честь, что̀ безчестье?

Аксюша.

Я дѣвочка съ улицы, не свѣтская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская.

А я тебѣ приказываю.

Аксюша.

Я вѣдь не пойду за него; такъ къ чему же эта комедія?

Гурмыжская.

Комедія! Какъ ты смѣешь? Да хоть бы и комедія; я тебя кормлю и одѣваю, и заставлю играть комедію. Ты не имѣешь права входить въ мои намѣренія: мнѣ такъ нужно, и все тутъ. Онъ женихъ, ты невѣста, — только ты будешь сидѣть въ своей комнатѣ подъ надзоромъ. Вотъ моя воля!

Аксюша (взглянувъ ей въ глаза).

Больше ничего?

Гурмыжская.

Ничего, ступайте! (Аксюша уходитъ.) Нѣтъ, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочкѣ.

Явленіе восьмое.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская.

Поди сюда!

Улита.

Что, матушка-барыня, угодно?

Гурмыжская.

Подойди поближе, садись, гдѣ стойшь, и слушай!

Улита

(подходитъ и садится на полъ).

Слушаю, матушка-барыня.

Гурмыжская.

Ты меня знаешь? Ты знаешь, какъ строго я смотрю за всѣмъ домомъ?

Улита.

Знаю. Какъ мнѣ не знать?

Гурмыжская.

Я Аксюшѣ не вѣрю, она дѣвчонка хитрая. Она часто встрѣчается съ Алексѣемъ Сергѣичемъ; мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ она съ нимъ обращалась вольно. При мнѣ, разумѣется, она не смѣетъ; но вѣдь не всегда же я съ ними: они могутъ встрѣтиться и въ саду, и въ комнатахъ безъ меня. Такъ я прошу, даже приказываю тебѣ ...

Улита.

Понимаю, матушка-барыня, понимаю. Пожалуйте

ручку! (Цалуетъ руку Гурмыжской.) Ужь какъ я васъ понимаю, такъ это только одно удивленіе. Давно ужь я за ними, какъ тѣнь, слоняюсь, шагу безъ меня не ступятъ; гдѣ они—тутъ и я.

Гурмыжская (подумавъ).

За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита (съ жаромъ).

Догадлива, матушка-барыня, догадлива. Вчера платьишко все въ тлѣнъ изорвала, по кустамъ ползала, изожглась вся, по крапивѣ егозила, все подслушивала, что̀ они промежду себя говорятъ.

Гурмыжская.

Изорвала платье? Бѣда не велика, ты и впередъ платья не жалѣй, у меня много; я тебѣ, за твое худое, хорошее подарю.

Улита (таинственно).

Вотъ и здѣсь давеча сошлись.

Гурмыжская.

Что̀ же давеча?

Улита.

Да все этотъ дуракъ Карпъ мѣшалъ; а все-таки, кой-что замѣтить было можно.

Гурмыжская.

Что̀ же ты замѣтила?

Улита.

Она-то къ нему очень ласкова; а онъ какъ-будто такъ... (Дѣлаетъ жестъ рукой.) Выражалъ, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская.

Да?.. Не ошиблась ли ты? (Смотритъ ей въ глаза).

Улита.

И какъ-будто такъ даже... (Дѣлаетъ жестъ рукой.)

Гурмыжская.

Ну!

Улита.

И какъ-будто ... такъ можно замѣтить, что ему не совсѣмъ-то ... чтобы ужь очень ...

Гумыжская.

Врешь ты, мнѣ кажется.

Улита.

Нѣтъ ужь, матушка-барыня, у меня глазъ на это очень замѣчателенъ ... И какъ-будто у него на умѣ что̀ другое ...

Гурмыжская.

Ну, ужь что̀ у него на умѣ, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заѣхала.

Улита.

Да ужь усердіе-то мое ...

Гурмыжская.

Ужь какъ ни велико твое усердіе, а въ чужомъ умѣ ты не была, значитъ, и болтать по пустякамъ нечего. (Молчаніе.) Улита, мы съ тобой однихъ лѣтъ...

Улита.

Матушка-барыня, я постарше буду.

Гурмыжская.

Мнѣ этого не надо, ты напрасно ... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита.

Право, матушка-барыня, мнѣ все кажется ... Да что̀ намъ считать: обѣ мы сироты, вдовы безутѣшныя ...

Гурмыжская.

Ну, ты не очень безутѣшная. Помнишь, что̀ у

насъ съ тобой было? Ужь я и кротостью, и строгостью, ничто не помогло.

Улита.

Да, было-то, матушка, точно было; да ужь давно прошло. А вотъ послѣднія лѣтъ шесть, какъ вы сами-то въ такой тишинѣ ...

Гурмыжская.

Да, я не замѣчаю ...

Улита.

Вотъ разрази меня!

Гурмыжская.

Послушай, Улита! Скажи мнѣ, только говори откровенно ... когда случается тебѣ видѣть красиваго молодого человѣка ... не чувствуешь ли ты чего, или не приходитъ ли тебѣ въ голову, что вотъ пріятно полюбить ...

Улита.

Что вы это! Старухѣ-то? Забыла, матушка-барыня, все забыла.

Гурмыжская.

Ну, какая еще ты старуха! Нѣтъ, ты говори!

Улита.

Ужь коли приказываете ...

Гурмыжская.

Да, приказываю.

Улита.

Развѣ, когда мечта ... (Нѣжно.) такъ иногда найдетъ въ родѣ, какъ облако.

Гурмыжская (въ задумчивости).

Поди прочь, мерзкая! (Улита встаетъ, отходитъ къ сторонѣ и искоса посматриваетъ. Гурмыжская встаетъ и подходитъ къ

окну). А вѣдь онъ мальчикъ недуренъ! Онъ на меня сразу произвелъ пріятное впечатлѣніе. Ахъ, какъ я еще душой молода! Мнѣ кажется, я до семидесяти лѣтъ способна буду влюбляться ... И еслибъ не мое благоразуміе ... Онъ меня не видитъ ... (Дѣлаетъ ручкой). Ахъ красавчикъ! ... Да́, твердыя правила въ жизни много значатъ. (Оборачивается и видитъ Улиту). А ты здѣсь еще? Ну, пойдемъ; я тебѣ, вмѣсто одного платья, два подарю. (Уходитъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Лѣсъ; двѣ нешырокія дороги идутъ съ противоположныхъ сторонъ изъ глубины сцены и сходятся близъ аван-сцены подъ угломъ. На углу крашеный столбъ, на которомъ, по направленію дорогъ, прибиты двѣ доски съ надписями: на правой: „въ городъ Калиновъ“, на лѣвой: „въ усадьбу Пеньки, помѣщицы г-жи Гурмыжской“. У столба широкій, низенькій пень, за столбомъ, въ треугольникѣ между дорогами, по вырубкѣ мелкій кустарникъ, не выше человѣческаго роста. Вечерняя заря.

Явленіе первое.

Аксюша (выходитъ изъ лѣсу съ лѣвой стороны и садится на пень), **Петръ** (выходитъ изъ лѣсу съ правой стороны) и потомъ **мальчикъ**.

Петръ (громко).

Терёнька! (Изъ лѣсу выходитъ мальчикъ.) Влѣзь на дерево тамъ, съ краю, и, значитъ, смотри по дорогѣ въ оба ... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрѣлитъ замѣсто тетерева. Слышишь?

Мальчикъ (робко).

Слышу.

Петръ.

Какъ, значитъ, тятенька, ты въ-тѣ-поры такъ и катись съ дерева турманомъ, и прямо сюда. (Поворачиваетъ его и даетъ ему легкій подзатыльникъ.) Ну, пошелъ. (Мальчикъ отходитъ.) Да, пожалуйста, братецъ, поразвязнѣй! (Мальчикъ уходитъ въ лѣсъ.)

Аксюша (подходя къ Петру).

Здравствуй, Петя!

Петръ (цалуя ее).

Здравствуй; какія дѣла?

Аксюша.

Все тѣ же, немножко хуже.

Петръ.

А мы такъ наслышаны, что много лучше.

Аксюша.

Что̀ ты сочиняешь!

Петръ.

За благороднаго выходите? Оно лучше-съ; можетъ, еще на разные языки знаетъ; и то ужь много превосходнѣе, что пальты коротенькія носитъ, не то, что мы.

Аксюша (зажимая ему ротъ).

Да полно ты, полно! Вѣдь знаешь, что этому не бывать, что̀-жь прибираешь-то?

Петръ.

Какъ же, значитъ, не бывать, когда тетенька сами давеча ...

Аксюша.

Не бойся, не бойся!

Петръ.

Такъ ужь ты прямо и говори, чья ты? Своя ты, или чужая?

Аксюша.

Своя, милой мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будутъ. Тутъ что̀-то другое.

Петръ.

Отводъ?

Аксюша.

Похоже.

Петръ.

А ужь я давеча натерпѣлся. Тятенька-таки о тебѣ словечко закинулъ, а она ему напрямкѝ: „просватана“. Такъ вѣришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипяткомъ шпарили. А потомъ тятенька два часа битыхъ ругалъ; отдохнетъ, да опять примется. Ты, говоритъ, меня передъ барыней дуракомъ поставилъ.

Аксюша.

Она бы рада меня съ рукъ сбыть, да денегъ жаль; что̀-жь, отецъ-то твой все еще приданаго ищетъ?

Петръ.

Меньше трехъ тысячъ не мирится. „Ежели, говоритъ, за тебя трехъ тысячъ не взять, не сто̀ило, говоритъ, тебя и кормить. Хоть на козѣ, говоритъ, женю, да съ деньгами“.

Аксюша.

Дѣлать нечего, трехъ тысячъ мнѣ взять негдѣ. У меня-то спрашивалъ ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петръ.

Я-то чужой, про меня что̀ говорить! Я каторжный, по рукамъ, по ногамъ скованный на вѣки нерушимо.

Аксюша.

Что̀ ты такой грустный, неласковый?

Петръ.

Да чему радоваться-то? Я и то ужъ по лѣсу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сукъ покрѣпче. Самой-то, чай, тоже не веселѣй моего.

Аксюша.

Мнѣ ни скучно, ни весело, я ужь замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я съ тобой!

Петръ.

Такъ-то такъ, да все радости-то мало.

Аксюша.

Ахъ, ты глупый! Какъ же тебѣ не радость, какая дѣвушка тебя любитъ!

Петръ.

Да что-жь меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вамъ дѣлать-то больше, какъ не любить? Ваша такая обязанность.

Аксюша (сердито).

Поди ты прочь, коли такъ.

Петръ.

Нѣчего сердиться-то! У меня теперь засадъ въ головѣ,—третій день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и такъ кину, и этакъ...

Аксюша (все еще съ сердцемъ).

Объ чемъ это ты думаешь? Ты бы обо мнѣ-то подумалъ; нужно вѣдь подумать-то.

Петръ.

О тебѣ-то и думаю. У меня на-двое; вотъ одно дѣло: приставать къ тятенькѣ. Нынче онъ, примѣрно, поругаетъ, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будемъ такъ говорить, хоть и прибьетъ, а я послѣ-завтра опять за то же; такъ покудова ему не надоѣстъ ругаться. Да чтобъ ужь къ ряду, ни одного дня не пропускать. Либо онъ убьетъ меня полѣномъ, либо сдѣлаетъ по-моему; по крайности развязка.

Аксюша (подумавъ).

А другое-то что̀?

Петръ.

А другое дѣло почуднѣй будетъ. У меня есть своихъ денегъ рублевъ триста; да ежели закинуть горсть на счастье въ тятенькину конторку, такъ, пожалуй, что денегъ-то и вволю будетъ.

Аксюша.

А потомъ что̀ же?

Петръ.

А потомъ ужь „унеси ты мое горе“ — сейчасъ мы съ тобой на троечку; „ой вы, милыя!“ Подъѣхали къ Волгѣ; ссь ... тпру! на пароходъ; внизъ-то бѣжитъ онъ ходко, по берегу-то не догонишь. Денекъ въ Казани, другой въ Самарѣ, третій въ Саратовѣ; жить чего душа проситъ; дорогого чтобъ для насъ не было.

Аксюша.

А знакомыхъ встрѣтишь?

Петръ.

А вотъ взялъ сейчасъ одинъ глазъ зажмурилъ, вотъ тебѣ и кривой; и не узнаютъ. Я такъ тебѣ дня три прохожу. А то еще разъ какой со мной случай, я тебѣ скажу. Посылалъ меня тятенька въ Нижній за дѣломъ, да чтобъ не мѣшкать. А въ Нижнемъ-то нашлись пріятели, заманили въ Лысково съѣздить. Какъ быть? Узнаютъ дома — бѣда. Вотъ я чужую чуйку надѣлъ, щеку подвязалъ, ѣду. На пароходѣ какъ разъ тятенькинъ знакомый; я, знаешь, отъ него не прячусь, хожу смѣло, онъ все поглядываетъ. Вотъ вижу подходитъ. „Вы, говоритъ, откуда ѣдете?“ Изъ Мышкина, говорю. А я тамъ съ роду и не бывалъ. „Что̀-то, говоритъ, лицо ваше знакомо“. — Мудренаго нѣтъ, говорю;

а самъ, знаешь, мимо. Подходитъ онъ ко мнѣ въ другой разъ все съ тѣмъ же, подходитъ въ третій, все пытаетъ. Взяло меня за сердце. „Мнѣ самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидѣли ли мы съ вами вмѣстѣ въ острогѣ въ Казани?“ Да при всей публикѣ-то. Такъ онъ не зналъ, какъ откатиться отъ меня; ровно я его изъ штуцера застрѣлилъ. Встрѣча что!

Аксюша.

А проживемъ мы деньги, что-жь потомъ?

Петръ.

Вотъ тутъ-то я не додумалъ еще. Либо ѣхать виниться, либо выбрать яръ покруче, а мѣсто поглубже, да чтобъ воду-то воронкой вертѣло, да и по топорному, какъ топоры плаваютъ. Надо подумать еще ...

Аксюша.

Нѣтъ, ужь ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петръ.

Надоѣдать, стало быть?

Аксюша.

Да. Ну, а ужь тамъ, коли ... тамъ подумаемъ. Ты проберись завтра къ намъ въ садъ попозднѣе, у насъ рано ложатся.

Петръ.

Ладно. (Вбѣгаетъ мальчикъ.) Что?

Мальчикъ.

Тятенька. (Быстро убѣгаетъ.)

Петръ. (проворно).

Значитъ, шабашъ. Бѣжать во всѣ лопатки! Прощай! (Цалуются и расходятся.)

Явленіе второе.

Съ правой стороны изъ глубины показывается **Несчастливцевъ**. Ему лѣтъ 35, но на лицо онъ гораздо старѣе, брюнетъ, съ большими усами. Черты рѣзкія, глубокія и очень подвижныя, слѣды безпокойной и невоздержной жизни. На немъ длинное и широкое парусинное пальто, на головѣ сѣрая, очень поношенная шляпа съ широкими полями, сапоги русскіе, большіе, въ рукахъ толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемоданъ, въ родѣ ранца, на ремняхъ. Онъ видимо утомленъ, часто останавливается, вздыхаетъ и бросаетъ мрачные взгляды исподлобья. Въ то же время съ другой стороны показывается **Счастливцевъ**; ему лѣтъ за 40, лицо какъ-будто нарумяненное, волоса на головѣ въ родѣ вытертаго мѣха, усы и эспаньолка тонкіе, жидкіе, рыжевато-пепельнаго цвѣта, глаза быстрые, выражающіе и насмѣшливость, и робость въ одно и то же время. На немъ голубой галстухъ, коротенькій пиджакъ, коротенькіе панталоны въ обтяжку, цвѣтные полусапожки, на головѣ дѣтскій картузикъ — все очень поношенное, на плечѣ, на палкѣ, повѣшено самое легкое люстриновое пальто и узелъ въ цвѣтномъ платкѣ. Утомленъ, переводитъ духъ тяжело и смотритъ кругомъ съ улыбкой не то печальной, не то веселой.

(Сходятся.)

Несчастливцевъ (мрачно).

Аркашка!

Счастливцевъ.

Я, Геннадій Демьянычъ. Какъ есть весь тутъ.

Несчастливцевъ.

Куда и откуда?

Счастливцевъ.

Изъ Вологды въ Керчь-съ, Геннадій Демьянычъ. А вы-съ?

Несчастливцевъ.

Изъ Керчи въ Вологду. Ты пѣшкомъ?

Счастливцевъ.

На своихъ-съ, Геннадій Демьянычъ. (Полузаискивающимъ, полунасмѣшливымъ тономъ.) А вы-съ, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ (густымъ басомъ).

Въ каретѣ. (Горячо.) Развѣ ты не видишь? Что спрашиваешь? Оселъ!

Счастливцевъ (робко).

Нѣтъ, я такъ-съ ...

Несчастливцевъ.

Сядемъ, Аркадій!

Счастливцевъ.

Да на чемъ же съ?

Несчастливцевъ (указывая на пень).

Я здѣсь, а ты гдѣ хочешь. (Садится, снимаетъ чемоданъ и кладетъ подлѣ себя.)

Счастливцевъ.

Что̀ это у васъ за ранецъ-съ?

Несчастливцевъ.

Штука отличная. Самъ, братецъ, сшилъ для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцевъ.

(Садится на землю подлѣ пня.)

Хорошо, кому есть что̀ класть. Что̀ же у васъ тамъ-съ?

Несчастливцевъ.

Пара платья, братецъ, хорошаго, въ Полтавѣ еврей сшилъ. Тогда я въ Ильинскую, послѣ бенефиса, много платья сдѣлалъ. Складная шляпа, братецъ, два парика, пистолетъ тутъ у меня хорошій, у черкеса въ карты выигралъ въ Пятигорскѣ. Замокъ попорченъ; какъ-нибудь, когда въ Тулѣ буду, починить прикажу. Жаль, фрака нѣтъ; былъ фракъ, да я его въ Кишиневѣ на костюмъ Гамлета вымѣнялъ.

Счастливцевъ.

Да на что̀ же вамъ фракъ-съ?

Несчастливцевъ.

Какъ ты еще глупъ, Аркашка, какъ погляжу я

на тебя! Ну, приду я теперь въ Кострому, въ Ярославль, въ Вологду, въ Тверь, поступлю въ труппу, долженъ я къ губернатору явиться, къ полиціймейстеру, по городу визиты сдѣлать? Комики визитовъ не дѣлаютъ, потому что они шуты, а трагики — люди, братецъ. А у тебя что̀ въ узлѣ?

Счастливцевъ.

Библіотека-съ.

Несчастливцевъ.

Большая?

Счастливцевъ.

Піесъ тридцать и съ нотами.

Несчастливцевъ (басомъ).

Драмы есть?

Счастливцевъ.

Только двѣ-съ, а то все водевили.

Несчастливцевъ.

Зачѣмъ ты такую дрянь носишь?

Счастливцевъ.

Денегъ сто̀итъ-съ. Бутафорскія мелкія вещи есть, ордена ...

Несчастливцевъ.

И все это ты стяжалъ? ...

Счастливцевъ.

И за грѣхъ не считаю, жалованье задерживаютъ.

Несчастливцевъ.

А платье у тебя гдѣ-жь?

Счастливцевъ.

Вотъ, что̀ на мнѣ-съ, а то ужь давно никакого нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, а какъ же ты зимой?

Счастливцевъ.

Я, Геннадій Демьянычъ, обдержался-съ. Въ дальнюю дорогу точно трудно-съ; такъ вѣдь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня въ Архангельскъ, такъ въ большой коверъ закатывали. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а въ повозку садиться, опять закатаютъ.

Несчастливцевъ.

Тепло?

Счастливцевъ.

Ничего, доѣхалъ-съ; а много больше тридцати градусовъ было. Зимняя дорога-то Двиной, между береговъ-то тяга; вѣтеръ-то съ сѣвера, встрѣчу. Такъ вы въ Вологду-съ? Тамъ теперь и труппы нѣтъ.

Несчастливцевъ.

А ты въ Керчь? И въ Керчи тоже, братъ, труппы нѣтъ.

Счастливцевъ.

Что-жь дѣлать-то-съ, Геннадій Демьянычъ, пройду въ Ставрополь или въ Тифлисъ, тамъ ужь неподалеку-съ.

Несчастливцевъ.

Мы съ тобой въ послѣдній разъ въ Кременчугѣ видѣлись?

Счастливцевъ.

Въ Кременчугѣ-съ.

Несчастливцевъ.

Ты тогда любовниковъ игралъ; что же ты, братецъ, послѣ дѣлалъ?

Счастливцевъ.

Послѣ я въ комики перешелъ-съ. Да ужь очень много

ихъ развелось; образованные одолѣли: изъ чиновниковъ, изъ офицеровъ, изъ университетовъ — все на сцену лѣзутъ. Житья нѣтъ. Изъ комиковъ-то я въ суфлеры-съ. Каково это для человѣка съ возвышенной душой-то, Геннадій Демьянычъ? Въ суфлеры!

Несчастливцевъ (со вздохомъ).

Всѣ тамъ будемъ, братъ, Аркадій.

Счастливцевъ.

Одна была у насъ дорожка, Геннадій Демьянычъ, и ту перебиваютъ.

Несчастливцевъ.

Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка въ трагики! Вотъ и нѣтъ никого.

Счастливцевъ.

А вѣдь игры хорошей у образованныхъ нѣтъ, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ. Какая игра! Мякина!

Счастливцевъ.

Канитель.

Несчастливцевъ.

Канитель, братецъ. А какъ пьесы ставятъ, хотьбы и въ столицахъ-то. Я самъ видѣлъ: любовникъ теноръ, резонеръ теноръ и комикъ теноръ. (Басомъ.) Основанія-то въ пьесѣ и нѣтъ. И смотрѣть не сталъ, ушелъ. Ты зачѣмъ это эспаньолку завелъ?

Счастливцевъ.

А что же-съ?

Несчастливцевъ.

Скверно. Русскій ты человѣкъ, али нѣтъ? Что

за гадость! Терпѣть не могу. Обрѣй совсѣмъ, или ужь бороду отпусти.

Счастливцевъ.

Я пробовалъ бороду-съ, да не выходитъ.

Несчастливцевъ.

Какъ такъ? Что ты врешь?

Счастливцевъ.

Да вмѣсто волосъ-то перья растутъ, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

Гм! Перья! Разсказывай еще! Говорю тебѣ, обрѣй. А то попадешь мнѣ подъ сердитую руку ... съ своей эспаньолкой ... смотри!

Счастливцевъ (робко).

Обрѣю-съ.

Несчастливцевъ.

А я, братъ, Аркаша, тамъ, на югѣ, разстроился совсѣмъ.

Счастливцевъ.

Отчего же такъ-съ, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ.

Характеръ, братецъ. Знаешь ты меня: левъ вѣдь я. Подлости не люблю, вотъ мое несчастіе. Со всѣми антрепренерами перессорился. Неуваженіе, братецъ, интриги; искусства не цѣнятъ, все копеечники. Хочу у васъ, на сѣверѣ, счастья попробовать.

Счастливцевъ.

Да вѣдь и у насъ то же самое; и у насъ не уживетесь, Геннадій Демьянычъ. Я вотъ тоже не ужился.

Несчастливцевъ.

Ты ... тоже!.. Сравнялъ ты себя со мной.

Счастливцевъ (обидясь).

Еще у меня характеръ-то лучше вашего, я смирнѣе.

Несчастливцевъ (грозно).

Что-о?

Счастливцевъ (отодвигаясь).

Да какъ же, Геннадій Демьянычъ-съ? Я смирный, смирный-съ ... Я никого не билъ.

Несчастливцевъ.

Такъ тебя били, кому только не лѣнь было. Ха, ха, ха! И всегда такъ бываетъ: есть люди, которые бьютъ, и есть люди, которыхъ бьютъ. Что лучше— не знаю; у всякаго свой вкусъ. И смѣешь ты ...

Счастливцевъ (отодвигаясь).

Ничего я не смѣю, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцевъ.

Не ужились?.. А тебя изъ какого это города губернаторъ-то выгналъ? Ну, сказывай?

Счастливцевъ.

Что сказывать-то? Мало ли что болтаютъ. Выгналъ ... А за что выгналъ, какъ выгналъ?

Несчастливцевъ.

Какъ выгналъ? И то слышалъ, и то извѣстно, братецъ. Три раза тебя выбивали изъ города; въ одну заставу выгонятъ, ты войдешь въ другую. Наконецъ, ужь губернаторъ вышелъ изъ терпѣнія: стрѣляйте его, говоритъ, въ мою голову, если онъ еще воротится.

Счастливцевъ.

Ужь и стрѣлять! Развѣ стрѣлять можно?

Несчастливцевъ.

Стрѣлять не стрѣляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцевъ.

Совсѣмъ и не четыре.

Несчастливцевъ.

Ну, будетъ, Аркадій! Не раздражай ты меня, братецъ! (Повелительно.) Подвигайся! (Встаетъ).

Счастливцевъ.

Подвигаюсь, Геннадій Демьянычъ. (Встаетъ.)

Несчастливцевъ.

Да, братъ, Аркадій, разбился я съ театромъ; а ужь и жаль теперь. Какъ я игралъ! Боже мой, какъ я игралъ!

Счастливцевъ (ро´ко).

Очень хорошо-съ?

Несчастливцевъ.

Да такъ-то хорошо, что ... Да что̀ съ тобой толковать! Что̀ ты понимаешь! Въ послѣдній разъ въ Лебедяни игралъ я „Велизарія“, самъ Николай Хрисанфычъ Рыбаковъ[1] смотрѣлъ. Кончилъ я послѣднюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаковъ тутъ. Положилъ онъ мнѣ такъ руку на плечо ... (Съ силою опускаетъ руку на плечо Счастливцеву.)

Счастливцевъ (присѣдая отъ удара).

Ой! Геннадій Демьянычъ, батюшка, помилосердуйте! Не убивайте! Ей-Богу, боюсь.

Несчастливцевъ.

Ничего, ничего, братъ; я легонько, только примѣръ ... (Опять кладетъ руку.)

Счастливцевъ.

Ей-Богу, боюсь! Пустите! Меня вѣдь ужь разъ такъ-то убили совсѣмъ до смерти.

---

[1] Нѣкогда извѣстный провинціальный трагикъ.

Несчастливцевъ.

(Беретъ его за воротъ и держитъ.)

Кто? Какъ?

Счастливцевъ (жмется).

Бичевкинъ. Онъ Ляпунова игралъ, а я Фидлера-съ. Еще на репетиціи онъ все примѣривался. „Я, говоритъ, Аркаша, тебя вотъ какъ въ окно выкину: этой рукой за-воротъ подниму, а этой поддержу, такъ и высажу. Такъ, говоритъ, Каратыгинъ дѣлалъ“. Ужь я его молилъ, молилъ, и на колѣняхъ стоялъ. „Дяденька, говорю, не убейте меня!“. „Не бойся, говоритъ, Аркаша, не бойся!“ Пришелъ спектакль, подходитъ наша сцена; публика его принимаетъ; гляжу, губы у него трясутся, щоки трясутся, глаза налились кровью. „Постелите, говоритъ, этому дураку подъ окномъ что-нибудь, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ его не убилъ“. Ну, вижу, конецъ мой приходитъ. Какъ я пробормоталъ сцену — ужь не помню; подходитъ онъ ко мнѣ, лица человѣческаго нѣтъ, звѣрь-звѣремъ; взялъ меня лѣвою рукой за-воротъ, поднялъ на воздухъ; а правой, какъ размахнется, да кулакомъ меня по затылку какъ хватитъ ... Свѣта я не взвидѣлъ, Геннадій Демьянычъ, сажени три отъ окна-то летѣлъ, въ женскую уборную дверь прошибъ. Хорошо трагикамъ-то! Его тридцать разъ за эту сцену вызвали; публика чуть театръ не разломала, а я на всю жизнь калѣкой могъ быть, немножко Богъ помиловалъ ... Пустите, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ.

(Держитъ его за воротъ.)

Эффектно! Надо это запомнить. (Подумавъ.) Постой-ка! Какъ ты говоришь? Я попробую.

Счастливцевъ (падая на колѣни).

Батюшка, Геннадій Демьянычъ!..

Несчастливцевъ (выпускаетъ его).

Ну, не надо, убирайся! Въ другой разъ ... Такъ вотъ положилъ онъ мнѣ руку на плечо. „Ты, говоритъ ... да я, говоритъ ... умремъ, говоритъ“ ... Закрываетъ лицо и плачетъ. Отирая слезы.) Лестно. (Совершенно равнодушно.) У тебя табакъ есть?

Счастливцевъ.

Какой табакъ, помилуйте! Крошки нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты въ дорогу идешь, а табакомъ не запасся? Глупъ.

Счастливцевъ.

Да вѣдь и у васъ нѣтъ?

Несчастливцевъ.

„У васъ нѣтъ“. Смѣешь ты мнѣ это говорить? У меня такой былъ, какого ты и не видывалъ, одесскій, первый сортъ отъ Кріона, да теперь вышелъ.

Счастливцевъ.

И у меня тоже вышелъ-съ.

Несчастливцевъ.

А денегъ съ тобой много?

Счастливцевъ.

У меня и съ роду много-то не было, а теперь копейки за душой нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же въ дорогу безъ денегъ-то? Безъ табаку и безъ денегъ. Чудакъ!

Счастливцевъ.

Лучше, не ограбятъ-съ. Да развѣ не все равно безъ денегъ-то, что̀ на мѣстѣ сидѣть, что̀ по дорогѣ идти?

Несчастливцевъ.

Ну, до Воронежа, положимъ, ты съ богомольцами дойдешь, Христовымъ именемъ пропитаешься; а дальше-то какъ? Землей Войска Донскаго? Тамъ, не то что даромъ, а и за деньги не накормятъ табачника. Облика христіанскаго на тебѣ нѣтъ, а ты хочешь по станицамъ идти: вѣдь казачки-то тебя за бѣса сочтутъ — дѣтей стращать станутъ.

Счастливцевъ.

Ужь вы не хотите-ли мнѣ взаймы дать, Геннадій Демьянычъ? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиковъ и осталась. Вотъ покойный Корнелій [1], бывало, никогда товарищу не откажетъ, послѣдними подѣлится. Всѣмъ-бы трагикамъ съ него примѣръ брать.

Несчастливцевъ.

Ну, ты этого мнѣ не смѣй говорить! И у меня тоже душа широкая; только денегъ я тебѣ не дамъ, самому, пожалуй, не хватитъ. А пожалѣть тебя, братъ Аркашка, я пожалѣю. У тебя нѣтъ тутъ, по близости, родныхъ, или знакомыхъ?

Счастливцевъ.

Нѣтъ; да вѣдь еслибъ и были, такъ они денегъ не дадутъ.

Несчастливцевъ.

Не объ деньгахъ рѣчь! А хорошо бы отдохнуть съ дороги, пироговъ домашнихъ, знаешь, наливочки попробовать. Какъ же это, братецъ ты мой, у тебя ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ? Что же ты за человѣкъ?

Счастливцевъ.

Да вѣдь и у васъ тоже нѣтъ.

---

[1] Корнелій Николаевичъ Полтавцевъ (1823—1865) былъ извѣстный драматическій артистъ московскихъ Императорскихъ театровъ.

Несчастливцевъ.

У меня-то есть, да я-было хотѣлъ мимо пройти, гордъ я очень. Да ужь, видно, завернуть.

Счастливцевъ.

Вѣдь и у родныхъ-то тоже невелика радость намъ, Геннадій Демьянычъ. Мы народъ вольный, гулящій—намъ трактиръ дороже всего. Я у родныхъ-то пожилъ, знаю. У меня есть дяденька, лавочникъ въ уѣздномъ городѣ, верстъ за 500 отсюда, погостилъ я у него, да кабы не бѣжалъ, такъ ...

Несчастливцевъ.

Что же?

Счастливцевъ.

Нехорошо-съ. Да вотъ я вамъ разскажу-съ. Шлялся я безъ дѣла мѣсяца три, надоѣло; дай, думаю, дяденьку навѣщу. Ну, и пришелъ-съ. Долго меня въ домъ не пущали, все разныя лица на крыльцо выглядывали. Наконецъ, выходитъ самъ. „Ты, говоритъ, зачѣмъ?“ „Навѣстить, говорю, васъ, дяденька“. „Значитъ, ты свои художества бросилъ?“ „Бросилъ, говорю“. „Ну, что-жь, говоритъ, вотъ тебѣ каморка, поживи у меня, только прежде въ баню сходи“. Сталъ я у нихъ жить. Встаютъ въ 4 часа, обѣдаютъ въ 10; спать ложатся въ восьмомъ часу; за обѣдомъ и за ужиномъ водки пей сколько хочешь, послѣ обѣда спать. И всѣ въ домѣ молчатъ, Геннадій Демьянычъ, точно вымерли. Дядя съ утра уйдетъ въ лавку, а тетка весь день чай пьетъ и вздыхаетъ. Взглянетъ на меня, ахнетъ и промолвитъ: „безсчастный ты человѣкъ, душѣ своей ты погубитель!“ Только у насъ и разговору. „Не пора ли тебѣ, душѣ своей погубитель, ужинать; да шелъ бы ты спать“.

Несчастливцевъ.

Чего-жь тебѣ лучше?

Счастливцевъ.

Оно точно-съ, я-было поправился и толстѣть уже сталъ, да вдругъ какъ-то, за обѣдомъ, приходитъ въ голову мысль: не удавиться ли мнѣ? Я, знаете ли, тряхнулъ головой, чтобъ она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечеромъ опять. Нѣтъ, вижу, дѣло плохо, да ночью и бѣжалъ изъ окошка. Вотъ каково нашему брату у родныхъ-то.

Несчастливцевъ.

Я бы и самъ, братецъ, не пошелъ, да, признаться тебѣ сказать, усталъ, а еще до Рыбинска съ недѣлю пропутешествуешь, да и дѣло-то найдешь ли, неизвѣстно. Вотъ, еслибы намъ найти актрису драматическую, молодую, хорошую ...

Счастливцевъ.

Тогда бы ужь и хлопотать нечего-съ, мы бы сами-съ ... Остальныхъ подобрать легко. Мы бы такую труппу составили ... Я кассиромъ ...

Несчастливцевъ.

За малымъ дѣло стало, актрисы нѣтъ.

Счастливцевъ.

Да ихъ теперь и нигдѣ нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Да понимаешь ли ты, что̀ такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мнѣ нужно? Душа мнѣ, братецъ, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцевъ.

Ну, ужь огня-то, Геннадій Демьянычъ, днемъ съ огнемъ не найдешь.

Несчастливцевъ.

Ты у меня не смѣй острить, когда я серьёзно разговариваю. У васъ, водевильныхъ актеровъ, только смѣхъ на умѣ, а чувства ни на грошъ. Бросится

женщина въ омутъ головой отъ любви — вотъ актриса. Да чтобъ я самъ видѣлъ, а то не повѣрю. Вытащу изъ омута, тогда повѣрю. Ну, видно, идти.

Счастливцевъ.

Куда-съ?

Несчастливцевъ.

Не твое дѣло. Пятнадцать лѣтъ, братецъ, не былъ; а вѣдь я чуть не родился здѣсь. Дѣтскія лѣта, невинныя игры, голубятни, знаешь ли, все это въ памяти. (Опускаетъ голову.) Что-жь, отчего ей не принять меня? Она ужь старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесятъ лѣтъ. Я ее не забывалъ, посылалъ, братецъ, ей часто подарки. Изъ Карасубазара послалъ ей туфли татарскія, мороженую нельму изъ Иркутска, бирюзы — изъ Тифлиса, кирпичнаго чаю, братецъ, изъ Ирбита, балыкъ — изъ Новочеркаска, малахитовыя четки — изъ Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы намъ съ тобой подъѣхать къ крыльцу въ каретѣ; дворня на встрѣчу ... А теперь пѣшкомъ, въ рубищѣ. (Утираетъ слезы.) Гордъ я, Аркадій, гордъ. (Надѣваетъ чемоданъ.) Пойдемъ, и тебѣ уголъ будетъ.

Счастливцевъ.

Куда же, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ.

Куда? (Указываетъ на столбъ.) Читай!

Счастливцевъ (читаетъ).

Въ усадьбу „Пеньки“, помѣщицы г-жи Гурмыжской.

Несчастливцевъ.

Туда ведетъ меня мой жалкій жребій. Руку, товарищъ. (Медленно уходятъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Старый, густой садъ; налѣво отъ зрителей невысокая терраса барскаго дома, уставленная цвѣтами; съ террасы сходъ въ три или четыре ступени.

Явленіе первое.

Гурмыжская (на террасѣ), **Булановъ** (въ саду).

Булановъ.

(Увидавъ Гурмыжскую, помогаетъ ей сойти съ террасы, и цалуетъ ея руку.)

Съ добрымъ утромъ, Раиса Павловна!

Гурмыжская.

Здравствуй, мой другъ!

Булановъ (съ участіемъ).

Какъ ваше здоровье-съ?

Гурмыжская.

Благодарю тебя, мой милый. Я здорова, и какъ-то особенно свѣжо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волненіе, и такіе все непріятные сны видѣла. Ты снамъ вѣришь?

Булановъ.

Какъ же не вѣрить-съ? Можетъ быть, еслибъ я поучился побольше, я-бъ и не вѣрилъ-съ. (Злобно улыбаясь.) А вѣдь я не доучился-съ, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снамъ вѣрю-съ.

Гурмыжская.

Бываютъ сны, которыхъ цѣлый день не выживешь изъ головы.

Булановъ.

Что́ же вы, Раиса Павловна, изволили видѣть?

Гурмыжская.

Ну, положимъ, что я тебѣ всего не скажу.

Булановъ.

Извините!

Гурмыжская.

И вины никакой нѣтъ. Другой сонъ я тебѣ скажу, а этотъ нѣтъ.

Булановъ.

Отчего же-съ?

Гурмыжская.

Оттого, что разсказывать сны иногда точно то же, что́ разсказывать свои тайныя мысли, или желанія; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Булановъ.

Такъ что́-жь, что мужчина-съ?

Гурмыжская.

Ужь это такая невинность, что изъ рукъ вонъ. Ну, я тебя видѣла.

Булановъ.

Меня? Это мнѣ очень пріятно-съ.

Гурмыжская.

Будто?

Булановъ.

Значитъ, вы обо мнѣ думали-съ, какъ почивать ложились.

Гурмыжская.

Скажите, пожалуйста! И ты этимъ очень доволенъ?

Булановъ.

Да какъ же не доволенъ-съ? Я все боюсь, что вы на меня разсердитесь за что-нибудь и прогоните къ маменькѣ.

Гурмыжская.

Ахъ, какъ это смѣшно! Да за что же мнѣ разсердиться на тебя? Бѣдный, ты меня боишься?

Булановъ.

Какъ же не бояться? Говорятъ, вы очень строги.

Гурмыжская.

Это хорошо, что такъ говорятъ. Но съ тобой, мой другъ, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Булановъ.

Хорошо-съ. Вотъ, еслибъ я зналъ ...

Гурмыжская.

Что?

Булановъ.

Какъ угодить вамъ.

Гурмыжская.

Догадайся.

Булановъ.

Догадаться-то развѣ легко-съ? Да у меня на это и ума нѣтъ.

Гурмыжская.

На что же у тебя умъ?

Булановъ.

На все, что прикажутъ; вотъ еще имѣніемъ упра-

влять, мужиками-съ. Еслибъ были крѣпостные, вамъ бы лучше меня управляющаго не найти; нужды нѣтъ, что я молодъ.

Гурмыжская.

Ахъ, этотъ сонъ! Нейдетъ изъ головы да и только.

Булановъ.

Чѣмъ же онъ васъ такъ безпокоитъ?

Гурмыжская.

Довольно трудно объяснить; но съ тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мнѣ преданъ. Вотъ видишь: у меня есть племянникъ.

Булановъ.

Я знаю-съ. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская.

Мой другъ, иногда говорятъ одно, а думаютъ совсѣмъ другое. Зачѣмъ я всякому стану объяснять свои чувства? Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Булановъ.

А въ самомъ то дѣлѣ не любите?

Гурмыжская.

Не то, что не люблю, а ... какъ тебѣ сказать ... онъ теперь лишній. Я такъ покойна, я ужь задумала, какъ мнѣ распорядиться своимъ состояніемъ, и вдругъ онъ явится. Какъ ему отказать? Надо будетъ и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю ...

Булановъ.

Такъ вы не отдавайте-съ.

Гурмыжская.

Да нельзя. За что̀-жь я ему откажу, если онъ почтителенъ и ведетъ себя хорошо! Да я здѣсь такъ себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если онъ пріѣдетъ безъ средствъ? Надо будетъ его содержать; пожалуй, захочетъ поселиться у меня. Вѣдь не выгнать же его.

Булановъ.

Прикажите мнѣ, и выгоню.

Гурмыжская (съ испугомъ).

Ахъ, сохрани тебя Богъ! Береги себя, береги! Вотъ что̀ я видѣла во снѣ: будто онъ пріѣхалъ и убилъ тебя изъ пистолета при моихъ глазахъ.

Булановъ.

Меня? Ну, еще мы это посмотримъ-съ. Да вы, Раиса Павловна, лучше о немъ не думайте, а то онъ все вамъ будетъ сниться.

Гурмыжская.

Онъ очень уменъ былъ до сихъ поръ, пятнадцать лѣтъ сюда и не заглядывалъ. Желала бы я, очень желала, чтобъ и еще пятнадцать лѣтъ такъ прошло.

Булановъ.

Такъ вы, Раиса Павловна, лучше о немъ забудьте совсѣмъ и не говорите, а то, чего добраго, накличете, пожалуй.

Гурмыжская.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы не накликать. (Входитъ Карпъ.)

Явленіе второе.

Гурмыжская, Булановъ, Карпъ.

Карпъ.

Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самоваръ готовъ-съ.

Гурмыжская.

Пойдемъ, Алексисъ!

Карпъ.

Сударыня, сегодня ночью баринъ пріѣхали.

Гурмыжская.

Баринъ? Какой баринъ?

Карпъ.

Геннадій Демьянычъ-съ.

Гурмыжская (съ испугомъ).

Неужели? Слышишь, Алексисъ? (Карпу.) Гдѣ-же онъ?

Карпъ.

Я ихъ въ бесѣдку проводилъ, тамъ и почивать имъ приготовилъ-съ. Они говорили, что остановились въ городѣ въ гостиницѣ, всю поклажу тамъ оставили, а къ намъ пѣшкомъ изъ городу замѣсто прогулки.

Гурмыжская.

Еще ничего не говорилъ?

Карпъ.

Ничего-съ. Они были не въ духѣ-съ.

Гурмыжская.

Какъ не въ духѣ?

Карпъ.

Какъ въ родѣ въ забвеніи-съ; надо полагать съ дороги-съ. Требовали бумаги и чернилъ; долго ходили по бесѣдкѣ, все думали; сѣли къ столу, написали записку и приказали вамъ отдать. (Подаетъ записку.)

Гурмыжская.

Что̀ такое? Стихи какіе-то. (Читаетъ).

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ахъ, теперь одна могила ...

Что̀ это, Алексисъ? Я не понимаю.

Булановъ.

Вы не понимаете, а мнѣ-то гдѣ же-съ?

Гурмыжская (Карпу).

Онъ спитъ?

Карпъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я ихъ сегодня не видалъ-съ.

Гурмыжская.

Ну, когда придетъ, проси въ гостиную чай кушать!

Карпъ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Гурмыжская (пожимая плечами).

Вотъ и не вѣрь снамъ. Пойдемъ, Алексисъ. (Уходятъ. Выходятъ: Несчастливцевъ, одѣтый очень прилично, на головѣ черная складная шляпа, и Счастливцевъ въ прежнемъ костюмѣ.)

Явленіе третье.

Несчастливцевъ, Счастливцевъ.

Несчастливцевъ.

Ну, Аркадій, тетушка моя женщина почтенная, строгая; и не хочу, братецъ, чтобъ она знала, что

я актеръ, да еще провинціальный. (Грозитъ пальцемъ.) Смотри, не проговорись; я Геннадій Демьянычъ Гурмыжскій, капитанъ въ отставкѣ или маіоръ, ужь какъ тебѣ угодно будетъ; однимъ словомъ, я баринъ, а ты мой лакей.

Счастливцевъ.

Какъ лакей?

Несчастливцевъ.

Такъ, просто, лакей, да и все тутъ. Нельзя-жь мнѣ тебя вести въ гостиную! Какъ я тебя представлю тетенькѣ? Она женщина набожная, въ домѣ, братецъ, тишина, скромность,— и вдругъ, представьте себѣ, — физіономія. А лакеемъ быть тебѣ, съ твоей рожей, братецъ, въ самый разъ.

Счастливцевъ.

Нѣтъ ужь, извините! Это еще неизвѣстно.

Несчастливцевъ.

Что неизвѣстно?

Счастливцевъ.

Насчетъ рожи-то.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, ужь ты, братъ, Аркадій, не сомнѣвайся.

Счастливцевъ.

Да, какъ же?

Несчастливцевъ (грозно).

Такъ же, говорю я тебѣ! Чего тебѣ еще? Накормятъ тебя здѣсь хорошо, служить ты будешь только мнѣ.

Счастливцевъ.

Да вѣдь я гордъ, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

Очень мнѣ нужно, что ты гордъ. Не тебѣ чета,

самъ Мартыновъ игралъ лакеевъ, а ты стыдишься! Какъ ты, братецъ, глупъ!

Счастливцевъ.

Да вѣдь то на сценѣ.

Несчастливцевъ.

Ну, и ты, братецъ, представь себѣ, что ты на сценѣ.

Счастливцевъ.

Нѣтъ, я не хочу. Ишь что̀ выдумали! Какъ же Я лучше уйду; и у меня есть амбиція.

Несчастливцевъ.

Я знаю, что амбиція есть; а паспортъ есть ли?

Счастливцевъ.

Вамъ что̀ за дѣло?

Несчастливцевъ.

А вотъ что̀: уйди, попробуй, такъ увидишь. Мнѣ, братецъ, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на мѣсто жительства, какъ бродяга. Я вѣдь знаю, ты двѣнадцать лѣтъ безъ паспорта ходишь. Вмѣсто паспорта, у тебя въ карманѣ статья Курскихъ губернскихъ вѣдомостей, гдѣ напечатано, что пріѣхалъ актёръ такой-то и игралъ очень скверно. Вотъ и весь твой видъ. Ну, что̀-жь ты замолчалъ? То-то же! А ты сдѣлай, братецъ, для меня! Кто тебя проситъ, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцевъ.

Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцевъ.

Ты не подумай, братецъ, что я гнушаюсь своимъ званіемъ. А неловко, братецъ; домъ такой: тишина, смиреніе. А вѣдь мы съ тобой почти черти, немного лучше. Самъ знаешь: скоморохъ попу не

товарищъ. Только ты насчетъ ссоры или драки, ну, и насчетъ чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебѣ и трудно будетъ, а постарайся, братецъ, вести себя, какъ слѣдуетъ порядочному лакею. Вотъ, во-первыхъ, сними, братецъ, картузъ да отойди къ сторонѣ, кто-то идетъ. (Входитъ Карпъ.)

Явленіе четвертое.

Несчастливцевъ, Счастливцевъ, Карпъ.

Карпъ.

Здравствуйте, батюшка баринъ! Какъ почивать изволили?

Несчастливцевъ.

Ничего, братецъ, соснулъ недурно.

Карпъ.

Что̀ это, сударь, какъ вы постарѣли?

Несчастливцевъ.

Жизнь, братецъ ...

Карпъ.

Понимаю, сударь, какъ не понимать. Тоже вѣдь эта служба ...

Несчастливцевъ.

Да, братецъ, эта служба ...

Карпъ.

Опять же, сударь, и походы ...

Несчастливцевъ (со вздохомъ).

Охъ, походы, походы!

Карпъ.

Съ мѣста на мѣсто, сударь ...

Несчастливцевъ.

Да, братъ, съ мѣста на мѣсто. Вы какъ здѣсь поживаете?

Карпъ.

Какая наша жизнь, сударь! Живемъ въ лѣсу, молимся пенью, да и то съ лѣнью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька васъ чай кушать дожидаются.

Несчатливцевъ (подходя къ террасѣ).

Послушай, Карпъ, не забудь моего Аркашку, напой чайкомъ, братецъ!

Карпъ.

Слушаю, сударь, будьте покойны. (Несчастливцевъ уходитъ.)

Счастливцевъ.

Ахъ, чортъ возьми, ушелъ, оставилъ съ хамомъ. Вотъ ужь онъ и съ разговоромъ лѣзетъ.

Карпъ.

Какъ васъ звать?

Счастливцевъ.

Сганарель.

Карпъ.

Вы кто же будете? Иностранецъ, что ли?

Счастливцевъ.

Иностранецъ буду. А васъ какъ?

Карпъ.

Карпъ Савельичъ.

Счастливцевъ.

Не можетъ быть.

Карпъ.

Вѣрно.

Счастливцевъ.

Да вѣдь Карпъ — рыба.

Карпъ.

То карпія.

Счастливцевъ.

Да что̀ карпія, что̀ карпъ — все равно. Ужь лучше бы васъ Сазаномъ Савельичемъ звали.

Карпъ.

Ну, какъ можно. Хотите чаю?

Счастливцевъ.

Нѣтъ.

Карпъ.

Какъ, нѣтъ?

Счастливцевъ.

Такъ, нѣтъ.

Карпъ.

Такъ-таки совсѣмъ и не хотите?

Счастливцевъ.

Совсѣмъ и не хочу.

Карпъ.

Да почему же такъ?

Счастливцевъ.

Потому же.

Карпъ.

Это я не понимаю.

Счастливцевъ.

Очень просто. Оно послѣ кушанья-то лучше бы...

Карпъ.

Само-собой, что лучше бы... только гдѣ взять?

Счастливцевъ.

Потрудитесь, Окунь Савельичъ!

Карпъ.

Да не окунь, Карпъ. Нѣшто у ключницы попросить?

Счастливцевъ.

Попросите да принесите къ намъ въ бесѣдку!

Карпъ.

Да ужь постараюсь для васъ.

Счастливцевъ.

Постарайтесь, Налимъ Савельичъ! (Кланяется и уходитъ.)

Карпъ.

Ахъ, шутъ гороховый! Откуда его вывезли, изъ какихъ такихъ земель? Должно быть, издалека. Вотъ такъ камардинъ. Да и то сказать — образованіе; а здѣсь что̀? Одно слово: лѣсъ. (Входятъ: Восмибратовъ и Петръ.)

Явленіе пятое.

Карпъ, Восмибратовъ, Петръ.

Карпъ.

Вамъ что̀?

Восмибратовъ.

Барыню любопытно бы видѣть, любезнѣйшій.

Карпъ.

Дожидайтесь своего термину, когда васъ позовутъ.

Петръ.

Да, чудакъ, вѣдь у насъ съ тятенькой дѣла.

Карпъ.

Нужда намъ велика до вашихъ дѣлъ! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лѣзете?

Петръ.

А ты все-таки поди доложь, попробуй!

Карпъ.

Какъ вы говорите доложить, коли заняты съ полковникомъ. Племянникъ ихній пріѣхалъ.

Восмибратовъ.

Полковникъ?

Карпъ.

Разумѣется, полковникъ ... Пятнадцать лѣтъ не видавшись.

Восмибратовъ.

Надолго?

Карпъ.

Зачѣмъ ему надолго? Совсѣмъ пріѣхали.

Восмибратовъ (подумавъ).

Строги?

Карпъ.

Само-собой, а то какъ же! Объ чемъ говорить еще! Какое званіе. Возьмите себѣ въ умъ!

Восмибратовъ (махнувъ рукой).

Ну, пущай ихъ!.. А ты все-таки въ свое время ... (Уходитъ, за нимъ Петръ.)

Карпъ.

Учите еще! (Выходятъ изъ дому Несчастливцевъ и Булановъ. Карпъ уходитъ.)

Явленіе шестое.

Несчастливцевъ и Булановъ.

Несчастливцевъ.

Какова у меня сестренка, братецъ?

Булановъ.

Да-съ.

Несчастливцевъ.

Женись, братецъ, женись!

Булановъ.

Вы одобряете?

Несчастливцевъ.

Да мнѣ-то что̀ за дѣло? Родятся люди, женятся, умираютъ; значитъ, такъ нужно, значитъ, хорошо.

Булановъ.

Прошу васъ полюбить меня-съ.

Несчастливцевъ.

Да на что̀ тебѣ моя любовь? Что̀ въ ней, братецъ, толку?

Булановъ.

Все-таки-съ.

Несчастливцевъ.

Развѣ наслѣдства ждешь? Жди, братецъ, жди! А ты вотъ что̀: ты подыграйся къ тетушкѣ, она женщина богатая. Молодъ еще ты; а, впрочемъ, какъ знать, эти способности рано открываются. Умѣешь?

Булановъ (стыдливо).

Умѣю-съ.

Несчастливцевъ.

Браво! Гдѣ же это ты научился въ такіе младенческіе годы?

Булановъ.

Чему-съ?

Несчастливцевъ.

Подыгрываться-то, братецъ, угождать, ползать-то?

Булановъ.

Нужда научитъ-съ.

Несчастливцевъ.

Нужда? А почемъ ты ее знаешь, эту нужду-то?

Булановъ.

Какъ мнѣ не знать-съ? Я въ жизни очень несчастливъ-съ.

Несчастливцевъ.

Вздоръ, не вѣрю. Ты счастливъ. Несчастливъ тотъ, кто угождать и подличать не умѣетъ. Чѣмъ ты несчастливъ? Говори!

Булановъ.

Во-первыхъ, мнѣ папенька мало наслѣдства оставилъ.

Несчастливцевъ.

А тебѣ сколько нужно?

Булановъ.

Хоть бы тысячи двѣ-три десятинъ земли-съ, или деньгами тысячъ сорокъ-съ.

Несчастливцевъ.

И ты былъ бы счастливъ? Немного же тебѣ, братецъ, надо.

Булановъ.

Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, подожди, братецъ, я тебѣ больше оставлю.

Булановъ.

Вы нарочно-съ?

Несчастливцевъ.

Ну, вотъ еще! Родныхъ у меня нѣтъ; ты мнѣ очень понравился. А еще какое несчастіе у тебя?

Булановъ.

Ученьемъ несчастливъ-съ ... я даже въ гимназіи не кончилъ-съ.

Несчастливцевъ

(снимаетъ шляпу и кланяется).

Ужь ты меня, братецъ, извини, сдѣлай милость!

Булановъ.

Въ чемъ же-съ?

Несчастливцевъ.

Въ этомъ я тебѣ помочь никакъ не могу. И радъ бы, да не могу.

Булановъ.

Да ничего, помилуйте-съ! Это и не нужно-съ; были бы деньги. Маменька говоритъ, что у меня умъ не такой, не для ученья-съ.

Несчастливцевъ.

Какой же?

Булановъ.

Практическій-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, благодари Творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бываетъ, что и никакого нѣтъ.

Булановъ.

Да и это ничего-съ. Было бы только земли побольше, да понимать свой интересъ, помѣщичій; а то и безъ ума можно прожить-съ!

Несчастливцевъ.

Да оно и лучше, головѣ легче. Такъ ума у тебя нѣтъ? Хоть папиросы есть ли? (Гурмыжская показывается на террасѣ.)

Булановъ (смѣется).

Тоже нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Чему же ты, братецъ, смѣешься? Да ты куришь, или нѣтъ?

Булановъ (тихо).

Я курю-съ, и папиросы есть, только вотъ Раиса Павловна идутъ, а при нихъ я никогда себѣ не позволяю. (Гурмыжская сходитъ въ садъ.)

Явленіе седьмое.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ, потомъ **Карпъ.**

Гурмыжская.

Я бы тебя никакъ не узнала, такъ ты измѣнился. Благодарю, что ты меня не совсѣмъ забылъ; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцевъ.

Могу ли я забыть васъ! Вы не знаете моего сердца. Я помнилъ васъ, помню и буду помнить.

Гурмыжская.

Знаю, мой другъ, и благодарю тебя за память. Ужь ничѣмъ ты мнѣ такъ не угодилъ, какъ четками.

Несчастливцевъ.

Когда я посылалъ эти четки, я думалъ: „добрая женщина, ты возьмешь ихъ въ руки и будешь молиться. О, помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ!“

Гурмыжская.

Поминаю, мой другъ, поминаю. Однако, я до сихъ поръ не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты ужь больше не служишь въ военной службѣ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ. Плохо здоровье, плохи силы, врагъ не грозитъ. Но, если ... а! .. мнѣ по душѣ кровавыя потѣхи! Служить въ мирное время для чин въ, для почестей! .. Я не честолюбивъ.

Гурмыжская.

Но я не думаю, чтобъ ты могъ жить безъ дѣла. Ты, вѣроятно, только перемѣнилъ службу?

Несчастливцевъ.

Перемѣнилъ.

Гурмыжская.

И ты доволенъ своимъ положеніемъ?

Несчастливцевъ.

Моя служба, тетушка, по мнѣ: я доволенъ и мной довольны.

Гурмыжская.

Ты въ отпускѣ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, я проѣздомъ, захотѣлось отдохнуть.

Гурмыжская.

Очень рада, что ты догадался навѣстить меня. Удобно ли тебѣ въ бесѣдкѣ?

Несчастливцевъ.

О, не безпокойтесь! Садъ, природа, зелень, уединеніе! Это рай для моей души. (Входитъ Карпъ.)

Карпъ.

Сударыня, Восмибратовъ давно дожидается-съ.

Гурмыжская.

Ахъ, да, я и забыла, что велѣла приходить ему пораньше. Позови его сюда! (Карпъ уходитъ.) Не хочешь ли погулять по окрестностямъ? Вотъ Алексисъ будетъ тебѣ товарищемъ.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, я гуляю только ночью. (Буланову.) Пойдемъ, братецъ, въ бесѣдку!

Булановъ.

Пойдемте-съ. (Уходятъ. Входятъ: Восмибратовъ и Петръ.)

Явленіе восьмое.

Гурмыжская, Восмибратовъ, Петръ.

Гурмыжская.

Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восмибратовъ.

Ничего-съ. Племянничекъ пріѣхалъ?

Гурмыжская.

Да, племянникъ.

Восмибратовъ.

Дѣло хорошее-съ. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская.

Нѣтъ, ужь я теперь тебя не задержу.

Восмибратовъ.

То-то ужь, не задерживайте-съ!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, мы сейчасъ.

Восмибратовъ.

Хорошо-съ! (Молчаніе.)

Гурмыжская.

Ты принесъ?

Восмибратовъ.

Какъ же, свое дѣло помнимъ-съ.

Гурмыжская.

Ну, такъ вотъ мы сейчасъ.

Восмибратовъ.

Хорошо, хорошо-съ. (Молчаніе.)

Гурмыжская.

Такъ какъ же, много-ль тамъ?

Восмибратовъ.

Пожалуйте-съ.

Гурмыжская.

Что?

Восмибратовъ.

Записочку-съ, условьицо-то наше.

Гурмыжская.

Да какъ же, право; я не знаю, куда я ее дѣла.

Восмибратовъ.

Поищите-съ.

Гурмыжская.

Гдѣ-жь ее искать? Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.

Восмибратовъ.

Какъ же это такъ-съ? Вѣдь вы меня такимъ манеромъ можете обидѣть.

Гурмыжская.

Что за вздоръ! Какъ я тебя обижу?

Восмибратовъ.

Да какъ только вамъ угодно, такъ и обидите. Вы записочку потеряли, я тогда съ васъ тоже, по глупости, не взялъ. Вы скажете, что за десять тысячъ продали: вѣдь ужь я лѣсъ-то срубилъ и вывезъ, торговаться теперь не станешь.

Гурмыжская.

Ну, вотъ еще! Развѣ ты меня не знаешь?

Восмибратовъ.

Ужь я на васъ въ надеждѣ-съ; потому я теперь весь въ вашихъ рукахъ-съ.

Гурмыжская.

А, впрочемъ, что-жь тебѣ сомнѣваться, Иванъ Петровичъ; я тебѣ записку приготовила новую.

Восмибратовъ.

Приготовили-съ?

Гурмыжская.

Да. Что деньги я всѣ сполна получила.

Восмибратовъ.

Да-съ. Это дѣло другое-съ. Много вами благодаренъ. Однако же, позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская.

Вотъ она! (Подаетъ записку.) Посмотри!

Восмибратовъ (принимая).

Безъ очковъ-то я не очень-съ, а въ очкахъ-то еще хуже. Да вотъ сынъ прочитаетъ. Петръ, читай! (Отдаетъ записку Петру.)

Петръ (читаетъ).

„За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову ...“

Восмибратовъ.

Да-съ, это такъ точно-съ!

Петръ (читаетъ).

„... на срубъ лѣсъ въ пустошахъ: Горѣлой и Палёной ...“

Восмибратовъ.

Онѣ самыя-съ.

Петръ (читаетъ).

„... и двѣ десятины въ Пылаевой, деньги всѣ сполна получила, калиновская помѣщица Раиса Гурмыжская.“

Восмибратовъ (беретъ записку).

Очень хорошо-съ. (Вынимаетъ бумажникъ и тщательно укладываетъ въ него записку.) Извольте получить-съ. (Вынимаетъ деньги и считаетъ.) Тысяча ... тысяча триста, пятьсотъ, семьсотъ ... (задумывается и какъ будто вспоминаетъ) восемьсотъ. Пожалуйте-съ! (Подаетъ Гурмыжской.)

урмыжская.

Какъ же тысяча восемьсотъ? Да, вѣдь, мнѣ нужно ...

Восмибратовъ.

Виноватъ-съ, простите великодушно! Вотъ память-то! (Вынимаетъ деньги и подаетъ.) Еще двѣсти рублей! Теперь такъ точно. Кажется, такъ? Петрушка, такъ? Что-жь ты молчишь? (Грозно.) Говори, дерево стоеросовое!

Петръ.

Такъ-съ!

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, ты шутишь со мной? Три, а не двѣ.

Восмибратовъ (обидясь).

Какія три? Что вы, помилуйте!

Гурмыжская.

Развѣ ты забылъ? За одинъ полторы и за другой полторы.

Восмибратовъ.

Нельзя этому быть-съ, по разсчету не выходитъ-съ.

Гурмыжская.

По какому разсчету?

Восмибратовъ.

Гдѣ-жь у меня глаза-то-съ? Нѣшто такой лѣсъ за три тысячи покупаютъ? Вѣдь мы тоже норовимъ, чтобъ безъ убытку.

Гурмыжская.

Я на тебя надѣялась, я тебя всѣмъ хвалила, что ты хорошій, семейный человѣкъ ...

Восмибратовъ.

Это въ составъ не входитъ-съ.

Гурмыжская.

Если ты такъ, я не согласна.

Восмибратовъ.

Какъ вамъ угодно-съ. Прощенія просимъ. Пойдемъ, Петръ!

Гурмыжская.

Да я не согласна продать тебѣ за эту цѣну Паленую и Пылаеву. Ну, разсуди самъ. Вѣдь есть у тебя разсудокъ?

Восмибратовъ.

Какъ не быть? Намъ безъ него нельзя-съ. Это вотъ вашей милости точно, что разсудку не тре-

оуется, потому вы за готовымъ и такъ проживете. Если несогласны продавать, пожалуйте деньги назадъ; надо какой-нибудь конецъ сдѣлать.

Гурмыжская.

Полторы тысячи за Горѣлую оставлю, а пятьсотъ возьми.

Восмибратовъ.

Нѣтъ, я вижу, намъ долго торговаться-съ. Я за Паленую и Пылаеву меньше двухъ тысячъ не возьму, и то съ васъ только.

Гурмыжская.

Какъ не возьмешь?

Восмибратовъ.

Да такъ же-съ. Я ихъ купилъ у васъ; за что, значитъ, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская.

Если я тебѣ отдамъ двѣ тысячи, мнѣ за Горѣлую ничего не останется.

Восмибратовъ.

Это ужь ваше дѣло-съ.

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не хочу.

Восмибратовъ.

Ежели бы вы для насъ, такъ и мы бы для васъ; а вы нашимъ родомъ и званіемъ гнушаться изволите ...

Петръ.

Тятенька!

Восмибратовъ.

Убью!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ. Ты возьми пятьсотъ рублей.

Восмибратовъ.

Чего ежели невозможно, зачѣмъ говорить! Пойдемъ, Петръ!

Гурмыжская.

Такъ какъ же?

Восмибратовъ.

Это и малый ребенокъ пойметъ. Лѣсъ я у васъ купилъ, деньги вамъ отдалъ, вы мнѣ росписочку дали; значитъ, лѣсъ мой, а деньги ваши. Теперь поклонъ, да и вонъ. Прощенья просимъ! (Уходитъ; за нимъ Петръ.)

Гурмыжская.

Что-жь это такое? Денной грабежъ! Удивительное дѣло, ничего-то мнѣ въ жизни не удалось ни купить, ни продать, чтобъ меня не обманули. Видно, ужь такъ мнѣ на роду написано. (Уходитъ на террасу. Входятъ: Несчастливцевъ и Булановъ.)

Явленіе девятое.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ.

Булановъ.

Какъ вы фокусы дѣлаете безподобно-съ! Какъ же это у васъ девятка-то ...

Несчастливцевъ.

Вольтъ, братецъ.

Булановъ.

Научите меня вольты дѣлать!

Несчастливцевъ.

Зачѣмъ?

Булановъ

Вотъ видите ли, помѣщики у насъ кругомъ бо-

гатые ... иногда въ карты-съ ... что-жь мнѣ за разсчетъ проигрывать; я человѣкъ бѣдный-съ.

Несчастливцевъ.

Да ты, братецъ, молодецъ совсѣмъ.

Гурмыжская (сходя съ террасы).

Представь, Алексисъ, я продала Ивану Петрову лѣсъ за три тысячи, а получила только двѣ.

Булановъ.

Какъ же это-съ?

Гурмыжская.

Я сама виновата: я ему впередъ росписку отдала, что я всѣ сполна получила, ну, онъ и далъ только двѣ.

Несчастливцевъ (грозно).

Ахъ, анаѳема!

Булановъ.

Зачѣмъ же вы такъ-съ? Ахъ, какая жалость! Лучше бы ...

Гурмыжская.

Ужъ теперь нѣчего дѣлать, мой другъ; хорошо что и двѣ-то далъ.

Несчастливцевъ (съ жаромъ).

Какъ нѣчего? Воротить его. (Поднимая глаза къ небу.) Что я съ нимъ сдѣлаю! Боже, что я съ нимъ сдѣлаю!

Булановъ.

Да вѣдь у него росписка.

Несчастливцевъ.

Толкуй еще! Нужно мнѣ очень росписки знать! Гдѣ онъ? Подайте его сюда. Что я съ нимъ сдѣлаю! (Входятъ: Карпъ и Счастливцевъ.)

Гурмыжская (Буланову).

Ахъ, какой онъ страшный! Пойдемъ, пойдемъ!

Булановъ.

Позвольте, я останусь; любопытно-съ. (Гурмыжская уходитъ.) Ушелъ Иванъ Петровъ?

Карпъ.

Нѣтъ еще, здѣсь, на дворѣ-съ.

Несчастливцевъ.

Вороти этого мошенника! Я его! .. За-воротъ тащи. (Карпъ уходитъ.) Аркашка, подай мои ордена! (Счастливцевъ уходитъ.)

Булановъ.

Что же вы съ нимъ будете говорить?

Несчастливцевъ.

Почемъ я знаю, братецъ, что я буду говорить!

Булановъ.

Да развѣ можно противъ документовъ-съ?

Несчастливцевъ.

А вотъ я тебѣ покажу, что можно. Что мнѣ за дѣло до документовъ, я не подьячій. Да отстань ты отъ меня, мнѣ теперь, братецъ, не до тебя. (Счастливцевъ приноситъ бутафорскіе ордена, Несчастливцевъ надѣваетъ ихъ.)

Булановъ.

Какіе же это ордена-съ? Иностранные? (Входятъ: Карпъ, Восмибратовъ и Петръ.)

Явленіе десятое.

Несчастливцевъ, Булановъ, Счастливцевъ, Восмибратовъ, Петръ, Карпъ.

Восмибратовъ.

Чего еще? Какая такая надобность? У насъ тоже свое дѣло есть, разговоры-то ужь намъ надоѣли.

Карпъ.

Пожалуйте! Мнѣ что, коли требуютъ.

Булановъ.

Это иностранные ордена-съ?

Несчастливцевъ.

Иностранные. Оставь, братецъ, меня въ покоѣ! (Восмибратову.) Поди сюда!

Восмибратовъ.

Желаю здравствовать, ваше высокородіе! Имени, отечества не знаю-съ ...

Несчастливцевъ.

Поди сюда, говорятъ тебѣ!

Восмибратовъ (сыну).

Петрушка, отдайся къ сторонѣ! Отойди маненько! Вотъ такъ-то! (Несчастливцеву.) Что же будетъ вамъ угодно-съ?

Несчастливцевъ.

Не могу же я съ тобой за версту разговаривать.

Восмибратовъ.

Можетъ, на ухо крѣпки-съ, такъ мы подойдемъ, важности не состоитъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты посмѣлъ подумать? ..

Восмибратовъ.

Позвольте-съ!

Несчастливцевъ.

Молчи! Такая женщина! И ты ...

Восмибратовъ.

Какая женщина? Позвольте-съ ...

Несчастливцевъ.

Какая женщина? Онъ спрашиваетъ! Молчи, говорятъ тебѣ! Женщина, передъ которой всѣ, всѣ, даже я ... я благоговѣю! И ты, презрѣнный алтынникъ! ..

Восмибратовъ.

Насчетъ чего же это-съ?

Несчастливцевъ.

Не перебивай меня! Благодари Бога, что у меня еще есть капля терпѣнія! Горе тебѣ, если его не будетъ! (Грозитъ пальцемъ.)

Восмибратовъ.

Петрушка! Что ты ротъ разинулъ? Стой хорошенько!

Несчастливцевъ.

Несчастный! Не становись между львомъ и его ...

Восмибратовъ.

Что же вы кричите? Вы будете кричать, я буду кричать, будетъ базаръ, а толку не выдетъ.

Несчастливцевъ.

Ты, ты? .. Ты будешь кричать?

Восмибратовъ.

Да отчего-жь не кричать, коли здѣсь такое заведеніе? Мы промежъ себя говоримъ тихо, потому у насъ глухихъ нѣтъ.

Несчастливцевъ (Буланову).

Что онъ говоритъ? Что онъ говоритъ? Что онъ смѣетъ говорить?

Булановъ.

Да-съ.

Несчастливцевъ.

Боже великій! И онъ живъ еще? Я еще не убилъ его?

Восмибратовъ.

Это на что же-съ! А вы позвольте, что вамъ угодно? Потому мнѣ тутъ даромъ гостить нѣчего.

Несчастливцевъ.

Что мнѣ угодно? Онъ спрашиваетъ, что мнѣ угодно? А! Ха, ха, ха! Мнѣ угодно сказать тебѣ, что ты мошенникъ.

Восмибратовъ.

Нѣтъ, вы ужь это оставьте! Ни къ чему не ведетъ. По нынѣшнему времени это лишнее.

Петръ.

Какіе комплименты!

Восмибратовъ.

Петрушка, поди сюда!

Петръ.

Я здѣсь, тятенька.

Восмибратовъ.

Коли есть дѣло, такъ говорите, а нѣтъ, такъ прощенья просимъ. Да вотъ что, лучше ко мнѣ пожалуйте, мнѣ дома-то слободнѣе разговаривать. Петръ, пойдемъ!

Несчастливцевъ (грозно).

Постой!

Петръ.

За постой-то деньги платятъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты обманулъ честную женщину?

Восмибратовъ.

Обманъ! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетенькѣ вѣрите, а мнѣ нѣтъ?

Несчастливцевъ.

Онъ спрашиваетъ ... Она кроткая, какъ ангелъ, и онъ ... (Всплеснувъ руками.) Онъ еще разговариваетъ! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего стóитъ!

Восмибратовъ.

Петрушка, стань тутъ!

Петръ.

Однако, тятенька, ужь довольно бы этихъ куплетовъ слушать ...

Несчастливцевъ.

Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратовъ.

Этого у нихъ никто не отнимаетъ, только что разсудку ... въ умаленіи.

Несчастливцевъ.

Что̀ твой разсудокъ! На что̀ твой разсудокъ? Разсудокъ вершокъ, золотникъ, гранъ; а честь безконечна. И ея-то у тебя нѣтъ.

Восмибратовъ.

Нѣтъ ужь, баринъ, ты что̀ хочешь говори, а чести не трошь; судиться буду. Какъ такъ у меня чести нѣтъ? Коли я свои документы оправдываю — вотъ моя и честь. Да про меня спроси на сто верстъ, всѣ тебѣ то же скажутъ. Мало тебѣ, я самъ про себя скажу, что я — честный человѣкъ. Ужь насчетъ тамъ чего другого я не хвалюсь, а насчетъ чести я вотъ что̀ скажу, баринъ: я не человѣкъ, я — правило.

Несчастливцевъ

(садится къ столу и опускаетъ голову).

Ступай!

Восмибратовъ.

Чего ступай?

Несчастливцевъ.

Довольно! Пошелъ вонъ! О, люди, люди!

Восмибратовъ.

Чего довольно? Нѣтъ, погоди. Хочешь, баринъ, я тебя однимъ словомъ убью?

Несчастливцевъ.

Меня?

Восмибратовъ.

Да, тебя. (Подходитъ, вынимаетъ бумажникъ и бросаетъ на столъ.) Видалъ ты это?

Несчастливцевъ.

Что̀ такое?

Восмибратовъ.

Можетъ, твоя тетенька сама забыла: ну, да Богъ съ ней, ты ей вѣришь, бери на свою совѣсть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Булановъ.

Берите скорѣй!

Несчастливцевъ (Буланову).

Пошелъ прочь! (Восмибратову, отдавая бумажникъ.) Отдай самъ!

Восмибратовъ.

То-то самъ. (Отсчитываетъ деньги.) Вотъ я какой человѣкъ. Въ поминанье меня запишите!

Несчастливцевъ.

Руку!

Восмибратовъ.

Чего руку! (Подаетъ руку.) Давно бы такъ. Я какой человѣкъ? Ты, должно быть, баринъ, знаешь мой

характеръ? Коли меня раздразнить, я въ задоръ войду — все отдамъ. Точно, что мы торговались за три, кажись, а навѣрное не скажу . . . Документовъ нѣтъ, моя воля. На вотъ, отдай имъ тысячу рублей. А все таки скажу: не порядокъ. (Входитъ Гурмыжская.)

Явленіе одиннадцатое.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ, Счастливцевъ, Восмибратовъ, Петръ и Карпъ.

Несчастливцевъ

(подавая Гурмыжской деньги).

Вотъ ваши деньги, получите. (Отходитъ къ сторонѣ и стойтъ, скрестя руки и опустя голову.)

Гурмыжская.

Очень тебѣ благодарна, мой другъ!

Восмибратовъ.

Получили-съ? А только еслибъ не баринъ, не видать бы вамъ этихъ самыхъ денегъ. Да и я-то бы противъ себя виноватъ былъ; потому тоже совѣсть.

Гурмыжская.

Ты на меня не сердись, Иванъ Петровичъ! Я женщина, съ меня строго взыскать нельзя. Сдѣлай милость, пріѣзжай ко мнѣ завтра обѣдать.

Восмибратовъ.

Отъ хлѣба, отъ соли не отказываются. Да тамъ еще насчетъ пеньковъ . . .

Гурмыжская.

Ну, и насчетъ пеньковъ.

Восмибратовъ.

Прощенія просимъ! Прощай, баринъ сердитый! Петръ, пойдемъ. (Уходитъ; за нимъ Петръ и Карпъ.)

Гурмыжская (Несчастливцеву).

Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! А ты знаешь ли вѣдь я тебѣ еще должна ровно такую сумму. (Какъ-бы спохватившись, торопливо прячетъ деньги.)

Несчастливцевъ.

Не вѣрю.

Гурмыжская (запирая коробку).

Я твои деньги берегу, мой другъ, берегу!

Несчастливцевъ.

Ахъ, тетушка, оставьте свои хитрости! Какъ вамъ не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мнѣ денегъ, да не знаете, какъ это сдѣлать поделикатнѣе. Вы мнѣ должны! Ну, и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мнѣ не нужны деньги, я богатъ.

Гурмыжская.

Ну, какъ хочешь, мой другъ.

Счастливцевъ (про себя).

Что̀ онъ ломается безъ копейки-то?

Гурмыжская (взглянувъ на Буланова).

Я надѣюсь, что ты погостишь у насъ.

Несчастливцевъ.

Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская.

Что̀-жь такъ мало?

Несчастливцевъ.

Съ меня довольно. Навѣстить родные кусты, вспомнить дни глупаго дѣтства, безпечной юности... Кто знаетъ, придется ли еще разъ предъ вратами вѣчности ...

Гурмыжская.

Не думаешь ли ты, что стѣснишь меня? Напротивъ, я была бы очень рада!

Несчастливцевъ.

Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернистъ; но я не сойду съ него.

Гурмыжская

(показываетъ глазами Буланову, что она очень довольна).

Какъ хочешь, мой другъ. Я думала, что тебѣ будетъ здѣсь покойнѣе.

Несчастливцевъ.

Мой покой въ могилѣ. Здѣсь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью къ вамъ, грудь моя полна теплыхъ слезъ. (Утираетъ слезы.) Довольно милостей, довольно ласкъ! Я сдѣлаюсь идолопоклонникомъ, я буду молиться на тебя! (Закрываетъ лицо рукою и уходитъ. Счастливцевъ идетъ за нимъ, но останавливается и смотритъ изъ-за куста.)

Явленіе двѣнадцатое.

Гурмыжская, Булановъ, Счастливцевъ (за кустомъ).

Гурмыжская.

Ушелъ. Ну, теперь я покойна, онъ мнѣ не помѣшаетъ. Онъ какой-то восторженный! Просто мнѣ кажется, онъ глупый человѣкъ. А какъ я давеча испугалась! Какъ онъ страшенъ!

Булановъ.

Нѣтъ, это ничего-съ, это съ простымъ народомъ очень хорошо-съ.

Гурмыжская.

Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой другъ!

Этотъ сонъ у меня изъ головы нейдетъ ... У него такой бѣшеный характеръ.

Булановъ.

Да не безпокойтесь, мы съ нимъ цодружились.

Гурмыжская.

Я никакъ не ожидала ... Самъ отъ денегъ отказывается! Какъ это мило съ его стороны! И напрасно я напоминала про этотъ долгъ. Съ чего это я расчувствовалась? Играешь-играешь роль, ну, и заиграешься. Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я не люблю денегъ отдавать.

Булановъ.

Я не знаю, я еще молодъ-съ; а умные люди говорятъ, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская.

Да я не скупа; кого я полюблю, тому я все отдамъ.

Булановъ.

А у васъ много денегъ-съ?

Гурмыжская.

Много. Вотъ посмотри! (Открываетъ коробку. Булановъ смотритъ и вздыхаетъ.) И всѣ эти деньги я отдамъ тому, кого полюблю.

Булановъ

(съ глубокимъ вздохомъ).

Охъ-съ!

Гурмыжская.

Вотъ, что я хотѣла тебѣ сказать, Алексисъ! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчикомъ; это мнѣ не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это въ тебѣ отъ бѣдности. Ну, мы какъ-нибудь этому горю помо-

жемъ, сдѣлаемъ тебя посолиднѣе. Я хочу, чтобъ ты былъ посолиднѣе, Алексисъ. На-дняхъ ты поѣдешь въ губернскій городъ, закажи себѣ побольше хорошаго платья, попросторнѣе, купи дорогіе золотые часы съ цѣпочкой, ну, и прочее ... Кромѣ того, нужно, чтобъ у тебя постоянно было много денегъ въ карманѣ; это придастъ тебѣ aplomb. (Вынимаетъ изъ коробочки деньги, которыя ей передалъ Несчастливцевъ.) Это деньги глупыя, я ихъ получила случайно. Я тебѣ ихъ дарю.

Булановъ (потерявшись).

Мнѣ-съ? (Беретъ деньги.) Благодарю-съ. (Цалуетъ руку.) Солиднымъ приказываете быть? Буду-съ.

Гурмыжская.

Пойдемъ, составимъ списокъ, что̀ тебѣ купить въ городѣ. (Уходятъ.)

Счастливцевъ.

Прощай, денежки! Охъ, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе четвертое.

Другая часть сада: направо бесѣдка, налѣво садовая скамья; вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

Явленіе первое.

Несчастливцевъ и Счастливцевъ.

Несчастливцевъ.

Ты, Аркадій, поужиналъ?

Счастливцевъ.

Поужиналъ.

Несчастливцевъ.

Хорошо тебя, братецъ, накормили?

Счастливцевъ.

Отлично. Умный человѣкъ, Геннадій Демьянычъ, нигдѣ не пропадетъ.

Несчастливцевъ.

Умный? Это ты про кого же?

Счастливцевъ.

Про себя-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, кто-жь это тебѣ сказалъ, что ты умный? Ты, братецъ, не вѣрь, тебя обманули.

Счастливцевъ.

Даже очень умный-съ. Вотъ, во-первыхъ, я ѣмъ

съ барскаго стола, я сказалъ, что такъ пріученъ у васъ; а, во-вторыхъ, сошелся съ ключницей, и по этому случаю, Геннадій Демьянычъ, занялъ у нея денегъ, да еще у меня бутылка наливки въ уголку подлѣ кровати, будто вакса.

Несчастливцевъ.

Для перваго дебюта недурно, Аркашка. Ты, братъ, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцевъ.

Я-то хорошо; вы-то какъ?

Несчастливцевъ.

Я нынче счастливъ, Аркадій; я сдѣлалъ хорошее дѣло.

Счастливцевъ.

Да-съ, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцевъ.

Что?

Счастливцевъ.

Ампошѐ.

Несчастливцевъ.

Я тебѣ такое „ампошѐ“ задамъ!

Счастливцевъ.

Сколько денегъ въ рукахъ было! Ахъ, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ.

Были, да сплыли.

Счастливцевъ.

Зачѣмъ же вы ихъ отдали?

Несчастливцевъ.

Ты помѣшался, Аркашка! Какъ зачѣмъ? Онѣ не мои.

Счастливцевъ.

Вотъ еще важность! Сейчасъ „давай Богъ ноги“! Въ городъ, на тройку ... Покатили-бы!.. Потомъ на пароходъ въ Ярославль, туда-сюда, а тамъ въ Нижній на ярмарку!

Несчастливцевъ.

Удавить тебя, Аркашка, я такъ думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнѣе.

Счастливцевъ.

Удавить! Вотъ вы говорите, что умны; а гимназистъ-то, видно, умнѣе; онъ здѣсь получше вашего роль-то играетъ.

Несчастливцевъ.

Какая роль, братецъ? Ну, что онъ такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцевъ.

Какая роль? Первый любовникъ-съ.

Несчастливцевъ.

Любовникъ? (Грозно.) Чей?

Счастливцевъ

(комически-подобострастно).

Тетеньки вашей.

Несчастливцевъ.

Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожнѣй, не болтай лишняго, за это вашего брата бьютъ.

Счастливцевъ.

Ну да, бьютъ ...

Несчастливцевъ.

И очень больно.

Счастливцевъ.

Какъ же не бить! (Отходитъ къ кустамъ.) Онъ-то любовника играетъ, а вы-то ... (изъ-за куста) простака.

Несчастливцевъ (наступая).

Я простака? Я?

Счастливцевъ

(перебѣгая на другую сторону).

Надъ которымъ смѣются.

Несчастливцевъ (наступая).

Надо мной смѣются? Кто? Кто? Говори, несчастный!

Счастливцевъ (отступая).

Да будетъ вамъ пугать-то! Я убѣгу ... Чѣмъ же я виноватъ, я самъ слышалъ, своими ушами.

Несчастливцевъ.

Да кто? Проклятіе!

Счастливцевъ.

Тетенька съ Булановымъ.

Несчастливцевъ (хватаясь за голову).

О!

Счастливцевъ.

Дуракомъ называли. (Прячется за кустъ.)

Несчастливцевъ.

Аркашка! Иль тебѣ твоя гнусная жизнь надоѣла? Такъ поди, удавись самъ! Не заставляй меня марать рукъ объ тебя!

Счастливцевъ.

Были деньги, да взять не съумѣли: по усамъ текло, да въ ротъ не попало. А еще меня въ товарищи звали! Коли товарищи, такъ все пополамъ,— тутъ и моя часть была.

Несчастливцевъ.

Да вѣдь я тебя въ товарищи-то не на разбой звалъ.

Счастливцевъ.

Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцевъ.

Аркашка! Ты пьянъ, что̀ ли?

Счастливцевъ.

Ну, такъ что̀-жь, что пьянъ! И горжусь этимъ.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, убить, убить, и кончено дѣло! И разговаривать нечего!

Счастливцевъ (отступая).

Ну, да какъ не убить! (Изъ-за куста.) Руки коротки! (Убѣгаетъ.)

Несчастливцевъ.

Онъ солгалъ, безстыдно солгалъ. О, какъ гнусенъ можетъ быть человѣкъ! Но если ... Пусть лучше онъ лжетъ, чѣмъ говоритъ правду! Я только прибью его ... Но если моя благочестивая тетушка, этотъ образецъ кротости и смиренія ... О, я тогда заговорю съ ней по своему. Посмѣяться надъ чувствомъ, надъ теплыми слезами артиста! Нѣтъ, такой обиды не прощаетъ Несчастливцевъ! (Уходитъ. Входитъ Карпъ.)

Явленіе второе.

Карпъ, потомъ **Улита.**

Карпъ.

Поужинали; барыня въ спальню ушла, можно и отдохнуть. (Садится на скамью. Входитъ Улита и осматривается.) Погулять вышли?

Улита.

Да, Карпъ Савельичъ. Ночь ужь очень ...

Карпъ.

Дѣйствительно ... располагаетъ ... Что-жь, погуляйте! И то сказать, живой человѣкъ, а живой о живомъ и думаетъ.

Улита.

Вы это про что же?

Карпъ.

Хоть бы про васъ.

Улита.

Въ какихъ смыслахъ?

Карпъ.

Сами можете понять.

Улита.

Нѣтъ, однако?

Карпъ.

Да мнѣ что! Какъ хотите! Я вамъ не мужъ!

Улита.

Это даже очень глупо, что вы говорите.

Карпъ.

Ужь это какъ вамъ будетъ угодно.

Улита.

Не понимаю, какъ люди завсегда во всемъ только дурное видятъ.

Карпъ.

Ничего я ни дурного, ни хорошаго не вижу; а только что удивительно ...

Улита.

Что удивительно?

Карпъ.

При вашихъ такихъ лѣтахъ ...

Улита.

Какихъ такихъ? Вы на моихъ крестинахъ не были. Нѣчего вамъ говорить-то, я вижу.

Карпъ.

Васъ отъ разговору моего не убудетъ.

Улита.

Сидите тутъ, какъ филинъ, да прибираете, что̀ въ голову придетъ.

Карпъ.

Стало быть, я вамъ здѣсь мѣшаю?

Улита.

Это къ чему еще? Напрасно вы такъ обо мнѣ понимаете! (Входитъ Счастливцевъ.)

Явленіе третье.

Карпъ, Улита, Счастливцевъ.

Счастливцевъ.

Честна̀я компанія!

Улита.

Милости просимъ!

Карпъ.

Вашъ спитъ?

Счастливцевъ (садясь).

Кто его знаетъ!

Улита.

Вы долго у насъ прогостите?

Счастливцевъ.

Что̀ намъ здѣсь дѣлать?

Карпъ.

А слѣдовало бы. Порядокъ другой: вотъ давеча Иванъ Петровъ сейчасъ деньги отдалъ.

Улита.

Конечно, мужчина.

Карпъ.

А барынѣ гдѣ же! Добрые люди прикупаютъ, а мы все продаемъ. Что одного лѣсу продано, что прочаго! Набьетъ барыня полну коробку деньгами, и держитъ ихъ, и гроша никто не выпроситъ; а тутъ вдругъ и полетятъ тысячи, и полетятъ.

Счастливцевъ.

Развѣ летаютъ?

Карпъ.

Летаютъ.

Улита.

Все бѣднымъ, да родственникамъ.

Счастливцевъ (не слушая).

Вотъ бы поймать.

Карпъ.

Да и ловятъ.

Улита.

Все бѣднымъ, да родственникамъ.

Карпъ.

Какъ не родственникамъ!

Улита.

А кому же, по-вашему?

Карпъ.

Знаемъ мы, кому.

Улита.

Вы бы стыдились хоть при постороннихъ-то!

Карпъ.

Что его стыдиться? Онъ нашъ братъ, стало быть, чего же ...

Улита.

Кажется, ужь про насъ на всю губернію извѣстно, объ нашей примѣрной жизни.

Карпъ.

Я про деревню и не говорю; вотъ развѣ, что дальше будетъ. А въ Петербургѣ, а въ Москвѣ?

Улита.

Все-таки вы не должны барыню осуждать.

Карпъ.

Да развѣ я осуждаю? Барыня добрая, служить намъ хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, такъ мнѣ вѣрнѣй знать, кому ихъ посылаютъ, родственникамъ или нѣтъ.

Счастливцевъ.

Любопытный разговоръ.

Улита.

Ничего любопытнаго нѣтъ. Что вы! Онъ все сочиняетъ.

Карпъ.

Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межуетъ, посылали?

Улита.

Ахъ, ахъ! Какъ это вамъ не стыдно!

Карпъ.

Ну, что еще! Какой разговоръ! Я правду

люблю. Однако же, и спать. Ну, васъ! Счастливо оставаться!

Счастливцевъ.

Прощайте, Осетръ Савельичъ!

Карпъ.

Ужь ты мнѣ, балагуръ! (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Счастливцевъ и Улита.

Улита.

Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотѣлось вамъ угодить, а ужь право не знаю.

Счастливцевъ.

Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее дѣлаете.

Улита.

Я слова эти ваши не иначе, какъ въ шутку принимаю. Хотите, я вамъ завтра къ чаю сливокъ принесу?

Счастливцевъ.

Сдѣлайте одолженіе, только отъ бѣшеной коровы.

Улита.

Ахъ, я васъ не понимаю.

Счастливцевъ.

То есть, рому. Онъ такъ у насъ называется.

Улита.

Поищу.

Счастливцевъ.

Поищите, если любите! ...

Улита.

Вотъ вы сказали: „если любите!“ Знаете, что̀ я вамъ скажу на это?

Счастливцевъ.

Нѣтъ, не знаю.

Улита.

Вы вотъ это слово сказали мнѣ въ насмѣшку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливцевъ.

За что̀ же, помилуйте! Я очень доволенъ.

Улита.

Мужчины завсегда довольны, потому на нихъ отвѣту нѣтъ. А вы возьмите наше дѣло! Бывало ... и вспоминать-то смерть, такъ жизнь-то, не живя, и коротали. Замужъ тебя не пускаютъ, любить тоже никого не приказываютъ ... у насъ насчетъ любви большой запретъ былъ. Ну, одно средство: къ барынѣ поддѣлываешься. Ползаешь, ползаешь передъ барыней-то, то есть, хуже, кажется, всякой твари послѣдней; ну, и выползаешь себѣ льготу маленькую; сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому вѣдь оно живое, тоже своего требуетъ. Ужь и какъ эта крѣпость людей уродуетъ! Про себя вамъ скажу ... Да вамъ слушать-то будетъ скучно ... Само-собой, во всемъ этомъ одна только подлость. И не хочу я разстроивать ни себя, ни васъ, потому какъ вы мнѣ милы. (Оглядываясь.) Никакъ, вашъ баринъ?

Счастливцевъ.

Бить меня идетъ.

Улита.

Ахъ, жалости какія!

Счастливцевъ.

Я присяду, а вы меня загородите; авось не замѣтитъ. (Присѣдаетъ.) Что̀, идетъ, приближается?

Улита.

Нѣтъ, назадъ пошелъ; только такъ дико посмотрѣлъ. Какой у него взглядъ! Ужасти просто; такъ тебя въ дрожь ...

Счастливцевъ (встаетъ).

Варваръ!

Улита.

Какъ же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастливцевъ.

Да какой онъ мнѣ баринъ! Я такой же, какъ и онъ. Ишь ломается, благо горло-то широко.

Улита.

Что̀ вы это говорите? У нихъ барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у нихъ никакъ невозможно.

Счастливцевъ.

Кто у него отнимаетъ? Я говорю только, что мы съ нимъ равные, оба актёры, онъ — Несчастливцевъ, я — Счастливцевъ, и оба пьяницы.

Улита.

Актёры? Ахъ, что̀ вы! Что̀ вы!

Счастливцевъ.

Больше десяти лѣтъ по Россіи-то бродимъ, изъ театра въ театръ, какъ цыгане. Оттого онъ и не былъ у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита.

Ахъ, ужасти!

Счастливцевъ

Вотъ и теперь въ Вологду пѣшкомъ ~~идетъ~~ съ сумочкой. Нельзя-жь ему безъ лакея показаться, онъ дворянинъ, ну, и укланялъ меня. Такъ и обра-

щайся хорошенько. Я еще на провинціи-то получше его считаюсь, нынче оралы-то не въ модѣ.

Улита.

Что̀ только я слышу отъ васъ!

Счастливцевъ.

Думаетъ здѣсь попользоваться чѣмъ-нибудь отъ тетушки. Ужь просилъ бы прямо на бѣдность; такъ, видишь, стыдно. Давеча оплошалъ, не удалось зажать деньги-то; вотъ теперь на меня за это бѣсится. Самой низкой души человѣкъ! Въ карты давеча игралъ съ гимназистомъ, заманивалъ его. Ужь я ушелъ отъ нихъ; обыграетъ его, думаю, отниметъ деньги, да еще прибьетъ. Да такъ и будетъ; ему это не въ первòй! Онъ убьетъ когонибудь, съ нимъ въ острогъ попадешь. Вся ухватката разбойничья, Пугачевъ живой.

Улита.

Хорошо, что вы мнѣ сказали. Прощайте!

Счастливцевъ.

Адью, монъ плезиръ.

Улита (съ испугомъ).

Я ужь пойду! Ахъ, страсти!

Счастливцевъ.

А, испугалась! А я такъ все чертей игралъ, прыгалъ вотъ такъ по сценѣ. (Прыгаетъ и кричитъ.) У! У!

Улита.

Батюшки мои! Ужь вы меня извините!

Счастливцевъ.

Да что̀ мнѣ въ твоемъ извиненіи! Провалитесь вы и съ усадьбой-то! Я вотъ убѣгу отъ васъ. Будьте вы прокляты! (Улита убѣгаетъ.) Ушелъ бы сейчасъ, да боюсь: по деревнѣ собакъ пропасть. Экой народъ проклятый! Самимъ ѣсть нѣчего, а собакъ раз-

вели. Да и лѣсомъ-то одному страшно. Придется въ бесѣдкѣ переночевать; надо же туда идти, тамъ библіотека и наливка осталась. А какъ сунешься? Онъ не спитъ еще, такой монологъ прочитаетъ! Пожалуй, вылетишь въ окно, не хуже Фидлера. Пойду, поброжу по саду, хоть георгины всѣ переломаю, все-таки легче. (Уходитъ. Петръ робко крадется въ тѣни кустовъ и осматривается.)

Явленіе пятое.

Петръ, потомъ **Аксюша.**

Петръ.

Ну, кажись, всѣ въ домѣ спать полегли. Только этотъ безсчастный путается. Ну, да ему полтину серебра прожертвовать, такъ онъ отца родного продастъ. Ночь-то очень свѣтла, можетъ, Аксюша не выдетъ совсѣмъ, побоится, чтобы не увидали. А какъ нужно-то! Ужь послѣдній бы разъ повидались, да и кончено дѣло. Эхъ, ты, подневольная жизнь! Дрожитъ сердце, какъ овечій хвостъ, да и шабашъ! Ничего съ собой не сдѣлаешь: и руки, и ноги трясутся. Воровать легче! Приди въ чужой домъ повидаться съ дѣвушкой, не въ примѣръ тебя хуже вора сочтутъ. Эка эта любовь! Вонъ тятенька говоритъ, что это баловство одно, на годъ, на два, говоритъ, это занятіе, не больше, а тамъ сейчасъ насчетъ капиталу. Дожидайся, когда она пройдетъ, а пока что̀ муки-то примешь. Никакъ идетъ? И то. (Входитъ Аксюша; увидавъ Петра, подбѣгаетъ къ нему.)

Аксюша.

Ахъ, ты здѣсь!

Петръ.

Давно ужь тутъ путаюсь. Здравствуй! Живали покуда? (Цалуетъ ее.)

Аксюша.

Видишь, что жива. Ну, говори скорѣй! Некогда вѣдь, того гляди, хватятся.

Петръ.

Съ тятенькой у насъ опять разговоръ былъ.

Аксюша.

Ну, что̀-жь онъ? Говори скорѣй! Душа мретъ.

Петръ.

Подается. Часъ ругалъ по обнаковенію. Потомъ: „за тебя, говоритъ, дурака, видно, невѣсту съ приданымъ не найдешь! Хоть бы двѣ тысячи за тебя дали, и то бы ладно“. Слышишь?

Аксюша.

Да вѣдь нѣгдѣ ихъ взять.

Петръ.

Надо доставать.

Аксюша.

У Раисы Павловны не выпросишь; нѣчего и унижаться.

Петръ.

А ты у братца попроси, у Геннадія Демьяныча!

Аксюша.

Ай, что̀ ты! Страшно, да и стыдъ-то какой!

Петръ.

Да вѣдь ужь ау, братъ! До самаго нѣльзя вплоть приходитъ.

Аксюша.

Надо вѣдь ему будетъ признаться во всемъ.

Петръ.

Ну, такъ что̀-жь! И признайся! Онъ свой че-

ловѣкъ. Отъ него намъ ужь послѣднее рѣшеніе выйдетъ.

Аксюша.

Да, ужь послѣднее.

Петръ.

А вѣдь кто его знаетъ! На грѣхъ мастера нѣтъ. Онъ съ виду-то баринъ добрый. Да ты поскорѣй, завтра же чѣмъ свѣтъ; а въ полдень мы съ тятенькой придемъ, ты мнѣ скажешь.

Аксюша.

Хорошо, хорошо.

Петръ.

Только ты долго этого разговору не тяни; а такъ и такъ, молъ, до зарѣзу мнѣ; вотъ и конецъ. Либо панъ, либо пропалъ.

Аксюша.

Да, да, разумѣется. До с тыда ли тутъ, когда..

Петръ.

Что̀: „когда?“

Аксюша.

Когда смерть приходитъ.

Петръ.

Ну, полно, что̀ ты?

Аксюша.

Вотъ что̀, Петя! Мнѣ все пусто какъ-то вотъ здѣсь.

Петръ.

Съ чего же?

Аксюша.

Я не могу тебѣ сказать, съ чего, я неученая. А пусто, вотъ и все. По-своему я такъ думаю, что

съ дѣтства меня грызетъ горе да тоска; вотъ, должно-быть, подлѣ сердца-то у меня и выѣло, вотъ и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну, хоть нянька или подруга; все-таки, есть съ кѣмъ слово сказать о жизни своей, а мнѣ не съ кѣмъ, — вотъ у меня все и копится. Плакать я не плачу, слезъ у меня нѣтъ, и тоски большой нѣтъ, а вотъ, говорю я тебѣ, пусто тутъ, у сердца. А въ головѣ все дума. Думаю, думаю.

Петръ.

А ты брось думать! Задумаешься — бѣда.

Аксюша.

Да нельза бросить-то, силъ нѣтъ. Кабы меня кто уговаривалъ, я бы, кажется, послушалась, — кабы держалъ кто! И все мнѣ вода представляется.

Петръ.

Какая вода?

Аксюша.

Да вотъ что̀, милый ты мой, все меня въ воду тянетъ.

Петръ.

Ой, что̀ ты, перестань!

Аксюша.

Гуляю по̀ саду, а сама все на озеро поглядываю. Ужь я нарочно подальше отъ него хожу, а такъ меня и тянетъ, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между деревъ мелькнетъ, — такъ меня вдругъ, точно сила какая, ухватитъ, да такъ и несетъ къ нему. Такъ бы съ разбѣгу и бросилась.

Петръ.

Да съ чего-жь это съ тобой грѣхъ такой?

Аксюша.

Сама не знаю. Вотъ какъ ты говорилъ вчера

такъ это у меня въ умѣ то и осталось. И дома-то я сижу, такъ все мнѣ представляется, будто я на дно иду, и все вокругъ меня зелено. И не то, чтобъ во мнѣ отчаянность была, чтобъ мнѣ душу свою загубить хотѣлось — этого нѣтъ. Что-жь, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть какъ-нибудь; вѣдь, не убьютъ же меня, какъ приду; все-таки кормить станутъ, и одѣвать, хоть плохо, станутъ.

Петръ.

Ну, что ужь за жизнь!

Аксюша.

А что-жь жизнь? Я и прежде такъ жила.

Петръ.

Вѣдь, такъ-то и собака живетъ, и кошка; а человѣку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша.

Ахъ, милый мой! да я-то про что-жь говорю? Все про то же. Что жить-то такъ можно, да только не стоитъ. И какъ это случилось со мной, не понимаю! Вѣдь, ужь мнѣ не шестнадцать лѣтъ! Да и тогда я съ разсудкомъ была, а тутъ вдругъ ... Нужда да неволя ужь очень душу сушили, ну, и захотѣлось душѣ-то хоть немножко поиграть, хоть маленькій праздничекъ себѣ дать. Вотъ, дурачокъ ты мой, сколько я изъ-за тебя горя терплю. (Обнимаетъ его.)

Петръ.

Ахъ, ты, горькая моя! И гдѣ это ты такъ любить научилась? И съ чего это твоя ласка такъ душу разнимаетъ, что ни мать, кажется, и никто на свѣтѣ ... Только ужь ты, пожалуйста! Вѣдь мнѣ что же? Ужь и мнѣ за тобой ... не миновать, выходитъ.

Аксюша.

Ну, ужь это твое дѣло. Вѣдь ужь мнѣ не узнать, будешь ли ты меня жалѣть или будешь смѣяться надо мной. Мнѣ съ своей бѣдой не разстаться, а тебѣ дѣло до себя, мнѣ легче не будетъ.

Петръ.

Нѣтъ, ужь ты лучше подожди; хоть немного, да поживемъ въ свою волю. Да что̀ за̀годя и думать-то! Еще вотъ что̀ твой братецъ скажетъ?

Аксюша.

Конечно, коли есть случай, зачѣмъ его обѣгать.

Петръ.

Можетъ, и выручитъ.

Аксюша.

Можетъ быть. Ты никого не видалъ въ саду?

Петръ.

Геннадія Демьяныча камарденъ тутъ путался.

Аксюша.

Такъ ты ступай! Время ужь.

Петръ.

А ты, Аксюша, домой, чтобъ ... а то ... и Боже тебя охрани!

Аксюша.

Домой, домой, не бойся. Что̀ мнѣ за охота: у меня теперь все-таки что̀-нибудь впереди есть.

Петръ.

Ну, то-то же, смотри! (Цалуются.) Я на тебя въ надеждѣ. (Уходитъ. Аксюша хочетъ идти домой, оборачивается и видитъ Несчастливцева, который выходитъ изъ бесѣдки.)

Явленіе шестое.

Аксюша, Несчастливцевъ, потомъ **Счастливцевъ.**

Несчастливцевъ (про себя).

Женщина, прекрасная женщина. (Подходитъ къ Аксюшѣ.) Ты женщина, или тѣнь?

Аксюша.

Братецъ!

Несчастливцевъ.

А! Я вижу, что ты женщина. А я желалъ бы теперь, въ эту прекрасную ночь, побесѣдовать съ загробными жителями.

Аксюша.

Братецъ!

Несчастливцевъ.

Много тайнъ, много страданій унесли они съ собой въ могилу. Душа моя мрачна, мнѣ живыхъ не надо. Мнѣ нѣчего говорить съ живыми! Мнѣ нужно выходцевъ съ того свѣта! Прочь!

Аксюша.

Братецъ, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцевъ.

Ты?

Аксюша.

Я. Я очень несчастна.

Несчастливцевъ.

О, если ты несчастна, поди ко мнѣ, поди на грудь мою. (Аксюша прилегаетъ къ нему на грудь.) Я два раза тебѣ братъ: братъ по крови, и братъ по несчастію.

Аксюша (опускаясь на колѣни).

Братецъ, я виновата.

Несчастливцевъ (поднимая ее).

Нѣтъ, нѣтъ, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И передъ кѣмъ же? Что я? Я отребіе, обноски человѣчества.

Аксюша.

Я виновата передо всѣми, передъ собой! Я люблю ...

Несчастливцевъ.

Дитя мое! Люби, кого хочешь. На то тебѣ Богъ далъ сердце, чтобъ любить.

Аксюша.

Ахъ, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но вѣдь мнѣ нужно выйти за него замужъ, нужно, нужно.

Несчастливцевъ.

А кто-жь тебѣ мѣшаетъ?

Аксюша.

Люди мѣшаютъ, люди, которые власть имѣютъ.

Несчастливцевъ.

А ты ихъ не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будетъ надъ тобой мое благословеніе.

Аксюша.

Онъ не женится на мнѣ безъ приданаго, отецъ ему не позволяетъ. Нужно приданое, а у меня его нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какой вздоръ! Счастье дороже денегъ.

Аксюша.

Мнѣ нѣтъ счастья безъ денегъ.

Несчастливцевъ.

А много-ль денегъ нужно?

Аксюша.

Двѣ тысячи рублей.

Несчастливцевъ.

Какіе пустяки! Неужели Раиса Павловна откажетъ тебѣ въ такой малости?

Аксюша.

Откажетъ. Меня держатъ изъ милости, кормятъ изъ милости; смѣю ли я еще просить приданаго! Корку хлѣба дадутъ мнѣ, а денегъ нѣтъ.

Несчастливцевъ.

И отъ такой ничтожной суммы зависитъ счастіе дѣвушки, счастіе молодой души! ...

Аксюша.

Нѣтъ, не счастіе, а жизнь.

Несчастливцевъ.

Жизнь? Силы небесныя! Такъ ли ты сказала?

Аксюша.

Такъ, братецъ.

Несчастливцевъ.

Наконецъ, Боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на всѣ жертвы?

Аксюша.

Много я жертвъ принесла этой любви; а жизнь моя такъ горька, такъ горька, что ее и жалѣть не стòитъ.

Несчастливцевъ.

И ты безъ страха?

Аксюша.

Безъ страха, хоть сейчасъ ...

Несчастливцевъ

(простираетъ надъ ней руки).

Ангелы Божіи, покройте ее своими крылами! (Аксюша склоняетъ голову въ молчаніи, сложа руки. Короткая пауза.)

Аксюша.

Братецъ, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мнѣ дурно! Мнѣ такъ тяжко сказать вамъ ...

Несчастливцевъ.

Говори, говори!

Аксюша.

Братецъ, не сочтите меня за обманщицу, за бѣдную родственницу-попрошайку! Братецъ, мы жили съ маменькой очень бѣдно; я была ребенкомъ, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатымъ родственникамъ; я работала. Теперь, братецъ, только васъ одного я прошу, и то ночью, благо не видно стыда на щекахъ моихъ; братецъ, вы богаты, одиноки, дайте мнѣ счастье, дайте мнѣ жизнь. (Становится на колѣни.)

Несчастливцевъ

(поднимаетъ ее, растроганный и съ дрожью въ голосѣ).

Дитя мое! Дитя мое!

Аксюша.

Еслибъ не страхъ стыда за мою грѣшную любовь, я бы никогда, никогда ... Будьте мнѣ отцомъ, я дѣвушка добрая, честная. Я научу маленькихъ дѣтей моихъ благословлять васъ и молиться за васъ.

Несчастливцевъ.

О, замолчи, замолчи! Я вырву всѣ свои волосы. О, дитя мое! Я преступникъ! Я могъ имѣть деньги, могъ помочь тебѣ, могъ сдѣлать тебя счастливой; и я промоталъ, прожилъ ихъ безпутно; я ихъ втопталъ въ грязь вмѣстѣ съ своею молодостью,

съ жизнью. И вотъ когда онѣ нужны, ихъ нѣтъ у меня. Еслибъ я зналъ, еслибъ я зналъ, я бы питался однимъ хлѣбомъ, я бы ходилъ въ рубищѣ и каждый рубль зашивалъ въ это рубище. Мы пьемъ, шумимъ, представляемъ пошлыя, фальшивыя страсти, хвастаемъ своимъ кабачнымъ геройствомъ; а тутъ бѣдная сестра стойтъ между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

Аксюша.

Братецъ, братецъ!

Несчастливцевъ.

Прости меня, прости! Я бѣднѣй тебя, я прошелъ пѣшкомъ сотни верстъ, чтобъ повидаться съ родными; я не берегъ себя, а берегъ это платье, чтобъ одѣться приличнѣе, чтобъ меня не выгнали. Ты меня считаешь человѣкомъ, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи, — нѣтъ у меня ихъ. Сестра, сестра! Не тебѣ у меня денегъ просить! А ты мнѣ не откажи въ пятачкѣ мѣдномъ, когда я постучусь подъ твоимъ окномъ и попрошу опохмѣлиться. Мнѣ пятачекъ, пятачекъ! Вотъ кто я!

Аксюша (хватаясь за сердце).

Охъ, охъ! Еще, еще горе! Еще обманъ моему сердцу! За что же я себя обидѣла? И я, глупая, понадѣялась! Развѣ я смѣю надѣяться? Развѣ есть для меня надежда? Прощайте! (Отходитъ, щатаясь, потомъ быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, бѣжитъ.)

Несчастливцевъ (смотритъ ей вслѣдъ).

Куда она? Она бѣжитъ, бросаетъ платокъ съ себя, она у берега. Нѣтъ, нѣтъ, сестра! Тебѣ рано умирать! (Убѣгаетъ. Входитъ Счастливцевъ.)

Счастливцевъ.

Ну, убѣжалъ куда-то. Ужь не топиться ли? Вотъ бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду въ

бесѣдку, соберу свою библіотеку, и прощайте. Посижу въ кустахъ до свѣту, и маршъ. Деньги есть; слава Богу, занялъ-таки, удалось, наконецъ. Хорошій это способъ доставать деньги; да все какъ-то мнѣ не счастливилось до сихъ поръ, такой мнительный народъ сталъ. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. (Уходитъ въ бесѣдку. Выходитъ Несчастливцевъ, поддерживая Аксюшу, которая едва идетъ.)

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое! Какъ ни велико твое горе, а умереть тебѣ я не дамъ. Тебѣ надо жить, ты еще такъ молода! Тебя заѣло горе, надоѣла тебѣ молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнемъ новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша.

Я ничего не знаю, ничего не чувствую, и мертвая. Отдохнуть мнѣ.

Несчастливцевъ (сажая ее на скамью).

Ты ничего не знаешь? Нѣтъ, дитя мое, ты знаешь больше другихъ; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно!

Аксюша.

Дѣлайте, что̀ хотите. У меня впереди ничего нѣтъ. Куда вы меня зовете, зачѣмъ вы меня зовете, что̀ тамъ — я не знаю. Хуже не будетъ.

Несчастливцевъ.

И тамъ есть горе, дитя мое; но за-то есть и радости, которыхъ другіе люди не знаютъ. Зачѣмъ-же даромъ изнашивать свою душу? Кто здѣсь откликнется на твое богатое чувство? Кто оцѣнитъ эти перлы, эти брильянты слезъ? Кто, кромѣ меня? А тамъ ... О! Если половину этихъ сокровищъ ты бросишь публикѣ, театръ развалится отъ руко-

плесканій Тебя засыплютъ цвѣтами, подарками. Здѣсь на твои рыданія, на твои стоны нѣтъ отвѣта; а тамъ за одну слезу твою заплачетъ тысяча глазъ. Эхъ, сестрёнка! Посмотри на меня. Я нищій, жалкій бродяга, а на сценѣ я принцъ. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами надъ бѣдною Офеліей, и люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь въ глазахъ, музыка въ разговорѣ, красота въ движеніяхъ. Ты выйдешь на сцену королевой, и сойдешь со сцены королевой, такъ и останешься.

Аксюша.

Я убита, братецъ, убита.

Несчастливцевъ.

Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресятъ тебя.

Аксюша.

А Петя?

Несчастливцевъ.

Сестра, ты женщина, а женщины забываютъ скоро. Ты забудешь его, какъ забываютъ всѣ свою первую любовь. Много молодыхъ красавцевъ, много богачей будутъ ловить каждый твой взглядъ, каждое твое слово.

Аксюша(качая головой).

Это нехорошо.

Несчастливцевъ.

Тѣмъ лучше, дитя мое; тѣмъ больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни съ презрѣніемъ золото богача и полюби бѣднаго артиста. Рѣшайся, дитя мое!

Аксюша.

Какъ вамъ угодно. Я готова на все.

Несчастливцевъ.

Ты будешь моею гордостью, моею славой. А я буду тебѣ отцомъ, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдемъ ко мнѣ! Въ такую ночь грѣшно спать. У меня есть нѣсколько ролей, я тебѣ почитаю. Эту ночь я отдаю тебѣ, въ эту ночь я посвящаю тебя въ актрисы.

Аксюша.

Пойдемте! (Идутъ къ бесѣдкѣ, на встрѣчу имъ Счастливцевъ съ узломъ.)

Несчастливцевъ.

Стой, бѣглецъ! Я великодушенъ, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У насъ есть актриса; мы съ тобой объѣдемъ всѣ театры, и удивимъ всю Россію. (Уходятъ въ бесѣдку. Выходятъ: Гурмыжская и Улита.)

Явленіе седьмое.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская.

Ты говорила ему?

Улита.

Какъ же, сударыня, говорила, и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почиваютъ, потому погода необнаковенная; гуляютъ онѣ по саду, и даже, можетъ, скучаютъ, такъ какъ однѣ, не съ кѣмъ имъ время провести. А вы лежите, да нѣжитесь, какой же вы кавалеръ послѣ всего этого. Онъ сейчасъ вскочилъ и сталъ одѣваться.

Гурмыжская.

Ну, хорошо.

Улита.

Да вотъ еще, матушка-барыня, ужь и не знаю, какъ вамъ доложить.

Гурмыжская.

Говори, что̀ такое?

Улита.

Барышня куда-то скрылась.

Гурмыжская.

Ушла?

Улита.

Въ комнатѣ нѣтъ, и постель не смята.

Гурмыжская.

И прекрасно.

Улита.

Какъ же, матушка-барыня?

Гурмыжская.

Да такъ же. Я очень рада. Она мнѣ ужь давно надоѣла, я все не знала только, какъ ее выжить изъ дома. А теперь вотъ и причина есть; что̀ мнѣ ее жалѣть, когда она сама себя не жалѣетъ. Я говорила, что она его не сто̀итъ.

Улита.

Не сто̀итъ, не сто̀итъ... Далеко ей! Ужь и я немало дивилась, какъ этакому красавцу милому да такая...

Гурмыжская.

Ну, это не твое дѣло!

Улита.

Слушаю-съ. Ужь и еще я узнала кой-что̀, да только какъ-то и выговорить страшно. Какъ услыхала я, такъ всю въ ужасъ ударило, и такъ даже по всѣмъ членамъ трясеніе.

Гурмыжская.

Сколько разъ тебѣ приказано, чтобъ ты такихъ глупыхъ словъ не говорила. Я сама женщина нерв-

ная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потомъ скажешь какіе-нибудь пустяки.

Улита.

Пустяки, матушка-барыня, пустяки, не извольте безпокоиться! Насчетъ Геннадія Демьяныча.

Гурмыжская.

Что же?

Улита.

Да вѣдь онъ васъ обманулъ; онъ не баринъ, а актёръ, и родовую свою фамилію нарушилъ, теперь Несчастливцевъ прозывается. И не столько на театрѣ они, а больше все будто пьянствомъ. И одежёнка-то вся тутъ, что на немъ, ужь это я доподлинно знаю; и пришли сюда пѣшкомъ съ котомочкой.

Гурмыжская.

Такъ онъ Несчастливцевъ; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

Улита.

И человѣкъ-то его тоже актёръ, только, матушка-барыня, и изъ актёровъ-то онъ самый каторжный, какъ есть однихъ чертей представляетъ.

Гурмыжская.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Какъ все это ловко для меня устроилось.

Улита.

Да чѣмъ же, матушка-барыня, хорошо?

Гурмыжская.

А тѣмъ, что завтра же утромъ ихъ здѣсь не будетъ. У меня не гостиница, не трактиръ для такихъ господъ.

Улита.

Истинно, матушка-барыня. Пожалуйте ручку (Тихо.) Алексѣй Сергѣичъ идутъ. (Отходя.) Ужь вотъ, можно сказать, картинка, а не баринъ. (Уходитъ. Входитъ Булановъ.)

Явленіе восьмое.

Гурмыжская и Булановъ.

Булановъ (торопливо поправляясь).

Что же вы, Раиса Павловна, мнѣ прежде не приказали? Вы бы мнѣ сказали-съ.

Гурмыжская.

Что?

Булановъ.

Что вы любите гулять по ночамъ-съ.

Гурмыжская.

Да тебѣ-то что-жь за дѣло? Я люблю природу, а ты, можетъ быть, не любишь?

Булановъ.

Я вѣдь, какъ прикажете-съ. Ежели вамъ однѣмъ скучно...

Гурмыжская.

А тебѣ не скучно въ такую ночь? Тебя не трогаетъ ни луна, ни этотъ воздухъ, ни эта свѣжесть? Посмотри, какъ блеститъ озеро, какія тѣни отъ деревьевъ! Ты холоденъ ко всему?

Булановъ.

Нѣтъ-съ, какъ холоденъ! Я только не знаю, что вамъ угодно-съ, какъ для васъ пріятнѣе.

Гурмыжская.

А, мой милый, ты хочешь играть навѣрное?

Булановъ.

Я бы, кажется, Богъ знаетъ, что̀ далъ, только-бъ узнать, что̀ вы любите! Я бы ужь такъ и старался.

Гурмыжская.

Ну, а какъ ты думаешь, что̀ я люблю? Это любопытно будетъ тебя послушать.

Булановъ.

Луну-съ.

Гурмыжская.

Какой онъ простодушный! Ахъ, милый мой, я луну любила, да это ужь давно прошло; мнѣ не шестнадцать лѣтъ.

Булановъ (подумавъ).

Родственниковъ-съ?

Гурмыжская.

Ха-ха-ха! Прошу покорно! Онъ уморитъ меня со смѣху! Ахъ, простота! (Смѣется.) Какъ это мило: „родственниковъ!“

Булановъ.

Виноватъ-съ!

Гурмыжская.

Говори, говори! Я приказываю!

Булановъ.

Не знаю-съ.

Гурмыжская.

Тебя, дуракъ, тебя!

Булановъ.

Да-съ ... Я и самъ думалъ, да не смѣлъ-съ. Давно бы вы-съ ... а то, что̀ я здѣсь такъ сколько времени ... Вотъ такъ-то лучше, Раисынька! Давно-бы ты ... (Обнимаетъ Гурмыжскую и хочетъ поцаловать.)

Гурмыжская (отталкивая его).

Что̀ ты, съ ума сошелъ? Пошелъ прочь. Ты неучъ, негодяй, мальчишка! (Уходитъ.)

Булановъ.

Что̀ я сдуру-то надѣлалъ! Завтра же меня ... отсюда ... (Кричитъ вслѣдъ Гурмыжской.) Виноватъ-съ! Завтра же меня въ три шеи! Не слушаетъ. (Кричитъ громче.) Виноватъ-съ! Ничего знать не хочетъ. (Падаетъ на скамейку.) Пропалъ, пропалъ, пропалъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Декорація перваго дѣйствія.

Явленіе первое.

Карпъ, потомъ Булановъ.

Карпъ

(убираетъ чашки со стола и видитъ коробку Гурмыжской).

Ишь ты, забыла свою казну, а потомъ искать примется. Лучше ужь не трогать, пущай тутъ лежитъ. (Входитъ Булановъ.) Геннадія Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Булановъ.

Вотъ еще! Очень нужно!

Карпъ.

Какъ угодно-съ.

Булановъ.

Да когда онъ придетъ, такъ доложи мнѣ, а Раису Павловну не безпокоить!

Карпъ.

Слушаю-съ.

Булановъ.

Я тебя прошу, Карпъ, исполнять мои приказанія хорошенько. Я безпорядковъ въ домѣ не потерплю. Я вамъ не Раиса Павловна; у меня всѣ по стрункѣ

будете ходить, а то и маршъ съ двора. У меня всякая вина виновата.

Карпъ.

Что-жь дѣлать, сударь, будемъ исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свѣтѣ-то, такъ всего насмотришься. Такія ли еще чудеса бываютъ.

Булановъ.

Да и не разговоривать. Я этого не люблю.

Карпъ.

Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тутъ разговаривать! О чемъ? Дѣло видимое.

Булановъ.

Ну, и можешь идти. (Карпъ уходитъ. Входитъ Несчастливцевъ.)

Явленіе второе.

Несчастливцевъ и Булановъ.

Булановъ.

Здравствуйте, господинъ Несчастливцевъ!

Несчастливцевъ.

Несчастливцевъ? Ты знаешь, что я Несчастливцевъ?

Булановъ.

Знаю.

Несчастливцевъ.

Я очень радъ, братецъ; значитъ, ты знаешь, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Булановъ.

Да что-жь такое? Провинціальный актёръ, что за важность?

Несчастливцевъ.

Ну, значитъ, ты не знаешь, кто такой Несчастливцевъ и какъ съ нимъ разговаривать. Жаль! Мнѣ придется тебя учить уму-разуму, что̀, разумѣется, для меня будетъ непріятно, а для тебя еще непріятнѣе.

Булановъ.

Ну, еще неизвѣстно. Вѣдь это въ древнія времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцевъ.

Что̀-жь, мнѣ съ тобою огнестрѣльное оружіе, что̀-ли, употреблять? Нѣтъ, братъ, я — человѣкъ простой и люблю простыя средства, натуральныя.

Булановъ.

Оставимъ этотъ разговоръ. Позвольте узнать, что̀ вамъ угодно?

Несчастливцевъ.

Ужь, разумѣется, не тебя.

Булановъ.

Кого же?

Несчастливцевъ.

Что̀, ты отъ рожденья глупъ, или сегодня вдругъ съ тобой сдѣлалось? Кого? Кого? Ты въ этомъ домѣ то же, что въ операхъ бываютъ неизвѣстные; а я здѣсь въ родной семьѣ. Я пришелъ чай пить къ своей тёткѣ.

Булановъ.

Извините.

Несчастливцевъ.

Въ чемъ тебя извинить? Вотъ что̀: ты надѣнь сумку черезъ плечо, прицѣпи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Булановъ.

Извините.

Несчастливцевъ.

Ну, извиняю.

Булановъ.

Не меня; Раиса Павловна проситъ извиненія. Она не можетъ васъ принять; она не совсѣмъ здорова и чувствуетъ, что посѣщенія и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень въ тягость.

Несчастливцевъ.

Она меня гонитъ? Но за что же?

Булановъ.

Это до меня не касается. Вообще она проситъ васъ освободить ее отъ вашего присутствія, которое ее разстраиваетъ.

Несчастливцевъ.

Ну, что дѣлать! Я ее любилъ, я ее считалъ вмѣсто матери. (Отираетъ слезу.) Что-жь такое, что я актёръ? Всякій обязанъ дѣлать, что умѣетъ. Я вѣдь не разбойникъ, я честнымъ тяжелымъ трудомъ добываю хлѣбъ свой. Я не милостыню пришелъ просить у нея, а теплаго слова. Обидно! ... О, женщины! Если ужь ей хотѣлось обидѣть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Булановъ (горячо).

Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцевъ.

О, Боже мой! Онъ разговариваетъ! Слушай ты, гимназистъ, школьникъ, ученикъ приходскаго училища! Изъ уваженія къ этому дому, я тебя милую, но если ты мнѣ въ другомъ мѣстѣ попадешься ...

Булановъ.

Мы еще посмотримъ!

Несчастливцевъ.

Молчи, таблица умноженія! Корнелій Непотъ! Пиѳагоровы штаны! Ты вымѣняй образъ моего ангела и молись утромъ и вечеромъ, чтобы намъ не встрѣтиться. А если гдѣ завидишь меня, такъ бѣги безъ оглядки, творя обѣты и молитвы!

Булановъ.

Да что вы, въ самомъ дѣлѣ! Вы потише! Раису Павловну безпокоите.

Несчастливцевъ.

Она сама виновата; зачѣмъ она посылаетъ ко мнѣ не человѣка, а котёнка. Нельзя равнодушно разговаривать съ котёнкомъ.

Булановъ.

Да, кажется, и не о чемъ разговаривать.

Несчастливцевъ.

Есть мнѣ о чемъ говорить или нѣтъ, тутъ твоего ума не хватитъ, ты еще не доросъ.

Булановъ.

Если вы желаете что-нибудь сказать Раисѣ Павловнѣ, скажите мнѣ, я передамъ.

Несчастливцевъ.

Да ты что такое? Оруженосецъ, пажъ, что ли, Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконецъ, скороходъ, шутъ? Говори.

Булановъ.

Что я, это вы послѣ узнаете.

Несчастливцевъ.

Не желаю. Ну кто бы ты ни былъ, передай

Раисѣ Павловнѣ, что я на нее не сержусь, что я желалъ бы по родственному проститься; но если она не хочетъ, такъ Богъ съ ней

Булановъ.

Хорошо, я скажу-съ.

Несчастливцевъ

(замѣтивъ коробку, про себя).

Ящикъ здѣсь, надо это принять къ свѣдѣнію. Погоди же!

Булановъ.

Больше ничего-съ?

Несчастливцевъ.

Ничего. Прощай, грифель! (Уходитъ. Входитъ Гурмыжская.)

Явленіе третье.

Гурмыжская и Булановъ.

Гурмыжская.

Ну, ужь теперь онъ сюда больше не заглянетъ. (Садится у окна.) А у тебя есть манера, есть тонъ; я, признаюсь, этого не ожидала.

Булановъ

(ходитъ, заложа руки назадъ).

Все зависитъ, Раиса, отъ обстановки. Что я такое былъ у тебя? Нахлѣбникъ, самое фальшивое положеніе. Согласись сама, что нахлѣбнику очень трудно вести себя съ достоинствомъ.

Гурмыжская.

Однако, я на тебя сердита за вчерашнее.

Булановъ.

Ты, Раиса, поставь себя на мое мѣсто! Я такъ обрадовался!

Гурмыжская.

На все есть форма, мой другъ. Ты только представь себѣ, какъ ты меня оскорбилъ своимъ поведеніемъ! Что ты подумалъ обо мнѣ? Какъ ты могъ себѣ позволить? Репутація моя тебѣ извѣстна. Вся губернія уважаетъ меня, а ты ...

Булановъ (развязно цалуетъ ея руку).

Прости меня!

Гурмыжская.

Прощаю, мой другъ, прощаю. Я вообще очень снисходительна, это мой недостатокъ. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ея цѣломудренное чувство.

Булановъ.

Разумѣется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогутъ. Мнѣ бы только установиться прочнѣе, посмотри, какъ я буду себя вести — я приберу въ руки весь уѣздъ. А что касается твоихъ интересовъ, Раиса, такъ ужь повѣрь ...

Гурмыжская.

Вѣрю, вѣрю, мой милый. Поди, прикажи позвать ко мнѣ Аксюшу.

Булановъ.

Да, объ этой дѣвушкѣ надо подумать.

Гурмыжская.

Что объ ней думать! Особенно тебѣ, мой другъ! Это тебя совсѣмъ не касается. Ты ужь теперь долженъ совершенно забыть о ней. Она убѣжала ночью изъ дома, отъ нея надо избавиться.

Булановъ.

Она была у брата, Геннадія Демьяныча; онъ всю ночь декламировалъ ей монологи.

Гурмыжская.

Ты почемъ знаешь? Погляди мнѣ въ глаза, погляди!

Булановъ.

Я видѣлъ, проходя мимо бесѣдки.

Гурмыжская.

Я тебѣ вѣрю. Но все-таки она оставаться здѣсь не можетъ.

Булановъ (съ улыбкой).

Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская.

Не лишнее, мой другъ: ты еще такъ молодъ, что за себя отвѣчать не можешь, да и я не могу вполнѣ на тебя надѣяться.

Булановъ.

Да вѣдь нельзя-жь ее на улицу выгнать, у нея нѣтъ никого. Ее бы выдать замужъ.

Гурмыжская.

Но чтобъ выдать ее изъ нашего дома и чтобъ это было прилично, нужно ей дать приданое. А съ какой же стати я стану роскошничать для нея? Что вдругъ за щедрость такая!

Булановъ.

Само-собой! Нѣтъ, ужь теперь, пожалуйста, Раиса, никакихъ лишнихъ расходовъ! Кабы кто взялъ ее безъ приданаго.

Гурмыжская.

О, тогда другое дѣло. Чего же лучше! И всѣ конвенансы были бы сохранены, и издержекъ немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженымъ отцомъ; устроили бы у себя вечеръ, дѣвиш-

никъ, благословили бы молодыхъ и Богъ съ ними. Все это было бы благодѣтельно и не дорого. (Входитъ Аксюша.) Вотъ она сама. Поди, мой другъ, поди! (Булановъ уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша.

Что̀ вамъ угодно?

Гурмыжская (встаетъ).

Послушай, Аксюша, мнѣ не хочется, чтобъ ты обманывалась. Ты живешь здѣсь, и, кажется, воображаешь, что это можетъ вѣчно продолжаться. Въ твоемъ заблужденіи виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замужъ за Алексѣя Сергѣича. Теперь ты не должна и думать о немъ.

Аксюша.

Я и не думаю.

Гурмыжская.

Я тебѣ не вѣрю; но все равно. Очень скоро я увидала, что вы не пара. Я тебѣ скажу прямо: ты не сто̀ишь этого человѣка. Тебѣ даже и мечтать о немъ было бы глупо. Что̀ же ты молчишь?

Аксюша.

Я слушаю.

Гурмыжская.

Такіе женихи не по васъ, моя милая! Я не знаю, можетъ быть, онъ даже за тобой и ухаживалъ ...

Аксюша.

Можетъ быть.

Гурмыжская.

Но ты пойми, что это ничего не значитъ. Это просто прихоть, шалость. Можетъ быть, и ты съ нимъ кокетничала?

Аксюша.

Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Гурмыжская.

Положимъ; но я должна тебѣ сказать, — ужь пріятно ли тебѣ будетъ, непріятно ли, это не мое дѣло, — ты ему не нравишься. (Про себя.) Вотъ тебѣ, милая.

Аксюша.

Очень рада.

Гурмыжская.

Рада? Однако, ты хитрая дѣвушка; но меня перехитрить трудно. (Про себя.) Погоди же, я тебя кольну почувствительнѣе. (Аксюшѣ.) Я еще тебѣ скажу: ему нравится другая. Что? Пріятно тебѣ?

Аксюша.

Что же мнѣ за дѣло?

Гурмыжская.

Ты не безпокойся, я, вѣдь, себя обмануть не дамъ! Онъ теперь не женихъ тебѣ, вы люди посторонніе, и, слѣдовательно, вамъ въ одномъ домѣ жить нельзя.

Аксюша.

Какъ вамъ угодно.

Гурмыжская.

Ты должна будешь оставить мой домъ.

Аксюша.

Когда прикажете?

Гурмыжская.

Но куда же ты дѣнешься?

Аксюша.

Я очень благодарна вамъ за ваши милости; но когда я оставлю вашъ домъ, я ужь попрошу васъ обо мнѣ больше не безпокоиться.

Гурмыжская.

Но, можетъ быть, ты думаешь поселиться гдѣ-нибудь по близости?

Аксюша (про себя).

Старушка-то ревнуетъ.

Гурмыжская.

Что ты шепчешь? Можетъ быть, ты переѣдешь въ городъ?

Аксюша.

Можетъ быть.

Гурмыжская.

Но это невозможно.

Аксюша.

Отчего же? Вѣдь городъ, Раиса Павловна, не въ вашихъ владѣніяхъ.

Гурмыжская.

Но это ужасно! Это очень близко.

Аксюша.

Да́, недалеко.

Гурмыжская.

Послушай, Аксюша, милая, нѣтъ ли у тебя родныхъ гдѣ-нибудь подальше; поѣзжай къ нимъ, я тебя отправлю на свой счетъ. Я такъ боюсь за тебя, моя душа, Алексисъ такой вѣтреный мальчикъ.

Аксюша.

Да́, онъ очень вѣтренъ.

Гурмыжская.

Ты замѣтила?

Аксюша.

Еще бы не замѣтить! И еслибъ я только захотѣла ...

Гурмыжская.

Вотъ ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мнѣ поближе! (Обнимаетъ ее.) Ну, сдѣлай это для меня!

Аксюша.

Для васъ? Это дѣло другое, такъ бы вы и говорили. А то что̀ вамъ за надобность беречь меня, и смотрѣть за мной! Просто, вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я дѣвочка съ улицы, и вы ко мнѣ ревнуете своего любовника.

Гурмыжская.

Что̀ за слова ты говоришь!

Аксюша.

Ну, да. Я говорю правду. Признайтесь хоть разъ въ жизни! А то вы всегда и для всѣхъ святая, а мы грѣшныя.

Гурмыжская.

Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша.

Признайтесь! Признайтесь, и я убѣгу отъ васъ за тысячу верстъ.

Гурмыжская.

Ты хочешь, чтобъ я открыла тебѣ свою слабость? (Обнимаетъ ее.) Да́, и ревнива.

Аксюша.

Мнѣ только и нужно. Я ухожу отъ васъ далеко, далеко. (Хочетъ поцаловать ея руку.)

Гурмыжская.

За что̀, за что̀, моя милая?

Аксюша.

За хлѣбъ-соль.

Гурмыжская.

Ахъ, не надо, не надо! (Цалуетъ ее.) Дай Богъ тебѣ всякаго счастья!

Аксюша.

Я пойду собираться. (Уходитъ.)

Гурмыжская (садится у окна).

Ну, слава Богу, теперь все улажено, и я могу вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ. Сколько я перенесла непріятностей за эту глупую комедію съ родственниками! И по-дѣломъ. Но ужь зато теперь я покойна совершенно. Алексисъ будетъ управлять имѣніемъ, а я займусь только добрыми дѣлами. Опредѣлю себѣ для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно въ своей сферѣ. (Входитъ Карпъ.)

Карпъ.

Геннадій Демьянычъ желаетъ васъ видѣть.

Гурмыжская.

Скажи, что я ...

Карпъ.

Да они здѣсь-съ; они никакихъ резоновъ не слушаютъ.

Гурмыжская.

Боже мой, опять! (Входитъ Несчастливцевъ въ дорожномъ платьѣ, снимаетъ котомку и кладетъ въ уголъ, туда же ставитъ палку.)

Явленіе пятое.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Карпъ.

Несчастливцевъ.

Поди, Карпъ, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карпъ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Гурмыжская.

Какой костюмъ!

Несчастливцевъ.

Дорожный. Мы пѣшіе путешественники. Это пальто — мой старый другъ и товарищъ. Въ непогоду я въ этомъ пальто бродилъ, какъ старый Лиръ, по степямъ Новороссіи. Часто въ бурную ночь я искалъ убѣжища, и меня принимали въ этомъ пальто, принимали чужіе теплѣе, чѣмъ родные. Прощайте!

Гурмыжская.

Прощай, мой другъ.

Несчастливцевъ.

Два только слова, и болѣе я васъ не буду безпокоить никогда.

Гурмыжская.

Я слушаю. (Беретъ колокольчикъ.)

Несчастливцевъ.

Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мнѣ колокольчикъ! (Беретъ колокольчикъ.) Я самъ позвоню, когда надо будетъ. Намъ свидѣтелей не нужно. Напротивъ, тетушка, вы ужь постарайтесь, чтобъ къ намъ не вошелъ никто, а главное, Булановъ, если только вамъ дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская.

Хорошо, я не прикажу никому входить. (Про себя.) Ахъ, сонъ!

Несчастливцевъ.

И прекрасно. (Ставитъ колокольчикъ на столъ и садится на стулѣ подлѣ стола.)

Гурмыжская

(замѣтя свою коробку на столѣ).

Коробка! Я ее забыла. (Самымъ ласковымъ тономъ.) Послушай, мой другъ Геннадій, будь такъ добръ, потрудись передать мнѣ эту коробку.

Несчастливцевъ.

Не безпокойтесь! Ей и здѣсь хорошо.

Гурмыжская.

Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцевъ

(вынимаетъ пистолетъ и кладетъ на столъ).

Не трудитесь!

Гурмыжская.

Что ты дѣлаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцевъ.

Не бойтесь! Мы будемъ разговаривать очень мирно, даже любезно. (Разсматривая коробку.) Знаете, что? Подарите мнѣ ее на память.

Гурмыжская (съ испугомъ).

Ахъ! ... Нельзя, мой другъ, тутъ важныя бумаги, документы по имѣнію.

Несчастливцевъ.

Планы, купчія крѣпости, межевыя книги? Какъ же они уберутся въ такую коробку? Извините, я позволю себѣ полюбопытствовать. (Открываетъ коробку.)

Гурмыжская.

Вотъ пытка!

Несчастливцевъ.

Вы ошиблись, тутъ деньги. Злато, злато! Сколько черезъ тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроемъ. (Закрываетъ коробку.) Былъ одинъ актёръ провинціальный, оскорбила его женщина, жена антрепренёра; онъ смолчалъ, но не забылъ обиды. Всю зиму онъ терпѣлъ; въ послѣднее воскресенье на масляницѣ у антрепренёра былъ прощальный вечеръ для артистовъ. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская.

Слушаю.

Несчастливцевъ.

По окончаніи вечера стали всѣ прощаться, подходитъ и онъ къ хозяйкѣ: „пожалуйте ручку“ говоритъ; та ему подала, онъ ей, тетушка, было палецъ и откусилъ прочь.

Гурмыжская.

Къ чему ты мнѣ это говоришь?

Несчастливцевъ.

Разумѣется, онъ поступилъ глупо. Я его знаю, онъ дуракъ. Можно было сдѣлать умнѣе.

Гурмыжская.

Зачѣмъ мнѣ знать все это?

Несчастливцевъ.

На всякій случай не мѣшаетъ Другой актёръ поступилъ гораздо умнѣе. У одной богатой помѣщицы былъ племянникъ, человѣкъ съ благородною душой, но бѣдный. Вздумалъ онъ навѣстить свою тетку, которую не видалъ лѣтъ пятнадцать. Вотъ собрался издалека, шелъ пѣшкомъ долго; приходитъ,

его принимаютъ по-родственному. Вдругъ тетка узнаетъ, что онъ актёръ, гонитъ его изъ дому, не простясь, срамитъ его передъ людьми, передъ дворней.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, Геннадій ...

Несчастливцевъ.

То есть, она думала такъ поступить, а вышло не такъ. Трагикъ Несчастливцевъ не позволитъ играть собой. (Открываетъ коробку.) Вотъ, во-первыхъ, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему отъ богатой тетки пѣшкомъ идти. Потомъ, у васъ живетъ бѣдная дѣвушка. Ну, что хорошаго, если она, живя у васъ и пользуясь вашими благодѣяніями, утопится?

Гурмыжская.

Что ты сочиняешь?

Несчастливцевъ.

Я ее возьму съ собой, и на ея долю нужно что-нибудь удѣлить. Потомъ, такъ какъ мы отказываемся отъ всякаго наслѣдства послѣ васъ, — это намъ легко сдѣлать, вы намъ и такъ ничего не оставите, а оставите все гимназисту, — и за это нужно что-нибудь взять. (Считаетъ деньги.)

Гурмыжская.

Ты не томи меня; скажи, сколько тебѣ нужно?

Несчастливцевъ.

Я великодушенъ. (Встаетъ, беретъ въ одну руку пистолетъ, а въ другую коробку съ деньгами, и подаетъ ее Гурмыжской.) Дайте сами.

Гурмыжская

(поглядывая на пистолетъ).

Напрасно вся эта комедія! Я тебѣ должна ты-

сячу рублей; вотъ твои деньги! Но если ты нуждаешься . . .

Несчастливцевъ (беретъ деньги).

Довольно! Милостыни не надо. Благодарю васъ. (Прячетъ деньги.)

Гурмыжская.

Ахъ, убери, пожалуйста, этотъ пистолетъ! У меня душа не на мѣстѣ.

Несчастливцевъ.

Да чего вы боитесь? Я вѣдь не Стенька Разинъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убилъ этого гимназиста, а ужь никакъ не васъ. (Кладетъ пистолетъ въ карманъ.) Ну-съ, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаемъ и расцалуемся, какъ слѣдуетъ родственникамъ.

Гурмыжская.

Да, разумѣется.

Несчастливцевъ.

Бариномъ я сюда явился, бариномъ и уѣду, съ честью. (Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ Карпъ.) Пошли кого-нибудь поскорѣе въ городъ нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вотъ, братецъ ты мой, я уѣзжаю, такъ барыня приказываетъ поскорѣе собрать хорошій завтракъ. Подай вина получше, — шампанскаго.

Карпъ.

Слушаю-съ. Завтракъ готовъ.

Гурмыжская.

Подай въ столовую!

Несчастливцевъ.

Позови Аркадія! (Гурмыжской.) Я его вамъ пред-

ставлю на прощаньи; вы немного потеряли, что я не познакомилъ васъ прежде.

Карпъ.

Сударыня, Иванъ Петровъ съ сыномъ дожидаются-съ.

Гурмыжская.

Скажи, чтобъ онъ подождалъ въ столовой. (Карпъ уходитъ.) Извини меня, любезный другъ, я тебя должна оставить ненадолго.

Несчастливцевъ.

Помилуйте! Между своими ...

Гурмыжская.

Мнѣ нужно одѣться. Я жду гостей. Поди въ столовую, покушай на дорогу, я приду съ тобой проститься.

Несчастливцевъ.

Значитъ, мы разстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская.

Нѣтъ, не сержусь; но мнѣ кажется, что можно было бы тебѣ вести себя поделикатнѣе, я все-таки дама.

Несчастливцевъ.

О, Боже! Я васъ оскорбилъ? Скажите, оскорбилъ я васъ? Я не прощу себя. Я застрѣлюсь при вашихъ глазахъ. (Вынимаетъ пистолетъ.)

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, обидѣлъ я васъ? О, я!..

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нисколько, напротивъ. (Уходитъ.)

Несчастливцевъ.

Вотъ такъ-то лучше ... Я ужь теперь самъ не разберу, Несчастливцевъ я или Ротшильдъ. (Входитъ Счастливцевъ.)

Явленіе шестое.

Несчастливцевъ и Счастливцевъ.

Несчастливцевъ.

Ну, Аркадій, теперь можно будетъ намъ и отдохнуть. Денегъ, братецъ, у меня много. (Показываетъ пачку ассигнацій.) Поѣдемъ мы съ тобой до Волги въ хорошемъ экипажѣ, а потомъ на пароходѣ въ первомъ классѣ.

Счастливцевъ.

Геннадій Демьянычъ, безподобно! Ахъ, безподобно! Ужь какъ я комфортъ люблю, кабы вы знали.

Несчастливцевъ.

Сдѣлаютъ намъ выгодныя предложенія, такъ мы съ тобой примемъ, будемъ играть, а нѣтъ, такъ и не надо. Поѣдемъ въ Нижній на ярмарку за бенефисомъ; да бенефисъ чтобъ въ началѣ августа, а въ сентябрѣ шалишь, не возьму. Покутимъ, братецъ.

Счастливцевъ.

И ужь товарища вамъ лучше меня не найти: знаете, я, Геннадій Демьянычъ, рожденъ для такой жизни. А бѣдность что! Въ бѣдности-то всякій жить умѣетъ; нѣтъ, ты умѣй прожить деньги съ эффектомъ; тутъ много ума нужно, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

А теперь, братъ, пойдемъ, выпьемъ добраго вина, закусимъ на дорогу, по стакану, по другому шампанскаго.

Счастливцевъ.

Вотъ жизнь, Геннадій Демьянычъ! Вотъ это я понимаю. А то что: пѣшкомъ ... Самъ себя презираешь. Не знаю, какъ вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатыхъ людей. Кто шампанское пьетъ, хорошія сигары куритъ, тотъ и человѣкъ, а остальное — ничтожество. Такъ вѣдь, Геннадій Демьянычъ? (Уходятъ въ столовую. Входитъ Аксюша.)

Явленіе седьмое.

Аксюша, потомъ Петръ и Несчастливцевъ.

Аксюша.

Гдѣ же братецъ? (Заглядываетъ въ дверь.) Онъ въ столовой, и Петя тамъ. Какъ бы его вызвать! Мнѣ бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людяхъ неловко будетъ. (Тихо.) Петя! Петя! Услыхалъ, идетъ. (Петръ тихо бокомъ прокрадывается въ дверь.)

Петръ.

А, это ты?

Аксюша.

Тише, ради Бога, тише! Кончено дѣло, у братца денегъ нѣтъ; я ѣду съ нимъ далеко и навсегда. (Беретъ его голову прижимаетъ къ себѣ и цалуетъ). Прощай! Ступай! Ступай!

Петръ.

Ѣдешь? Куда, зачѣмъ?

Аксюша.

Въ театръ, въ актрисы.

Петръ.

Что ты, опомнись, съ ума ты сошла!

Аксюша.

Рѣшено, рѣшено. Ступай, ступай!

Петръ.

Что̀ ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнемъ въ грудь-то ушибъ. А вѣдь я съ тятенькой опять говорилъ.

Аксюша (робко и оглядываясь).

Ну, что̀ же?

Петръ.

Сначала, извѣстно, два часа ругалъ безъ отдыха; потомъ говоритъ: хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали.

Аксюша.

Я на прощаньѣ словечко закину тетенькѣ; а впрочемъ надежды мало. Ну, ступай! (Цалуетъ его.) Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядѣть буду.

Петръ.

Ахъ, ты, жизнь! Вотъ бы когда въ омутъ-то съ великимъ моимъ удовольствіемъ. (Входитъ Несчастливцевъ.)

Несчастливцевъ.

А! Попались!

Аксюша.

Братецъ, потише! (Петръ уходитъ.) Одно слово, одно слово, братецъ! Утопающій за соломенку хватается. Попросите тетушку, можетъ быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцевъ.

А что̀-жь въ актрисы-то, дитя мое? Съ твоимъ-то чувствомъ ...

Аксюша (прилегая къ нему нѣжно).

Братецъ ... Чувство ... Оно мнѣ дома нужно.

Несчастливцевъ (басомъ).

Поколебалась! Что̀ на землѣ незыблемо теперь? Пойдемъ, меня ждетъ компанія. Дай мнѣ хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. (Уходитъ въ столовую. Выходятъ: Милоновъ, Бодаевъ и Карпъ.)

Явленіе восьмое.

Милоновъ, Бодаевъ, Карпъ, потомъ **Гурмыжская** и **Булановъ**.

Карпъ.

Пожалуйте-съ! Онѣ сейчасъ выдутъ.

Милоновъ.

Что̀ это у васъ, Карпуша, нынче какъ-то особенно парадно?

Карпъ.

Не могу знать. (Выходитъ Гурмыжская, очень нарядно и молодо одѣтая, подъ руку съ Булановымъ.)

Гурмыжская.

Извините, господа, что я заставила васъ ждать.

Бодаевъ.

Да мы ничего и не ждали.

Милоновъ (цалуя руку).

Вы прекрасны. (Отходитъ и смотритъ издали.) Прекрасны! Вы все молодѣете.

Гурмыжская.

Мнѣ и нужно молодѣть. Господа, я васъ звала для подписанія завѣщанія, но обстоятельства нѣсколько измѣнились. Я выхожу замужъ. Рекомендую вамъ будущаго моего мужа.

Милоновъ.

Прекрасно! Прекрасно!

Бодаевъ.

Я такъ и ожидалъ.

Гурмыжская (садясь).

Прошу покорнѣйше садиться! (Милоновъ и Бодаевъ садятся.) Алексисъ, садись!

Булановъ (цалуя ея руку).

Ахъ, Раиса, позволь, я буду стоять подлѣ тебя.

Гурмыжская.

Неправда ли, онъ милъ? Господа, я вижу, что въ душѣ вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потомъ судите. Господа, у меня оправданій много. Я была беззащитна, имѣніе разстроено; я думала поручить управленіе племяннику; но онъ меня поразилъ, поразилъ ... Знаете, какую онъ карьеру избралъ? Онъ актёръ провинціальный ...

Милоновъ.

Ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Бодаевъ.

Что̀ такое?

Булановъ.

О племянникѣ ...

Бодаевъ.

А? Ну, не мое дѣло.

Гурмыжская.

И ведетъ жизнь самую безпорядочную. Онъ здѣсь, у меня; вы можете его видѣть.

Милоновъ.

А ваша племянница?

Гурмыжская.

Я недовольна ея поведеніемъ. Что̀ же мнѣ оста-

валось дѣлать? Я васъ спрашиваю. При всемъ моемъ желаніи остаться навсегда вдовой (томно) и даже отказаться совсѣмъ отъ свѣта, я рѣшилась пожертвовать собой. Я выхожу замужъ, чтобъ устроить имѣніе и чтобъ оно не досталось въ дурныя руки.

Милоновъ.

Это геройскій подвигъ! Вы героиня!

Бодаевъ.

Ну, какая героиня? Просто блажитъ.

Милоновъ.

Давно бы вамъ, давно бы ...

Гурмыжская.

Ахъ, Евгеній Аполлонычъ, надо было найти человѣка. Это такъ трудно нынче, такъ трудно. Вѣдь это что̀ за человѣкъ, кабы вы знали! (Нѣжно взглядываетъ на Буланова.) Ахъ, другъ мой!

Булановъ (цалуя ея руку).

Раиса, ты меня конфузишь.

Милоновъ (грозя пальцемъ).

Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за нимъ хорошенько! Онъ такъ еще молодъ.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ. Онъ далъ мнѣ клятву, страшную клятву.

Булановъ.

Господа, повѣрьте, что я постараюсь быть достойнымъ той чести, которую мнѣ дѣлаетъ Раиса Павловна, избирая меня своимъ супругомъ. Что̀ касается интересовъ Раисы Павловны, то, господа, въ самомъ скоромъ времени само дѣло будетъ говорить за меня; вы увидите наше имѣніе въ цвѣтущемъ положеніи.

Милоновъ.

Каковъ? Каковъ? Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно!

Гурмыжская.

Я вамъ говорила ...

Бодаевъ.

Все вретъ, все промотаетъ.

Булановъ.

Господа, хотя я и молодъ, но я очень близко къ сердцу принимаю не только свои, но и общественныя дѣла, и желалъ бы служить обществу. Повѣрьте, что вы найдете во мнѣ самаго горячаго защитника нашихъ интересовъ и привиллегій.

Милоновъ.

А вотъ мы жаловались, что людей-то нѣтъ. Для новыхъ учрежденій нужны новые люди, а ихъ нѣтъ. Вотъ они!

Бодаевъ.

Что-жь, пожалуй; пусть служитъ, мы неразборчивы.

Булановъ (пожимая плечами).

Вотъ только года мои ... Я не понимаю, къ чему эти стѣсненія! Если я чувствую себя способнымъ ...

Милоновъ.

Ну, что-жь, мы подождемъ годика два; а тамъ и въ управу или другую почетную должность найдемъ.

Гурмыжская.

Господа, кушать сегодня мы будемъ поздно; а теперь можно по бокалу шампанскаго. Карпъ, подай шампанскаго.

Карпъ.

Слушаю-съ. Честь имѣю поздравить, сударыня. (Про себя.) Пойти оповѣстить! (Уходитъ.)

Милоновъ.

Но откуда такой умъ, такая сила въ молодомъ человѣкѣ?

Гурмыжская.

Ахъ, онъ много страдалъ, бѣдный! Мать его была богатая женщина, и онъ съ дѣтства былъ пріученъ къ нѣгѣ, къ раболѣпству прислуги и всѣхъ окружающихъ; потомъ они обѣднѣли и онъ узналъ страшную нужду. Ужасно! Онъ рожденъ повелѣвать, а его заставляли чему-то учиться въ гимназіи. (Входитъ Карпъ съ бутылкой шампанскаго и бокалами. Всѣ встаютъ.)

Милоновъ (принимая бокалъ).

Все высокое и все прекрасное основано на разнообразіи, на контрастахъ. Возьмемъ самыя изящныя сочетанія въ природѣ, и что-жь мы видимъ? Суровый гранитъ и меланхолическій плющъ, несокрушимый дубъ и нѣжную павилику. И теперь передъ нашими глазами: непоколебимая добродѣтель, житейская мудрость, укрѣпленная опытомъ, въ союзѣ съ нѣжной, молодой отраслью благороднаго питомника. Раиса Павловна, Алексѣй Сергѣичъ! Желаю вамъ многолѣтней, безмятежной жизни, на радость вамъ, на утѣшеніе вашихъ друзей и на пользу всего окрестнаго населенія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ! (Въ столовой „ура!“.)

Гурмыжская.

Что такое?

Карпъ

Геннадій Демьянычъ изволятъ ... за ваше здоровье.

Милоновъ.

Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляетъ молчать уста мои и вызываетъ горячія и обильныя слезы на мои рѣсницы. (Пьетъ.)

Гурмыжская (жметъ ему руку).

Благодарю, благодарю васъ. (Въ столовой: „ура!".)

Бодаевъ (съ бокаломъ).

Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень радъ! (Пьетъ.)

Гурмыжская.

Покорно васъ благодарю! (Буланову.) Какой грубый человѣкъ! (Садятся. Въ столовой „ура!". Двери изъ столовой растворяются, выходитъ Несчастливцевъ, остаются въ дверяхъ: Счастливцевъ, Восмибратовъ, Петръ и Аксюша.)

Явленіе девятое.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Булановъ, Несчастливцевъ, Счастливцевъ, Восмибратовъ, Петръ, Аксюша, Карпъ.

Несчастливцевъ.

Тетушка, поздравляю! Замужъ выхóдите? Время, тетушка, время! И для васъ хорошо, и для родственниковъ пріятно. Это дѣлаетъ вамъ честь, а намъ удовольствіе. Я, съ своей стороны, очень радъ и одобряю вашъ союзъ. (Обращаясь къ дверямъ.) Господа, чтò же вы стали? (Счастливцевъ и Восмибратовъ подходятъ.) Тетушка, рекомендую: другъ мой, Аркадій Счастливцевъ!

Гурмыжская.

Очень пріятно!

Милоновъ.

Это вашъ племянникъ?

Несчастливцевъ (Милонову).

Честь имѣю рекомендоваться: Геннадій Гурмыжскій. (Бодаеву.) Гурмыжскій, Геннадій! (Милоновъ .. Бодаевъ встаютъ, подаютъ ему руки и садятся.)

Восмибратовъ (Гурмыжской).

Доброе дѣло-съ. Значитъ, по закону, какъ слѣдуетъ. Чего же лучше-съ. Оченно пріятно-съ.

Гурмыжская.

Ну, какъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, нравится мой женихъ?

Восмибратовъ.

Ничего-съ, женихъ во вкусѣ-съ. Ежели насчетъ малоумія, такъ это отъ малодушества, современемъ проходитъ-съ.

Несчастливцевъ

(Счастливцеву и Восмибратову).

Господа, покорнѣйше прошу садиться. Тетушка, позвольте мнѣ распорядиться, какъ дома. Карпъ, подай, братецъ, намъ вина, да побольше! Ты не жалѣй; такіе случаи рѣдки, вѣдь тетушка не каждый годъ замужъ выходитъ. (Садится съ правой стороны, тамъ же садятся: Счастливцевъ и Восмибратовъ. Карпъ уходитъ.) Продолжайте, господа, вашъ разговоръ, мы вамъ не мѣшаемъ.

Милоновъ.

Намъ интересно васъ послушать.

Несчастливцевъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, господа. Мнѣ очень пріятно говорить въ такомъ благородномъ обществѣ. Тетушка, вы счастливы, вы безмѣрно счастливы?

Гурмыжская.

Да, мой другъ, я счастлива.

Несчастливцевъ.

Въ счастіи человѣкъ дѣлается добрѣе, благороднѣе. Не такъ ли я говорю? Правда, господа?

Милоновъ.

Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцевъ.

Тетушка, у васъ есть племянница, милое, кроткое созданіе; у ней есть тоже женихъ. Онъ не такъ красивъ и смѣлъ, какъ вашъ, но она его любитъ. А вотъ его тятенька.

Гурмыжская.

Знаю, мой другъ.

Несчастливцевъ.

Онъ, то-есть тятенька, человѣкъ русскій, господа, благочестивый, но по душѣ совершеннѣйшій коканецъ и киргизъ-кайсакъ. Онъ человѣкъ семейный, очень любитъ своихъ дѣтей, любитъ женить сыновей; но непремѣнно желаетъ получить приданаго тысячу рублей, по своей жадности и по своему невѣжеству.

Восмибратовъ.

Это точно, баринъ, что по невѣжеству: только намъ безъ этого невѣжества никакъ нельзя, потому на немъ весь кругъ держится.

Несчастливцевъ.

Вотъ, тетушка, для васъ прекрасный случай сдѣлать доброе дѣло.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Что̀ еще за новости! Оставь, пожалуйста! Это не твое дѣло. Я и такъ издержала очень много, потомъ впереди большіе расходы.

Булановъ.

Намъ съ Раисой теперь нельзя тратить ничего лишняго. Я хочу конный заводъ завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцевъ.

Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бываютъ обстоятельства ...

Несчастливцевъ.

Да зачѣмъ деньги? Довольно вашего благороднаго слова въ присутствіи вотъ этихъ господъ.

Восмибратовъ.

Для насъ ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ! Это неделикатно даже, вдругъ, при постороннихъ ... Такое требованіе ... Это насиліе ... У васъ комплотъ!

Булановъ.

Да ты, Раиса, откажи рѣшительно.

Гурмыжская.

Ну, согласитесь, господа вѣдь нельзя же такъ вдругъ ... Я рѣшительно отказываю.

Несчастливцевъ.

Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Извини, мой другъ, не могу.

Несчастливцевъ (Восмибратову).

Почтенный, скинь что-нибудь! Уважь! Уступи!

Восмибратовъ.

Не разсчетъ, баринъ. И то ужъ такъ, что изъ хорошаго дома, а то бы и вниманія не взяли.

Несчастливцевъ (встаетъ).

Тетушка, Раиса Павловна! Благодѣтельница рода человѣческаго! Не роняйте себя передъ почтеннымъ обществомъ! Не стыдите фамилію Гурмыжскихъ. Я краснѣю за васъ. У васъ только и родныхъ, — я да она; она ужь больше не попроситъ, а мнѣ приданаго не нужно. Гурмыжская не можетъ отказать въ такой суммѣ! Вы женщина богатая, что̀ значитъ для васъ эта малость! Я бѣдный труженикъ; но еслибъ у меня были ... (Ударяетъ себя въ грудь.) А? Что̀ такое? Да онѣ есть. (Вынимаетъ изъ кармана деньги.) Вотъ онѣ! Признаться, не грѣхъ бы бѣднягѣ Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мѣшало бы ему, старому псу, и поберечь ихъ на черный день.

Счастливцевъ (дергая его за руку).

Что̀ вы дѣлаете?

Несчастливцевъ.

Молчи, Аркашка! Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Я ужь сказала.

Несчастливцевъ.

Ну, если богатая помѣщица отказываетъ бѣдной дѣвушкѣ въ приданомъ, такъ не откажетъ бѣдный артистъ. (Аксюшѣ.) Поди сюда, дитя мое!

Счастливцевъ.

А говорили, на тройкѣ поѣдемъ! Вотъ тебѣ и тройка! Вотъ и на пароходъ.

Несчастливцевъ.

Молчи, Аркашка! (Аксюша подходитъ.) Вотъ тебѣ, дитя мое! Бери!

Аксюша.

Что вы, что вы, братецъ! Не надо!

Несчастливцевъ.

Бери, говорятъ тебѣ! Я, что задумалъ — не передумываю, что сдѣлалъ—не передѣлываю.

Аксюша (обнимая его).

Братецъ! Братецъ! (Карпъ приноситъ бутылку вина и стаканы и ставитъ на столъ).

Несчастливцевъ.

Ну, довольно; я могу заплакать; а это нехорошо, — стыдно.

Аксюша.

Какъ мнѣ благодарить васъ?

Несчастливцевъ.

Какъ благодарить? Скажи: „спасибо“, и все тутъ. Вотъ теперь выпьемъ! (Подходитъ къ столу и наливаетъ два стакана. Аксюша отдаетъ деньги Петру.)

Петръ (отдавая деньги отцу).

Извольте получить-съ! (Восмибратовъ отходитъ къ сторонѣ и считаетъ.)

Гурмыжская (Несчастливцеву).

Это очень великодушно съ твоей стороны.

Несчастливцевъ.

Надѣюсь! Поди, Аркадій, выпей! (Счастливцевъ подходитъ и пьетъ.)

Гурмыжская (Аксюшѣ).

Я очень рада, моя милая, что такъ устроилось, и готова способствовать твоему счастію всѣмъ, чѣмъ

могу; я даже не откажусь быть твоей посаженой матерью. (Аксюша кланяется.)

Восмибратовъ.

Много вами благодарны-съ. Ужь у насъ, сударыня, безъ васъ дѣло не обойдется. Вы у насъ на свадьбѣ-съ — пятьдесятъ процентовъ къ приданому, вотъ какъ мы васъ цѣнимъ. А ужь банкетъ я сдѣлаю для вашей милости, такъ мѣсяца на два въ городѣ разговору хватитъ. Пущай по крайности знаютъ.

Милоновъ (подходя къ столу).

Прекрасно, прекрасно! Вашъ поступокъ надо напечатать въ газетахъ.

Несчастливцевъ.

Что̀ тутъ за газеты! Давай, выпьемъ брудершафтъ!

Милоновъ.

Но, мой милый ... нельзя-же ...

Несчастливцевъ.

А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошелъ прочь. Выпьемъ, Аркадій. (Милоновъ отходитъ.)

Бодаевъ (Буланову).

Кто онъ такой? А?

Булановъ.

Актёръ.

Бодаевъ.

Актёръ? Ахъ, чортъ его возьми! Браво, браво! (Подходитъ къ Несчастливцеву.) Вашу руку! То-то я слушаю, кто такъ хорошо говоритъ, благородно. Это такая рѣдкость у насъ. (Указывая на Счастливцева.) А онъ тоже актёръ?

Несчастливцевъ.

Актёръ.

Бодаевъ.

Онъ ничего не говоритъ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, говоритъ.

Бодаевъ.

Что же онъ говоритъ?

Счастливцевъ.

Скворцомъ свищу, сорокой прыгаю.

Бодаевъ.

А, браво, браво! (Отходитъ и сейчасъ-же возвращается къ Несчастливцеву.) Я ему пѣнковую трубку подарю. Заходите ко мнѣ, милости прошу.

Несчастливцевъ.

Забавлять-то тебя? Шутовъ заведи! Давай, брудершафтъ выпьемъ!

Бодаевъ.

Что? Ха, ха, ха! Онъ забавный! (Отходитъ.)

Гурмыжская (Буланову).

Его надо какъ-нибудь выжить; онъ, Богъ знаетъ, что надѣлаетъ.

Булановъ.

Вы, кажется, ѣхать собираетесь?

Несчастливцевъ.

Давно я, братъ, сбираюсь.

Булановъ.

Такъ не пора ли вамъ?

Несчастливцевъ.

Аркадій, насъ гонятъ. И въ самомъ дѣлѣ, братъ Аркадій, зачѣмъ мы зашли, какъ мы попали въ этотъ лѣсъ, въ этотъ сыръ дремучій боръ? Зачѣмъ

мы, братецъ, спугнули совъ и филиновъ? Что̀ имъ мѣшать! Пусть ихъ живутъ, какъ имъ хочется! Тутъ все въ порядкѣ, братецъ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ. Старухи выходятъ замужъ за гимназистовъ, молодыя дѣвушки топятся отъ горькаго житья у своихъ родныхъ: лѣсъ, братецъ.

Гурмыжская (пожимая плечами).

Комедіанты.

Несчастливцевъ.

Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты вы. Мы коли любимъ, такъ ужь любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся или деремся; коли помогаемъ, такъ ужь послѣднимъ трудовымъ грошомъ. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству. А что̀ вы сдѣлали? Кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счетъ двухъ-трехъ такихъ мерзавцевъ, какъ Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Дѣвушка бѣжитъ топиться; кто ее толкаетъ въ воду? Тетка. Кто спасаетъ? Актёръ Несчастливцевъ! „Люди, люди! Порожденіе крокодиловъ! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булатъ! Поцалуи — кинжалы въ грудь. Львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, она! ... Это-ли любовь за любовь? О, еслибъ я могъ быть гееною! О, еслибъ я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ кровожадныхъ обитателей лѣсовъ!“ [1].

Милоновъ.

Но позвольте, за эти слова можно васъ и къ отвѣту!

---

[1] Изъ „Разбойниковъ“, Шиллера. Дѣйств. I-е, сцена II.

Булановъ.

Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели!

Несчастливцевъ (Милонову).

Меня? Ошибаешься. (Вынимаетъ пьесу Шиллера „Разбойники".) Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію. Ахъ, ты, злокачественный мужчина! Гдѣ же тебѣ со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подьячій! Н·, довольно! Въ дорогу, Аркашка! Прощайте! (Кланяется всѣмъ.) Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская (прячетъ руку).

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

Булановъ.

Позвольте ему, онъ скорѣе уйдетъ.

Несчастливцевъ.

Не укушу, не бойтесь.

Милоновъ.

Разумѣется, не укуситъ.

Булановъ.

Разумѣется...

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, вы не знаете.

Несчастливцевъ.

О, люди, люди! (Идетъ въ уголъ, надѣваетъ, котомку, Аксюша помогаетъ ему и цѣлуетъ его. Беретъ въ руки палку.) Ну, Аркадій, мы съ тобой попировали, пошумѣли, братецъ; теперь опять за работу! (Выходитъ на средину сцены, подзываетъ Карпа и говоритъ ему съ разстановкой и внушительно.) Послушай, Карпъ. Если пріѣдетъ тройка, ты вороти ее, братецъ, въ городъ; скажи, что господа пѣшкомъ пошли. Руку, товарищъ! (Подаетъ руку Счастливцеву и медленно удаляется.)

Комикъ XVII столѣтія.

Комедія въ стихахъ, въ трехъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ.

Лица.

Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, дворецкій государя.
Аврамъ Никитичъ Лопухинъ, царицынъ дворецкій.
Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, окольничій.
Василій Семеновичъ Волынскій.
Александръ Ивановичъ Милославскій.
Думный дьякъ.
Кирилъ Панкратьичъ Кочетовъ, подъячій приказа Галицкой чети.
Анисья Патрикевна, жена его.
Яковъ, ихъ сынъ, писецъ посольскаго приказа.
Василій Ѳалалеичъ Клушинъ, подъячій приказа царицыной мастерской палаты.
Іоганъ Готфридъ Грегори, аптекарь.
Юрій Михайловъ, режиссёръ въ труппѣ Грегори, учитель Якова нѣмецкому языку.
Татьяна Макарьевна Перепечина, старая вдова изъ городоваго дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты.
Наталья, ея дочь, такая же мастерица.
1-й
2-й } ученики Грегори, комедіанты.
3-й
Слуга Кочетова, — безъ рѣчей.

Бояре, дворяне и всякіе служилые люди, нѣсколько комедіантовъ, два сторожа — безъ рѣчей.

Лица въ интермедіи:

Цыганъ, Кочетовъ.
Лекарь.
Слуга его.

Дѣйствіе происходитъ въ 1672 году. Три дѣйствія въ воскресенье, въ петровское заговѣнье, 2-го іюня; эпилогъ — 4-го іюня.

Дѣйствіе первое.

Небольшая, чистая, брусяная свѣтличка, безъ печи, въ домѣ Перепечиной, на Кисловкѣ. Въ глубинѣ дверь въ чистыя сѣнцы полурастворена. Въ лѣвомъ (отъ зрителей) углу свѣтлицы, въ видѣ чулана, отгорожена тесовою филенчатою перегородкой спаленка Натальи; дверь въ нее сбоку, близъ входной двери. По обѣ стороны окна: съ той стороны, гдѣ спальня — одно, а съ другой — два. Подъ окнами широкія лавки съ полавочниками и изголовьемъ. Съ правой (отъ зрителей) стороны, близъ авансцены, у конца лавки, столъ на точеныхъ ножкахъ; у стола скамьи. У перегородки, съ лица, сундучекъ.

Явленіе первое.

Наталья накрываетъ столъ браной скатертью и ставитъ, на оловянномъ блюдѣ, пряники, коврижки и другія сласти того времени. Изъ сѣней, впопыхахъ, вбѣгаетъ **Яковъ.**

Наталья.

Откуда ты? Не съ цѣпи ли сорвался?

Яковъ.

Наташа, спрячь меня!

Наталья.

Да ты въ умѣ ли,
Сердечный другъ? Куда я спрячу? Яковъ
Кириловичъ, опомнись! Тотчасъ придутъ
Сюда твои родители.

Яковъ.

Гляди,
Гляди въ окно!

Наталья.

Чего?

Яковъ.

Погони нѣтъ ли?

Наталья.

Придумывай еще! Кому-то нужно
Погоню гнать! Бѣда твоя извѣстна:
Безъ времени сбѣжалъ съ приказу, — дѣло
На умъ нейдетъ, сегодня праздникъ. Завтра
Придешь въ приказъ, присадятъ плотно, снимутъ
Кафтанъ съ тебя; не бойся, не повѣсятъ.

(Отворяя дверь своей спальни.)

Смотри сюда! Нарядно, хорошо?
И пяльчики, и зеркальце, кроватка
Тесовая и шитый положокъ.
А лучше-то всего, что никому-то
Въ уютный мой покойчикъ ходу нѣтъ.

(Кладетъ руку на плечо Якова и смотритъ ему въ глаза.)

Да здравствуй, что-ль! Ахъ, глупый, и не видишь
Со страха-то, что ты одинъ съ дѣвицей!
Стоитъ какъ пень; другой бы не зѣвалъ.
Цалуй, пока помѣхи нѣтъ! Эхъ, парень!

(Цалуетъ его, убѣгаетъ за перегородку и запираетъ дверь.)

Яковъ

(отшатнувшись, переводя духъ).

Огнемъ ожгла. Ну, дѣвушка! Да что ужь
О дѣвушкахъ и думать, до того ли!
Досталось мнѣ одно на долю: выть.

(Заслышавъ шаги, становится у самой притолки. Входятъ: Кочетовъ, Анисья и Татьяна.)

Явленіе второе.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна и Яковъ.

Татьяна.

Пожалуйте, въ свѣтёлочку войдите,
Прохладно въ ней въ полуденное время.

Кочетовъ.

И Яковъ здѣсь.

Яковъ (съ низкимъ поклономъ).

Со службы отпустили!

Татьяна.

Да ѣлъ ли ты? Чай, голоденъ?

Яковъ (кланяясь).

Маленько
Перехватилъ. Покорно благодарствуй!

Татьяна.

Не полный столъ, а что̀ нибудь найдется.

Яковъ.

Сытёхонекъ по горло.

Татьяна.

Ну, какъ знаешь.
Неволи нѣтъ, отказу и подавно. (Кочетову и Анисьѣ.)
Не осудить прошу, на угощеньи!
Сиротское ...

Анисья.

До сы̀та угостила.
Чего еще!

Кочетовъ.

И сыты мы, и пьяны
Твоимъ добромъ, сиротскимъ.

Татьяна.

Ну ко, полно!
Съ чего тебѣ хмелѣть-то? Угощала
Чѣмъ Богъ послалъ.

Анисья.

Ну, знать, не отъ вина,
Отъ твоего радѣнья захмелѣли.

Кочетозъ.

Насилу всталъ отъ трапезы.

Татьяна.

Присядь
На лавочку, а подремать захочешь,
Привалишься на изголовье.

Кочетовъ.

Сяду. (Садится.)
Не сглазить бы, счастливый нонѣ день.
Съ утра еще я веселъ; къ Артемону
Сергѣичу ходилъ я на поклонъ,
Поздравствовать. Для радости великой
Окольничимъ пожалованъ; Татьяна
Макарьевна, велика честь. Другой бы
Съ ума сошелъ, за облаки вознесся,
А онъ такъ нѣтъ. Подьячимъ, мелкой сошкѣ,
Попрежнему благоволитъ; холопы
Не гонятъ насъ съ боярскаго двора,
И за порогъ къ нему ступаешь смѣло.
Не знаю, чѣмъ воздамъ ему за ласку
И милости его. Суди сама,
Не кто нибудь — окольничій Матвѣевъ
Пожаловалъ, за службу похвалилъ
Въ глазахъ другихъ приказныхъ, къ окладному
Пообѣщалъ придачу.

Татьяна.

Ишь ты, право,
Какая честь тебѣ.

Кочетовъ.

Не все; послушай!
Про Якова, пожаловалъ, спросилъ:
Молъ, учиться-ль онъ грамотѣ нѣмецкой?
И похвалилъ его и молвилъ такъ:
„Учился-бы; не все бродить въ потёмкахъ;
„Ученье свѣтъ. Робятъ разумныхъ мало;
„А нужда въ нихъ. Отдай-ко ты парнишка
„Въ сынки ко мнѣ!“

Татьяна.

Да что ты?!

Кочетовъ.

Право, такъ.

Татьяна.

Съ руками-бъ я ...

Кочетовъ.

А я не спохватился.
Душонка-то холопская давно
Радёхонька, а лживый язычишко
Упрямится, нескладное бормочетъ.
Не справлюсь съ нимъ никакъ.

Анисья.

Грѣхи-то наши
Великіе.

Кочетовъ.

Бояринъ разсмѣялся
На мой испугъ; „не бойся, говоритъ!
„Для Якова найдется дѣло лучше
„Приказнаго письма. Дивиться будешь,
„Своимъ глазамъ не вѣрить“.

Татьяна.

Что-жь за дѣло
Мудреное?

Кочетовъ.

Не сказано про то,
А спрашивать не смѣлъ.

Татьяна.

Оно вѣстимо,
Не сунешься, не свой братъ.

Кочетовъ.

Заикнися,
Замажутъ ротъ, какъ разъ.

Татьяна.

Да и замажутъ.

Кочетовъ.

Поклоны бью земные да молчу.
Махнулъ рукой бояринъ, значитъ: полно,
Не смѣй, дескать, боярскихъ глазъ мозолить
Поклонами холопскими; вставай!
Послѣдній разъ отвѣсилъ да и съ Богомъ
Бѣжать домой. Отъ радости, безъ шапки
До Гребенской никакъ бѣжалъ.

Татьяна.

Да диво-ль!
И думай вотъ, гадай по пальцамъ! Далъ
Заботу намъ бояринъ.

Кочетовъ.

Онъ сказалъ бы,
Засталъ-то я на короткѣ; къ царю
На званый пиръ родильный снаряжался.

Анисья.

Ужь эта мнѣ нѣмецкая наука!
Дождемся съ ней бѣды. Живутъ же люди
Безъ грамоты нѣмецкой.

Кочетовъ (Якову).

Не слыхать ли,

Не молвятъ ли чего у васъ въ Посольскомъ,
Какую вамъ, робятамъ, Артемонъ
Сергѣевичъ служить укажетъ службу,
На диво всѣмъ?

Яковъ.

Не знаю, государь
Родитель мой, не чуть въ приказѣ.

Кочетовъ.

Много
Заводится порядковъ новыхъ?

Яковъ.

Много.
Царицына родня веселье любитъ:
Въ своемъ дому окольничій Матвѣевъ
Заводится музыкой сладкогласной.
И во дворцѣ тому же быть, Фанстаденъ
По трубачей поѣхалъ къ иноземцамъ.

Кочетовъ.

А по̀-что ихъ?

Яковъ.

У прочихъ потентатовъ
Ведется такъ давно, и не пригоже
Дворцу стоять безъ музыки. Забавы
Великія для матушки царицы
Готовятся.

Кочетовъ.

А намъ-то что̀ за дѣло?
Ни мы хвалить, ни мы судить.

Анисья.

Ужь видно
Доходчивы мои молитвы: будешь
Въ такой чести, чего не ожидаешь.

Яковъ (кланяясь матери).
Молись еще! Молитвами твоими
Авось Господь избавитъ отъ напасти.

Кочетовъ.
Чего же ты боишься?

Яковъ.
Провиниться
Передъ тобой, родитель. Не гнѣвись
На глупое, робяческое слово!
Навяжутъ мнѣ нивѣсть какую службу:
По нраву ли придетъ тебѣ.

Кочетовъ.
Не бойся.
Учись, служи и дѣлай, что̀ укажутъ.
Одно блюди и помни: православнымъ
Родился ты; обычай иноземскій
Узнать не грѣхъ, перенимать грѣшно;
А паче ихъ забавы, въ нихъ же прелесть
Бѣсовская сугубая.

Яковъ.
Родитель,
Не гнѣвайся! Мизинные мы люди,
Боярскіе приказы разбирать
Не смѣмъ мы; велятъ плясать, запляшешь.

Кочетовъ.
Еще-бъ ты смѣлъ ослушаться бояръ!

Яковъ.
А стать плясать, тебѣ не угодишь.

Кочетовъ.
Еще-бъ ты смѣлъ отцу не угодить!
Служи царю, боярамъ покоряйся
Безропотно, безпрекословно, рабски,
И чти отца да матерь! (Яковъ кланяется въ ноги.)
Вотъ, Татьяна

Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зрѣть покорность
Сыновнюю! Когда тебѣ взгрустнется,
Иль пьянъ придешь домой, на что̀ утѣшнѣй
Поклоны ихъ земные? Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духомъ,
Что какъ-де ты ни малъ, ни пріобиженъ
Отъ властныхъ лицъ, а дѣтямъ, домочадцамъ
Въ своемъ дому и ты-де государь.
А что̀-жь твоя красавица Наталья
Не кажется гостямъ? Диви-бъ чужіе!
А Якова стыдиться ей не слѣдъ,
Съ робячества знакомы.

Татьяна.

Все-жь зазорно
При людяхъ-то. Видаются, поди,
Отъ матери тихонько; при народѣ
Не вызовешь ни за̀-что. Я звала,
Невѣстится[1], нейдетъ.

Кочетовъ.

А приказала-бъ.

Татьяна.

Само-собой, коль прикажу, придетъ. (У двери спальни.)
Поди сюда, Наталья!

(Входитъ Наталья, принаряженная, кланяется и останавливается, потупя глаза.)

Явленіе третье.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна, Яковъ и Наталья.

Татьяна.

Хвастай, хвастай
Сынкомъ своимъ! Я дочкой похвалюсь.

[1] Стыдится, скромничаетъ.

У матушки взрощеное дитя,
Лелѣяно и нѣжено на волѣ!
Безстрашная росла, отцова гнѣва
Не видѣла грозы великой; все же
Нога моя захочетъ, и поклоны
Дочерніе увидитъ. Поклонися,
Натальюшка, передъ гостями зѣмно,
И матушку потѣшь!

Наталья.

Изволь, родная,
Поклàняюсь; безчестья мнѣ не будетъ,
А только честь, что матушкѣ своей
И государынѣ живу покорна. (Кланяется.)

Кочетовъ.

Чего еще? За наше умоленье,
Послалъ Господь, живемъ изрядно. Дѣти
Покорствуютъ, трудами нажитаго
Достатокъ есть, невпрòжить намъ. Ликуетъ
Душа моя, и веселится духъ мой.
Чего еще, вѣдь не рожна же? (Женѣ.) Плачешь?

Анисья (махнувъ рукой).

Заплакалà, прости ... Не утерпѣла ...
Отъ радости ...

Татьяна (плача).

Да какъ и не заплачешь
На дѣтокъ-то! Свои, а не чужія.

Анисья.

Легко отцамъ ...

Татьяна.

А намъ-то каково!

Анисья.

Родили ихъ ...

Татьяна.

Аль муки не видали?

Анисья.

Ростили ихъ ...

Татьяна.

Какъ око соблюдали.

Кочетовъ.

Да полно вамъ!

Татьяна.

Пылинки обдували.

Анисья.

Кормили ихъ ...

Татьяна.

Куска недоѣдали.

Анисья.

И выросли ...

Татьяна.

Какъ яблочки наливны.

Кочетовъ (топнувъ ногой).

Да полно вамъ!

Анисья.

Не каменны сердца.

Кочетовъ.

Такъ что̀-жь бы вамъ, безъ дальней волокит-,
Чѣмъ плакать-то на нихъ да убиваться
Невѣдомо о чемъ, за умъ приняться!
Женили-бъ ихъ, покуда сами живы!
Не знатные бояре, съ насъ не взыщутъ,
Что на-скоро, безъ сватовъ и безъ сборовъ ...

Татьяна.

Ахъ, батюшки!

Кочетовъ.

Чего ты испугалась?
О рядной рѣчь сперва, да по рукамъ

Ударимся; а послѣ, для порядка,
Пошлемъ къ тебѣ и свата.

Татьяна.

То-то развѣ ...
А то ужь я ... Да нѣ-люди мы, что ли?
Нельзя же такъ ... Дворяне ... Не сиротку,
Безродную, отецкое дитя
Хотите взять. Не знатные мы люди,
А все-таки, хоть дрянь, да изъ дворянь,
Не нищіе. Меня бояре знаютъ,
Царицына до насъ доходитъ ласка,
Не крайность мнѣ какая.

Кочетовъ.

Не неволимъ.
Насильно милъ не будешь. Это дѣло
Любовное: и приказать вольна,
И отказать вольна. За словомъ стало,
Да рядную покончить.

Татьяна.

Я не прочь,
Отказу нѣтъ. Хоть дѣло не корыстно,
Да я-то не завистна.

Кочетовъ.

Вотъ и ладно,
О рядной бы ... Да и покончить разомъ.

Татьяна.

Хмельненька я, пожалуй, прошибешься,
Сулить добро подъ силу надо.

Анисья.

Ну, ужь
Не скоро ты разступишься.

Татьяна.

Не знаю.

Для дочери жалѣть не стану; развѣ
Заломите, чего не въ мочь.

Кочетовъ.

Не грабить
Пришли къ тебѣ.

Татьяна (Якову и Натальѣ).

Какъ, словно, вы чужіе,
Глядите врозь да жметесь по угламъ,
Сойтись рядкомъ боитесь.

Наталья.

Какъ прикажешь?
На все твоя родительская воля.

(Подходитъ съ поклономъ къ Якову.)

Татьяна.

Хоть пряничкомъ его поподчуй, что̀ ли!

Наталья

(беретъ со стола пряникъ и подаетъ Якову въ рукахъ на ширинкѣ).

Пожалуй-ко, отвѣдай, не побрезгай!

Яковъ.

Благодарю на угощеньи сладкомъ.

Наталья.

Да сладко, что̀-ль?

Яковъ.

Нешто себѣ.

Наталья.

Не надо
Подслащивать? Тебѣ и пряникъ сладокъ?
И слаще ты не знаешь ничего?

(Ломаютъ пряникъ пополамъ и ѣдятъ.)

Анисья.

Впередъ всего о Божьемъ милосердьи.

Татьяна.

Отцовское у ней благословенье,
Исконное въ ея роду.

Кочетовъ.

Добро!
Покончена статья, теперь другая.

Татьяна.

А кузнь[1] ея ларешную ты знаешь.

Анисья.

Изъ кузни-то не грѣхъ тебѣ прибавить.
Особенно низанья маловато.

Татьяна

(доставъ изъ сундука ларчикъ).

Ссыпнаго есть въ ларцѣ. Глядите сами —
Окатистый и чистый.

Кочетовъ.

Покажи-ко!

(Разсматриваютъ жемчугъ въ ларчикѣ.)

Наталья (Якову).

Торгуются, какъ лошадь продаютъ.

Яковъ.

Аль нѣ-любо?

Наталья.

Теперь какіе спросы!
Возьмешь меня, не все-ль тебѣ равно,
Охотой шла, иль силой?

Яковъ.

Ой, заспорятъ,
Поссорятся, боюсь.

---

[1] Вещи холодной ковки: утварь, оклады, уборы и пр.

Наталья.

Не обойдется
Безъ брани-то. На Кисловкѣ недавно,
Изъ рядной-то, дралися смертнымъ боемъ,
На улицу изъ дома выбивались;
Сошлись опять. Нельзя не спорить, дѣло
Торговое. Твои охочи взять,
А матушка не вдругъ отдастъ, копейка
Гвоздемъ у ней прибита.

Кочетовъ (отдавая ларецъ).

Что̀ смотрѣть-то?
Чего тутъ взять на поднизь?

Татьяна.

Наберете.
Прибавите изъ своего.

Анисья.

Куда же
Беречь тебѣ? Дивлюсь. Одна всего-то,
А ты для ней жалѣешь. Хоть бы серьги,
Полны ларцы, а вѣдь сама не носишь,
Давно ужь ты съ ушами повязалась.

Татьяна.

Мои онѣ, и воля въ нихъ моя:
Хочу — отдамъ, а то и подождете,
Никто меня заставить не воленъ.

Анисья.

Отдай теперь!

Татьяна.

Не дамъ.

Кочетовъ.

Упряма больно.

Татьяна.

Какая есть; на старости мѣняться

Не стать для васъ. Наталья! Отойди
Отъ Якова! (Наталья отходитъ къ сторонѣ.)

Анисья (Татьянѣ).

Да что̀ ты, полно! Дѣтки,
Не слушайте, уйдите въ уголокъ!
(Наталья подходитъ къ Якову.)

Татьяна.

Не все-ль равно: не чье, ея же будетъ,
Какъ мать умретъ.

Анисья.

Теперь-то и рядиться,
Во младости милѣй наряды намъ;
Пройдетъ пора, на что̀ они?

Татьяна.

Недолго
Прождетъ она.

Анисья.

И въ животѣ, и въ смерти
Господь волёнъ. Господь прибавитъ вѣку,
Переживешь и дочь свою.

Кочетовъ.

Другая
Обдержится старуха, вѣку нѣтъ,
Какъ дереву скрипучему.

Татьяна.

Да что̀ ты?
Никакъ съ ума сошелъ?

Кочетовъ.

Годовъ полсотни
За срокъ живетъ, весь родъ перехоронитъ,
Дѣтей, внучатъ, себѣ-то надоѣстъ.
И вымолится ко Господу старуха,
Что позабылъ ее.

Татьяна.

Бѣда родниться
Съ такой семьей завистливой! Охота-ль
Себѣ на зло молельщиковъ нажить! (Натальѣ.)
Безстыдница! Совсѣмъ прильнула къ парню!
Не мужъ еще! По ихъ рѣчамъ безумнымъ,
И не бывать, какъ вижу. Отойди! (Наталья отходитъ.)

Анисья.

Не трогай ихъ! Пущай ведутъ бесѣду.
Не ихъ вина.

(Дѣлаетъ рукой знакъ Якову; онъ подходитъ къ Натальѣ.)

Кочетовъ.

Меня ругать-то надо;
А то прости, пожалуй! Ненарокомъ
Сказалося; на хмельномъ не взыщи!

Татьяна.

Ну, Богъ съ тобой.

Кочетовъ.

Не кстати молвишь слово,
Спохватишься, а воротить нельзя.

Анисья.

Вотъ грѣхъ какой ведется въ человѣцѣхъ,
Что доброе и праведное дѣло
Не сладится, чтобъ врагъ не помѣшалъ;
Мутитъ народъ крещеный. Тьфу! Чтобъ сгинуть
Проклятому.

Кочетовъ.

А мы не поддадимся.

Анисья.

Ну, кузнь твою оставимъ. Ты-бъ казала
Коробьи намъ.

Татьяна.

Не здѣсь онѣ, въ избѣ.

Идите инъ, смотрите. Недостачи
Ни въ чемъ у насъ не будетъ, все съ залишкомъ.

(Уходятъ: Кочетовъ, Анисья, Татьяна).

Явленіе четвертое.

Яковъ и Наталья.

Яковъ.

Попался я, влетѣлъ въ бѣду.

Наталья.

Въ какую?

Яковъ.

Робѣю такъ, что не найду и словъ,
Лишь вздумаю, душа уходитъ въ пятки.

Наталья.

Разсказывай, полегчаетъ авось.

Яковъ.

Такая страсть, такая страсть!

Наталья.

Да молви
Хоть что-нибудь!

Яковъ.

Языкъ-то прилипаетъ.
Какъ колъ во рту. Куда дѣваться?

Наталья.

Яковъ!
Не мучь меня, скажи!

Яковъ.

Тебѣ извѣстно
Житье мое проклятое: изъ дома
Ни въ праздникъ мнѣ, ни въ будни ходу нѣтъ;

Украдкой я, какъ пёсъ изъ подворотни,
На вольный свѣтъ гляжу. Въ приказѣ развѣ
Обмолвишься веселымъ словомъ; дома
Не смѣю рта разинуть; съ постной рожей
Молчальникомъ брожу, повѣся носъ.
Ужь если я веселаго лица
Показывать родителю не смѣю,
Боясь побой и ругани безмѣрной,
Чего мнѣ ждать, когда узнаетъ онъ ...

Наталья.

О чемъ?

Яковъ.

Крестись, Наташа! Въ скоморохи
Поставили меня. Ломаютъ, учатъ
Скакать, плясать, вертѣться, бѣса тѣшить.

Наталья.

Убьетъ тебя отецъ.

Яковъ.

Убьетъ — не страшно;
Проклятія боюсь.

Наталья.

Куда-жь дѣваться
Головушкѣ твоей?

Яковъ.

Хочу отбѣгать,
Спиной отбыть отъ службы. Оттерплюся,
И кончено. Отдуютъ батогами,
Все-жь легче мнѣ отцовскаго проклятья,
Душа-то мнѣ нужнѣе, чѣмъ ...

Наталья.

Вѣстимо.
А въ службу взятъ неволей, или волей?

Яковъ.

Спросили насъ, подьячихъ молодыхъ,

Не хочетъ ли который обучаться
Въ аптекарской палатѣ у Грегори
Какому-то неслыханному дѣйству;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да съ дуру-то и продалъ душу чорту.

Наталья.

Куда-жь бѣжать тебѣ?

Яковъ.

Куда придется;
Куда глаза глядятъ; хоть въ омутъ съ камнемъ.

Наталья.

Господь съ тобой. Скрывайся здѣсь пока,
Ходи тишкомъ. Въ моей дѣвичьей спальнѣ
Кому въ домекъ искать тебя.

Яковъ.

А, ну-ко,
Увидитъ мать?

Наталья.

Увидитъ, только ахнетъ
И замолчитъ: находка не корыстна,
Похвастаться нельзя. А мнѣ, хошь срамъ,
Да такъ и быть, парнишка молодого
Жалѣючи, стыда не побоюсь,
А матушки родимой и подавно.

Яковъ.

Дознаются, не быть тебѣ за мной.

Наталья.

Возьмусь за умъ, такъ буду, не печалься.
У насъ вверху, у мастерицъ золотныхъ,
Обучишься уму — такая служба,
Въ котлѣ кипимъ. Одна другой хитрѣе,
И всѣ-то мы такія проидохи,
Что ты въ Москвѣ со свѣчкой не найдешь.

Яковъ.

Никакъ идутъ.

Наталья.

Ну, врозь да по угламъ. (Расходятся.)

Яковъ.

Ты гдѣ?

Наталья.

Въ углу. А ты?

Яковъ.

Въ другомъ.

Наталья (прислушиваясь).

Не чуть ли?

Яковъ.

Почудилось, аминь-аминь, разсыпься! (Сходятся.)

Наталья.

Въ чемъ служба-то твоя, и какъ зовется,
Скажи ты мнѣ на милость!

Яковъ.

Какъ зовется,
Не знаю самъ покуда. Дѣйствомъ, либо
Игрой какой — мудреное прозванье.

Наталья.

А весело?

Яковъ.

Да такъ-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грѣхъ великій,
Не страхъ отца ... Вотъ такъ тебя и тянетъ,
Мерещится и ночью.

Наталья (съ участіемъ).

Безъ крестовъ
Играете игру-то? Передъ дѣйствомъ
Снимаете кресты-то?

Яковъ.

Не снимаемъ.

Наталья.

Грѣха-то что!

Яковъ.

Грѣха не оберешься.

Наталья.

Теперь идутъ ужь вправду. Разойдемся.

(Входятъ: Кочетовъ, Анисья, Татьяна.)

Явленіе пятое.

Кочетовъ, Аниеья, Татьяна, Яковъ и Наталья.

Татьяна.

Довольны вы?

Анисья.

Ужь такъ-то мы довольны,
Сказать нельзя, по горло.

Татьяна.

Слава Богу.

Кочетовъ.

Запасъ великъ, добра преизобильно.

Анисья (Якову и Натальѣ).

А вы опять по сторонамъ. Сойдитесь,
Бесѣдуйте! Произволеньемъ Божьимъ
У насъ на ладъ идетъ.

Татьяна.

Такъ по-рукамъ?

Кочетовъ.

Ударимся, благословясь. А надо-бъ
Съ тебя еще черевью шапку взять.

Анисья.

На что̀ она, черевья шапка?

Кочетовъ.

Такъ ужь

Задумалъ я.

Татьяна.

Завистные глаза!

Наталья! Прочь отъ Якова. (Наталья отходитъ.)

Анисья.

Постойте!

Уладимся. Дѣтей-то пожалѣйте!

Не ссориться-жь изъ шапки. Стойте рядомъ.

(Яковъ подходитъ къ Натальѣ.)

Грѣха-то вы, какъ вижу, не боитесь,

Изъ пустяковъ да ссора.

Кочетовъ.

Я отъ шапки

Не отступлюсь.

Татьяна.

А я не уступлю.

Кочетовъ.

А я упрямъ.

Татьяна.

А я тебя упрямѣй.

Кочетовъ.

А мы и прочь.

Татьяна.

А я и очень рада.

Кочетовъ.

Даешь, иль нѣтъ?

Татьяна.

И думать позабудь.

Наталья, вонъ! Изъ спаленки ни шагу
Шагнуть не смѣй. Иль запереть тебя?

Анисья.

Да полно вамъ! Поговорите толкомъ,
Безумные! Ей Богу, ну!

Кочетовъ.

Не хочетъ,
И кончено. Какіе разговоры!
Чего еще! Пойдемъ, жена, пойдемъ!
Простите насъ!

(Входитъ Юрій Михайловъ. Яковъ заглядываетъ за перегородку и разговариваетъ съ Натальей.)

Явленіе шестое.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна, Яковъ и Юрій Михайловъ.

Юрій.

Челомъ тебѣ, Татьяна
Макарьевна. Не обезсудь, безъ зову,
За дѣломъ я къ тебѣ. Кирилъ Панкратьичъ,
Здоровъ ли ты? Анисья Патрикевна!
Не съ вами-ль сынъ? Не здѣсь-ли Яковъ?

Кочетовъ (показывая).

Здѣсь.

Юрій.

Такъ вотъ гдѣ ты? Гдѣ медъ, и мухи тамъ.
Замѣтимъ мы для переду! Отецъ,
Пугни его, гуляетъ отъ ученья,
Задуровалъ, отъ рукъ отбился.

Кочетовъ.

Яковъ,
Кто бѣгаетъ, того сажаютъ на цѣпь
И больно бьютъ, — приказныхъ батоговъ

Не миновать тому, а ты въ придачу
Попробуешь родительскихъ, домашнихъ.

Яковъ.

Родитель мой, ужь лучше я ...

Юрій.

Не слушай!
Иди, иди, не очень прохлаждайся!
Возись съ тобой, а дѣлу остановка.

(Уходитъ, уводя съ собой Якова.)

Татьяна.

Хорошъ женихъ Натальинъ! На веревкѣ
Въ приказъ тащатъ.

Анисья.

Робячье дѣло.

Татьяна.

Видно,
Соскучился бояринъ о сынкѣ.

Кочетовъ

Пойдемъ, жена!

Анисья.

Простите Бога ради. (Уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Татьяна и Наталья.

Наталья (выходя изъ спальни).

Ушли они?

Татьяна (смѣется).

Ушли, спѣсивы больно.
Ну, вотъ у насъ и радость. Побранимся
Еще разокъ, другой и сладимъ дѣло.

Не шапка мнѣ черевья дорога,
А уступать нельзя, не мой обычай.
Сначала ихъ повадь, они запросятъ
Ни вѣсть чего. А вотъ теперь сойдемся
На малости; за малую прибавку
Ухватятся обѣими руками.
Подай убрусъ и опашень, Наталья.

Наталья.

Куда-же ты сбираешься?

Татьяна.

Къ Абраму
Никитичу.

Наталья.

А по̀-што?

Татьяна.

Объявить
Про сватанье. Царица обѣщала
Къ приданому прибавку, коль найдется
Женихъ тебѣ хорошій. Намъ чего-же
Искать еще? Велика милость Божья!
За стараго не хочется отдать;
А Яковъ нашъ изъ молодыхъ, да ранній,
Матвѣеву пришелъ по нраву. Ну, ужь
Прибавлено, что взялъ въ сынки, а значитъ,
Хоть сынъ — не сынъ, а все-же на знати!
А по̀ мужу женѣ почетъ.

Наталья (у окна).

Гляди-ко,
Счастлива я: одинъ женихъ съ двора,
Другой на дворъ.

Татьяна.

А кто?

Наталья.

Василій Клушинъ.

Татьяна.

Запри скорѣй!

Наталья.

Да онъ въ сѣняхъ и пьяный.

Татьяна.

Скажи, что мать ушла; а то пристанетъ,
Разсядется, и кланяйся, и подчуй
Несытую утробу! Наказанье!

(Уходитъ за перегородку. Входитъ Клушинъ.)

Явленіе восьмое.

Наталья и Клушинъ (въ сѣняхъ).

Наталья.

Безъ матери пустить тебя не смѣю.

Клушинъ.

А гдѣ-жь она?

Наталья.

Въ гостяхъ, сегодня праздникъ.
Куда идешь? Сказала, не пущу.

Клушинъ.

А ты меня поподчуй!

Наталья.

Чѣмъ прикажешь?
Березовымъ полѣномъ?

Клушинъ.

Эка дѣвка
Бѣдовая!

Наталья.

Уйди! Дѣвичье дѣло,
Стыднехонько сосѣдей.

Клушинъ.

Ничего.
Послушай ты ...

Наталья.

Мое дѣвичье дѣло ...
Уйди путемъ.

Клушинъ.

Эхъ, молодость прошла,
Не выгнала-бъ.

Наталья.

Мое дѣвичье дѣло.
Возьму ухватъ ...

Клушинъ.

Ну, Богъ съ тобой! Прощай!
А матери скажи, чтобъ ожидала,
Что свата я хорошаго найду,
Лопухина, боярина.

Наталья (смѣясь).

Неужто?

Клушинъ.

Ну, вотъ и все. Прощай покуда!

Наталья.

Съ Богомъ.

(Клушинъ уходитъ. Выходитъ Татьяна.)

Явленіе девятое.

Татьяна и Наталья.

Татьяна.

Натальюшка! Бѣда! Бѣжать скорѣе,
Съ добра ума къ боярину съ поклономъ!
Не опоздать-бы; забѣжитъ впередъ
Подьячишко, надѣлаетъ хлопотъ. (Уходитъ.)

Дѣйствіе второе.

Палата въ государевомъ дворцѣ, надъ аптекой. Въ ней три двери: съ правой стороны, въ заднемъ углу, входная; съ лѣвой, тоже въ заднемъ углу, въ другую палату; въ глубинѣ — въ комнату, назначенную для комедіантовъ. Посреди палаты невысокія подмостки, въ видѣ четырехугольной площадки; сходъ съ подмостокъ сзади къ средней двери. Близъ боковыхъ стѣнъ скамьи. Къ задней стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, приставлено нѣсколько небольшихъ рамъ *перспективнаго письма*, то есть декорацій.

Явленіе первое.

Нѣсколько учениковъ-комедіантовъ: одни стоятъ кучками, другіе ходятъ съ тетрадями въ рукахъ и читаютъ про себя. У входной двери два сторожа. Входятъ: **Юрій Михайловъ** и **Яковъ Кочетовъ.**

Юрій (сторожамъ).

Смотрѣть за нимъ! Блюдите хорошенько!

(Якову, который садится на скамью и опускаетъ голову на руку.)

А если ты вдругорядь имешь бѣгать
И своего бездѣлья не отстанешь,
Сидѣть тебѣ въ палатѣ на цѣпи.

1-й комедіантъ.

Провѣдаетъ бояринъ, на орѣхи
Достанется.

2-й комедіантъ.

За первую провинность
Нигдѣ не бьютъ.

3-й комедіантъ.

Помилуютъ, небось!

Юрій.

Не шутки вѣдь! По царскому указу
Комедію Есфирь готовимъ на-спѣхъ,
Стараемся, изъ кожи лѣземъ вонъ,
Чтобъ угодить царю, лишь ты, паршивикъ,
Мѣшаешь всѣмъ.

Яковъ.

И убѣгу опять.

Юрій.

Чего и ждать отъ дурака! Поучатъ,
Разокъ, другой отдуютъ батожьемъ,
Прибавится ума въ тебѣ.

Яковъ (сердито).

Не знаю,
Не пробовалъ.

Юрій.

Отвѣдаешь, узнаешь.

1-й комедіантъ.

И что тебѣ неймется? Наша служба
Веселая, работы нѣтъ большой.

Яковъ.

Отца боюсь.

Юрій.

Ну, вотъ велика птица!
Провѣдаетъ бояринъ Артемонъ
Сергѣевичъ, что изъ его приказа
Подьячишко, въ поруху воли царской,
Отъ дѣла прочь сынишка отбиваетъ,
Задастъ ему. (Уходитъ въ другую комнату.)

Яковъ.

Когда еще задастъ,
А я за все — про все, и здѣсь, и дома
Побоевъ жди! Хоть въ петлю полѣзай!

2-й комедіантъ.

Житье твое нельзя хвалить.

Яковъ.

Мое-то?
Мое житье, что всталъ, то за вытье.
Протеръ глаза, взглянулъ на солнце красно,
И взвылъ, какъ волкъ на мѣсяцъ. (Плачетъ.)

2-й комедіантъ.

Полно плакать!

Нѣсколько комедіантовъ.

Не стыдно-ль? У!!

Яковъ.

Толкуйте! Вамъ живется
Сполàгоря, и отдыхъ есть, и радость
На праздничныхъ гулянкахъ, въ пѣснѣ звонкой,
Въ ребяческихъ забавахъ и во всемъ,
Чѣмъ жизнь робятъ красна; а мнѣ веселье
Заказано.

2-й комедіантъ.

Слезами не поможешь;
Что̀ плачь, что̀ нѣтъ, все то-же будетъ! Лучше
Махни рукой, да покажи намъ въ лицахъ
Бытье-житье домашнее!

Яковъ (сердито отталкивая его).

Отдайся!

1-й комедіантъ.

Оставь его! Зачѣмъ мѣшаешь парню?
Ты видишь, онъ за дѣло принялся;
Пущай сидитъ да воетъ на досугѣ.

3-й комедіантъ.

Потѣшь-ко, братъ, пріятелей!

Яковъ.

Отстаньте!

1-й комедіантъ.

Да ну его! Не хочетъ — и не надо.

3-й комедіантъ.

А знатно ты разсказывалъ, бывало,
Животики со смѣху надорвешь.
„Сидитъ отецъ, а ты стойшь.“

Яковъ.

Пристали,
Какъ банный листъ, отъ васъ не отвязаться.
Ну, вотъ: сидитъ отецъ въ очкахъ, читаетъ,
А я стою поодаль и, на грѣхъ,
Смутилъ меня лукавый, разсмѣялся.
Отецъ очки снимаетъ полегоньку.
„Чему ты радъ, дуракъ? Аль что̀ укралъ?
Не знаешь ты, что мы въ грѣхахъ родились
И ка̀зниться должны, а не смѣяться?
Не знаешь ты, такъ я тебѣ внушу.
Достань-ко тамъ на гвоздикѣ двухвостку!
Уныніе пристойно отрочати,
Уныніе, а не дурацкій смѣхъ,
Уныніе, уныніе ...“ И лупитъ
Отъ плечъ до пятъ, какъ сидорову козу,
Безъ устали, пока не надоѣстъ.
И взмолишься, причитыванья вспомнишь,
И чешешься потомъ да унываешь,
Невѣдомо чему.

1-й комедіантъ.

Яганъ Готфридычъ.

(Входятъ: Грегори и Юрій Михайловъ.)

Явленіе второе.

Грегори, Юрій, Яковъ и ученики.

Грегори (Якову).

Ты для чего убѣгалъ, Якобъ Кочетъ?
Нехорошо. Ты думалъ, dummer Junge [1],
Что грѣхъ тутъ есть? Не думай такъ! Не надо.
У насъ и Богъ одинъ, и грѣхъ одинъ.
Я пасторъ самъ, такой, какъ попъ у русскихъ;
Что я грѣху учу, сказать лишь можетъ
Кто не ученъ, совсѣмъ не штудированъ.
И глупость есть невинныя забавы
Грѣхомъ считать. Теперь тебя прощаю;
А будешь, мой голубчикъ, уходить,
Тогда себѣ достанешь... Что достанешь —
Узнаешь самъ. Не будетъ хорошо. (Отходитъ.)

Яковъ (про себя).

Толкуй себѣ: не грѣхъ. Тебѣ ужь кстати
Въ аду кипѣть, а мнѣ такъ нѣтъ охоты.

(Комедіанты смѣются.)

Грегори.

Ну, вы! Пошелъ, готовься начинать.

(Комедіанты уходятъ. Входятъ: Матвѣевъ и Лопухинъ.)

Явленіе третье.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори и Юрій Михайловъ.

Грегори (съ низкими поклонами).

Das ist sehr schön, das sie gekommen sind [2].

Матвѣевъ.

Здоровъ ли ты, Яганъ Готфридычъ?

---

[1] Глупый малый.
[2] Очень хорошо, что вы пожаловали.

Грегори.

Очень
Благодарю за милость, понемножку,
И такъ, и сякъ. Herr Лопухинъ! (Кланяется Лопухину.)

Лопухинъ.

Здорово!

Матвѣевъ.

Ну, что̀ твои робята?

Грегори.

Потихоньку,
Не торопясь, идемъ подальше.

Матвѣевъ.

Дѣло!
А много-ль ихъ?

Грегори.

Тридесять человѣкъ.

Матвѣевъ.

И дѣльные робята есть?

Грегори.

Немножко.

Матвѣевъ.

А Кочетовъ? Мнѣ Юрій говорилъ,
Что больно онъ къ нѣмецкому языку
Старателенъ и шелъ къ тебѣ въ науку
Охотой самъ. Да годенъ-ли парнишко
На что̀-нибудь?

Грегори.

Талантъ большой имѣетъ.

Матвѣевъ.

Чему гораздъ?

Грегори.

Такой смѣшной.

Матвѣевъ.

Покажешь
Сегодня намъ?

Грегори.

О, да! Сегодня будемъ
Показывать смѣшную штуку. Начать
Готовить ихъ для interludium.
Что̀ дѣлать, Herr окольничій, покуда
Своихъ смѣшныхъ мы не имѣемъ штукъ,
Изъ Кіева достали. Безъ смѣшнаго
Никакъ нельзя, мой господинъ; наскучитъ
Матерія одна безъ перемѣны.
Да только жаль, что нѣтъ свое; а надо
Свое писать смѣшное.

Лопухинъ.

Намъ смѣшнаго
Не занимать; и своего напишемъ,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
Съ три короба насыплешь. Что̀ другое,
Ужь не взыщи, не вдругъ у насъ найдется,
А за смѣшнымъ недалеко ходить.
Идя сюда, подьячаго я встрѣтилъ,
Какъ водится, для радости царевой,
Изрядно пьянъ. Съ великимъ челобитьемъ,
Какъ снопъ упалъ; да, прахъ его возьми,
Перепугалъ. Какъ что̀ его скосило
У самыхъ ногъ моихъ. Какъ боровъ пѣгій,
Валяется, являетъ о безчестьи.
Послушалъ-бы, о чемъ онъ проситъ.

Матвѣевъ.

Что̀-же,
Послушаемъ, вели позвать.

Лопухинъ (сторожу).
Эй, малый!
Шатается тутъ нѣкакій подьячій
Изъ мастерской царицыной палаты,
Такъ приведи сюда! (Сторожъ уходитъ.)

Матвѣевъ (Грегори).
А скоро-ль будетъ
Комедія „Есфирь“ готова?

Грегори.
Скоро,
Мой господинъ.

Матвѣевъ.
Для матушки-царицы
Библейская Есфирь по сердцу будетъ.

Грегори.
О, да, mein Herr, я понимаю. Можно
Показывать сегодня вамъ немного
Комидію „Есфирь“, а только прежде
Proludium покажемъ небольшое.

Матвѣевъ.
Какое-же?

Юрій (съ низкимъ поклономъ).
Цыганъ и лекарь.

Матвѣевъ.
Ладно. (Отводитъ Лопухина въ сторону.)
Комидію для чести государской
Имѣть давно пора, и рѣчи нѣтъ.
Не даромъ-же у прочихъ государей
При всѣхъ дворахъ она заведена.
Что можно взять, возьмемъ у иноземцевъ.
Чего нельзя — покуда подождемъ.
Абрамъ Никитичъ! Какъ ты полагаешь,
Для царской-ли забавы лишь годна

Комидія? Для русскаго народа,
Для всѣхъ чиновъ и званій — отъ посадскихъ
До насъ, бояръ, не мало пользы въ ней.
Не стыдъ-ли намъ, не грѣхъ-ли потѣшаться
Калѣчествомъ, убожествомъ людскимъ?
На дураковъ смѣемся; эко диво,
Что глупъ дуракъ! А развѣ то умнѣе:
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ
И дракою кровавой. То-ль забавы
Бояръ, думцовъ, правителей земли?
А нашихъ женъ, боярынь, пированья?
Глядѣть-то срамъ! Отъ сытнаго обѣда,
Отъ полныхъ чаръ медовъ стоялыхъ, встанутъ
Алёхоньки, какъ маковы цвѣточки,
По лавочкамъ усядутся рядкомъ,
Велятъ впустить шутихъ, бабёнокъ скверныхъ,
И тѣшатся безстыжимъ ихъ плясаньемъ
Съ вихляньемъ спинъ, и пѣснями срамными.
И чѣмъ срамнѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ угоднѣй
Боярынямъ. И сами-бы пошли,
Да совѣстно, а плечи такъ и ходятъ,
И каблуки стучатъ, и громкій хохотъ
Дебелыя колышетъ тѣлеса.
А дочери, на тѣ потѣхи глядя,
Съ младенчества дѣвичій стыдъ теряютъ,
И съ бабами и дѣвками сѣнными
Безъ матери изрядно стерю пляшутъ.
Пора смѣнить шутовъ, шутихъ и дуръ,
Неистовства на дѣйства комедійны.
Подьячаго винятъ за пьянство; развѣ
Безъ чарки онъ, безъ хмельнаго питья
Найдетъ себѣ веселье? Вѣковѣчнымъ
Обычаемъ указаны ему:
По праздникамъ попойки круговыя
Съ задорными рѣчами, съ бранью, съ боемъ

И на три дня тяжелое похмелье.
За что̀-жь винить его? Иныхъ пріятствъ,
Иныхъ бесѣдъ, рѣчей и обиходовъ
Не знаетъ онъ. А покажи ему
Комидію, гдѣ хитрымъ измышленьемъ
И мудростью представлены, какъ въ-явь,
Царей, вельможъ, великихъ полководцевъ,
Философовъ дѣла и обхожденья;
И думъ, и чувствъ извѣдавъ благородство,
Весельемъ онъ безчинства не почтетъ.
Простой народъ, коль вѣрить иноземцамъ,
Въ комидіи не дѣйство, правду видитъ,
Живую явь: иного похваляетъ,
Другихъ коритъ, и если не унять,
Готовъ и самъ вмѣшаться въ дѣйство. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажемъ
Остаться здѣсь, на дѣйство поглядѣть.

Лопухинъ.

Ну, что̀-жь, изволь. А зашумитъ, такъ можно
И въ шею гнать, бояринъ не великъ.

(Входитъ Клушинъ.)

Явленіе четвертое.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій и Клушинъ.

Лопухинъ (Клушину).

Поди сюда, и снова безъ утайки
Разсказывай поряду, кто и какъ
И чѣмъ тебя обидѣлъ.

Клушинъ.

Государь,
Абрамъ Никитичъ, милости боярской
Прошу твоей.

Лопухинъ.
Проси.

Клушинъ.
Сиротскимъ дѣломъ
Обиженъ я и, государь, являю
Передъ тобой обиду.

Лопухинъ.
На кого?

Клушинъ.
На Якова Матвѣева, палаты
Царицыной закройщика.

Лопухинъ.
А чѣмъ-же
Обидѣлъ онъ тебя?

Клушинъ.
Сидѣлъ въ палатѣ
Сегодня я на мѣстѣ, гдѣ садятся
Подьячіе, а онъ, Матвѣевъ Яковъ,
За поставцемъ сидѣлъ, гдѣ платье шьютъ,
И молвилъ мнѣ: „хорошъ-бы ты подьячій;
„Зачѣмъ-де пишешь, высуня языкъ?
„Зайти тебѣ съ затылка, да ударить,
„И ты себѣ языкъ откусишь“. Въ томъ
И жалоба моя и челобитье.

Лопухинъ.
И лаялъ ты его, я чаю.

Клушинъ.
Лаялъ
Неистово. Ужли-жь стерпѣть?

Матвѣевъ.
Обида
Не малая.

Лопухинъ.

Ужь это-ль не обида!
Какой еще? И какъ ты перенесъ?
Диковина, Василій.

Клушинъ.

Государь,
Абрамъ Никитычъ, смилуйся, пожалуй!

Лопухинъ.

Еще чего не скажешь-ли?

Клушинъ.

Бояринъ,
Вдовѣю я безъ мала пять годовъ;
Грѣха боюсь, отъ скуки упиваюсь.

Лопухинъ.

А мнѣ-то что? Женись!

Клушинъ.

Не разъ сбирался —
Никто нейдетъ.

Лопухинъ.

Ужь я не виноватъ;
Недобрую себѣ ты нажилъ славу
Между невѣстъ.

Клушинъ.

Твое велико слово:
Посватаешь, пойдутъ. Въ твоемъ приказѣ
Невѣста есть, изъ мастерицъ золотныхъ.

Лопухинъ.

Посватаю, женю тебя Василій!
Останься здѣсь, дождись меня въ палатѣ;
Смотри туда! (Указывая на подмостки.)
Гляди смирненько въ оба!

Не прогляди, смотри! А что̀ увидишь,
Не сказывай!

Грегори.

Начать могу?

Матвѣевъ.

Хозяинъ
Не я, а ты въ палатѣ.

Грегори (въ дверь комедіантамъ).

Начинаемъ.

(Юрій Михайловъ и нѣсколько комедіантовъ ставятъ и укрѣпляютъ на заднемъ краю площадки раму, на которой написанъ домикъ. Рама ставится нѣсколько отступя отъ краю, чтобы сзади ея оставался проходъ, а такъ-какъ рама уже площадки, то и по обѣимъ ея сторонамъ остаются небольшіе изъ за нея проходы. Передъ рамой ставятъ скамью. Юрій Михайловъ остается на площадкѣ съ тетрадью въ рукахъ. Матвѣевъ и Лопухинъ садятся на скамью съ лѣвой стороны. Грегори сажаетъ Клушина на скамью съ правой стороны; тотъ упирается, онъ сажаетъ его за плечи насильно и садится съ нимъ рядомъ.)

Юрій (на площадкѣ).

Ciganus exit [1]. Яшка, выходи!

(Уходитъ за раму, съ другой стороны выходитъ Яковъ Кочетовъ, одѣтый цыганомъ.)

Явленіе пятое.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори и Клушинъ. Preludium (на площадкѣ). **Цыганъ**, потомъ **лекарь и слуга.**

Цыганъ (печально).

Чахбей, чахбей!

Клушинъ (хохочетъ).

Охо, гого!

Грегори (Клушину).

Молчи!

Цыганъ.

Чахбей, чахбей!
Когда-жь люди видали,

[1] Цыганъ выходитъ.

Чтобъ цыгане съ голоду пропадали!
А ужь я нынѣ того дождался,
До самаго нѣльзя — вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не беретъ охота,
А бродишь день до вечера
И украсть тебѣ нигдѣ нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходитъ съ голоду пропасть,
И сталъ я безъ хлѣба въ тоскѣ,
Какъ безъ воды рыба на пескѣ.
Да что-жь я, съ-дуру, стою да плачу?
Лягу-ко я спать на удачу!
Ужь либо голодъ переспится,
Либо что съѣстное приснится. (Ложится на лавку.)

Клушинъ.

Ну, какъ не такъ! Приснится, дожидайся!
Ложись, ложись!

Грегори.

Не надо говорить.
Молчи, гляди и слушай!

Клушинъ.

Замолчу.

(Цыганъ видитъ во снѣ сало, ловитъ его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается.)

Цыганъ.

Вотъ кой-что и хорошенькое приснилось,
Около губъ ветчинное сало билось.
Я-было за нимъ потянулся,
Да такъ, ни съ чѣмъ, и проснулся.
Лягу на счастье сначала,
Не увижу ли опять сала.
А увижу, такъ хвачу зубами,
Что твой кузнецъ клещами.

(Ложится опять. Клушинъ хохочетъ, Грегори зажимаетъ ему ротъ. Цыганъ опять видитъ сало и тянется за нимъ.)

Ну-ко еще, ну-ко еще поближе,
Опустись маленько пониже!

(Вскакиваетъ, ловитъ руками и бѣжитъ за раму. Съ другой стороны выходятъ: лекарь и слуга съ ящикомъ медикаментовъ. Цыганъ, не поймавъ сала, возвращается печальный.)

Цыганъ

Распропащая голова моя!

Лекарь.

Doles [1]?

Цыганъ.

Да какa тутъ лиха болись?
Не ѣлъ никакъ двѣ недѣли,
Отъ того всѣ черевья помлѣли.

Лекарь.

Varia sunt mi medicamenta ad manus [2].

Цыганъ.

Знаю, что ты обманешь;
Да ужь ты повѣрь мнѣ, цыгану,
Мало стало проку отъ обману.
Знать, что обманъ плохо помогаетъ,
Коли цыганъ съ голоду пропадаетъ.
Мнѣ бы теперь кусокъ сала,
Вся бы моя боль въ животѣ отстала.

Лекарь.

O, quam pulsus est gravis [3]!

Цыганъ.

Что ты меня давишь?
Вотъ чудакъ, щупаетъ, да въ сторону плюетъ,
А что цыганъ голоденъ, того не чуетъ.

Лекарь.

Hic medicamenta [4]. (Показываетъ лекарство.)

---

[1] Боленъ?
[2] У меня подъ рукой есть разныя лекарства.
[3] О, какой учащенный пульсъ!
[4] Здѣсь лекарства.

Цыганъ.

Да не пойдетъ это въ губы.

Слуга.

Говоритъ, что болятъ у него зубы.

Лекарь.

Ubi dolor [1]?

Слуга (на ухо громко).

Болятъ у него денте!

Лекарь.

Ubi sunt instrumenta [2]?

Слуга (цыгану).

Сядь-ко, братъ, благо все готово.

Цыганъ.

Вотъ мнѣ любезное слово.
Теперь-то я обѣда дождался,
Слава Богу, добрый человѣкъ попался.
Надо мнѣ поплотнѣй усѣсться,
Чтобъ за всѣ голодные дни отъѣсться.
Привалило счастье цыгану. (Садится.)

Слуга.

Господинъ лекарь, принимайся! а я держать стану.

Цыганъ.

Зачѣмъ держать? Столъ подставьте,
Да печеное порося поставьте,
Да глядите издали, коли не видали,
Какъ люди поросятъ съ костями ѣдали.

Слуга.

Болтай еще! Порося ему дать!

(Беретъ цыгана за голову сзади.)

Цыганъ.

Аль ты меня хочешь, что̀ кобылу, взнуздать?

---

[1] Гдѣ болитъ?
[2] Гдѣ инструменты?

Лекарь (раскрывая ротъ цыгану).

Quam dentes sunt lati [1]!

Цыганъ.

Да что̀ вы, черти прокляти!

Лекарь (вырывая зубъ).

Ecce habes [2]!

Цыганъ (вырвавшись воетъ).

Ай, ай, ай-ай.

Батюшки мои!

Клушинъ (привстаетъ).

Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходитъ.

Грегори (беретъ его за плечо).

Сиди, сиди, молчи!

Клушинъ.

Да мочи нѣтъ.

Лопухинъ.

Заткните ротъ ему тряпицей старой!

Клушинъ.

Ой, замолчу. Ой, смерть! Ой, замолчу!

Слуга (цыгану).

Присядь-ко, мы еще дернемъ.

Цыганъ.

Да и такъ вытянули зубъ съ корнемъ.
Я думалъ, онъ отъ голоду полечитъ;
А онъ меня-же калѣчитъ.
Знать ума у тебя много,
Вздумалъ ты, жидъ тонконогой,
Коли зубовъ не станетъ,
Такъ и голодъ отъ человѣка отстанетъ.
Отъ такихъ чертей лекарей
Бѣжать было цыгану поскорѣй.

---

[1] Какіе здоровенные зубы!
[2] Вотъ и готово!

Слуга.

Бѣги, благо ты парень вострый,
А то вытащитъ тебѣ зубы вдосталь. (Цыганъ убѣгаетъ.)

Лекарь.

Деньги гдѣ? Деньги заплати-ко!

Слуга.

Попробуй, цыгана догони-ка!

Лекарь (бьетъ слугу).

Такъ вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Получай!
Безъ денегъ больного не отпускай!

Слуга.

Охъ! Много мнѣ отъ тебя передачи!
Нечего дѣлать, давать тебѣ сдачи.
По русски вотъ какъ! Отвѣдай мою закуску.
У меня и чорту не бываетъ спуску.

(Беретъ нѣмца поперегъ, бросаетъ на землю и бьетъ палкой.)

Лекарь.

Неи, неи!

Слуга (бьетъ палкой).

Вотъ тебѣ гей! лекаришко!
Некрещеный лобъ, паршивый паричишко!

Клушинъ.

Валяй его! Валяй! Вотъ такъ! Прибавь!
Прибавь еще!

Грегори.

Сиди!

Клушинъ.

Пусти-ко, нѣмецъ.
Постой-ко, я пойду ему прибавлю.

(Лѣзетъ на подмостки.)

Лопухинъ.

Гоните вонъ его! Гоните въ шею!

(Сторожа выталкиваютъ Клушина.)

Матвѣевъ (Грегори).

Изрядно, братъ! Зело потѣшно видѣть
Робятъ твоихъ.

Лопухинъ.

Смѣшить горазды!

Грегори.

Очень
Благодарю.

Матвѣевъ.

Теперь Эсфирь?

Грегори.

Сейчасъ.
Пожалуйте, войдите здѣсь въ палату!
Въ минуту все у насъ готово будетъ.

(Провожаетъ Матвѣева и Лопухина въ сосѣднюю комнату. Комедіанты и сторожа прибираютъ на сценѣ; выходитъ Яковъ Кочетовъ, переодѣвшись въ свое платье.)

Явленіе шестое.

Яковъ, комедіанты и сторожа.

Яковъ.

Съ добра ума убраться поскорѣе!
Потѣшно имъ, а мнѣ веселья мало.
Смѣются всѣ, а у меня мурашки
По кожѣ-то отъ пятокъ до затылка,
И волосы вздымаетъ дыбомъ, словно
Съ загривка-то кто чешетъ. Убѣгу.
Отбѣгаюсь, хоть на цѣпь посадите,
Хоть рѣжь меня. Парнишко молодой,

Душонка-то изныла. Мнѣ-ли тѣшить,
Ломать себя, чужую образину,
Цыганскую, жидовскую, чудскую,
Напяливать на обликъ православный,
Веселымъ быть и веселить другихъ,
Когда въ глазахъ зіяетъ адъ кромѣшный,
Надъ головой отцовское проклятье!
Кому Эсфирь, а мнѣ душа нужна.
Грѣха боюсь, уйду. Прощайте, братцы. (Убѣгаетъ.)

Комедіанты.

Ушелъ, ушелъ! Держите!

(Сторожа подходятъ къ двери. На шумъ выходятъ: Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій Михайловъ и остальные комедіанты.)

Явленіе седьмое.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій Михайловъ, комедіанты и сторожа.

Сторожа (у двери).

Не догонишь.
Держи его! Какъ вихорь полетѣлъ.

Юрій (толкая сторожа).

Ловить его! Ловить его бѣгите!

Грегори.

Что̀ дѣлать намъ, mein Gott? Никакъ не можно
Показывать Эсфирь.

Матвѣевъ.

О чемъ тревога,
И кто ушелъ?

Юрій.

Да Кочетовъ Яшутко.
Не въ первый разъ ему. Отца боится,
И бѣгаетъ отъ дѣла.

Матвѣевъ.

Развѣ мимо
Отцовскаго согласья Яковъ взятъ?

Юрій.

Охотился и взяли, государь.
Его печаль отца спросить, не наша.
Ужь больно лютъ старикъ, ему забота
Лишь бражничать, да сына теребить,
Какъ ястребу курченка. Батогами
Пугнуть-бы ихъ обоихъ — то-ли дѣло!
И Якову наука, и отецъ
Помягче-бъ сталъ.

Матвѣевъ.

Въ умѣ-ли ты! Иль мало
Ругаютъ насъ бояре, такъ и ловятъ
Поймать у насъ хоть малую оплошку,
Царю довесть и дѣлу помѣшать.

Грегори.

Безъ Якоба не можно и не будетъ
Комидія готова.

Матвѣевъ.

Постарайся!

Грегори.

Одинъ ушелъ, другой и всѣ уйдутъ,
И я уйду.

Матвѣевъ.

А ты сердитъ, я вижу.
Въ замѣнъ его возьми другого!

Грегори.

Развѣ
Талентъ башмакъ, что можно ихъ мѣнять,
Одинъ долой, другой надѣлъ?

Матвѣевъ.

Ну, какъ-же
Помочь бѣдѣ? Помѣхи, вижу, много
Со всѣхъ сторонъ: кто съ умысломъ, кто съ просту
Мутитъ народъ, по всей Москвѣ разноситъ,
Что будто мы готовимъ государю
Бѣсовскую потѣху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
Съ постельнаго крыльца, что дѣйство будетъ
Изъ библіи, Эсфирь. (Отводитъ Лопухина въ сторону.)
Да не нажить-бы
Себѣ бѣду другую, горше первой!
Указывать на Мордохея будутъ,
Отыскивать Амана межь собой. (Юрію.)
Парнишка ты сведи къ отцу, скажи:
Не надо, молъ, не плачьте, пошутили.

Грегори.

Нельзя, никакъ не можно мнѣ безъ Якобъ.
Другого нѣтъ, и нѣтъ, и негдѣ брать ...

Матвѣевъ.

Ну, какъ-же быть, не знаю, право. Палкой
Медвѣдей лишь къ плясанью понуждаютъ,
Людей нельзя.

Юрій.

Дозволишь молвить слово?

Матвѣевъ.

Ну, молви, что-ль, скорѣе!

Юрій.

Государь,
Затѣяно, такъ надо кончить дѣло;
Берясь за гужъ, не говори: не дюжъ.
Ужли-жь теперь, людей бездѣльныхъ ради,
Ломать, бросать иль портить початое?

Ужли отстать отъ Якова? Да я
Возьмусь тебѣ, что Кочетовъ Кирило
И самъ придетъ, и сына приведетъ
Въ палату къ намъ.

Матвѣевъ.

Схлопочешь, рубль за мною.

Юрій.

Рублемъ на рубль отвѣтить мнѣ немочно,
А голову кладу свою въ поруки,
Что Кочетовъ старикъ придетъ просить
И кланяться, чтобъ только взяли сына.

Матвѣевъ.

Ну, вотъ, не плачь, Яганъ.

(Взглянувъ на часы, Лопухину.)

Приспѣло время,
Пора идти къ царю на званый пиръ.

(Уходятъ, всѣ съ низкими поклонами ихъ провожаютъ.)

Дѣйствіе третье.

Чистая изба въ домѣ Кочетова. По серединѣ входная дверь; налѣво, у печки, дверь за перегородку, у двери поставецъ; направо подъ окнами лавка, у лавки столъ, на которомъ большія и малыя книги.

Явленіе первое.

Анисья и **Татьяна** (входятъ).

Анисья.

Пожалуй-ко! Тебя Господь несетъ,
А я гляжу въ окно, да не узнаю:
Какъ словно ты, — опять-же то мекаю,
Что видѣлись сейчасъ, зачѣмъ-де ей?
Ну, милости прошу.

Татьяна.

Такое дѣло
Приспѣлося; безъ нужды-бъ не пошла.

Анисья.

Само-собой. За дѣломъ, иль безъ дѣла,
А все же я радехонька.

Татьяна.

Съ Кириломъ
Панкратьичемъ повздорили за роспись
Маленько мы.

Анисья.

До брани не дошло.

Татьяна.

А долго-ли?

Анисья.

Да диво-ль побраниться?
Лиха бѣда заспорить.

Татьяна.

Не святые,
На всякій часъ не опасешься.

Анисья.

Намъ-бы
И спорить-то не для чего. Конечно,
Ведется такъ: нельзя не торговаться.
Ну, мужъ глава, при немъ и я по немъ;
А я тебѣ перечить-бы не стала.
Для матери дитя всего больнѣе;
Тебѣ печаль Наташу замужъ выдать,
Моя — сынка женить. Хоть поглядѣли-бъ
На ихъ житье. И радость-то одна
На старости: внучатъ скорѣй поняньчить,
Коль Богъ пошлетъ.

Татьяна.

Я, такъ и быть, прибавлю
Тафтяную сорочку, рудожелту.
Да вошвы есть на лѣтникъ, по атласу
Червчатому [1] шелки и серебро.
Совсѣмъ-было про нихъ забыла — стала
Въ коробьяхъ рыть, нашла, такъ что̀ таить.

Анисья.

Скупенька ты, а вотъ и разступилась
Для дочери. Да что̀ и говорить:
Затѣяли, такъ надо кончить дѣло.
Убытка нѣтъ тебѣ: такого зятя
Съ огнемъ ищи, такъ не найдешь, повѣрь.
Не матери-бъ хвалить.

---

[1] Т. е. багряному, ярко-малиновому.

Татьяна.

И не хвалила-бъ.
У насъ глаза не слѣпы — парня видимъ.
Дурнымъ его не назовешь, изъ роду
Не выкинешь; а поискать, приняться,
Такъ есть и лучше на Москвѣ; не клиномъ
Сошлась она. Да вотъ бѣда какая:
Искать-то мнѣ не время; тороплюся,
Приходится сбывать Наталью съ рукъ.
Послушай-ко! На Кисловкѣ, бокъ-о-бокъ,
Сосѣдъ у насъ изъ нашего приказа
Подьячишко, — да, Господи прости!
Такой-то пёсъ постылый! Наберется
Угару-то хмельнаго, колобродитъ
По всѣмъ дворамъ; а чаще всѣхъ ко мнѣ.
И подчую, нельзя. По разговорамъ,
Какъ вижу я, присвататься онъ хочетъ.

Анисья.

Не Клушинъ-ли?

Татьяна.

Ну, онъ. А развѣ знаешь?

Анисья.

Кумой зоветъ, — крестили вмѣстѣ. Ходитъ
Частенько къ намъ и пить, и похмѣляться.
Докучливъ такъ-то часомъ, что не знаешь,
И выжить какъ. Чего-жь его бояться?
Не отдавай! Не кто тебя неволитъ,
Не оторветъ съ руками.

Татьяна.

Оторветъ;
Сильна рука у плута. Подслужился
Боярину Лопухину и нашимъ
Боярынямъ верховымъ, казначеямъ.
Боярское для насъ велико слово,

Велятъ отдать, не станешь спорить, выдашь
За пьяницу.

Анисья.

Ахти! Бѣда какая!

Татьяна.

Ну, сватьюшка, еще-ли ты не видишь
Любви моей? Другая набиваться
Стыдилась-бы, а я васъ упреждаю:
Не мѣшкайте!

Анисья.

Чего-же дожидаться!
Хоть завтра-же! Спасибо, что сказала.
Проснется мужъ, поговоримъ, да съ Богомъ,
Благословясь, и по рукамъ ударимъ.
А тамъ, честнымъ пиркомъ ... Ужь такъ-то рада,
И словъ тебѣ не вдругъ найду ... Ну, сватья,
Въ свѣтелочку ко мнѣ! На всей прохладѣ
Медку испить пожалуй, за любовь.

(Уходятъ. Изъ боковой двери, съ просонковъ послѣ полуденнаго сна, выходитъ Кочетовъ, отворяетъ поставецъ, достаетъ сулейку и чарку и, оглядываясь, наливаетъ.)

Явленіе второе.

Кочетовъ (одинъ).

Кочетовъ (со вздохомъ).

Единую. Жена не увидала-бъ,
Храни Господь! Хоть въ домѣ я глава,
А все-таки ... (Пьетъ.) Закусочки пошарить.

(Закусываетъ.)

А все-таки блюдуся шуму. Звонокъ,
Пронзителенъ ихъ голосъ бабій. (Откашливаясь.)
Знатно!
Винца испить любезно скуки ради;
Да только жаль, что чарочка мала,

И потому вторично. (Пьетъ.) Вотъ и полно.

(Ставитъ сулейку на мѣсто, закрываетъ поставецъ и садится къ столу.)

Теперь начну прохладно насыщаться
Премудростью чужой.

(Раскрываетъ рукопись Домостроя, лежащую на столѣ.)

Гдѣ ни откроешь,
Словесный медъ и пища для души.

(Надѣваетъ очки и читаетъ.)

„А дѣти аще небрегомы будутъ,
Въ ненаказаніи отцовъ живя,
Что̀ согрѣшатъ, иль злое что̀ содѣютъ —
Отцамъ и матерямъ отъ Бога грѣхъ,
А отъ людей укоръ и поношенье,
Въ дому тщета и скорби, и убытокъ,
А отъ судей соромота, продажа“.
Премудрыя слова отца Сильвестра!
А далѣе читаемъ: „Како дѣти
Спасати страхомъ“. „Не ослабѣвай,
Бія младенца! Аще бо жезломъ
Біешь его, на здравіе бываетъ,
Казни измлада сына своего
И ребра сокрушай, покуда малъ;
А выростетъ — не дастся“. Это правда.
Великій былъ мудрецъ отецъ Сильвестръ!
Для сына я не пожалѣлъ жезла,
И выростилъ стыдливѣе дѣвицы:
Какъ рыба, нѣмъ предъ старшимъ пребываетъ,
Родителя приказы принимаетъ
Въ молчаніи, съ поклономъ исполняетъ.
На праздничныхъ пирушкахъ у родныхъ,
Склоня главу, сидитъ, а очи долу
Опущены имѣетъ. Глумотворства,
Веселія бѣжитъ. А наипаче
Училъ его блюстися скомороховъ,
Гудѣльниковъ, сопѣльниковъ, глумцовъ,
И пѣсенъ ихъ бѣсовскихъ; грѣхъ тягчайшій

Сіе бо есть. Могу хвалиться смѣло
Передъ людьми, что Яковъ мой не знаетъ
Мірскихъ забавъ и всяческихъ соблазновъ.

(Входитъ Клушинъ.)

Явленіе третье.

Кочетовъ и Клушинъ.

Клушинъ.

Хозяину и дому благодать
И миръ!

Кочетовъ (снимая очки).

Добро пожаловать, пріятель
Особенный, Василій Ѳалалеичъ!
Присядь!

Клушинъ.

Сажусь. Хозяйка поздорову-ль,
Кума моя, Анисья Патрикевна?

Кочетовъ.

Старуха-то? Старуха ничего,
Кой-какъ плетется.

Клушинъ.

Яковъ понавыкъ-ли
Писанію приказному?

Кочетовъ.

Подъ страхомъ
Родительскимъ по-малу навыкаетъ.
Обучится, не вдругъ-же.

Клушинъ.

Ну, и ладно.
Все слава-Богу, значитъ?

Кочетовъ.

Слава-Богу!

Клушинъ.

Ну, и восхвалимъ Бога!

Кочетовъ.

И восхвалимъ
За милости Его.

Клушинъ.

Ему во славу
Даровъ Его уботребимъ посильно
Отъ лознаго плода.

Кочетовъ.

Да негдѣ взять-то.
Подьячему вкушать не подобаетъ
Отъ гроздія. Копейки трудовыя
Въ моей мошнѣ дырявой шевелятся,
А не рубли, и намъ о фряжскихъ винахъ
И греческихъ и думать непригоже.
Простое есть.

Клушинъ.

Приказывай!

Кочетовъ.

Поспѣешь!
Пріятелю душевно радъ; понеже
Скудаюся давно бесѣдой умной.
По-дружески прошу тебя, Василій,
Поговоримъ съ тобой, покуда трезвы.
Диковина-ль напиться! Мы успѣемъ
Осатанѣть. Не прочь и я отъ чарки,
Лишь не люблю безумнаго веселья.
Бесѣдовать прохладно я желаю,
Отъ разума и отъ писаній книжныхъ,
О томъ, о семъ, о суетѣ житейской.
Вопросами другъ друга испытуя,

Паришь умомъ надъ сей земной юдолью,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витійственно свои слагаешь рѣчи,
И мнишься быти новый Златоустъ.
Люблю словесъ извитіе и жажду
Его душой. Подьяческихъ пирушекъ
Не жалую; въ нихъ брань да уреканье,
Да пьяный шумъ, воистину бѣсовскій.
Не мерзость-ли, когда они въ присядку
Пускаются по цѣлому десятку!

Клушинъ.

А я хмельной умнѣе.

Кочетовъ.

Другъ Василій,
Не похвались! Ума-то не теряешь
Во истину; да на руку-то скоръ
И дерзостенъ бываешь въ разговорѣ, —
Частехонько за бороду чужую
Имаешься, какъ за свою, безъ спроса,
Иль, сохрани Господь, чѣмъ ни попало
По лысинѣ огрѣешь.

Клушинъ.

Въ этомъ грѣшенъ.
Не что̀, начнемъ. Разсыпать разговоръ
И я не прочь.

Кочетовъ.

Вотъ мы заговорили,
Что милостивъ Господь до насъ. Вопросъ:
А милостей достойны-ль мы Господнихъ?

Клушинъ.

Отвѣтъ: никакъ.

Кочетовъ.

А почему? вопросъ.

Клушинъ.

Отвѣтъ: зане грѣха и всякой скверны
Содѣтели; живемъ скотоподобно
И пьянственно; а грѣхъ лихоиманья,
Грабительства, прижимки, волокиты
И всякаго томленья православныхъ
Первѣйшій въ насъ; и мы ничѣмъ не лучше
Разбойниковъ, сѣдящихъ по оврагамъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, подъ ветхими мостами.

Кочетовъ.

Разбойниковъ?

Клушинъ.

И татей полунощныхъ ...

Кочетовъ.

Постой, постой! Я изловилъ тебя.
Еще вопросъ, и самъ ты повинишься.
Не первому-ль новозавѣтный рай
Разбойнику отверзся?

Клушинъ.

Эко дѣло!
И въ правду такъ. Винюсь. Скажи, пожалуй,
Изъ памяти ушло.

Кочетовъ (со вздохомъ).

Кому-жь и помнить
Разбойника спасенье, какъ не намъ.
Нашлось ему въ раю мѣстечко, будетъ
И намъ съ тобой. Въ міру живемъ, пріятель,
Не согрѣшить нельзя — питаться надо,
Кормить семью. Грѣха не убѣжишь,
Въ грѣхѣ рожденъ. А наше лихоимство
Велико ли? Обычная подачка
Отъ воеводъ.

Клушинъ.

А тѣ посадскихъ грабятъ.

Кочетовъ.

Такой чередъ отъ вѣка предуставленъ,
А то-бы какъ мірская-то копейка
Изъ дальнихъ странъ Россіи неоглядной,
Изъ Галича, изъ Вологды, иль Перми
До нашихъ рукъ сиротскихъ доходила! (У двери.)
Жена, войди! Василій Ѳалалеичъ
Въ гостяхъ у насъ. (Входитъ Анисья.)

Явленіе четвертое.

Кочетовъ, Клушинъ и Анисья.

Анисья (цалуясь съ Клушинымъ).

Ахъ, куманекъ любезный!
Надумался, въ кой-то вѣки. Лёгко-ль,
Кажись, ужь годъ, тебя я не видала;
А Кисловка-то подъ бокомъ у насъ,
Не за моремъ. Не грѣхъ-бы толконуться
Когда-нибудь, куму провѣдать.

Клушинъ.

Видишь,
Дѣла у насъ. Царица молодая
Повеселѣй живетъ. Ея дворецкій,
Абрамъ Никитичъ Лопухинъ, покою
Не знаетъ самъ, да не даетъ и намъ.
Во всемъ дворцѣ у всѣхъ теперь работы
Прибавилось; то новыхъ нянекъ, мамокъ
Готовили, а вотъ теперь родины,
Такъ нѣкогда, не обезсудь.

Анисья.

Да полно
Виниться-то! Я рада, что пришелъ.

Кочетовъ.

Поди-ко ты да принеси ...

Анисья.

Ужь знаю,
Чѣмъ подчивать. Не яства-же сахарны
Поставить вамъ! И хлѣбомъ не корми,
Да дай винца.

Клушинъ.

Не то, чтобъ я любилъ,
А, видишь ты, у государя радость,
Такъ веселы и слуги. Погляди-ко!
Пьяна Москва отъ мала до велика.
Бояре пьютъ съ почетомъ у царя,
Промежь себя дворяне, духовенство
И всякій чинъ придворный; а подьячій —
Гдѣ подчуютъ его. И всякій пьетъ,
Гдѣ есть вино и гдѣ ему придется.
Въ такіе дни и пьется какъ-то ходко,
Особенно за умною бесѣдой
Съ пріятелемъ.

Анисья.

Да что̀ грѣха таить,
Захочешь пить, такъ радости найдутся.
Не первый годъ съ тобой знакома, знаю
Обычай твой: до чарочки охочь.

Клушинъ.

И не запрусь, кума.

Анисья.

Не въ осужденье
Слова мои. Пилось-бы на здоровье!
Хозяева такимъ гостямъ и рады
Податливымъ; спѣсивый, право, хуже,
Поклонами замучаетъ. Всю спину
Сведетъ тебѣ, не разогнешься послѣ.
А ты не ждешь поклоновъ, и спасибо.
А, чай, тебѣ постами тяжело
Безъ пѣннаго? Повадка-то неволитъ,

А разрѣшенья нѣтъ. А кто привыченъ,
Такъ, слышала, ой-ой непереносно
Говѣнье-то.

Клушинъ.

Ну, что ужь! Умираю.

Анисья.

А вѣдь грѣшишь, поди?

Клушинъ.

Не потаюсь.
Грѣшить грѣшу, да каюсь въ окаянствѣ,
По тысячамъ поклоны отбиваю
Частехонько, всѣ лѣстовки [1] ошмыгалъ.

Кочетовъ (женѣ).

Да ты-бы шла.

Анисья.

Иду. Затолковалась.
Сейчасъ велю подать. И у самой-то
Въ гостяхъ сидитъ знакомая старушка,
Такъ у меня припасено. Сидите,
Бесѣдуйте! Я гостью провожу,
И къ вамъ приду, присяду. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Кочетовъ, Клушинъ и потомъ слуга.

Кочетовъ.

Другъ любезный,
Про новости, какія есть, скажи!

Клушинъ.

И то хочу сказать тебѣ изъ свѣжихъ.

(Слуга вноситъ вино и закуску, ставитъ на столъ и съ поклономъ уходитъ.)

[1] Кожаныя чётки.

Кочетовъ (наливая чарку).

За здравіе царя и государя
И матушки-царицы. (Пьютъ. Хочетъ закусывать.)

Клушинъ (наливая по другой).

Погоди!
Пожди, постой! Тотчасъ-же по другой
За здравіе царевича Петра,
Новорожденнаго!

Кочетовъ.

На многи лѣта! (Пьютъ.)

Клушинъ.

И новости теперь. Вдову, Татьяну
Макарьевну, изъ мастерицъ золотныхъ,
Знавалъ-ли ты?

Кочетовъ.

Ну, какъ ее не знать.

Клушинъ.

И дочь ея, Наталью, знаешь?

Кочетовъ.

Знаю.

Клушинъ.

А деньги есть у нихъ?

Кочетовъ.

Еще-ль не быть!
Накоплено, и не прожить.

Клушинъ.

Наталья
На возрастѣ, и люди дѣвку хвалятъ.
Такъ вотъ тебѣ и новость: я сбираюсь
Присвататься.

Кочетовъ.

Недурно ты задумалъ,
Да поздно, другъ.

Клушинъ.

Ничуть.

Кочетовъ.

Повѣрь, что поздно

Клушинъ.

И старше есть, да женятся. Завистно
Приданое. А сватовство ведется
Не женихомъ, а сватомъ; плохъ женихъ,
Да сватъ хорошъ, и ладно. Я Абрама
Никитича посватать попросилъ.
Я старъ и вдовъ, а скажетъ только слово
Боярское — и любъ, и молодъ буду.

Кочетовъ.

Да поздно, другъ. Ищи себѣ другую,
Наталью намъ оставь; сговорена
За Якова.

Клушинъ.

Я, чай, Василій Клушинъ —
Не Яковъ твой. Его за человѣка
Не всякъ сочтетъ. Помѣха не велика
Въ поддружьи быть ему на нашей свадьбѣ
И то за честь великую.

Кочетовъ.

За сына
Горой вступлюсь. Не тронь его.

Клушинъ.

Вступайся.
Недороги вы оба.

Кочетовъ.

Ты великъ-ли?

Клушинъ.

Великъ, иль малъ, а все-жь не скоморохъ.

Кочетовъ.

Ужь врать, такъ врать, Василій. Ври ужь вдосталь!
Когда его видалъ ты скоморохомъ?

Клушинъ.

Сегодня, другъ.

Кочетовъ.

Кого же Яковъ тѣшилъ?

Клушинъ.

Матвѣева.

Кочетовъ.

Не лги! У Артемона
Сергѣича холопы есть.

Клушинъ.

Холопы
Холопами, и Якову есть мѣсто.

Кочетовъ.

Да съ пьяну-то не только скоморохи,
Покажутся тебѣ и черти.

Клушинъ.

Ладно.
Покажутся, такъ открещусь!

Кочетовъ.

Василій,
Не пустословь! Облай его, какъ хочешь,
Грабителемъ казны, церковнымъ татемъ,
Убійцею, коль Бога не боишься,
Коль бѣсъ въ тебя засѣлъ; а скоморохомъ
Не обзывай!

Клушинъ.

Кричи себѣ, пожалуй,
Не страшно мнѣ ничуть.

Кочетовъ.

Да гдѣ-жь ты видѣлъ?
Скажи, злодѣй!

Клушинъ.

Въ аптекарской палатѣ.
Дворцовую аптеку знаешь?

Кочетовъ.

Знаю. (Съ ужасомъ.)
И тамъ внизу потѣшная ...

Клушинъ (таинственно).

Не то.
Надъ царскою аптекой есть палата
Просторная; съ великимъ береженьемъ,
Тихонько тамъ, обычаемъ нѣмецкимъ,
Подьяческихъ дѣтей и иноземцевъ
Нѣмецкій попъ потѣхѣ новой учитъ,
Комидіи.

Кочетовъ.

Нѣмецкій попъ?

Клушинъ.

Яганъ
Готфридовичъ Григорьевъ.

Кочетовъ.

Боже!
Нѣмецкій попъ крещеныхъ, православныхъ
Подьяческихъ дѣтей потѣхѣ учитъ!

Клушинъ.

Комидіи.

Кочетовъ.

О, Господи, помилуй!

Клушинъ.

Нѣмецкая потѣха мудрена,

Не всякому подъ силу. Яковъ понялъ,
На диво всѣмъ дался.

Кочетовъ.

Да въ чемъ она,
Потѣха-то нѣмецкая?

Клушинъ.

Примѣрно,
Хоть Якова одѣнутъ чортомъ, лѣшимъ,
И выпустятъ ломаться на потѣху.

Кочетовъ (хватаясь за голову).

Ахъ, ужасъ, страсть!

Клушинъ.

Ну, и крутись, какъ знаешь.

Кочетовъ.

Не вѣрю я лжецу. Уйди, исчезни!
Убью тебя, клеветника!

Клушинъ (испугавшись).

Я, друже,
Не виноватъ ни тѣломъ, ни душой,
У Якова спроси, не отопрется.

Кочетовъ.

Не вижу я, не помню ничего.
О, Господи! Такое испытанье
Тяжелое! Не пережить его.
Тоска и стыдъ грызутъ меня. Отъ сына
На голову сѣдую поношенье,
Позоръ и срамъ. Змѣя въ моей груди.
Прискорбно мнѣ! Душа горитъ. Покоя
Не обрѣту во вѣкъ. Жена! Анисья!

(Беретъ со стола Домострой.)

Отецъ Сильвестръ! Я прокляну его.

(Садится и закрываетъ лицо руками. Входятъ: Анисья и Татьяна.)

Явленіе шестое.

Кочетовъ, Клушинъ, Анисья и Татьяна.

Анисья.

Ну, что̀ у васъ? Никакъ нельзя безъ крику!
Лишь выпили, и зашумѣли.

Кочетовъ.

Охъ!
Не съ пьяну я кричалъ.

Анисья.

А мы съ Татьяной
Макарьевной и выпили, да тихо,
Не ссоримся, и пьяны, да умны.
Покончили дѣла, Кирилъ Панкратьичъ.
Съ чего завялъ? Не вѣшай головы!
Сынка женю, Василій Ѳалалеичъ!
Отъ радости, не чуя ногъ хожу.
Вставай отецъ, молиться Богу будемъ!

Кочетовъ.

Сынка женить? А гдѣ сынокъ?

Анисья.

Вернется.
У дѣла, чай.

Кочетовъ.

У дѣла? У какого?

Анисья.

Приказнаго.

Кочетовъ.

Ну, вотъ ему неволя
Въ приказѣ быть, тянуть сызмала лямку
Отцовскую. Сынокъ-то лучше службу
Нашелъ себѣ.

Анисья.

Какую-жь?

Кочетовъ.

Скоморошью!

Анисья и Татьяна.

Ай-ай! Ахти, бѣда!

(Входитъ Юрій Михайловъ, за нимъ Яковъ. Наталья прокрадывается за ними въ уголъ.)

Явленіе седьмое.

Кочетовъ, Клушинъ, Анисья, Татьяна, Юрій Михайловъ, Яковъ и Наталья.

Кочетовъ.

Его-ли надо?
Куда зашелъ, бѣсоугодникъ? Съ нами
Не быть тебѣ, служитель сатанинъ!
Въ покоѣ семъ иконы, и куренье
Отъ ладона возносится почасту.
Молитвой я встрѣчаю утро здѣсь,
Молитвой день мятежный провожаю.
Изыди вонъ! Изыди, окаянный!
Тебѣ вольно вездѣ бродить; не смѣй
Вступать подъ кровъ родительскій! На свѣтѣ
Просторъ великъ глупцамъ и скоморохамъ,
По смерти имъ одно готово мѣсто
Съ діаволомъ. И буди про ...

Наталья (выбѣгая изъ угла).

Постой!
Молчи, старикъ! Не то своей рукою
Замкну твой ротъ, нечистый, богохульный!
Родительскимъ проклятьемъ не шути!
Легко тебѣ, у браги пьяной сидя,
Надъ дѣтищемъ безвиннымъ потѣшать

Хмельную блажь свою; а жить на свѣтѣ (плача)
Проклятому, подумай ты, легко-ль?
Такъ знай-же ты! Неправое проклятье
Отъ грѣшныхъ устъ, до неба не дойдя,
Воротится назадъ въ уста и свяжетъ,
Замкнетъ на вѣкъ, и будешь нѣмъ.

(Со слезами отходитъ.)

Татьяна.

Наталья,
Откуда ты взялась?

Анисья (со слезами).

Господь послалъ.
А мы-то! Мы стоимъ ...

Юрій.

Кирилъ Панкратьичъ,
Не для того привелъ къ тебѣ я сына,
Прислалъ его бояринъ не за тѣмъ.
Возьми его! По царскому велѣнью
Въ аптекарской палатѣ обучаютъ
Подьяческихъ робятъ библейскимъ дѣйствамъ,
Готовятся съ великимъ поспѣшеньемъ,
Чтобъ дѣйствовать передъ царемъ „Эсфирь“
Въ недолгій срокъ. Радѣя государю,
И жалуя тебя не по заслугамъ,
А ради лѣтъ преклонныхъ, Артемонъ
Сергѣевичъ велѣлъ, чтобъ Яковъ съ тѣми
Робятами учился вмѣстѣ. Яковъ,
Боясь грѣха и твоего проклятья,
Противенъ сталъ и бѣгаетъ отъ службы.
Хвали его, а не брани, что волю
Отцовскую поставилъ выше царской.
Тебя-жь, Кирилъ, бояринъ, похваляетъ:
„Что нынче-де такихъ благочестивыхъ
Подьячихъ врядъ сыскать, чтобъ волѣ царской
Перечили — повиноваться власти

Грѣхомъ себѣ считали. Онъ-де знатно,
Впередъ другихъ задумалъ въ рай попасть".

Кочетовъ (женщинамъ).
Уйдите-ко покуда! Послѣ кликнемъ.

(Анисья, Татьяна и Наталья уходятъ.)

Явленіе восьмое.

Кочетовъ, Клушинъ, Юрій и Яковъ.

Кочетовъ.
А бо̀лѣ мнѣ, холопу, нѣтъ приказа?

Юрій (кланяясь).
Приказа нѣтъ къ тебѣ, а челобитье,
Чтобъ ты простилъ его, да грѣшныхъ насъ
И съ Яковомъ.

Кочетовъ.
Почесть-ли за посмѣхъ
Слова его, боярскія?

Юрій.
Не знаю.
Клади въ мѣшокъ, опо̀слѣ разберешь.
А я сказалъ боярину: молъ, старый,
Одумавшись, и самъ придетъ просить,
Чтобъ Якова опять въ ученье взяли.

Кочетовъ.
Смѣяться ты надъ старымъ молоденекъ
И глупъ еще.

Юрій.
Я воли не снимаю
Съ тебя, Кирилъ Панкратьичъ; не снимай
И ты съ меня! Твори елико хощешь;
А мнѣ сказать никто не запретилъ.
Прощай!

Кочетовъ.

Постой! Какая-же Эсфирь,
Когда робятъ чертями рядятъ?

Юрій.

Кто-же
Сказалъ тебѣ?

Кочетовъ.

Василій Ѳалалеичъ. (Сыну.)
Вотъ я тебѣ, ужо!

Юрій.

За что̀, помилуй?
Прости его!

Кочетовъ.

Простить-то я прощу,
А все-же страхъ внушить.

Юрій (Клушину).

Ты что̀-жь болтаешь?
Какихъ чертей ты видѣлъ? Агасфера
Въ величіи, въ парчѣ и багряницѣ,
Эсфирь въ слезахъ, Амана, Мордохея.

Клушинъ.

Цыгана я лохматаго ...

Юрій.

Свяжите
Скорѣй его! Не ты-ли къ Агасферу
На тронъ полѣзъ? Прибить хотѣлъ? И въ шею
Велѣлъ тебя погнать бояринъ.

Клушинъ.

Только
Не Агасферъ, а лекарь изъ жидовъ ...

Юрій (перебивая).

Постой, скажи! По шеѣ били?

Клушинъ.

Били.

Юрій (Кочетову).

Ну, вотъ тебѣ. (Клушину.) Царя на тронѣ видѣлъ?

Клушинъ.

Да кто-же мнѣ глаза отвелъ?

Юрій.

Не знаю.

Клушинъ.

Во всѣ глаза глядѣлъ, а не видалъ,
Не нѣмецъ-ли глаза-то отводилъ?
Все въ бокъ меня толкалъ. Ни Агасфера,
Ни трона я ...

Юрій.

Кому ты говоришь?
Мы трезвые, а ты съ утра затмился.
Нѣтъ, вы его свяжите!

Кочетовъ.

Ну, Василій,
Запутался, шальная голова.

Юрій.

Прощай!

Кочетовъ.

Пожди часокъ! А что̀ такое —
Комидія?

Юрій.

Видалъ пещное дѣйство?
Ну, вотъ, точь-въ-точь. Особую палату
Поставятъ намъ въ селѣ Преображенскомъ,
И дѣйствовать прикажутъ ежедѣнно
Въ глазахъ царя.

Кочетовъ.

Такъ вотъ что̀?

Юрій.

Послѣ дѣйства

Къ рукѣ пойдемъ.

Кочетовъ.

А жалованье будетъ?

Юрій.

Великое. И есть за что̀. Повѣришь,
Ночей не спимъ, заботъ, хлопотъ! Любезно
Житье твое, Кирилъ Панкратьичъ! Можно
Сидѣть тебѣ за чаркой, прохлаждаться,
Бесѣду весть, надъ Яковомъ мудрить:
Уму учить, иль по головкѣ гладить.
Ужь ты его прости скорѣй!

Кочетовъ (грозя пальцемъ).

Ну, Яковъ! (Показывая Домострой.)
Вотъ книга-то! Вся жизнь, какъ на ладони,
Показана. Читай о скоморохахъ
И бахаряхъ [1], и казнись.

(Яковъ съ поклономъ принимаетъ книгу и отходитъ въ уголъ.)

Ты сказалъ,
Что жаловать хотятъ робятъ?

Юрій.

Нельзя-же,
Не даромъ-же трудились.

Кочетовъ.

По полтинѣ?
Аль больше, чай?

Юрій.

Толкуй тутъ! По полтинѣ.

---

[1] Бахарь — сказочникъ, краснобай.

Кочетовъ.

Чего-жь еще?

Юрій.

Полтина! Соболями!
Не всѣхъ равно: по дѣлу, по заслугѣ,
А больше-то пожалуютъ отцовъ.
Прощай пока!

Кочетовъ.

Постой!

(Выходятъ: Татьяна, Анисья и Наталья.)

Явленіе девятое.

Кочетовъ, Клушинъ, Юрій, Яковъ, Анисья, Татьяна и Наталья.

Татьяна.

Кирилъ Панкратьичъ,
Ты Бога-то боишься-ли? Затѣялъ
Обманомъ жить. Сироты мы съ Натальей,
А ты сиротъ выводишь изъ ума.
Смотри-ко, сплелъ какую небылицу
На Якова, что Артемонъ Сергѣичъ
Въ сынки беретъ; а мы-то, съ дуру, вѣримъ.
А вышло-то на дѣлѣ, въ скоморохи,
Съ холопами ломаться передъ нимъ.
Ужь вамъ-бы такъ и брать ему подъ пару,
Женить его на дурѣ неумытой,
Въ покромошной, суконной тѣлогрѣѣ,
Съ гремушками на кикѣ; а не сватать
У честныхъ вдовъ отецкихъ дочерей!
Ужь нѣчего, хорошъ женихъ!

Клушинъ.

Помилуй,
Какой женихъ! Молокососъ, Татьяна
Макарьевна. Ну, мнѣ-ль чета! Примѣрно,

Какъ я теперь, въ года вошелъ, какъ должно,
На степень сталъ и чортомъ не ряжусь ...

Юрій.

А, ты опять заговорилъ.

Татьяна.

Не хвастай!
Хорошъ и ты; а все ужь лучше. Я-то,
Безумная, сокровище такое,
Красавицу свою, отроковицу,
Смиренницу ...

Юрій.

Постой-ко ты, Татьяна
Макарьевна, съ смиренствомъ-то. Недавно,
И часу нѣтъ, какъ Якова нашли
Въ твоемъ дому, у ней въ опочивальнѣ,
У дочери смиренницы. Я самъ
Волокъ его у ней изъ-подъ кровати.

Татьяна.

Ахъ, батюшки! Да какъ-же ты?

Наталья.

Не помню,
Хмельна была.

Татьяна.

Ахъ, срамъ! Не вѣрьте ей!
Ни отъ роду хмельного въ ротъ. Наталья,
Да есть-ли стыдъ въ тебѣ? Опомнись!

Клушинъ.

Парня
Хмельная ты пустила; иль не знаешь:
Хмельная вся чужая!

Татьяна.

Что-жь молчишь-то?
Да плюнь ему! Молъ, полно завираться!

У матушки въ дому живу, что̀ въ кельѣ,
Честнѣй, молъ, насъ, на свѣтѣ нѣтъ. Ты вотъ какъ
Скажи ему, безстыжему.

Наталья (отворотясь).

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна.

Да что̀-же ты, срамница,
Куда глядишь? Аль вправду, что̀-ль?

Наталья.

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна.

Зарѣзала меня.
Ахъ, батюшки! Отцы мои родные!
Не мнѣ людей корить, самой приходитъ
Кориться вамъ. Простите, Бога ради!
Возьмите съ рукъ, избавьте отъ стыда!

Анисья.

Какой тѣ стыдъ! За честь родня такая.

Кочетовъ.

Ну, то-то-же. Вотъ такъ-то лучше будетъ.

Наталья (Якову).

Ну, ловко-ли?

Яковъ (изъ-за Домостроя).

Наташа молодецъ!
А я-то глупъ, теперь лишь догадался.

Наталья.

Есть заповѣдь.

Яковъ.

Какая?

Наталья.

Не зѣвай!

Юрій.

Прощай теперь. Живите по-здорову;
А доброму началу добрый часъ.
Постой, забылъ. Велѣлъ тебѣ бояринъ
Во вторникъ быть пораньше на Постельномъ.
А что̀ сказать боярину, подумай,
Чтобъ глупостью людей не насмѣшить. (Уходитъ.)

Анисья.

Теперь начнемъ моленья и поклоны,
Благословясь, ударимъ по рукамъ.
Родители, возьмемтесь за иконы;
Ну, дѣтушки, валитесь въ ноги къ намъ.

Клушинъ.

Кому жена, да радость, да веселье,
А Клушину въ чужомъ пиру похмелье.

Эпилогъ.

(4-го іюня 1672 года). Постельное крыльцо.

Явленіе первое.

На авансценѣ, передъ каменною преградой, стоятъ дворяне, дѣти боярскія, подьячіе и прочіе служилые люди, которымъ входъ за каменную преграду былъ запрещенъ. Между ними **Грегори** съ своими учениками, **Юрій Михайловъ, Кириль и Яковъ Кочетовы и Клушинъ.** За преградой нѣсколько бояръ.

Клушинъ (Кочетову).

Чего-то ждутъ; бояре что̀-то шепчатъ
Между собой.

Кочетовъ.

А намъ какое дѣло?
У нихъ свои, у насъ свои заботы.
На то оно Постельное крыльцо,
Что всякій тутъ съ своей печалью.

Юрій.

Ты-то
Съ какою-же? Проситься въ воеводы?

Кочетовъ.

Куда ужь намъ? Не лѣзь въ чужую душу,
Оставь меня! Я знаю, что̀ мнѣ надо.

1-й комедіантъ.

Бѣглецъ пришелъ, глядите-ко, Яшутко.

2-й комедіантъ (Якову).

А насъ вчера бояринъ пирогами
Поподчивалъ торговыми.

1-й комедіантъ.

На квасъ
Сычёный далъ.

2-й комедіантъ.

И ангельское платье
Пошить велѣлъ, чтобъ дѣйствовать Товита.

Юрій.

Да что̀ къ нему пристали? Онъ не нашъ,
Особь статья. Въ овчарню возвратилась
Заблудшая овца — на радость дому.

Яковъ.

Уйти-бы намъ отсюда!

Кочетовъ.

Подождемъ
Боярина.

Яковъ.

Да страшно показаться.
Въ глаза ему не взглянешь отъ стыда.

Кочетовъ.

А ты молчи, за сына я въ отвѣтѣ.

Яковъ.

Ужь лучше мнѣ сквозь землю провалиться.

Юрій.

Молчите вы! Идутъ бояре съ верху.

(Выходятъ: дьякъ, Хитрово, Волынскій, Милославскій, Матвѣевъ, и нѣсколько бояръ.)

Явленіе второе.

Хитрово, Волынскій, Милославскій, Матвѣевъ, дьякъ, Грегори, Юрій Михайловъ, Кочетовъ, Яковъ, Клушинъ, комедіанты, бояре и разные люди.

Матвѣевъ.

Поди сюда, магистръ Яганъ Грегори.

(Грегори съ поклономъ подходитъ къ преградѣ.)

Дьякъ.

Великій Государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ тебѣ, иноземцу Ягану Готфриду, учинити комидію. А на комидіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсфирь, и для того дѣйства устроить хоромину вновь. (Бояре выходятъ за преграду.)

Хитрово.

Яганъ Готфридъ за всѣ дѣла берется:
Магистръ и попъ, и лекарь, и аптекарь,
И скоморохъ.

Грегори.

Нѣтъ, я не скоморохъ.

Хитрово.

Такъ кто же ты? Потѣшникъ, шпильманъ, что-ли,
По-вашему? Все тотъ-же скоморохъ,
По-нашему сказать тебѣ по-русски. (Уходитъ.)

Милославскій.

За что, Яганъ, шутовъ-то обижаешь?
Ну, какъ не грѣхъ? Нашелъ кого обидѣть!
Вѣдь, право, жаль! Тяжелый хлѣбъ у нихъ,
Горбомъ берутъ. Побои да увѣчья
За малую подачку переносятъ
И кормятся. А ты отнять задумалъ
Сиротскій хлѣбъ! (Уходитъ.)

Грегори.

Я хлѣбъ не отнимаю.
Шутовъ кормить еще вамъ долго будетъ.
Какой кто умъ имѣетъ, то и смотритъ:
Комидіи одинъ, другой медвѣдя,
Какъ пляшетъ онъ. Хорошій танецъ! Славно.

(Пляшетъ медвѣдемъ.)

Волынскій.

Покажешь намъ Эсфирь, Юдифь, Товита,
А что-жь потомъ? Одно вѣдь надоѣстъ.
И примешься неволей за скомрашьи
Потѣшныя погудки.

Грегори.

Нѣтъ, mein Herr!
О, много есть написано у тѣхъ,
Которые живутъ отъ насъ подальше.
И будемъ мы писать, — матерій разныхъ
Найдемъ себѣ. И всякій тамъ увидитъ
И жизнь свою, и что тихонько дѣлалъ,
И что онъ самъ одинъ съ подушкой думалъ.
А совѣсть кто свою забылъ, не знаетъ
Суда ея — онъ тамъ свой судъ найдетъ.

Волынскій.

А кто-же мнѣ судьею будетъ?

Грегори.

Комикъ.

Волынскій.

Ну, это, братъ, въ другихъ земляхъ ведется,
У насъ не такъ. (Уходитъ.)

Грегори.

А будетъ и у васъ.
Коль есть у всѣхъ, и вамъ уйти неможно
Отъ комика. Въ душѣ у человѣка,

Въ числѣ даровъ господнихъ, есть одинъ
Спасительный: порочное и злое
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.
Величія родной земли героевъ
Восхваливать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.

(Кланяется и уходитъ.)

Матвѣевъ.

Комидія въ иныхъ земляхъ ведется,
На свѣтѣ намъ не мало образцовъ,
И стало быть, что недурное дѣло,
Когда она угодна государямъ
Такихъ земель, которымъ свѣтъ ученья
Открытъ давно. И въ нашемъ государствѣ
Комидію заводитъ царь великій
На пользу намъ; народъ ее полюбитъ
И добраго царя добромъ помянетъ.

(Кочетовъ кланяется.)

Ну, что, старикъ? Какое челобитье?

Кочетовъ.

Сынка привелъ; возьми его, бояринъ!
Да будетъ онъ царевъ комедіантъ!

Приложеніе [1].

[1] См. Примѣчанія въ концѣ книги (стр. 535)

Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго-Новгорода.

I.

Тверь.

Апрѣль 1856 года.

Въ Тверь я пріѣхалъ еще до открытія навигаціи. Это было на святой недѣлѣ, погода стояла прелестная. Толпы народа въ праздничныхъ нарядахъ гуляли по набережной; Волга была въ полномъ разливѣ и, сливаясь съ Тверцой, представляла огромное пространство мутной, пѣнистой воды, взволнованной низовымъ вѣтромъ; съ набережной Отрочь монастырь [1] казался стоящимъ на островѣ. Но пусто и безжизненно было все это пространство; ни одно судно не оживляло рѣки и только черные плашкоуты, приготовленные для моста, виднѣлись на той сторонѣ, да мокрыя щепки и грязная пѣна прибоя лежали полосами по берегамъ, свидѣтельствуя о прибыли или убыли воды.

Нѣсколько свободныхъ дней до прихода весенняго каравана и недѣля, которую я провелъ въ Твери по отплытіи его, дали мнѣ возможность ознакомиться съ жизнью города, такъ красиво построеннаго и такъ счастливо поставленнаго на перекресткѣ путей желѣзнаго и водныхъ. Всѣ мѣстныя условія, какъ кажется съ перваго взгляда, должны бы способствовать промышленному процвѣтанію Твери: желѣзная

[1] Этотъ бѣдный монастырь, основанный Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ (княж. 1263—1272 г.), замѣчателенъ въ нашей исторіи двумя жертвами. Тамъ провелъ въ заточеніи 26-ть лѣтъ, жертвой невѣжества, Максимъ Грекъ; тамъ же убитъ Малютой Скуратовымъ Филиппъ митрополитъ.

дорога соединяетъ ее съ Петербургомъ и Москвою; верхніе и нижніе Волжскіе караваны пристаютъ подъ самымъ городомъ; Тверца, какъ начало Вышневолоцкой системы, представляетъ другой путь соединенія съ Петербургомъ, — путь дешевый для тяжелыхъ грузовъ. Но мнѣ довелось убѣдиться, что, несмотря на благопріятную мѣстность, Тверь въ промышленномъ отношеніи никакъ не можетъ считаться городомъ *процвѣтающимъ*. Разбирать подробно причины слабаго промышленнаго развитія, при такихъ счастливыхъ условіяхъ, я предоставляю спеціалистамъ, я скажу отъ себя только то, что видѣлъ и что удалось узнать, на сколько дозволяли мнѣ и краткость времени и непривычка къ наблюденіямъ подобнаго рода. Я напередъ оговариваюсь, что главнымъ моимъ дѣломъ было добросовѣстное собираніе фактовъ; что же касается до выводовъ, которые могутъ встрѣтиться какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ статьяхъ, то я имъ, какъ личнымъ соображеніямъ, не придаю большой важности. Всякій, болѣе меня знакомый съ экономическими науками, можетъ сдѣлать это дѣло лучше, и я только потому даю мѣсто въ своихъ статьяхъ моимъ соображеніямъ, что въ нихъ, какъ сдѣланныхъ на мѣстѣ, можетъ быть своя доля правды.

Первое, что поражаетъ наблюдателя въ Твери, — это бѣдность промышленнаго класса (мѣщанъ) и ничтожность заработной платы и выручки. Приведу нѣсколько фактовъ. Главный промыслъ бѣдныхъ тверскихъ мѣщанъ составляетъ перевозка черезъ Волгу; этой работой занимаются около ста человѣкъ. Такого количества перевозчиковъ для Твери много и выручка держится только между 15 и 20 коп. сереб. въ день на человѣка. Да и эта работа только весной; по сбытіи воды наводятся два моста черезъ Волгу и одинъ черезъ Тверцу; тогда ищи рукамъ какой нибудь новой работы. А зима? Взгляните только на утлую *глинковку* [1], въ которой васъ повезутъ за Волгу, и вы ясно убѣдитесь, что перевозчики — народъ бѣдный, очень бѣдный. Глинковки дѣлаются изъ тесу и такъ тонко — того гляди, что

[1] Глинковки, — перевозныя лодки, — названіе свое получили отъ деревни „Глинки", гдѣ онѣ строятся. Видомъ похожи на общеупотребительныя въ верхнихъ частяхъ Волги ржевки, только меньше и легче. Деревня Глинки на лѣвомъ берегу Тверцы, въ 25 верстахъ отъ впаденія въ Волгу.

продавишь ногой, что и бывало. Много тонетъ народу на этихъ глинковкахъ, особенно при сплавѣ внизъ, когда пассажировъ набивается полная лодка. Былъ одинъ случай: кто-то захотѣлъ переправить корову за Волгу, корова, на серединѣ рѣки, продавила копытомъ лодку и всѣ потонули. Да и взыскать нельзя съ перевозчиковъ; даже четыре руб. серебромъ — обыкновенная цѣна за эту *посудину* [1], для нихъ ужъ великая сумма. Въ межень, по недостатку работы, занимаются перевозкой не болѣе двадцати человѣкъ, а остальные или ходятъ на *вязкахъ* [2] вверхъ, или возятъ внизъ, иногда до самаго Рыбинска, бѣдныхъ пассажировъ, которымъ дорого съѣхать на пароходѣ. На пароходѣ надобно заплатить до Рыбинска за мѣсто на открытой палубѣ 2 р. 50 к., а на лодкѣ 75 коп., конечно съ условіемъ грести по очереди: но такой трудъ ничего не значитъ для рабочаго человѣка. По пріѣздѣ въ Рыбинскъ хозяинъ лодки продаетъ ее за безцѣнокъ и отправляется домой пѣшкомъ или остается тамъ работать. Другой промыселъ—разгрузка; эта работа въ Твери временная и непродолжительная, не то что въ Рыбинскѣ, и притомъ нужно имѣть лошадь, а кто имѣетъ лошадь, тотъ ужъ не такъ бѣденъ. Въ 1855 г. разгружено въ Твери барокъ 148, лодокъ [3] 512, связокъ 138, съ платою съ каждаго куля, или берковца отъ двухъ до трехъ копеекъ серебромъ. Разгрузкою занимаются около двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, съ такимъ же количествомъ лошадей [4]. Судостроеніе въ Твери, въ послѣднее время, въ совершенномъ упадкѣ. Въ 1855 году выстроена 31 барка указной мѣры, постройкой занимались тверскіе мѣщане въ числѣ 45 человѣкъ. За всю эту работу придется около двадцати рублей на человѣка. Въ зимнее время весь бѣдный классъ судопромышленниковъ занимается кузнечнымъ мастерствомъ: ковкою гвоздей, барочныхъ принадлежностей и другихъ мелкихъ издѣлій. Работа изнури-

---

[1] Посудиной, или посудой называется вообще всякое судно на Волгѣ.

[2] Двѣ лодки счаливаются вмѣстѣ бортами, принимаютъ какую-нибудь кладь и тянутся двумя лошадьми до мѣста. Называются также и *связками*.

[3] Вышневолоцкихъ. См. ниже.

[4] Въ 1856 г. съ открытія навигаціи по 1 Сентября разгружено: барокъ 126, лодокъ 578, связокъ 138.

тельная и малоприбыльная: работники спятъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки и выработываютъ не болѣе полтинника въ недѣлю. Самъ я зимой въ Твери не былъ и за вѣрность этого показанія ручаться не могу; но я его слышалъ, по крайней мѣрѣ отъ двадцати человѣкъ, въ разное время, слововъ-слово, поэтому предполагать обманъ трудно [1]. Здѣсь, я думаю, будетъ кстати привести одну характеристическую черту тверскихъ мѣщанъ, ярко выказывающую ихъ бѣдность. Самое лакомое кушанье, о которомъ они мечтаютъ, это жареный лукъ въ конопляномъ маслѣ. Мяса не видятъ почти круглый годъ.

Женскій промыселъ, повсемѣстно распространенный въ Твери и почти единственный,—вязанье простыхъ чулковъ въ одну иглу, изъ самой грубой шерсти. Ихъ вырабатывается весьма большое количество и развозится по ярмаркамъ; но заработная плата такъ ничтожна, что фунтъ вязаной шерсти и фунтъ невязаной немногимъ разнится въ цѣнѣ. Вотъ главные промыслы бѣдныхъ тверскихъ мѣщанъ. Тѣ, которые побогаче, имѣютъ *черныя* или вышневолоцкія лодки, на которыхъ доставляютъ изъ Рыбинска до Твери и другихъ городовъ по Волгѣ и Тверцѣ хлѣбный товаръ, соль, желѣзо и проч.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о наружномъ видѣ Твери. Внѣшностію своею, Тверь замѣтно отличается отъ другихъ городовъ, лежащихъ на Волгѣ. Особенная чистота главныхъ улицъ примѣтна даже и для пріѣзжихъ изъ столицъ. По всему видно, что Тверь играла роль корридора между Петербургомъ и Москвой, который безпрестанно мели и чистили и, по памяти и привычкѣ, метутъ и чистятъ до сихъ поръ. Петербургско-московское шоссе пролегаетъ въ центрѣ города по Милліонной улицѣ и площадямъ, обстроеннымъ красивыми зданіями, и на эту лицевую сторону обращено было все стараніе обывателей и начальства и мимолетное вниманіе путешественниковъ. Обыватели строили гостинницы на Милліонной, украшали ихъ по возможности, пекли пряники, изображающіе стерлядей, свернутыхъ коль-

[1] Кузнечнымъ мастерствомъ занимаются не только въ Твери, но и въ уѣздѣ. Особенно замѣчательна выдѣлка гвоздей въ селахъ Васильевскомъ и Михайловскомъ, графини Лаваль. Въ городѣ и въ уѣздѣ выковывается, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, до 100 т. пуд. въ годъ. Ковкою гвоздей занимаются даже *женщины*.

цомъ, и коврижки съ губернскимъ гербомъ. Проѣздный городъ, чтобъ его помнили, непремѣнно долженъ имѣть какую нибудь съѣстную особенность. Торжокъ извѣстенъ пожарскими котлетами, Валдай—баранками, Тверь когда-то, по словамъ Пушкина, славилась макаронами [1], а теперь пряниками. Для путешественника любо, когда онъ проѣзжаетъ чистымъ, веселымъ городомъ, въ которомъ можно остановиться въ удобной гостинницѣ и поѣсть хорошо и потолковать съ ловкимъ прислужникомъ о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ. Такой городъ непремѣнно покажется ему цвѣтущимъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, такъ онъ его и занесетъ въ свои записки. Вотъ что говоритъ о Твери баронъ Гакстгаузенъ [2]: „L'aspect de Twer est admirable. Rebâtie en entier, après l'incendie de 1763, cette ville peut être mise au nombre de plus belles de la Russie, du moins aux yeux, de ceux qui font consister la beauté d'une ville dans de larges rues, tirées au cordeau, dans de belles maisons en pierre, ornées de colonnes et de balcons; de vastes places, entourées de bâtisses semblables à des palais et une multitude d'églises, surmontées de coupoles et de clochers. Dans quelques rues on voit de jolies allées de tilleuls. Des points, d'où la vue s'étend sur le fleuve, on aperçoit un mouvement extraordinaire: il est couvert d'une foule de barques, dont le nombre s'élève par an à environ 4000". Но почтенный баронъ ничего не говоритъ о томъ, что на эти 4000 судовъ тверскіе жители только поглядятъ. Они постоятъ да и уйдутъ въ Петербургъ, не доставивъ никакой работы, а слѣдовательно и выгоды тверитянамъ. Перегрузки въ Твери нѣтъ, а разгрузка, какъ я уже упомянулъ, незначительна. Далѣе Гакстгаузенъ говоритъ: „Le mouvement des rues atteste la situation florissante du commerce et l'etat prospère des habitants. Les russes disent, en parlant de cette ville: Twer gorodoc — Moskvi ougolok". Все это можетъ быть и было, да теперь прошло. Безжизненнѣе тверскихъ улицъ я не видалъ во всей Великороссіи; а Москвы угол-

[1] У Гальіони иль Кальіони
Закажи себѣ въ Твери,
Съ пармезаномъ макарони
И яичницу свари ...

[2] Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. 1 v., Hanovre, 1847.

комъ называется и Ярославль, и Тула, и Казань, и даже Ростовъ. Впрочемъ физіономія проѣздныхъ городовъ всегда обманчива и легко принять суету отъ проѣзда за промышленное движеніе, а праздничную веселость за довольство.

Бѣдному классу обывателей тверскихъ весьма естественно было обратиться отъ вѣчной кормилицы ихъ Волги, которая, впрочемъ, безъ усиленнаго труда ничего не даетъ, къ легкому пріобрѣтенію, доставляемому огромнымъ проѣздомъ. Что за охота трудиться, когда каждая дѣвочка за мелкую тарелку малины и земляники, набранной въ полчаса, получала столько же, сколько большой человѣкъ за тяжелую работу цѣлаго дня. Но такъ какъ все, что легко пріобрѣтается, легко и проживается; то, обыкновенно на мѣстахъ проѣздныхъ и, такъ называемыхъ, бойкихъ, бываетъ много веселья и мало довольства, много пьянства и плохое хозяйство. Легкое пріобрѣтеніе, пріучая къ праздности, всегда мѣшаетъ промысламъ развиваться до той степени мастерства, гдѣ трудъ получаетъ большее вознагражденіе. Если бы проѣздъ по петербургскому шоссе не прекратился, Тверь и до сихъ поръ была бы веселымъ городомъ, но замѣчательно промышленнымъ — едва ли! Теперь на главныхъ улицахъ въ Твери безлюдно и безжизненно, а по уголкамъ бѣдные люди, непріучившіеся къ порядочной и прибыльной работѣ, занимаются утомительнымъ безвыгоднымъ трудомъ: перевозкой, кузнечнымъ мастерствомъ, вязаньемъ шерстяныхъ чулковъ. Едва ли я ошибусь, если скажу, что обстоятельства, поставившія Тверь на большомъ торномъ пути, не мало способствовали настоящей бѣдности ея мѣщанъ. Конечно, это не главная и не единственная причина; главною причиною бѣдности промышленнаго класса нашихъ городовъ средней полосы все-таки останется недостатокъ значительныхъ капиталовъ и излишество рабочихъ рукъ, а для Твери, вѣроятно, есть и другія мѣстныя причины, которыхъ мнѣ не удалось подсмотрѣть.

Недавно возникла за р. Тьмакой въ огромныхъ размѣрахъ бумагопрядильня московскихъ купцовъ Залогина и Каулина въ 44 т. веретенъ. Кругомъ фабрики строится цѣлый городъ: красильни, ткацкія, дома для помѣщенія директора и машинистовъ, длинные корпуса для рабочихъ и проч. Хозяева, какъ говорятъ, хотятъ провести желѣзную

дорогу отъ фабрики до соединенія съ Николаевской. Фабрика заложена въ 1853 г. и теперь уже дѣйствуетъ, хотя еще и не полными силами. Такое мануфактурное заведеніе сущее благодѣяніе для тверского края, гдѣ такъ много готовыхъ рукъ и такъ мало работы.

Устье Тьмаки, въ берегахъ которой видны слѣды какихъ-то водныхъ сооруженій, теперь запущенныхъ, очень удобно для стройки и починки судовъ, надобно только приложить умѣнье и капиталъ. Компанія пароходства „Самолетъ“ торгуетъ это мѣсто у города и хочетъ устроить безопасную гавань для своихъ пароходовъ. Говорятъ, что тверское городское общество находитъ какія-то препятствія этому полезному дѣлу [1]. Жаль! Если это предпріятіе удастся компаніи, то, при настоящемъ упадкѣ судостроенія въ Твери, много народу будетъ кормиться отъ этой работы.

II.

Весенній караванъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ полнаго разлива, Волга значительно сбыла, но зато воды ея ожили. У пароходной пристани стояли рядомъ три парохода, чистенькіе, какъ будто только вчера сдѣланные: „Тверь“, „Рыбинскъ“ и „Ярославль“ (общества Самолетъ); противоположный берегъ

---

[1] Теперь ужъ это дѣло кончено. Въ 131 № Московскихъ вѣдомостей 1857 г. я прочелъ слѣдующее извѣстіе изъ Твери отъ 14 октября: „На дняхъ жители города Твери присутствовали при освященіи вновь устроенной обществомъ „Самолетъ“ пароходной гавани, и при насъ были введены въ нѣсколько часовъ семь пароходовъ того общества, которые по спускѣ искусственно-поднятой воды остались на сушѣ, на нарочно устроенныхъ платформахъ, на нѣсколько аршинъ выше настоящаго горизонта Волги. Это простое, но практически придуманное устройство даетъ возможность ежегодно послѣ навигаціи осматривать подводныя части пароходовъ, исправлять и красить ихъ, что, какъ извѣстно, для сохраненія желѣзныхъ судовъ необходимо, и все это дѣлается въ нѣсколько часовъ безъ издержекъ; а что еще важнѣе—безъ ломки этихъ весьма легко построенныхъ пароходовъ. Гавань, построенная обществомъ, возникла въ глазахъ нашихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и въ настоящее время окончена для помѣщенія въ ней семи пароходовъ; какъ слышно, она стоила обществу значительныхъ издержекъ, но зато пароходы его, составляющіе весь капиталъ общества, совершенно обезпечены отъ случайностей внезапнаго вскры-

былъ окаймленъ новенькими барками верхняго каравана; черныя лодки, управляемыя десятисаженными *потесями*, сплавлялись внизъ за кладью; рыбаки причалили къ берегу свои пловучіе садки и торговали рыбой; перевозныя лодки сновали поперекъ Волги.

Въ это время главный интересъ представляетъ Затверѣчье [1]: тамъ, на крутомъ берегу, близъ каменныхъ хлѣбныхъ лавокъ (на которыхъ прошлогоднее наводненіе [2] ознаменовано черной чертой и оригинальной надписью: „4 Апрѣля 1855 года былъ потопъ до сихъ поръ“) какъ на биржѣ, толпятся всякаго рода рабочія артели, ожидая дѣла. Но прежде нежели будемъ говорить о рабочихъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о судоходствѣ по Волгѣ и о томъ караванѣ, который теперь прибылъ въ Тверь.

Судоходство по Волгѣ съ притоками и по всѣмъ тремъ системамъ [3] бываетъ или *подъемное (взводное)* — противъ теченія, или *сплавное*—по теченію. Подъемное судоходство производится тягою лошадей или людей; а сплавляютъ по-

---

тія рѣки зимою, какъ то случилось въ декабрѣ прошлаго года, и отъ ежегоднаго весенняго разлива рѣки и ледохода, часто весьма опасныхъ для зимующихъ судовъ. Этотъ докъ вырытъ въ горѣ близъ устья Тьмаки и обнесенъ земляньмъ валомъ, вышиною болѣе шести саженъ, то есть выше самыхъ весенніхъ водъ. Строители воспользовались весьма искусно небольшимъ притокомъ водъ рѣчки Тьмаки и наполняютъ ею гавань до необходимой высоты, посредствомъ весьма простой шлюзной системы. Гг. директоры общества выговорили себѣ право увеличить современемъ гавань эту до такихъ размѣровъ, чтобы въ ней могло помѣститься до сорока судовъ, и тогда не только извлекутъ изъ этого значительный доходъ для общества, но окажутъ благодѣяніе тѣмъ судохозяевамъ, которые до сего не знали гдѣ и какъ спасаться отъ льда. Утѣшительно видѣть, какъ наша Тверь ежедневно болѣе и болѣе принимаетъ видъ благоустроеннаго портоваго города, имѣя свои верфи, гдѣ строятся желѣзные пароходы. Разукрашенные разноцвѣтными флагами пароходы и щегольски одѣтые въ форменную одежду капитаны и экипажъ пароходовъ оживляли въ продолженіе цѣлаго дня мѣстность около новой гавани; а рабочіе, строившіе гавань, вмѣстѣ съ матросами пировали чинно за сытнымъ обѣдомъ и, за неизбѣжною чаркою, прославляли щедрость строителей и радуясь о благополучно оконченной навигаціи“.

[1] Часть города за Волгой на лѣвомъ берегу Тверцы.

[2] Залиты были обѣ части города, лежащія за Волгой (Заволжье, Затверѣчье); часть, лежащая за Тьмакой (Затьмачье), была затоплена совершенно. Опасность угрожала даже Милліонной улицѣ, если бы не насыпь, наскоро сдѣланная бывшими въ то время въ Твери ратниками.

[3] Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской.

средствомъ потесей и веселъ. Подъемомъ, или взводомъ приходятъ суда въ Тверь, во все продолженіе навигаціи, изъ всѣхъ пристаней, лежащихъ между Тверью и Рыбинскомъ, а также и изъ Твери до Вышняго Волочка по Тверцѣ; сплавляется же въ Тверь только одинъ караванъ ранней весной изъ верхневолжскихъ и гжатскихъ пристаней. Лѣтомъ, по причинѣ мелководья въ верхнихъ частяхъ Волги, отъ Ржева до Твери могутъ ходить только малыя легко нагруженныя суда. Всѣхъ карановъ, приходящихъ въ Тверь и отправляющихся по Вышневолоцкой системѣ, бываетъ въ лѣто три: *весенній, меженный* (лѣтній) *и осенній*. Весенній караванъ, о которомъ мы теперь и будемъ говорить, составляется: а) изъ судовъ, грузящихся на верхневолжскихъ и Гжатскихъ пристаняхъ [1] и частію b) изъ судовъ, нагруженныхъ на рогачевскихъ и другихъ пристаняхъ между Тверью и Рыбинскомъ. Этотъ караванъ, какъ и всѣ прочіе, отъ Твери до Вышняго Волочка доводится лошадьми въ двѣ недѣли; на каждую барку полагается 10 лошадей и 4 коновода. Въ Вышнемъ Волочкѣ стоянка, а не главное складочное мѣсто, какъ говоритъ г. Бабстъ въ статьѣ своей: „Рѣчная область Волги“ [2]. Изъ Вышняго Волочка выступаетъ въ половинѣ мая и доходитъ до С.-Петербурга въ семь недѣль, т. е. около Петрова дня. Отъ Волочка идетъ уже судоходство сплавное, коноводы возвращаются въ Тверь, а барки переснащиваются, т. е. снимается *дерево* (мачта) и *губа* (руль), устраиваются *полати* (четыре помоста), на которыя становятся — лоцманъ и рабочіе и по концамъ для управленія кладутся *потеси* [3] (девятисаженныя еловыя бревна обтесанныя въ видѣ веселъ).

---

[1] Отъ Зубцова до Твери сгоняются въ недѣлю.

[2] Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Географическій сборникъ, издаваемый Н. Фроловымъ, Москва 1852 т. 1, стр. 392. Эта статья до сихъ поръ представляетъ самое лучшее описаніе Волги и ея притоковъ. Нѣкоторыя значительныя ошибки, встрѣчаемыя въ описаніи верхнихъ частей Волги, извиняются тѣмъ, что, какъ видно изъ самой статьи, авторъ тамъ не былъ, а писалъ съ чужихъ словъ.

[3] Слово „потеси“ встрѣчается въ указѣ Петра I, 1октября 31 1720 г. „Всѣхъ купеческихъ людей товары и прочихъ людей припасы отъ Гжатской пристани и изъ другихъ городовъ въ С.-Петербургъ, какъ на судахъ, такъ и на возахъ не задерживать и остановки нечинить и до С.-Петербурга привальнаго, отвальнаго и прикольнаго и въ мостахъ на рѣкахъ и чрезъ каналъ (Тверецкій) пропускнаго и отъ свидѣтельства отписей и *съ потесей*, съ веселъ никакихъ поборовъ нигдѣ неимать“.

Главныя, типическія суда Вышневолоцкой системы: *барки* и *полубарки;* устройство ихъ, какъ мы увидимъ, вызвано необходимостью. *Барки*, составляющія весенній караванъ, строятся на верхнихъ частяхъ Волги и ея притоковъ, въ уѣздахъ: Гжатскомъ, Сычевскомъ, Ржевскомъ, Зубцовскомъ, Старицкомъ, Новоторжскомъ, Вышневолоцкомъ, Тверскомъ, а также и въ уѣздахъ, лежащихъ ниже Твери: Корчевскомъ, Кашинскомъ, Калязинскомъ, Углицкомъ и проч. Конструкція ихъ опредѣлена законами (XII Т. Св. Зак. изд. 1842 г. Уст. Пут. Сооб. ст. 122 и 123). Длина барки 17 саж., ширина 4 саж., вышина бортовъ 2 арш. Дно имѣютъ совершенно плоское, борта прямые. Въ длину борта прямы на 14 саженъ, носъ и корма закругляются на три сажени — значитъ по полторы сажени. Оснастка барки различна, глядя по тому, для какого судоходства она назначается: для подъемнаго или сплавнаго. Для подъемнаго ставится *дерево* (мачта) и навѣшивается *губа* (руль); при сплавномъ—то и другое снимается, а устроиваются, какъ мы уже сказали, *палати* и кладутся потеси. Барка сидитъ въ водѣ, при 6 — 6½ тыс. пуд. груза — 12 вершковъ, при 7—7½ тыс.—14 верш., при грузѣ отъ 7500 до 8000 пуд.— 15 вершковъ. Барки, совершивъ одну *путину*, никогда не возвращаются, а продаются въ Петербургѣ на дрова и отчасти на постройки. *Полубарки*—конструкціей своей сходны съ барками, размѣры ихъ также опредѣлены законами (Уст. Пут. Сооб. ст. 128). Длина не болѣе двѣнадцати, а ширина четыре сажени, высота стѣнъ отъ одного до полуторыхъ аршинъ. Грузу поднимаютъ отъ 4500 до 6500 пуд. при осадкѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати вершковъ.

Такое устройство судовъ условливается самимъ Вышневолоцкимъ путемъ. Суда возвращаться не могутъ, слѣдовательно должны стоить хозяину какъ можно дешевле. Потомъ въ Боровицкихъ порогахъ отъ неровности дна и отъ сильнаго волненія подвергаются перегибу, а по мелкости фарватера не могутъ глубоко сидѣть въ водѣ. Все это заставляетъ строить суда, во 1-хъ, совершенно плоскодонными, чтобы при малой осадкѣ поднимали какъ можно болѣе грузу, во 2-хъ, изъ тонко распиленнаго еловаго лѣсу (днище два дюйма, бока одинъ дюймъ) для гибкости, въ 3-хъ, топорной работы для избѣжанія лишнихъ издержекъ.

Къ типу вышневолоцкихъ судовъ можно причислить

вышневолоцкія лодки, хотя онѣ не входятъ въ каналъ Вышневолоцкій, а доходятъ только до Торжка и Вышняго Волочка и возвращаются назадъ въ Тверь. Онѣ строятся въ Вышневолоцкомъ и Осташковскомъ уѣздахъ и въ Твери. Длина отъ двѣнадцати до шестнадцати саженъ, ширина четыре сажени. Вышневолоцкія лодки называются такъ же *огибежными*, потому что днищевыя доски выходятъ изъ подводной части, загибаются и прикрѣпляются къ бортамъ. Эти лодки осмаливаются и поэтому большею частію на Волгѣ носятъ названіе *черныхъ* лодокъ. Управляются такъ же, какъ и барки. Грузу поднимаютъ отъ четырехъ съ половиною до семи тысячъ пудъ при осадкѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати вершковъ; служатъ до пяти лѣтъ.

Ходятъ по Тверцѣ и другія суда, какъ-то: тихвинки, соминки и проч., но такъ какъ онѣ принадлежатъ къ типу Тихвинской системы, то будемъ говорить о нихъ впослѣдствіи.

Главный грузъ весенняго каравана составляютъ, на судахъ пришедшихъ съ верхневолжскихъ и гжатскихъ пристаней, т. е. изъ Ржева, Зубцова, Гжатска и Старицы: пенька, сало, зерновой хлѣбъ (преимущественно яровой), льняное сѣмя, конопляное масло; а на судахъ, пришедшихъ съ пристаней, лежащихъ между Тверью и Рыбинскомъ, т. е. изъ селъ Рогачева и Кимры и городовъ: Корчевы, Калязина, Кашина, Углича, Мышкина: сало, зерновой хлѣбъ, пшеничная мука, а изъ Углича, сверхъ того, колбасы, ветчина, тряпье и сальныя свѣчи очень хорошаго качества. Этотъ товаръ частію отправляется по желѣзной дорогѣ.

Какъ этотъ караванъ сплавился до Твери, мы поговоримъ впослѣдствіи при описаніи ржевскихъ и зубцовскихъ пристаней, а теперь скажемъ, какіе рабочіе нужны ему для дальнѣйшаго пути. Во первыхъ — лоцманъ, который дѣйствуетъ рулемъ, чтобы управлять ходомъ барки и распоряжаться рабочими; во вторыхъ — коренные или водоливы, которые смотрятъ за чистотой судна и за цѣлостью товара; въ третьихъ, наконецъ, коноводы съ лошадьми, чтобы тянуть барку вверхъ по Тверцѣ.

Лоцмана. По пространству своихъ занятій лоцмана дѣлятся на три рода: 1) Низовые лоцмана, которые ведутъ суда изъ низовыхъ пристаней до Твери, между ними есть и Ярославцы, наприм. Копринскіе. 2) Тверскіе лоцмана

(крестьяне Тверскаго уѣзда), проводятъ суда отъ Твери до Вышняго Волочка. 3) Вышневолоцкіе (крестьяне Вышневолоцкаго уѣзда) сплавляютъ суда отъ Вышняго Волочка до Новгорода и С.-Петербурга. Всѣ эти лоцмана проводятъ барки отъ мѣста до мѣста и называются сквозными, въ отличіе отъ другихъ, которые ведутъ только по опаснымъ мѣстамъ и сдаютъ опять прежнимъ. Таковы въ Тверской губерніи въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Ножкинскіе лоцмана. Ихъ обязанность проводить суда по р. Мстѣ черезъ пороги отъ дер. Ножкиной до гор. Боровичъ. Они составляютъ особую артель и состоятъ въ казенной службѣ. Жалованья получаютъ 1 руб. 50 коп. съ каждой барки и по окончаніи навигаціи дѣлятъ поровну. Они же нанимаются у купцовъ на верхневолжскихъ и гжатскихъ пристаняхъ и ведутъ суда насквозь до Вышняго Волочка.

Лоцмана всѣ на хозяйскихъ харчахъ и жалованье получаютъ слѣдующее [1]:

	Плата въ одинъ конецъ	Сколько употребляется времени	Сколько дѣлаетъ концовъ въ теченіе лѣта
Низовому лоцману	9 руб. сер.	Въ 2 недѣли.	Всего 5 разъ.
Тверскому	12 „ „	„ 3 „	„ 4 „
Вышневолоцкому:			
До С.-Петербурга	30 „ „	„ 7½ „	Одинъ и тотъ же лоцманъ до С.-Петерб. 1 и до Новгорода 1.
„ Новгорода	14 „ „	„ 3 „	
Ножкинскому:			
Отъ Зубцова до Волочка .	17 „ „	Съ проходомъ изъ дому 4 недѣли.	Одинъ разъ.
За сгонъ барки чрезъ Ножкинскіе пороги:			
Казенная плата 1 р. 50 к. .	2 р. 50 к.	3 дня.	Два раза.
Частные подарки 1 р. . .			

Коренные. Коренные нанимаются на всю путину, то есть отъ мѣста и до Петербурга или Новгорода. Этимъ промысломъ занимаются крестьяне и мѣщане всѣхъ уѣздовъ,

[1] Свѣдѣнія получены чрезъ Статистическій Комитетъ изъ Тверской Пал. Госуд. Имуществъ.

начиная отъ Твери и до Ярославской губерніи, а также Старицкіе и Новоторы. Коренные дѣлаютъ въ лѣто одну путину. Самый большой путь и самая большая плата — это отъ Рыбинска до С.-Петербурга, отъ 30 рублей и болѣе, на хозяйскихъ харчахъ.

Коноводы. Коноводы нанимаются лоцманами: тянуть барки отъ Твери до Вышняго Волочка. Коноводы обыкновенно торгуются на пару лошадей, но приходятъ на работу — кто съ одной, кто съ двумя, кто съ тремя и т. д. и потомъ складываются для одной барки (10 лошадей). Средняя цѣна на пару отъ Твери до Волочка 15 руб. сереб.; харчи держатъ артельныя, а кормъ для лошадей, обыкновенно, покупаютъ у хозяевъ барокъ по цѣнѣ, разумѣется, высшей. Въ каждый караванъ коноводы дѣлаютъ одну путину (отъ Твери до Вышняго Волочка), итого три путины въ лѣто. Изъ Вышняго Волочка возвращаются по шоссе на телѣгахъ, въ которыя запрягутъ и кругомъ которыхъ увяжутъ свои десять лошадей и гонятъ очень скоро, чтобы даромъ не проѣдаться на дорогѣ. На каждую барку требуется десять лошадей при четырехъ коноводахъ: двое большихъ и два мальчика. Ранней весной коноводы тянутъ только по лѣвому берегу Тверцы, на которомъ сдѣланъ искусственный бичевникъ; а когда обсохнетъ—то по обоимъ берегамъ, раздѣливъ пополамъ и лошадей и рабочихъ. Промыслъ этотъ доставляетъ занятіе крестьянамъ Тверского, Корчевскаго и Новоторжскаго уѣздовъ. Коноводы часто изъ тѣхъ же деревень, откуда и лоцмана, а иногда и изъ одной семьи; бываетъ и такъ, что отецъ коноводъ, а сынъ лоцманъ. Объ этомъ ходитъ слѣдующій анекдотъ по Волгѣ. Когда произойдетъ такой случай, что на одной и той же баркѣ лоцманъ и коноводъ въ ближайшемъ родствѣ, то выходятъ нѣкоторыя затрудненія, впрочемъ не очень важныя и легко устраняемыя. Лоцмана, по должности старшаго, имѣютъ привычку ругать подчиненныхъ, и надобно замѣтить, что никто на всей Волгѣ, а можетъ быть и во всей вселенной не ругается такъ, какъ лоцмана, хотя сами по себѣ они, безъ исключенія, честнѣе и нравственнѣе всѣхъ прочихъ судорабочихъ. Должность такая! Да и притомъ же вся отвѣтственность за цѣлость судна лежитъ на нихъ однихъ. Но какъ же обругать ближайшаго родственника? А не обругать иногда никакъ нельзя! Лоцманъ въ такомъ случаѣ

поступаетъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: онъ сначала крикнетъ на коновода: „эй ты, шуба“, да и потомъ ужъ шубу и ругаетъ. И необидно, и должное не упущено!

III.

Село Городня.

3 Мая.

Въ Твери, на Волгѣ, рыбныхъ садковъ немного, рыба незавидная, а цѣны почти московскія. Какъ-то разъ я разговорился на набережной съ однимъ старикомъ, какъ видно, хорошо знающимъ Тверь, и между разговоромъ спросилъ у него: отчего такъ дорога рыба?

— Нѣтъ у насъ хорошей рыбы, оттого и дорога. Сколько я запомню и всегда у насъ, въ Твери, было бѣдно рыбы-то, а теперь ужъ и вовсе мало. Волга мелѣетъ годъ отъ году, ну, да и пароходовъ пужается, такъ уходитъ. Вотъ въ Городнѣ хорошую рыбу ловятъ, такъ надо ее тамъ купить торговцамъ-то, да 30 верстъ везти къ верху, а еще которая поснетъ, какъ же дешево-то продавать?

— А развѣ, кромѣ Городни, нигдѣ не ловятъ? спросилъ я.

— Ловятъ, какъ не ловить! Ловятъ и повыше Твери, тоже есть ловли, да все бѣдно! Не то что ужъ куда продавать, и намъ-то на продовольствіе не хватаетъ. Такъ какъ же ей дешевой-то быть.

Я поѣхалъ въ Городню въ надеждѣ найти тамъ значительные рыбные промыслы.

На правомъ, высокомъ и крутомъ берегу Волги, въ 30 верстахъ ниже Твери по московской дорогѣ лежитъ село Городня. Прежде, до литовскаго разоренія, это былъ городъ и назывался Вертязинъ. Въ немъ было три церкви; одна каменная, бывшая соборною, построенная въ XIII вѣкѣ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, существуетъ и доселѣ. Строеніе ея преданіе приписываетъ Тверскому Князю Борису Александровичу.

— Церковь у насъ такъ стара, говорили мнѣ въ Городнѣ крестьяне, что ужъ ушла въ землю. Но она не ушла въ землю, а внизу подъ сводами былъ устроенъ храмъ, на стѣнахъ котораго еще и теперь видны старинныя фрески. Въ

этомъ храмѣ особенно замѣчательны царскія врата, вѣроятно, современныя постройкѣ. Двѣ другія церкви: во имя Воскресенія Христова и Св. Муч. Бориса и Глѣба были деревянныя и о давнемъ существованіи ихъ свидѣтельствуютъ только надгробные камни безъ всякихъ надписей. Въ Вертязинѣ и кругомъ его было много монастырей, что видно изъ старинныхъ межевыхъ и дозорныхъ книгъ, копіи съ которыхъ я самъ видѣлъ въ церкви села Кошелева. Монастырей въ Вертязинѣ и вблизи его было пять: Петровскій въ городѣ, Златоустовъ на правомъ берегу Волги, противъ нынѣшней гостинницы, Троицкій въ двухъ съ половиною верстахъ, Александровскій въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ церкви по дорогѣ къ Твери, на правой сторонѣ шоссе, и Николаевскій песочный (Видогодскій тожъ) противъ церкви на другой сторонѣ Волги. Всѣ монастыри и церкви, исключая одной, разорены въ литовское нашествіе, и самый городъ даже потерялъ свое имя.

Въ Городнѣ жили царскіе рыболовы, которые, вмѣсто оброка, обязаны были поставлять ко двору рыбу. Теперь село Городня *ямъ*, который, впрочемъ, съ открытіемъ Николаевской желѣзной дороги, потерялъ свое значеніе.

Долго любовался я живописнымъ видомъ съ обрывистаго берега отъ церкви. Подъ ногами Волга синяя отъ пасмурной погоды и подернутая рябью; нѣсколько рыбаковъ, стоя въ своихъ маленькихъ, вертлявыхъ челнокахъ, поднимали баграми верши; сверху шли черныя лодки, которыя, несмотря на усилія лоцмановъ и прислуги, находящейся на нихъ, прибивало береговымъ вѣтромъ къ противоположному берегу и, наконецъ, посадило на мель. Легкая, двухвесельная глинковка, сплошь набитая народомъ, пристала къ берегу и пассажиры веревочкой потянулись по горѣ въ село подкрѣпить себя для дальнѣйшаго пути. За рѣкой зеленѣлъ поемный лугъ, который разстилался ковромъ вплоть до высокаго, темнаго, сосноваго лѣсу. Справа и слѣва между кустарниками кой-гдѣ блестѣли изгибы и плесы Волги; по крутымъ берегамъ далеко виднѣлись бѣлыя, каменныя церкви селъ. Между селами вамъ непремѣнно укажутъ Едимоново, замѣчательное какъ своею древностію, такъ и тѣмъ, что въ немъ родилась мать Великаго Князя Михаила Ярославича.

Рюболовство въ Городнѣ оказалось очень незавидное и во всемъ селѣ нѣтъ ни одного невода. Вообще на всемъ въ Городнѣ замѣтенъ упадокъ; желѣзная дорога лишила это село всѣхъ выгодъ. Прежде, когда тутъ былъ проѣздъ, всѣ крестьяне по своимъ занятіямъ раздѣлялись на три рода: содержателей постоялыхъ дворовъ, ямщиковъ и рыболововъ и всѣ имѣли выгоды, даже съ излишкомъ. Тутъ гремѣли дилижансы; поминутно, то съ той, то съ другой стороны подлетали къ почтовой гостинницѣ лихія тройки; добрые господа и купцы щедрой рукой давали на водку; разжирѣвшіе дворники брали деньги не только за харчи да за сѣно и овесъ лошадямъ; брали за то, что лошадь только на дворѣ постояла, брали даже за тепло [1]. Бывало, щеты не выходили изъ рукъ у дворника и то-и-дѣло щелкали подъ его толстыми пальцами. Бывало, ямщикъ отпряжетъ своихъ взмыленныхъ лошадей, у которыхъ животы ходнемъ ходятъ, — оттого, что очень уважалъ господъ, — сходитъ въ гостинницу — получитъ съ барина на водку, сдвинетъ маленькую шляпу на самое ухо, возьметъ въ поводъ свою тройку, закинетъ связанныя узломъ разноцвѣтныя возжи на плечо и отправляется прямо на постоялый дворъ выпить стаканъ другой водки да посидѣть часа полтора за чаемъ. А подъѣдетъ дилижансъ и въ огромной кухнѣ почтовой гостинницы поднимается всякаго рода стукъ и шипѣнье; тутъ и рыбакъ находилъ выгодный сбытъ своему товару. Какъ, напримѣръ, москвичу не попробовать рыбки, при первой встрѣчѣ съ Волгой? Какъ не съѣсть ушку или соляночку изъ стерлядей?

— Да, было времячко, да прошло. Пожили въ свое удовольствіе. Теперь вся наша привиллегія отошла. Больно насъ чугунка пріобидѣла! Сказалъ со вздохомъ мой ямщикъ.

— Чтожъ, принимайтесь за землю, отвѣчалъ я ему.

— Отъ косы да отъ сохи не будешь богатъ, а будешь горбатъ.

— Да и прежде, чай, богаты не были, а только гуляли вдоволь?

— Это точно. Это ужъ что толковать! Гульба большая была.

---

[1] Брать за тепло значитъ брать за то, что вошелъ въ избу погрѣться.

Не потому имъ тяжело приниматься за соху, что самый трудъ тяжелъ, а потому, что избаловались, какъ они сами называютъ, городскими слабостями. У иного соли нѣтъ, а не напиться двухъ разъ чаю въ день нельзя. Такая привычка! Ну, и тащитъ послѣднее.

Въ настоящее время въ Городнѣ рыболовствомъ занимаются человѣкъ десять, сбываютъ свой товаръ пріѣзжимъ торговцамъ по различной цѣнѣ, глядя по рыбѣ и по времени, но только весьма по дешевой (отъ 4 к. сер. за фунтъ). Мы, жители столицъ, и вообразить не можемъ тѣхъ ничтожныхъ цѣнъ, по которымъ покупаютъ рыбу купцы-рыбопромышленники у крестьянъ-рыболововъ, особенно въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда отъ теплой воды рыба снетъ въ садкахъ! Да и во всякое время. Количества улова и годовой выручки въ Городнѣ опредѣлить невозможно, вѣрно только то, что прибыль отъ промысла не превышаетъ издержекъ на бѣдные, плохіе снаряды, на повинности и вообще на всѣ крестьянскія нужды. Только что концы съ концами кое-какъ сходятся. Въ образѣ жизни рыболовы ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ жителей Городни.

Въ бытность мою въ Городнѣ рыболовы ловили рыбу двумя способами, исключительно употребляемыми при лѣтнемъ рыболовствѣ: *поѣздомъ* и *вершами*, или *вятелями*.

Поѣздомъ ловятъ непремѣнно двое. Стоя въ челнокахъ на разстояніе сѣти другъ отъ друга, они тихо, плывя по водѣ, тянутъ по дну *сѣть*, которая бываетъ обыкновенно не болѣе трехъ сажень длины и полуторыхъ аршинъ ширины и вязана какъ частый неводъ [1]. Нижняя половина сѣти немного загибается посредствомъ привязанныхъ къ нижнимъ концамъ веревокъ, которыя они держатъ въ рукахъ и по сотрясенію которыхъ узнаютъ о попавшейся рыбѣ. Тогда выбираютъ сѣть, вынимаютъ рыбу въ одинъ изъ челноковъ и продолжаютъ далѣе свой поѣздъ.

Верши разныхъ величинъ (отъ 1½ арш. и болѣе) и *вятели* опускаютъ на дно съ грузомъ и въ продолженіе дня, раза два или три ѣздятъ въ челнокахъ для осмотра, поднимаютъ ихъ баграми, выбираютъ рыбу въ челнъ и опять опускаютъ на дно.

[1] Замѣчательно, что эти сѣти совсѣмъ не имѣютъ ни грузилъ, ни поплавковъ.

Верши и вятели по различнымъ мѣстностямъ имѣютъ и различное устройство, а также и наоборотъ, одного и того же устройства снарядъ въ различныхъ мѣстахъ разно называется. Верша отличается отъ вятеля тѣмъ, что плетется изъ ивовыхъ прутьевъ, а вятель изъ пряжи. *Верша* имѣетъ видъ кувшина, низъ ея закругляется и плотно завязывается, а верхъ широко раскрытъ, по серединѣ дѣлается перехватъ, внутрь верши вплетается горло въ видѣ воронки, для того, чтобы вошедшая рыба не могла выйти [1]. Сверхъ того, вершею, какъ родовымъ названіемъ, называются всѣ снаряды, плетеные изъ ивняка, которые по мѣстности и по устройству имѣютъ и свои видовыя названія, напр: *морда, мережа, ванда, рукавъ, кувшинъ, неротъ, кошель, хвостуша* и проч.

Объ этихъ видоизмѣненіяхъ верши мы будемъ говорить при описаніи мѣстностей, гдѣ они употребляются, здѣсь скажемъ только о *хвостушѣ*, потому что едва ли придется упомянуть о ней. Хвостуша длиннѣе обыкновенной верши и плетется въ видѣ конуса безъ перехвата и безъ горла. Она ставится обыкновенно въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ, наприм. при спускѣ плотинъ, отверстіемъ противъ воды, тогда какъ другія верши ставятся наоборотъ. Это самый простой снарядъ; рыба забивается въ него просто стремленіемъ воды, которое и мѣшаетъ ей выйти назадъ [2]. *Вятель* есть вязаный изъ пряжи мѣшокъ, натянутый на нѣсколько обручей (3—10), въ него изъ той же пряжи ввязывается горло, а иногда два. Видовъ вятелей также очень много *(вентуръ, кужа, крылена, мережа,* однокрылая и двукрылая и проч.), и употребленіе ихъ особенно значительно въ озерныхъ ловляхъ, при описаніи которыхъ и будемъ говорить о нихъ подробно.

Рыболовы въ этихъ мѣстахъ на Волгѣ исключительно употребляютъ для ловли *челноки*, т. е. долбленыя изъ одного дерева лодки отъ 6 до 7 аршинъ длины и не болѣе

---

[1] С. Т. Аксаковъ въ книгѣ своей: „Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ“ (Москва 1855 г. стр. 23) смѣшиваетъ морду, вершу и неротъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской и Тверской губ. они различаются. Неротъ имѣетъ четвероугольное отверстіе, а верша круглое; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — наоборотъ (Подольск. уѣздъ), но не смѣшиваются.

[2] Я видалъ хвостуши до сажени величиной.

аршина ширины, съ приподнятымъ острымъ носомъ. Ѣздятъ большею частію стоя и правятъ однимъ весломъ. Для дальнихъ переѣздовъ употребляютъ челноки съ устроенными по серединѣ для рыбы садками въ видѣ ящика и крытыми носами *(волкъ)*, гдѣ сохраняются отъ дождя пища и одежда.

Зимой забиваютъ *тъзы* (въ другихъ мѣстахъ *заѣзки, заколы* и *забои*). Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ способовъ рыбной ловли въ Великороссіи, рано встрѣчается въ нашихъ старинныхъ актахъ [1]. Для этой ловли забиваютъ поперегъ рѣки по дну колья и загораживаютъ щитами изъ хвои, оставляя между ними небольшіе промежутки и въ эти промежутки вкрѣпляютъ верши. Такой способъ хлопотливъ, портитъ фарватеръ да и, по словамъ самихъ рыболововъ, приноситъ немного выгоды, такъ что *въ простую прорубную* вершу [2] попадаетъ рыбы не менѣе, если не болѣе.

Ловятъ и удочкой, но только мелкую рыбу и то большею частію ребятишки или тѣ, которые не имѣютъ другихъ снастей. Во время вскрытія рѣкъ здѣсь, какъ и вездѣ ловятъ *наметками* или *саками*. Снарядъ этотъ устроивается очень просто. Глубокій мѣшокъ, связанный часто (корма), натягивается на обручь и прикрѣпляется къ длинному шесту, на которомъ его и опускаютъ въ воду, съ берега.

Рыба ловится изъ крупной: щуки, налимы, окуни, головли, язи, лещи, подлещики и шерешпера (жереха); изъ мелкой: пискари, ерши, ельцы, плотва, уклейка и проч. Когда я былъ въ Городнѣ стерлядь еще не ловилась, ходъ ея начинается около 10 мая.

Какъ *рѣдкіе случаи*, иногда попадается бѣлорыбица; старики разсказывали, что на ихъ памяти разъ пять или шесть заходили осетры значительной величины. Самый замѣчательный случай былъ въ мартѣ 1849 г., была поймана огромной величины стерлядь, которую содержатель гостинницы, купецъ Вороновъ, представилъ ко Двору, за что получилъ Высочайшій подарокъ.

---

[1] Грамата воеводы Кн. Пожарскаго съ товарищами о постройкѣ новаго города на Бѣлѣ-озерѣ и проч: Акты Арх. Экспед. Т. II, стр. 260.

[2] Маленькая въ аршинъ, плетеная изъ ивовыхъ сучьевъ верша, которая опускается съ грузомъ въ прорубь.

Изъ обычаевъ, о которыхъ я имѣлъ извѣстія отъ почтеннаго священника села Городни, отца Василія, замѣчательно уваженіе тамошнихъ и окрестныхъ жителей къ Ильину дню. Начиная отъ Троицына до Ильина дня не работаютъ по пятницамъ и пятницы называются ильинскими. Далѣе по берегамъ Волги всю недѣлю передъ Ильинымъ днемъ постятся и называютъ ильинскимъ постомъ. Въ пожары, смежные съ загорѣвшимся строеніемъ дома обходятъ съ образами. Былъ случай: одна *простенькая* (малоумная) дѣвушка, Прасковья, когда пожаръ уже подходилъ къ той избѣ, гдѣ она жила, несмотря ни на какія просьбы и увѣщанія не лѣзла съ печи, увѣряя, что ихъ домъ не сгоритъ. Такъ и случилось. Она умерла два года тому назадъ.

IV.

Дорога къ истокамъ Волги отъ Твери до Осташкова.

Май 1856 г.

Когда проселочныя дороги достаточно обсохли и переѣздъ черезъ ручьи и овраги сдѣлался возможнымъ, я рѣшился ѣхать въ страну болотъ и озеръ къ истокамъ Волги. Отъ Твери до истоковъ Волги можно проѣхать тремя путями: на Вышній Волочекъ, Торжокъ и на Ржевъ. Я избралъ менѣе торную и, слѣдовательно, болѣе интересную дорогу на Торжокъ, а возвратиться предполагалъ на Ржевъ, чтобы уже, не разлучаясь съ Волгой, прослѣдить по возможности развитіе этой могущественной рѣки со всей ея береговой обстановкой отъ самаго зародыша вплоть до впаденія въ нея Оки. Дорога же на Вышній Волочекъ — до Волочка желѣзная, а отъ Волочка почтовая — не представляетъ никакого интереса, кромѣ самаго города, въ которомъ можно побывать во всякое время, благодаря чугункѣ.

Отъ Твери до Торжка идетъ старое шоссе, которое до сихъ поръ прекрасно содержится, но проѣзду очень мало и мнѣ попадались на встрѣчу почти только одни коноводы, скачущіе во всю мочь своихъ плохихъ лошадей изъ Волочка обратно. На половинѣ дороги, на правомъ берегу

Тверцы, лежитъ богатое село Мѣдное, прежде бывшій ямъ. Въ Мѣдномъ пристань, на которой, для отправки въ Петербургъ, прежде грузилось до 50 судовъ, теперь менѣе. Въ особой слободѣ живутъ лоцмана и коноводы; впрочемъ этимъ промысломъ занимаются, начиная отъ Твери и до Торжка, крестьяне всѣхъ деревень и селъ, лежащихъ по обоимъ берегамъ Тверцы [1].

Я пріѣхалъ въ Мѣдное 10 мая и засталъ тамъ никольскую ярмарку. Посреди села стояло нѣсколько небольшихъ палатокъ: въ однихъ пряники, а въ другихъ платки и ситцы, *„красный товаръ“* въ полномъ смыслѣ слова, да ящика два съ мѣдными серьгами, оловяными кольцами и разноцвѣтными тесемками; — вотъ и все [2]. Незначительность ярмарки, вѣроятно, происходитъ отъ близости городовъ Твери и Торжка, гдѣ каждый крестьянинъ можетъ купить во всякое время все, что ему нужно, были бы только деньги.

Торжокъ безспорно одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Тверской губерніи. Расположенный по крутымъ берегамъ Тверцы, онъ представляетъ много живописныхъ видовъ. Замѣчательнѣе другихъ — видъ съ лѣваго берега, съ бульвара на противуположную сторону, на старый городъ, который возвышается кругомъ городской площади въ видѣ амфитеатра. Хорошъ также видъ съ правой стороны съ стариннаго землянаго вала; впрочемъ лѣзть туда найдется не много охотниковъ. Собственно старый городъ былъ на правомъ берегу: тамъ и соборы, и гостиный дворъ, и площадь, а лѣвый берегъ обстроился и украсился только благодаря петербургскому шоссе.

Торжокъ извѣстенъ съ начала XI столѣтія и тогда еще снабжалъ Новгородъ, въ случаѣ неурожая, хлѣбомъ, который доставлялся тѣмъ же воднымъ путемъ, какъ и теперь, т. е. Тверцою и Мстою, между которыми былъ волокъ. Вотъ что находимъ мы въ первой Новгородской лѣтописи

---

[1] Деревни: Киселева, Глазкова, Новая, Городище, Рылово, Павловскій перекатъ, Мельникова, Устье, село Пречистый боръ, дер. Чопорова, Щокотова, Глинки, Навогильцы, село Мѣдное, дер. Мухина, Крупышево, Осилки, Буянцова, Горки, село Спасъ, дер. Бречково, Голенищево, село Семеновское.

[2] Въ 1847 г. на ярмаркѣ въ с. Мѣдномъ привозу было на 880 р. сер., сбыту на 740 р. сер. Описаніе Тверс. губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи В. Преображенскаго. СПБ. 1854 г. стр. 535.

подъ 6790 (1282) годомъ ... [1] „и пріиде Семенъ Михайловичъ [2] въ Торжокъ и сѣде въ Торжку засадою, недаляше внити во Торжокъ намѣстникамъ Дмитріевымъ, *а обиліе попровади все въ Новгородъ въ лодіяхъ, а въ Новгородѣ хлѣбъ бяше дорогъ*". Торжокъ, какъ пограничный городъ Новогородской области, подвергался отъ сосѣдей частымъ разореніямъ, а впослѣдствіи, по присоединеніи къ Москвѣ, былъ разоренъ въ смутное время поляками. Между жителями Торжка и особенно между раскольниками, ходитъ преданіе, что ихъ городъ есть древній Коростень; но это очевидная выдумка и весьма поздняго происхожденія, основаніемъ для нея послужили голуби, помѣщенные въ городскомъ гербѣ. Голуби попали въ гербъ совсѣмъ по другой причинѣ: Императрица Екатерина II, проѣзжая черезъ Торжокъ замѣтила въ немъ много голубей и велѣла помѣстить ихъ въ уѣздный гербъ. Такія легенды, основанныя на гербахъ, существуютъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Ярославлѣ про медвѣдицу ...

Въ Торжкѣ я познакомился съ тамошнимъ старожиломъ, почтеннымъ купцомъ Ефр. Матв. Е ..... собирателемъ древнихъ рукописей о Торжкѣ. У него я видѣлъ между прочимъ: „Описаніе г. Торжку, учиненное по указу царя Михаила Ѳеодоровича въ 1625 году". Привожу нѣсколько интересныхъ свѣдѣній изъ этого описанія: „Монастыри деревянные: 1) Рождественскій на посадѣ; 2) Василія Кесарійскаго; 3) Никитскій; 4) Троицкій — въ концѣ посада вверхъ по Тверцѣ; 5) Пустынской; въ немъ: тріодь постная, въ десть, печать литовская, часовникъ въ полдесть, печать литовская, уставъ и прочія книги письменныя; 6) Дѣвичій во имя Воскресенія Господня; 7) Борисоглѣбскій, — евангеліе литовской печати [3]. Церквей на посадѣ 20 [4]. Названіе мѣстъ: „Вознесенскій конецъ, Воскресенскій, Благовѣщенскій, Пятницкій, Богоявленскій, Егорьевскій, Знаменскій, Успенскій, Козмодемьянскій, Климонтовскій, Мироносицкій, Ивановскій, Ипатицкій, Ильинскій, Воздвиженскій,

---

[1] Когда Князь Андрей Александровичъ, выйдя изъ Новгорода, взялъ съ собою старѣйшихъ мужей Новгородскихъ.

[2] Одинъ изъ Новогородцевъ.

[3] Теперь существуютъ только два послѣдніе монастыря.

[4] Теперь 27 каменныхъ и 2 деревянныхъ, изъ которыхъ одна замѣчательна древностію и изяществомъ постройки.

Цареконстантиновскій, Дмитровскій, Власьевскій, Никольскій". Ряды: „Сапожной, Серебряной, Калашной, Хлѣбной, Горшечной, Овощной, Молодожной [1], Рыбной и Соляной, Мясной, Москотильной; всѣхъ лавочныхъ мѣстъ восемьдесятъ и полшеста (85½), да пустыхъ триста одно мѣсто съ четвертью, да пустыхъ четырнадцать мѣстъ, полковыхъ, да пустыхъ сто семь мѣстъ, анбарныхъ, да пустыхъ восемьдесятъ пять мѣстъ, запустѣли до раззоренья [2], а иные и въ раззоренье, а кто на тѣхъ мѣстахъ поставитца и ему давать оброкъ потомужъ по два алтына и по двѣ деньги.

Изъ этого видно, что Торжокъ до разоренія (литовскаго) былъ городомъ богатымъ. Нѣкоторыя происшествія означаются въ описаніи не годами, а эпохами, вѣроятно, очень памятными для жителей, напримѣръ: было въ *литовское раззоренье*, въ *зяблый годъ* [3], въ *лихолѣтье* [4].

Изъ Торжка отправляется свой караванъ, котораго я уже не засталъ. О числѣ отправляемыхъ судовъ можно судить по количеству постройки. Въ 1855 году, въ Торжкѣ, выстроено было 6 барокъ указной мѣры, а въ уѣздѣ 74; постройкою ихъ занимались крестьяне Государственныхъ Имуществъ и помѣщичьи, Новоторжскаго и частію Вышневолоцкаго уѣздовъ. Новоторжскій уѣздъ составляетъ центръ судопромышленности въ губерніи, кромѣ того, что каждая деревня по Тверцѣ доставляетъ коноводовъ и иногда лоцмановъ. Крестьяне Новоторжскаго уѣзда, преимущественно предъ другими, занимаются судостроеніемъ не только дома, но и ходятъ для этой работы на верхневолжскія, т. е. ржевскія и зубцовскія пристани, отъ сего и самыя барки называются *новоторками*. Грузъ, отправляемый изъ Торжка въ Петербургъ, состоитъ большею частію изъ мѣстныхъ продуктовъ (напримѣръ: овесъ, покупаемый въ Новоторжскомъ и смежныхъ уѣздахъ), или по крайней мѣрѣ изъ продуктовъ, обдѣлываемыхъ въ Торжкѣ, какъ-то: кожи, пшеничная мука и преимущественно солодъ.

Половина солодовенныхъ заводовъ Тверской губерніи,

---

[1] Вѣроятно нынѣшній скобяной (молоточной).

[2] Теперь лавокъ: 181 каменныхъ, 193 деревянныхъ.

[3] Вѣроятно 1602 г. при Борисѣ Годуновѣ, когда „бысть мразъ и хлѣбъ побило, отчего бысть гладъ чрезъ три года и отъ того глада множество людей измроша, и ядяху тогда псину и мертвечину и ино скаредное".

[4] Время самозванцевъ.

по разсчету г. Преображенскаго [1], находится въ Торжкѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ 1845 г., показано 19 заводовъ, а по свѣдѣніямъ 1848 г. числится 25, на которыхъ выдѣлывается солоду на 120 тысячъ руб. сер., значитъ, эта промышленность значительно усилилась. Другую важную отрасль промышленности Торжка составляетъ выдѣлка кожъ. На 16 заводахъ выдѣлывается: бѣлая и черная юфть, полувалъ, опоекъ, красная юфть, козелъ и сафьянъ, всего приблизительно на 70 тысячъ руб. сер. Торжокъ изстари славится производствомъ козловъ и сафьяновъ и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Казани и Москвѣ. Особенно извѣстна въ Торжкѣ красная юфть купца Климушина, при гостинницѣ котораго (бывшей купчихи Пожарской, но переведенной теперь по причинѣ малаго проѣзда въ другой домъ) есть небольшой магазинчикъ, гдѣ продаются торжковскіе сапоги и туфли. Работа вещей прочна и красива, но цѣна, по незначительности требованія, не высока: я заплатилъ за двѣ пары туфель, одни изъ разноцвѣтнаго сафьяна, другія изъ бархата шитыя золотомъ, 3 руб. сер.

Прежде золотошвейное мастерство процвѣтало въ Торжкѣ; въ 1848 году вышивкою туфель и сапоговъ занималось до 500 мастерицъ. Теперь эта промышленность совершенно упала и только въ нынѣшнемъ году, по случаю коронаціи, нѣсколько рукъ успѣли найти себѣ работу за хорошую цѣну — до 15 руб. сер. въ мѣсяцъ. Новоторжскія крестьянки, большею частію дѣвки, славятся по всей губерніи искусною выдѣлкою подпятнаго кирпича; и золотошвейки, за неимѣніемъ своей работы, принуждены были заняться тѣмъ же ремесломъ. Отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ! Лѣтомъ для работы кирпича онѣ расходятся по всей губерніи, разнося съ собой развратъ и его слѣдствія.

Въ Торжкѣ бываетъ въ годъ двѣ ярмарки: крещенская и никитская; первая — съ 6 по 12 января, а вторая — съ 12 по 18 сентября. Ежегодный привозъ простирается на сумму до 50.000 руб. сер.

Несмотря на то, что промышленность въ Торжкѣ развита значительно, въ бытѣ мѣщанъ довольства не замѣтно; значитъ, и здѣсь трудъ дешевъ и не всѣмъ рукамъ достаетъ

---

[1] Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи В. Преображенскаго. Спб. 1854.

работы. Вотъ что я слышалъ отъ одного почтеннаго старожила торжковскаго: „мѣщане у насъ очень богомольны, но говѣютъ не каждый годъ, а черезъ годъ и болѣе, потому что не имѣютъ денегъ на необходимые при этомъ расходы". Извѣстно, какъ незначительны расходы простого человѣка на говѣнье, и если онъ отказываетъ себѣ, за бѣдностью, въ такой важной душевной потребности; то сколько онъ долженъ отказывать себѣ въ прочихъ жизненныхъ потребностяхъ, менѣе важныхъ!

Рыболовство въ Торжкѣ и его уѣздѣ самое незначительное, потому что рыбы въ Тверцѣ вообще мало, а хорошей почти нѣтъ. Въ Торжкѣ я видѣлъ только два садка, наполненные щуками и другой дешевой рыбой. Сверхъ того весной, когда воды много, мѣшаетъ ловлѣ постоянный ходъ судовъ, а въ межень, когда запираются шлюзы, рѣка очень мелѣетъ, и въ это время вылавливается и вытравливается вся рыба до-чиста. Хотя отрава или окормка рыбы запрещена закономъ [1], и виновныхъ, кромѣ денежнаго штрафа, велѣно подвергать церковному покаянію, — но, къ сожалѣнію, это *баловство* водится по всей Россіи и въ Торжкѣ также не безъ грѣха. Распространеніе этого противузаконнаго способа ловли, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того, что поймать и уличить виновнаго почти нѣтъ возможности. Долго ли съ лодки или съ берегу накидать въ воду небольшихъ шариковъ? [2] А когда рыба завертится на поверхности и всѣ, и правые, и виноватые кинутся ловить ее, чѣмъ нипопало; тогда вину сваливаютъ обыкновенно на проходящихъ, что „вотъ, дескать, шли какіе-то да чего-то набросали". Я думаю, что было бы очень полезно преслѣдовать, какъ можно строже, продажу кукольвана, которымъ торгуютъ почти открыто.

Не долго нужно жить въ Торжкѣ, чтобы замѣтить въ обычаяхъ и костюмѣ его жителей нѣкоторую разницу противъ обитателей другихъ городовъ. Дѣвушки пользуются совершенной свободой; вечеромъ на городскомъ бульварѣ и по улицамъ гуляютъ однѣ или въ сопровожденіи молодыхъ людей, сидятъ съ ними на лавочкахъ у воротъ и не рѣдкость встрѣтить пару, которая сидитъ обнявшись и ве-

---

[1] Уложен. о наказаніяхъ ст. 1142.

[2] Изъ чернаго хлѣба съ кукольваномъ.

детъ сладкіе разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой дѣвушки есть свой кавалеръ, который называется *предметомъ*. Этотъ предметъ впослѣдствіи времени дѣлается, большею частію, мужемъ дѣвушки. Въ Торжкѣ еще до сей поры существуетъ обычай *умыканья* невѣстъ. Считается особымъ молодечествомъ увезти невѣсту потихоньку, хотя это дѣлается почти всегда съ согласія родителей. Молодые на другой день являются съ повинной къ разгнѣваннымъ, будто бы, родителямъ и тутъ ужъ начинается пиръ-горой. Такой способъ добывать себѣ женъ не только не считается предосудительнымъ, но напротивъ пользуется почетомъ. „Значитъ ужъ очень любитъ, коли увезъ потихоньку“ — говорятъ въ Торжкѣ. Не имѣть *предмета* считается неприличнымъ для дѣвушки; такая дѣвушка легко можетъ засидѣться въ дѣвкахъ.

Старый живописный нарядъ дѣвушекъ (шубка или сарафанъ, кисейные рукава и душегрѣя, у которой одна пола вышита золотомъ), — начинаетъ выводиться; мѣсто его заступаетъ пальто; а вмѣсто повязки съ рясками (поднизи изъ жемчуга) покрываютъ голову шелковымъ платочкомъ. Пальто, которыя теперь пошли въ моду, длинны и узки, съ перехватомъ на таліи; они шьются изъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ и, большею частію, бываютъ голубыя и розовыя. Сжимая грудь они безобразятъ фигуру. Образъ жизни замужнихъ совершенно противоположенъ образу жизни дѣвушекъ; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидятъ дома. Ни на бульварѣ, ни во время вечернихъ прогулокъ по улицамъ — вы не встрѣтите ни одной женщины. Когда онѣ выходятъ изъ дому по какой нибудь надобности, то закутываются съ головы до ногъ, а голову покрываютъ, сверхъ обыкновенной повязки, большимъ платкомъ, который завязываютъ кругомъ шеи. Богатые кокошники становятся рѣдки.

Новоторжскіе крестьяне и мелкіе городскіе торговцы ѣздятъ по деревнямъ Тверской губерніи съ женскими нарядами и называются *новоторами* [1]. Это названіе при-

[1] Товаръ новоторовъ: серебряные, мѣдные и оловяные кресты, пуговицы, серьги, кольца, иглы, наперстки, ножницы, ножички, роговые гребни, ситцы, нанки, кумачъ, китайка, выбойка, коленкоръ, миткаль, кушаки, платки, плисъ, позументы, ленточки, шнурки, тесемки, бусы, бисеръ, пояса и проч.

своено всѣмъ торгашамъ мелкими товарами, хотя бы они были и изъ другихъ уѣздовъ. Новоторы не пользуются въ губерніи хорошей репутаціей; о честности ихъ ходитъ поговорка: *новоторы воры* ...

16 мая раннимъ утромъ, да еще въ дождикъ, пріѣхала за мной подвода на плохихъ обывательскихъ лошадяхъ, чтобы везти меня къ Осташкову. Между Торжкомъ и Осташковымъ почта не ходитъ, а есть, такъ называемый, торговый трактъ, по которому проѣздъ бываетъ почти только зимой. Не весело влѣзалъ я въ полуразвалившуюся телѣгу, дождикъ болѣе и болѣе расходился, ямщикъ мой говоритъ на какомъ-то едва понятномъ нарѣчіи [1], а впереди 130 верстъ незнакомой, почти необитаемой проселочной дороги, это хоть кого заставитъ призадуматься. И я, вѣроятно, просидѣлъ бы надувшись верстъ 30, если бы не встрѣча, которая меня на долго развеселила. У самой гостинницы подошелъ ко мнѣ господинъ мрачной наружности, но одѣтый весьма прилично; придавъ своему лицу таинственное выраженіе, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „почтеннѣйшій! хотя на мнѣ и синь кафтанъ, но кто имѣетъ чувствіе, тотъ подастъ".

Первый переѣздъ отъ Торжка до Рудникова, въ 22 версты, я проѣхалъ часовъ шесть. Я не предполагалъ, чтобы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ шоссе, въ серединѣ Россіи, въ 60 верстахъ отъ Твери, могла существовать такая глушь! Дорога идетъ мѣстами совершенно безлюдными, — то заросшими кустарникомъ болотами, то голыми холмами и все это: и дорога, и болота, и поля усѣяны, различной величины, каменьями; точно нѣсколько дней сряду шелъ каменный дождь. Телѣга то-и-дѣло прыгаетъ по камнямъ и поминутно ждешь, что переломится ось, либо разсыплется колесо. Поля по холмамъ и, большею частію, по выжженному лѣсу (лядины) воздѣланы кое-какъ, потому что камни и корни мѣшаютъ вспахать и взборновать порядочно. Здѣсь я, въ первый разъ, видѣлъ бороны особаго устройства, приспособленныя къ мѣстности, называемыя *смычевыми* или *смыкомъ*. Устройство ея очень просто: она дѣлается изъ нѣсколькихъ еловыхъ плашекъ, расколотыхъ вдоль и сплошь приколоченныхъ къ двумъ перекладинамъ,

[1] Объ нарѣчіяхъ въ Тверской губерніи будетъ особая статья.

такъ чтобы сучья были внизъ; потомъ сучья обрубаютъ на полъ-аршина и завастриваютъ. Такимъ образомъ зубья у этой бороны не вставные, а натуральные и имѣютъ ту выгоду, что свободно гнутся надъ каменьями и довольно упруги, чтобы разбивать комья.

„Ѣдетъ онъ день до вечера, перекусить ему нечего“, — говорится въ русской сказкѣ про Ивана Царевича; тоже случилось и со мной. Въ Рудниковѣ я полчаса пробѣгалъ по деревнѣ, чтобы достать нѣсколько яицъ; да и то баба, у которой я купилъ яйца, не бралась сдѣлать яичницу, а послала меня къ живущей на другомъ концѣ деревни солдаткѣ, которая, какъ женщина бывалая, по ея мнѣнію, должна была знать эту премудрость.

Въ Кузнечиковѣ (другая станція, въ 11 верстахъ отъ первой) мужиковъ совсѣмъ не оказалось и десятскій баба. А гдѣ жъ ваши мужья? спросилъ я у десятскаго. *„Которы ушли у кама тесы* (каменотесы), *а которы дорогу циня“* (чинятъ) отвѣчала она. Скудость земли заставляетъ здѣшнихъ крестянъ отходить на цѣлый годъ на заработки, иначе имъ негдѣ достать оброка, а недостатокъ оборотливости и ловкости, недостатокъ, безъ сомнѣнія, условливаемый печальной обстановкою ихъ жизни, запрягаетъ ихъ на вѣки-вѣчные въ тяжелую каменотесную работу.

Въ Кочановѣ (третья станція) нашелся постоялый дворъ и самоваръ; но зато не нашлось грамотныхъ. Долго пришлось мнѣ ждать, пока бѣгали куда-то за версту съ моимъ открытымъ листомъ, чтобы узнать, что въ немъ написано. Но и тотъ, къ кому бѣгали, оказался плохимъ чтецомъ и о содержаніи открытаго листа не могъ ничего имъ сказать навѣрное.

На 8-й верстѣ за Качановымъ начинаются горы, называемыя: *„Свиные хребты“*, въ видѣ длинныхъ узкихъ грядъ, онѣ тянутся на нѣсколько верстъ по одному направленію и представляютъ большое сходство съ хребтами животныхъ. Дорога идетъ частію параллельно хребтамъ по ихъ откосамъ; но длиннѣйшее ея протяженіе занимаетъ гребень большого хребта, такъ что отъ самой дороги по обѣ стороны начинаются скаты. Пять верстъ наслаждаешься живописнымъ видомъ съ этого гребня. Ребра горъ изрѣзаны оврагами и покрыты лѣсомъ, и за лѣсомъ тянутся

мхи [1]. Профессоръ Московскаго Университета г. Щуровскій проѣзжалъ въ этомъ году изъ Твери въ Рыбинскъ и описалъ попавшіеся ему на дорогѣ валуны [2]. Очень жаль, что онъ не былъ въ Новоторжскомъ и Осташковскомъ уѣздахъ; здѣшнія эрратическія явленія гораздо замѣчательнѣе тѣхъ, которыя онъ видѣлъ. Одно уже названіе „Свиныхъ хребтовъ“ указываетъ на сходство формы этихъ горъ съ *„Лошадиными хребтами“* въ Америкѣ, о которыхъ пишетъ г. Щуровскій въ своей статьѣ.

Два остальные переѣзда отъ Жилина до Крапивны и отъ Крапивны до Осташкова не представляютъ ничего замѣчательнаго; болото, лѣсъ — и только. Не доѣзжая озера, ямщикъ мой свернулъ на вышневолоцкую дорогу для удобнѣйшей переправы черезъ Рудинское плесо [3] Селигера, потому что перевозы на почтовыхъ трактахъ всегда несравненно лучше. Наконецъ, послѣ утомительнаго суточнаго странствованія, я пріѣхалъ на берегъ Селигера. Новыя, невиданныя картины открылись предо мной. На берегу вся увѣшенная сѣтями деревня, черезъ проливъ Рудинскаго плеса тянется непрерывная цѣпь мережъ, безгранично протянулось синее озеро съ своими островами, вдали колокольни и дома почти утонувшаго въ водѣ Осташкова, покрытый дремучимъ лѣсомъ островъ Городомля и почти на горизонтѣ окруженныя водой бѣлыя стѣны обители Нила Преподобнаго ...

---

[1] Такъ называются болота.

[2] Эрратическія явленія. Русскій Вѣстникъ 1856 г. Октябрь, кн. I.

[3] Плесами здѣсь называютъ заливы Селигера или цѣлыя озера, соединенныя съ Селигеромъ проливами, которые называютъ рѣками.

Примѣчанія.

Бѣшеныя деньги. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя записки“ 1870 г., № 2 (февраль).

Представлена въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра, въ Петербургѣ, 1870 г. 16 апрѣля.

Играли:

Василькова	г. Васильевъ 2.
Телятева	г. Бурдинъ.
Кучумова	г. Зубровъ.
Глумова	г. Нильскій.
Чебоксарову	г-жа Читау.
Лидію	г-жа Струйская 1.
Василія	г. Бродниковъ.

Въ Москвѣ шла, въ первый разъ, въ томъ же году 9 октября въ бенефисъ г. Колосова при слѣдующемъ распредѣленіи ролей:

Васильковъ	г. Вильде.
Телятевъ	г. Самаринъ.
Кучумовъ	г. Шумскій.
Глумовъ	г. Рѣшимовъ.
Чебоксарова	г-жа Васильева (Е. Н.).
Лидія	г-жа Ѳедотова.
Василій	г. Музиль.

Не все коту масляница. (Написана въ 1870 г.), Напечатана въ журналѣ „Отечественныя записки“ 1871 г., № 9 (сентябрь).

Поставлена на сцену въ первый разъ, въ Маломъ московскомъ театрѣ, 1871 г. 7 октября, въ бенефисъ г. Живокини 2-го.

Играли роли:

Кругловой	г-жа Акимова.
Агніи	г-жа Живокини.
Ахова	г. Садовскій. (П. М.).
Ипполита	г. Живокини 2.
Ѳіоны	г-жа Таланова.
Маланьи	г-жа Зернова.

Въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, поставлена въ первый разъ въ 1872 г. 13 января.

Играли:

Круглову	г-жа Стрѣльская.
Агнію	г-жа Яблочкина 2.
Ахова	г. Виноградовъ.
Ипполита	г. Горбуновъ.
Ѳіону	г-жа Громова.
Маланью	г-жа Натарова 1.

Лѣсъ. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя Записки“ 1871 г., № 1 (январь).

Для сцены комедія встрѣтила необходимость въ сокращеніяхъ. Островскій написалъ по этому поводу въ Петербургъ актеру Бурдину письмо, подробно и точно выразивъ въ немъ свои желанія. Ниже оно приводится дословно, съ измѣненіемъ лишь нумераціи страницъ, указанныхъ Островскимъ по журналу „Отечественныя Записки“ (гдѣ была напечатана въ то время пьеса), здѣсь же страницы означены по нумераціи настоящаго изданія. Текстъ письма таковъ:

26 Октября 1871 г.

Любезный другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Вотъ сокращенія: стр. *257,* послѣ словъ Гурмыжской: „всякій нечастный“ вонъ — до словъ *(стр. 258):* „Этотъ молодой человѣкъ, господа ...“ *Стр. 259* — реплика Бодаева, послѣ словъ Милонова: „ея добродѣтелями“ (на стр. 258) и начала рѣчи Гурмыжской, — она начинаетъ прямо: „Но мы удаляемся“.

Стр, 260 — вонъ у Милонова: „Кто-же смѣетъ“ и слѣдующая реплика Бодаева. Стр. *264* — Все вонъ: послѣ словъ Бодаева: „плутъ большой руки“ — до: Гурмыжская (Карпу): „Зови поди“.

Стр. *268,* послѣ словъ Бодаева: „Гдѣ это“ вонъ; вся реплика Милонова, потомъ Бодаева до: „(встаютъ, раскланиваются).“ Стр. *274,* въ началѣ, у Гурмыжской, послѣ: „(Карпъ уходитъ)“ вонъ до: „(Входитъ Аксюша).“

Во 2 дѣйствіи сокращеній нѣтъ.

3-е дѣйствіе.

Стр. 326, послѣ словъ Восмибратова: „за то и продаю“ — вонъ до: „Гурмыжская: „Нѣтъ, нѣтъ, не хочу“.

Стр. 326—327, послѣ словъ Восмибратова: „убью“ вонъ до: Гурмыжская: „такъ какъ-же“ и все начало 9 явленія до: Гурмыжская „(сходя съ террасы)“ на стр. 328.

Стр. 332, послѣ словъ Несчастливцева: „Что мнѣ угодно! А! Ха-ха-ха!“ вонъ до — Восьмибратовъ: „Петрушка, поди сюда!“

Въ 4-мъ дѣйствіи сокращеній нѣтъ.

5-е дѣйствіе.

Стр. 381, у Гурмыжской то, что она говоритъ въ двухъ рѣчахъ *про себя* — вонъ.

Вотъ и всѣ сокращенія, но если ты найдешъ нужнымъ сократить что-нибудь въ своей роли, то я тебя на это уполномочиваю.

А. Островскій.

(Журн. „Артистъ“ 1892 г. № 19, стр. 19).

Въ другомъ письмѣ, писанномъ нѣсколько ранѣе, къ тому же лицу, рѣчь идетъ о купеческихъ костюмахъ, при выборѣ которыхъ петербургскіе артисты частенько грѣшили (да и теперь не перестаютъ грѣшить) противъ правды.

Здѣсь Островскій даетъ указанія, какъ должны быть одѣты отецъ и сынъ Восмибратовы.

Онъ пишетъ:

„Я не знаю, что у васъ въ Петербургѣ называется поддёвкой. Если ты называешь поддёвкой кафтанъ со сборками сзади, который застегивается на одну сторону на крючкахъ, то именно такъ должны быть одѣты Восмибратовъ и Петръ. Сукно на кафтанахъ должно быть новое, черное, глянцевитое, сапоги бутылками, отлично вычищенные; Восмибратову нужно шляпу обыкновенную, но не модную, а Петру — фуражку, черную суконную — съ широкимъ донышкомъ и съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, формой въ родѣ тѣхъ бѣлыхъ фуражекъ, въ которыхъ катаются по Невскому офицеры. Носить онъ ее долженъ ухарски, сколько возможно на-бекрень“.

(Тамъ же).

Поставлена въ первый разъ въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ г. Бурдина 1871 г. 1 ноября.

Играли роли:

Гурмыжской	г-жа Читау.
Аксюши	г-жа Струйская 1.
Милонова	г. Пронскій.
Бодаева	г. Степановъ.
Восмибратова	г. Васильевъ 2-й.
Петра	г. Горбуновъ.
Несчастливцева	г. Бурдинъ.
Счастливцева	г. Зубровъ.
Буланова	г. Сазоновъ.
Карпа	г. Зубовъ.
Улиты	г-жа Александрова.
Тереньки	восп. Шаповаленко.

Въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, шла въ первый разъ въ томъ же году 26 ноября, въ бенефисъ г-жи Акимовой.

Играли:

Гурмыжскую	г-жа Медвѣдева.
Аксюшу	г-жа Ѳедотова.
Милонова	г. Самаринъ.
Бодаева	г. Живокини (В. И.).
Восмибратова	г. Садовскій (П. М.).
Петра	г. Музиль.
Буланова	г. Садовскій (Мих. П.).
Карпа	г. Живокини 2.
Несчастливцева	г. Вильде.
Счастливцева	г. Шумскій
Улиту	г-жа Акимова.
Тереньку	г. Гецманъ.

Комикъ XVII столѣтія. (Написана въ 1871 году). Напечатана въ журналѣ „Отечественныя Записки“ 1873 г. № 2 (февраль).

Въ первый разъ представлена въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, въ бенефисъ г. Живокини 2 въ 1872 г. 26 октября.

Играли:

Перепечину	г-жа Акимова.
Наталью	г-жа Ѳедотова.

Кочетова	г. Самаринъ.
Анисью Патрикѣевну . . .	г-жа Васильева (Е. Н.).
Якова	г. Музиль.
Юрія Михайлова	г. Рѣшимовъ.
Матвѣева	г. Вильде.
Лопухина	г. Живокини (В. И.).
Клушина (подьячій) . . .	г. Живокини 2.
Іогана Грегори	г. Шумскій.
Хитрово	г. Никифоровъ 2.
Волынскаго	г. Кондратьевъ.
Милославскаго	г. Лавровъ 2.
Лекаря	г. Колосовъ.
Слугу лекаря.	г. Гецманъ.

Въ Петербургѣ поставлена въ первый разъ, въ Александринскомъ театрѣ, 30 августа 1894 г.

Играли:

Перепечину	г-жа Стрѣльская.
Наталью	г-жа Мичурина.
Кочетова	г. Давыдовъ.
Анисью Патрикѣевну . .	г-жа Ленская.
Якова	г. Аполлонскій.
Юрія Михайлова	г. Черновъ.
Матвѣева	г. Ленскій.
Лопухина	г. Корвинъ-Круковскій.
Клушина (подьячій) . . .	г. Медвѣдевъ.
Іогана Грегори	г. Глазуновъ.
Хитрово	г. Осокинъ.
Волынскаго	г. Новинскій.
Милославскаго	г. Борисовъ.
Лекаря	г. Усачевъ.
Слугу лекаря.	г. Яковлевъ.

Путешествіе по Волгѣ. (Приложеніе).

Эта статья есть, въ сущности, не болѣе, какъ самая незначительная часть того обильнаго матеріала, который въ 1856 году былъ собранъ Островскимъ во время его этнографическихъ экскурсій по берегамъ сѣвернаго Поволжья, отъ Твери до Нижняго Новгорода. Къ сожалѣнію, весь этотъ богатый матеріалъ, по многимъ причинамъ, такъ и остался не обработаннымъ, за исключеніемъ предлагаемыхъ здѣсь четырехъ главъ, первоначально напечатанныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1859 г. № 2).

Впервые перепечатывая, при полномъ собраніи сочиненій А. Н. Островскаго, этотъ отрывокъ, редакція считаетъ своимъ долгомъ принести извиненіе, что помѣщаетъ его, въ силу разныхъ обстоятельствъ, внѣ хронологическаго порядка (въ какомъ расположены ею въ настоящемъ изданіи всѣ прочія произведенія Островскаго), находя для себя нѣкоторое оправданіе въ исключительности характера самого отрывка, какъ этнографическаго очерка, стоящаго совсѣмъ особнякомъ среди обычныхъ литературныхъ трудовъ покойнаго драматурга.

Ред.

P. S. Всѣ примѣчанія къ очерку сдѣланы самимъ авторомъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
46	12 сн.	мучите	мучаете
129	1 „	мильйона	милліона
136	4 „	поквиались	поквитались
149	6 св.	бѣлым	бѣлыми
356	1 „	856	356
356	3 „	бабущка	бабушка

Каталогъ издавій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. ***С. Н. Южакова.*** 10,000 рис., карть и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. 132 руб.

Техническая Энциклопедія. Словарь по всѣмъ отраслямъ техники и примыкающимъ къ ней наукамъ. Около 7,000 стр. крупнаго формата, заключ. ок. 50,000 статей и терми овъ и ок. 12,000 иллюстрацій и конструкт. чертежей. 108 вып. по 1 руб., 9 том. въ изящн. переп. 126 руб.

Нѣмецко-русскій словарь. (Энциклопедія нѣмецкаго языка.) Подъ главной ред. ***К. Ѳ. Тіандера.*** Около 1,600 стр. больш. фор., набран. мел. уборист., но въ то же время четкимъ и яснымъ шрифт. въ 3 столбца. Словарь выходитъ выпусками. Всего 20 вып. по 1 рублю.

Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8º. — 15 в. по 40 коп., въ роскошномъ. полукож. перепл. 7 руб. 80 коп.

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. русскихъ и иностр. писателей.

Амфитеатровъ, А. В. Съ портретомъ автора 25 том. по 1 руб. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 50 руб.

Андреевъ, Л. Н. Со вступительной статьей ***М. А. Рейснера.*** 10 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 17 р. 50 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Многочисленные портреты автора, его автографъ, худож. прилож. — 21 томъ 28 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 38 руб. 50 коп.

Танъ, В. Г. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. переп. 15 уб.

Мачтетъ, Г. А. Съ портретомъ автора. 8 томовъ 8 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 12 руб.

Айзманъ. Д. Я. Съ портретомъ автора. 5 т. по 1 р. 25 к., въ изящн. коленк перепл. 8 руб. 75 коп.

Муйжелъ, В. В. Съ портретомъ автора. 6 томовъ 6 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 9 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Преступленіе и наказаніе. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома. Цѣна 2 руб.

Библіотека романовъ.

Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.* Ц. 1 р. 75 к.

Деньги. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Завоеваніе Плассана. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Для юнаго читателя."

Разсказы и сказки. *Н. Д. Телешова* Цѣна 2 р. 50 к.

Восемь племенъ. *В. Г. Тана.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Сказки и были. *Г. Т. Съверцева-Полилова.* Ц. 2 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы. *С. С. Ющенко-Красненича.* Ц. 3 р.

Кому лучше? *Г. Т. Съверцева-Полилова.* Цѣна 2 р. 25 к.

Странички прошлаго. *Г. Т. Съверцева - Полилова.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Исторія маленькой дѣвочки. *Е. А. Сысоевой.*

Книга о великой любви. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Мужицкая обитель. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Опрокинутыя вершины. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Боевая Голова. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Царскій духовникъ. *Г. Т. Съверцева-Полилова.*

Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста, подъ редакц. *А. В. Круглова.* Ц. 2 руб., въ перепл. 2 р. 75 к.

„Одиссея" Гомера. Въ переводѣ *В. А. Жуковскаго* съ 24 иллюстраціями Цѣна 2 руб.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

Мужчина и женщина. Авторизован. пер. съ нѣм. съ съ дополн. подъ ред проф. *А. С. Догеля, Д. А. Клеменца* и *А. Н. Шабановой.* 48 вып. по 50 к. или 3 т. въ роскош. перепл. по 10 руб. за томъ.

Исторія новаго времени (1500—1910 гг.) подъ главной ред. проф. *Л. Ифлугъ-Гарттунга.* Пер. съ нѣмец. подъ ред. *Е. В. Тарле* и съ доп. касающ. Россіи, проф. *А. Е. Пресняка.* 3 тома по 15 вып. въ каждомъ. Цѣна вып. 60 коп.

Исторія человѣчества (Всемірная исторія). 4.7 Общ. ред. *Г. Гельмольта.* Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 том. 54 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра ***Г. Шурца.*** Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* [1. 2. 9] Соч. профф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Какъ англичане критикуютъ свои государствен. расходы. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** Ц. 1 р. 25 к., въ роск. полук. перепл. 1 руб. 75 коп.

Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. ***А. Л. Погодина.*** Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* [8] Соч. проф. ***К. Вермана.*** Пер. подъ ред. *А. И. Сомова* и *Д. В. Айналова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл. 27 руб.

Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. перепл. 82 руб.

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

Вселенная и человѣчество. [4]. Соч. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 вып. по 40 к. или 5 т. въ перепл. 55 руб.

Міроздапіе, *общедост. астрономія.* [3. 4. 5. 10] Соч. д-ра ***В. Мейера.*** Пер. съ доп. и указ. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 вып. 7 р. 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія земли. [1. 2. 4. 6] Сочиненіе проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 руб. 80 к., въ 2 перепл. 15 руб.

Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 вып. по 50 к., въ роскош. перепл. 8 руб. 60 коп.

Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 вып. по 50 к. или 2 т. въ перепл. 17 руб.

Жизнь растеній. [1. 4. 6] Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Марилауна.*** Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 вып. 12 р. 80 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Происхожденіе животнаго міра. [4. 5. 6]. Соч. проф. ***В. Гааке.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 руб., въ перепл. 7 руб.

Жизнь животныхъ Брэма. [4. 5. 6. 10] Перев. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл. 24 руб.

Человѣкъ. [1. 4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл. 14 р. 20 к.

Подробные иллюстрированн. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ описс. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к., въ изящн. перепл. 23 руб. 50 коп.

Африка. [8. 10] Соч. проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Декерта.*** Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб.

Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп. Въ роскошн. полукож. перепл. 8 руб.

Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл. 6 руб.

Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл. 25 руб.

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. И. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

2) по зоол. птицъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. И. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

3) по зоолог. рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

4) по зоол. низшихъ животныхъ [4. 8. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб, 75 коп.

5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

6) по географіи Европы. [5. 6. 7. 10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 р. 50 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

7) по географіи внѣевр. странъ. [5.6.7.10] Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл 1 руб. 75 коп.

Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. [8.10] *Отд. вооп.* 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ 1 руб. 75 коп.

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8.10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Силы природы и ихъ примѣненія. [6.8.10] Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева* и друг. 629 рисун. и 9 приложен. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл. 6 руб.

Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 р.

Технологія металловъ. [8.9.10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. Н. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. [8.10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. Н. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 285 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Маньчжурія. Соч. *А. Домбровскаго и В. Ворошилова.* Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. **Кл. Оланьона,** съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстрир. приложеній. Цѣна 2 рубля, въ изящномъ коленкор. переплетѣ — 2 руб. 50 коп.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. **Штандфусса.** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. въ изящн. коленкор. переплетѣ. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. **Т. А. Богдановичъ.** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. переплетѣ — 1 руб. 75 коп.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. **Стэда.** Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. **Д. И. Шрейдера.** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Соч. **Бержъ.** Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роскошн. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. ***(Проблемы брака, материнства, школы.)*** Сборникъ статей **Архимандрита Михаила.** Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народнаго Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библіотекъ средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства уч-ще Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Император. Величества К-ріи уч-ще Имп. Маріи для учен. библ., средн. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

„Библіотека Просвѣщенія".

№ 1. ***Карлъ Марксъ.*** Нищета философіи. Ц. 39 коп.
№ 2. ***В. Зомбартъ.*** Рабочій вопросъ. Ц. 27 коп.
№ 3. ***Н. Сувировъ.*** Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 коп.
№ 4. ***Большіе города***, ихъ общ., полит. и экон. знач. Сбор. статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др. Ц. 44 к.
№ 5. ***А. Менгеръ.*** Право на полный продуктъ труда. Ц. 30 к.
№ 6. ***Ф. Мерингъ.*** Объ историческомъ матеріализмѣ. Ц. 15 к.
№ 7. ***П. Гере.*** Какъ священникъ сталъ соц.-демократ. Ц. 6 к.
№ 8. ***Т. Куртинъ.*** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи. Ц. 7 к.
№ 9. ***Г. Грейлихъ.*** Буржуазная революція и освободительн. борьба рабоч. класса Цѣна 8 коп.
№ 10. ***Э. Зелигманъ.*** Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 17 к.
№ 11. ***А. Менгеръ.*** Гражданск. право и неимущіе классы. Ц. 45 к.
№ 12. ***А. Бебель.*** Шарль Фурье, его жизнь и ученье. Ц. 42 к.
№ 13—14. ***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересм. констит. въ Европѣ и Амер.; в. I- II по 35 коп.
№ 15. ***П. Струльскій.*** Самоорганизац. рабочаго класса. Ц. 50 к.
№ 16, 32, 47—52. ***Францъ Мерингъ.*** Исторія германской соц.-демократіи, 8 вып. Цѣна 4 руб 40 коп.
№ 17. ***Э. Виллей.*** Какъ производятся въ Зап. Европѣ выборы въ парламентъ. Цѣна 15 коп.
№ 18. ***Карлъ Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг. Цѣна 25 коп.
№ 19. ***В. Вейтлингъ.*** Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть. Цѣна 12 коп.
№ 20. ***Л. Мосичъ.*** Великое Учредительное Собран. 1789 г. Ц. 45 к.
№ 21. ***А. Шеффле.*** Квинтъ-эссенція социал. Цѣна 18 коп.
№ 22—23. ***Лиссагарэ.*** Ист. Коммуны: вып. I—II Цѣна 1 р. 25 к.
№ 24. ***Г. Роландъ-Гольстъ.*** Всеобщая стачка и социалъ-демократія. Цѣна 45 коп.
№ 25—26. ***В. Либкнехтъ.*** Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Герм., в. I—II по 40 коп.
№ 27. ***В. Зомбартъ.*** Политическая экономія промышлен. Ц. 50 к.
№ 28. ***А. Менгеръ.*** Новое уч. о нравственности. Цѣна 20 к.
№ 29. ***Шарль Жидъ.*** Соц.-эконом. итоги XIX столѣтія. Ц. 55 к.
№ 30. ***Г. Грейлихъ.*** О матеріалистич. пониманіи исторіи. Ц. 7 к.
№ 31. ***В. Либкнехтъ.*** Обоснованіе Эрфуртской програм. Ц. 10 к.
№ 33. ***Записки рабочаго.*** Съ предисл. *П. Гере.* Цѣна 55 коп.
№ 34. ***Г. Мохъ.*** Постоянная армія и милиція. Цѣна 55 коп.
№ 35. ***К. Фроме.*** Монархія или республика. Цѣна 1 руб.
№ 36. ***В. Зомбартъ.*** Пролетар. въ Америкѣ. Цѣна 30 коп.
№ 37. ***Эм. Калеръ.*** Вильгельмъ Вейтлингъ. Цѣна 35 коп.
№ 38. ***Д-ръ Г. Люксъ.*** Этьеннъ Кабэ и Икарійскій коммун. Ц. 65 к.
№ 39. ***Н. Г. Помяловскій.*** Очерки бурсы. Цѣна 75 коп.
№ 40. ***Н. Г. Помяловскій.*** Вуколъ. Цѣна 10 коп.
№ 41. ***Н. Г. Помяловскій.*** Мѣщанск. счастье. Цѣна 50 коп.
№ 42. ***Н. Г. Помяловскій.*** Молотовъ. Цѣна 75 коп.
№ 43. ***К. Марксъ.*** Восемнадцат. Брюмера Луи Наполеона. Ц. 30 к.
№ 44. ***Фр. Энгельсъ.*** Анти-Дюрингъ. Цѣна 1 руб.
№ 45. ***Роза Люксембургъ.*** Соц. реформа или революція? Ц. 30 к.
№ 46. ***Г. Іеккъ.*** Интернаціоналъ. Цѣна 80 коп.
№ 53. ***Эд. Долеанъ.*** Робертъ Оуэнъ. Цѣна 50 коп.
№ 54. ***Ахиллъ Лоріа.*** Соціализмъ и социал. дарвинизмъ. Ц. 15 к.
№ 55. ***Э. Виллей.*** Избирательное закон. въ Европѣ. Ц. 75 коп.
№ 56. ***П. Фалъбекъ.*** Соврем. парламентар. Цѣна 40 коп.
№ 57. ***Фр. Мерингъ.*** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Цѣна 60 коп.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

№ 58. ***І. Губеръ.*** Философія соц.-демократіи. Цѣна 20 коп.
№ 59. ***Павелъ Гере.*** Три мѣсяца на фабрикѣ. Цѣна 1 руб.
№ 60. ***Гартманъ.*** Народныя движенія въ Германіи въ 1848 г. Цѣна 1 руб 25 коп.
№ 61. ***Каутскій.*** Анти-Бернштейнъ. Цѣна 1 руб.
№ 62—63. ***Г. Кохъ.*** Очерки по исторіи политич. идей и спст. госуд. управл., 2 вып. по 1 руб.
№ 64. ***И. И. Янжулъ.*** Пьянство, какъ соціальный недугъ, и борьба противъ него. Цѣна 30 коп.
№ 65. ***А. Н Островскій.*** Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 75 коп.
№ 66. ***А. Н. Островскій.*** Не въ свои сани не садись. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 67. ***А. Н. Островскій.*** Бѣдность не порокъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 68. ***А. Н. Островскій.*** Доходное мѣсто. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 75 коп.
№ 69. ***А. Н. Островскій.*** Гроза. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 70 к.
№ 70. ***А. Н. Островскій.*** На бойкомъ мѣстѣ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 60 коп.
№ 71. ***А. Н. Островскій.*** Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 70 коп.
№ 72. ***А. Н. Островскій.*** Не такъ живи, какъ хочется. Нар. драма въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 50 коп.
№ 73. ***А. Н. Островскій.*** Лѣсъ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.
№ 74. ***А. Н. Островскій.*** Волки и овцы. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.
№ 75. ***А. Н. Островскій.*** Безприданница. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 76. ***А. Н. Островскій.*** Безъ вины виноватые. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 77. ***А. С. Пушкинъ.*** Евгеній Онѣгинъ. Цѣна 25 коп.
№ 78. ***А. С. Пушкинъ.*** Русланъ и Людмила. Цѣна 12 коп.
№ 79. ***А. С. Пушкинъ.*** Братья-разбойники. Цѣна 2 коп.
№ 80. ***А. С. Пушкинъ.*** Бахчисарайскій фонтанъ. Ц. 4 коп.
№ 81. ***А. С. Пушкинъ.*** Кавказскій плѣнникъ. Цѣна 5 коп.
№ 82. ***А. С. Пушкинъ.*** Цыганы. Цѣна 4 коп.
№ 83. ***А. С. Пушкинъ.*** Графъ Нулинъ. Цѣна 3 коп.
№ 84. ***А. С. Пушкинъ.*** Домикъ въ Коломнѣ. Цѣна 3 коп.
№ 85. ***А. С. Пушкинъ.*** Мѣдный всадникъ. Цѣна 5 коп.
№ 86. ***А. С. Пушкинъ.*** Анджело. Цѣна 4 коп.
№ 87. ***А. С. Пушкинъ.*** Галубъ. Цѣна 3 коп.
№ 88. ***А. С. Пушкинъ.*** Пиръ во время чумы. Цѣна 2 коп
№ 89. ***А. С. Пушкинъ.*** Моцартъ и Сальери. Цѣна 3 коп.
№ 90. ***А. С. Пушкинъ.*** Русалка. Цѣна 4 коп.
№ 91. ***А. С. Пушкинъ.*** Скупой рыцарь. Цѣна 4 коп.
№ 92. ***А. С. Пушкинъ.*** Борисъ Годуновъ. Цѣна 15 коп.
№ 93. ***А. С. Пушкинъ.*** Полтава. Цѣна 8 коп.
№ 94. ***А. С. Пушкинъ.*** Каменный гость. Цѣна 5 коп.
№ 95. ***А. С. Пушкинъ.*** Капитанская дочка. Цѣна 20 коп.
№ 96. ***А. С. Пушкинъ.*** Дубровскій. Цѣна 12 коп.
№ 97. ***А. С. Пушкинъ.*** Пиковая дама. Цѣна 5 коп.
№ 98. ***А. С. Пушкинъ.*** Арабъ Петра Великаго. Цѣна 6 коп.
№ 99. ***А. С. Пушкинъ.*** Исторія Пугачевскаго бунта. Ц. 18 к.
№ 100. ***Ѳ. М. Достоевскій.*** Мужикъ Марей.—Столѣтняя. Ц. 10 к.
№ 101. ***Ѳ. М. Достоевскій.*** Въ барскомъ пансіонѣ. Ц. 5 коп.
№ 102. ***Ѳ. М. Достоевскій.*** Разсказъ о купцѣ. Цѣна 5 коп.
№ 103. ***Ѳ. М. Достоевскій.*** Честный воръ. Цѣна 10 коп.

Въ переплетѣ каждая книга на 12 коп. дороже.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Duke University Libraries
D02782092U